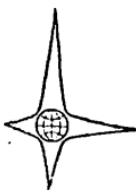

ХОРОШАЯ КНИГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МИР»

Карел Чапек

R.U.R.

Средство
Макропулоса

Война
с саламандрами

ПЕРЕВОД С ЧЕШСКОГО

Фантастические
рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

МОСКВА 1966

*Составление
и вступительная статья
С. НИКОЛЬСКОГО*

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАРЕЛА ЧАПЕКА

Во всех языках мира употребляется слово «робот». И, наверное, нет необходимости объяснять его смысл, настолько широко оно вошло в общелитературный и технический лексикон. Однако появилось это слово сравнительно недавно. До 1921 года его не существовало. Родилось оно не в голове ученого или изобретателя, как это можно было бы предположить. Его создателем был чешский писатель Карел Чапек. Он назвал роботами своеобразных фантастических персонажей пьесы «R. U. R.».

Имя Чапека не нуждается в рекламе. Читателям хорошо известны и его философско-психологические произведения, и юмористические рассказы, и веселые, а порой овеянные грустью путевые очерки, и, конечно, его фантастические романы и драмы, которые занимают особое место в литературе XX века. Чапек был одним из основоположников современной научной фантастики. Он прокладывал новые пути, по которым пошли многие писатели.

В предлагаемом сборнике сгруппированы лучшие фантастические произведения Чапека, вошедшие в советское пятитомное собрание его сочинений: драмы «R. U. R.» и «Средство Макропулоса», роман «Война с саламандрами», а также отдельные рассказы. Самобытность Чапека-писателя с особой остротой ощущается в его фантастических вещах. Он и здесь остается философом, стремящимся докопаться до существа вопроса, до первооснов каждого явления. Чапек и здесь остается сатириком, который ядовито высмеивает пороки окружающего общества. Он

блещет остроумием, поражает эрудицией, изумляет богатством фантазии. Он, словно волшебник, вводит нас в удивительный мир, где царствует его неистощимая выдумка.

В большинстве романов и драм Чапека присутствуют фантастические допущения необыкновенных научных открытий и изобретений. Некоторые из таких предположений писателя в наши дни уже перестали быть фантастикой. Мы можем это сказать, например, о расщеплении ядра и выделении атомной энергии (тема, развернутая Чапеком в повести «Фабрика абсолюта»). В романе «Кракатит» Чапек предсказал создание взрывчатого вещества колossalной разрушительной силы. Он дал ему название по имени вулкана Кракатау, о катастрофических извержениях которого много говорили в конце прошлого и начале нашего века.

Другие научно-фантастические гипотезы Чапека по-прежнему остаются областью смелого воображения. Таковы его биологические работы. Впрочем, в самое последнее время появились предположения о том, что можно создать машины, действующие по принципу биохимических процессов в мышце. Но и после создания таких машин можно будет говорить лишь об очень отдаленной аналогии с фантастической гипотезой Чапека.

Мысль русского ученого И. Мечникова о том, что старость наступает в результате самоотравления организма, подсказала Чапеку тему его пьесы «Средство Макропулоса», в которой пашла пополнение давняя мечта человека о бессмертии. Героиня этой пьесы, приняв эликсир жизни, прожила триста пятьдесят лет, оставаясь неувядающей красавицей.

Нетрудно заметить определенное родство Чапека с Жюлем Верном. Обоих писателей волнуют перспективы научно-технического прогресса, грядущие завоевания человеческого разума. Но есть между ними и существенные различия. Чапек соединяет научно-фантастический жанр с жанром социальной утопии. «Центр тяжести» его произведений — в размышлениях о судьбах человеческого рода. Подобно Уэллсу и некоторым другим писателям, Чапек создает произведения, главным действующим ли-

цом которых прямо или косвенно становится все человечество, а события развертываются в масштабах планеты. Среди фантастических произведений Чапека исключение в этом смысле составляет, пожалуй, лишь пьеса «Средство Макропулоса», хотя и в ней в зародыше присутствует элемент социальной утопии, связанный с перспективами использования эликсира жизни.

При этом интересно отметить, что если Уэллс, преследуя определенные художественные цели, зачастую переносит читателя в отдаленное будущее, отстоящее от нас иногда на десятки столетий или даже на целые тысячелетия, у Чапека мы не встретим таких случаев (единственное исключение — маленький цикл сатирических миниатюр «Побасенки будущего»). Напротив, Чапек стремится сократить до минимума расстояние между временем действия его утопических произведений и нашей современностью. В пьесе «Средство Макропулоса» он даже предпочитает отодвинуть завязку произведения на три с половиной столетия в прошлое, чтобы основные события драмы развертывались в наше время. Автор пьесы как бы исходит из мысли о том, что эликсир жизни был найден еще в эпоху Возрождения, но остался достоянием одного человека. И вот среди нас живет красавица Марти, более трех столетий назад испившая напиток бессмертия... В других произведениях Чапека («R. U. R.», «Кракатит», «Фабрика абсолюта», «Белая болезнь», «Война с саламандрами») действие происходит в наши дни или в самом недалеком будущем. В этой особенности произведений Чапека по-своему оказывается острота восприятия им противоречий общественной жизни.

В основу своих романов и драм Чапек кладет определенные черты и тенденции, которые он наблюдает в современной жизни человечества. С помощью научно-фантастических гипотез писатель доводит эти тенденции до гигантских масштабов. Чапек выбирает такие изобретения и научные открытия, которые способны ускорить, форсировать развитие современной жизни, подобно мощному катализатору. Не машина времени упосит пас в будущее, а те или иные процессы общественной жизни резко ускоряются и раз-

растаются под воздействием изменившихся обстоятельств. Но за пределами фантастических гипотез Чапек предоставляет течение жизни логике ее собственного развития. «Главная идея фикс фантастов — окольными путями миражей охотиться за действительностью, — писал Чапек. — Если вы думаете, что нам достаточно создавать иллюзии, вы ошибаетесь. Наша мания еще чудовищнее: мы посягаем на действительность». В своем творчестве Чапек анализирует реальную жизнь, как бы привнося в нее фантастические обстоятельства.

Почти в каждом произведении Чапека присутствует трагический элемент. Определенные тенденции в развитии общества оборачиваются трагическими последствиями, и Чапек предостерегает об опасности этих тенденций. Его романы и драмы — это утопии-предостережения.

Угрозу человечеству Чапек видит, разумеется, не в научно-техническом прогрессе. Наоборот, творческие дерзания человека всегда восхищали писателя. Чапек с восторгом писал и об ученых, раскрывающих тайны атома, и о советских покорителях полюса. Однажды он даже полушутя признался, что больше любит читать научную, нежели художественную литературу. О технике Чапек говорил: «Техника просто предоставляет людям огромные материальные возможности, но она не имеет ни малейшего влияния на то, как будут использованы эти средства — на пользу или во вред человеку... Техника дает оружие не только для насилия, но и против него. Техника с ее колоссальными возможностями в состоянии уничтожить цивилизованный мир, но и в состоянии защитить его от всех атак на его свободу, право и человечность». Чапек усматривал источник бедствий в сфере человеческих отношений. Отсюда сильное критическое начало в изображении этих отчуждений, часто поднимающееся до гротескно-сатирического обличения и осмеяния. Таким образом, научная фантастика и социальная утопия обогащаются сатирой.

В повести «Фабрика абсолюта» (1922), например, не только выдвигается идея создания атомного двигателя, но и в самой

научно-фантастической гипотезе заключен комический поворот: с расщеплением материи из нее начинает выделяться разлитый в ней, согласно идеалистическим представлениям, некий абсолютный дух — «химически чистый бог», по выражению Чапека. Распространяясь, подобно газу, он начинает искать применение своим раскованным силам. Появление бога приводит в замешательство клерикальные круги, которым доставляет немало хлопот приспособить его к своим нуждам, ибо, как говорит в повести один из пасторов, задача религии в том и состоит, чтобы «управлять богом и регулировать его действия». (Родственный мотив повторится затем в рассказе «Ореол», юмор которого основан на представлении о том, насколько неудобно чувствовал бы себя человек, оказавшийся в современном обществе в роли святого.) Подобные сатирические аспекты есть почти в каждом произведении Чапека.

Вообще творчество Чапека представляет собой органический сплав, синтез различных жанрово-стилевых и эмоционально-эстетических форм, отражающих в совокупности неповторимое художественное восприятие мира писателем и освоение им разнообразных литературных традиций. В его произведениях мы встретим и элемент детектива, и приключенческую стихию, и комедийно-пародийное начало, и нередко лирическую интонацию. Дарование Чапека многогранно. Он словно обладает одновременно многими талантами, каждого из которых, вероятно, хватило бы на крупного писателя.

Какие же явления общественной жизни, какие проблемы развития человечества волновали Чапека? Обратимся к эпохе, в которую жил и духовно формировался писатель.

Биография Чапека (1890—1938) небогата внешними фактами. Сын врача из небольшого чешского местечка Мале Сватонёвице, он прожил жизнь писателя-профессионала, работавшего также одно время в театре и в течение более длительного периода — в газете. Лишь в годы учения Чапек два семестра провел в Берлинском и Сорбонском университетах, да впоследствии покидал

Прагу во время путешествий в Италию, Англию, Голландию и скандинавские страны. Но вся жизнь писателя была заполнена размышлениями о больших проблемах человеческого бытия.

Чапек кончал университет, когда началась первая в истории человечества всемирная война. На всю жизнь оставила она неизгладимый след в его сознании и во многом определила проблематику его творчества. Молодой писатель глубоко задумался над вопросом, почему с развитием человеческой цивилизации возрастают и масштабы кровопролитных конфликтов. Ответа на этот вопрос, так же как и объяснения социальным противоречиям, которые Чапек остро чувствовал, он не находил. В этом была отчасти повинна и та философская школа, которую он прошел в университетские годы. Интерес к философии приучил его мыслить большими категориями, «крупным планом», и это благотворно скажется на его творчестве, насыщенном образами и думами, песьущими в себе большие обобщения. Но из знакомых ему философских систем Чапек вынес представление о том, что истина субъективна, что люди якобы не способны понять друг друга. Более того, катастрофические конфликты, которые сопутствовали истории человеческого рода, противоречия между стремлениями отдельного человека и развитием всего общества стали казаться ему неизбежными спутниками человеческой цивилизации. Он полагал, что надо стремиться лишь к одному — ограничивать сферу действия противоречий. Отсюда и его симпатии к эволюционному прогрессу и опасения революционных форм борьбы.

Однако сердцем художника Чапек стремился к взаимопониманию людей, протестовал против явлений и процессов общественного бытия, уродующих жизнь человека и деформирующих человеческую сущность. Более того, его произведения, живой моделью для которых послужила окружающая писателя буржуазная действительность, вобрали в себя критику ее конкретных общественно-исторических явлений и пороков. Сказывалось изучение жизни, «всматривание» писателя в ее процессы. Постепенно, по мере накопления жизненного опыта и наблюдений за

международными событиями, его критика становилась все более острой, а взаимосвязь общечеловеческого и конкретно-исторического в его произведениях — более органичной.

Особенно ярким и стремительным было развитие писателя в 30-е годы. Мировой экономический кризис, падающаяся угроза новой войны и ощущимая перспектива нападения фашистской Германии на Чехословакию обострили критическое отношение писателя к буржуазной действительности, привели его к участию в антифашистском движении, к утверждению активного протеста против войны, за принципы гуманизма и человечности. Если раньше Чапек больше думал о том, чего человек не должен делать, чтобы не способствовать злу, то теперь он ставит вопрос скорее о том, что обязан делать человек в борьбе против темных сил истории.

Основную направленность научно-фантастических произведений Чапека можно было бы определить в общей форме как протест против обесчеловечивания человеческих отношений. Фантастические персонажи его романов и драм передко являются собой гротеские образы людей, лишенных духовных качеств, которые делают человека человеком. Вновь и вновь Чапека волнует вопрос о тех явлениях общественной жизни, которые противоречат человеческой природе и деформируют ее. В разной плоскости он ставит этот вопрос почти во всех своих произведениях.

В драме «R. U. R.» (1920) писателя прежде всего беспокоит стихийность развития человеческого общества, вследствие которой плоды творческих усилий человека обращаются против него самого. Не случайно ученый, нашедший способ создания живой иропотиазмы (на основе этого способа было палажено производство роботов), носит имя Россум (разум). Разум и стихийность — это два противостоящих начала в пьесе. Казалось бы, изобретение и использование роботов сулит человечеству небывалые блага. На самом деле обнаруживается нечто прямо противоположное. Организованное в промышленных масштабах производство роботов и процессы, вызванные им, выходят из-под контроля

человека. Говоря словами Чапека, «творение человеческого разума вырвалось в конце концов из-под власти человека и начало жить по своим законам». Почему же это происходит? «Вы воображаете, будто хозяин производства директор? — спрашивает один из героев пьесы. — Как бы не так! Хозяин производства — спрос... Нас только несло на гребне этой лавины спроса... и каждый мелкий поганый торгашеский заказ добавлял камешек к этой лавине». Роботов все более совершенствуют, их используют против восставших рабочих, применяют в качестве солдат, обучают обращению с оружием. А безостановочное производство, движущим началом которого является прибыль, поставляет новые и новые тысячи роботов. «Человечество найдет свою гибель в дивидах акционеров», — говорит другой герой пьесы. Наконец роботы восстают против человечества.

Чапек был склонен абсолютизировать стихийность как особенность развития человечества вообще. Однако легко видеть, что моделью сюжета в значительной степени послужили особенности буржуазной экономической системы с ее неуправляемой анархией, возникающей в результате эгоистической погони за прибылью.

Во избежание недоразумений следует оговориться, что, изображая роботов, Чапек отнюдь не имел в виду рабочих, хотя роботы и копируют некоторые формы рабочих организаций. Робот — обобщенный образ и символ обезличенного, обесчеловеченного человека, лишенного самостоятельности мысли, духовной жизни, не способного к человеческим чувствам. Это олицетворение бездушия. Интересно, что, избавленные от необходимости работать, сами люди начинают во многом походить на роботов.

Построению пьесы присуща своего рода обратная симметрия: чем большую часть человеческого труда принимают на себя роботы, тем быстрее идет процесс исчезновения человеческого начала в людях. Перестав трудиться, они утрачивают смысл жизни, которая превращается в «сплошную сумасшедшую скотскую оргию» (опять-таки моделью для писателя была жизнь пар-

зитирующих верхов буржуазного общества). С другой стороны, в пьесе деградация людей оттенена обратным процессом: наиболее совершенные из роботов становятся все более похожими на людей, и наконец двое из них обретают человеческие чувства, чтобы заменить духовно падшее и затем погибшее человечество.

Пьеса «Средство Макропулоса» (1922), казалось бы, затрагивает совершенно иные проблемы. Но, если вдуматься, и в ней мы найдем точки соприкосновения с пьесой о роботах. На этот раз драма строится как увлекательная разгадка тайны, которая окружает главную героиню. В этом смысле пьеса отдалено напоминает произведение детективного жанра. Сначала автор знакомит зрителя с загадочными обстоятельствами, связанными с личностью Эмилли Марти. Старый граф, например, узнает в ней свою бывшую любовницу. Но прошло пятьдесят лет, а она по-прежнему молода... Непостижимым образом Марти оказывается посвященной в семейные тайны одного дворянского рода, относящиеся к началу XIX века, которые мог знать только современник... Постепенно раскрывается секрет старого пергамента, на котором записан рецепт чудодейственного лекарства.

Одновременно пьеса развивается как разгадка характера главной героини, поражающего необычными чертами. Неотразима красота Марти, покоряет ее голос. Она певица фантастической вокальной техники. Но все, кто узнают ее ближе, ощущают какой-то леденящий холод, которым веет от нее. Она приносит только несчастья. Марти бездушна, безразлична к людям. Ей сообщают, что из-за нее застрелился юный Янек, почти мальчик, сообщают в присутствии потрясенного горем отца Янека, тоже влюбленного в Марти... Она равнодушно продолжает делать прическу.

Автор предоставляет читателю решать вопрос о том, обязана ли героиня своей опустошенностью столь необычному долголетию или тому, что она три с половиной века потратила только на удовольствия, жила лишь для себя. И невольно возникают ассоциации с роботами... Не является ли и Марти безличным

существом, подобным роботам? Или, может быть, она подобна людям из пьесы «R. U. R.», потоцившим жизнь в наслаждениях? Не противостоит ли она герою драмы Чапеку, мечтающему, чтобы эликсир бессмертия помог продлить жизнь человека прежде всего для творческого труда, приносящего пользу всем людям?

Есть в пьесе и другая плоскость, непосредственно отражающая проблематику общественных отношений. Едва секрет эликсира становится достоянием группы людей, как возникают проекты его использования в широких масштабах. (Перед нами обычный для Чапека прием, когда в обобщенной форме он фиксирует сразу целый «пучок» различных общественных тенденций.) Одним прежде всего приходит в голову идея всемирного концерна по торговле эликсиром, сулящая бесценностные доходы. У других рождается мысль о создании касты бессмертных властителей, порабощающей смертное человечество. Возникает и близкая Чапеку мечта об обществе равных, в котором нет борьбы за существование и процветает труд. Но эта мечта наталкивается на противоречия современной жизни. Ведь Марти богата, одарена талантом, красива... А каково жить триста лет, выполняя механическую работу, — столетиями вязать чулки или служить коллежским регистратором? И в спорах гаснет идея использования эликсира на благо человечества.

Особое место в творчестве Чапека занимает тема войны. Война была для писателя самым ужасным воплощением зла, все еще тяготеющего над человеческими отношениями. Это зло он обличает в пьесе «Из жизни насекомых», написанной им вместе с братом и выдержанной в духе аллегории, в которой флиртующие бабочки, воинственные муравьи и жуки-скопидомы олицетворяют пороки современного общества. Предчувствие войны с применением страшных средств разрушения пронизывает роман «Кракатит». Тема войны затронута в повести «Фабрика абсолюта» и в драме «R. U. R.». Но особенно сильно зазвучала она в творчестве писателя в 30-е годы. При этом если раньше протест против бесчеловечности чаще всего выражался у Чапека в общефи-

лософской форме, то теперь его проповедания все больше наполняются критикой конкретных носителей исторического зла.

Материал для этого давала сама действительность. Говоря словами Чапека, это было время, когда «на Оперплаце в Берлине уже убрали пепел костров, на которых сжигали книги. Догорели произведения поэтов и ученых; социализм, пацифизм, свобода мысли были брошены в огонь, словно таким образом их можно сжечь со света». Все очевиднее становился агрессивный курс фашистской Германии.

Чапек с глубоким сочувствием следил за борьбой абиссинского народа против итальянских фашистов. Его возмущала варварская война против республиканской Испании. «Есть вещи, мимо которых нельзя пройти равнодушно, не почувствовав, что все мы, все человечество перестаем быть людьми, — писал Чапек. — Двести пятьдесят детей было разорвано на куски взрывом авиабомбы в школе каталонского местечка Лерида. Двести пятьдесят ребятишек сидели за партами, и в одно мгновение от них остались только куски кровавого мяса. Мы не узнаем имени летчика, столь успешно сбросившего бомбу. Может быть, это был патриот Франко, или молодой пемец, или итальянец... Наверное, он будет отмечен в армейском приказе. Вероятно, это большой успех — сразу убить двести пятьдесят детей. Это можно называть деморализацией тыла. Но большинство европейцев не избавится от чувства ужаса, читая это сообщение, не избавится от мысли, что совершилось еще одно из самых крупных варварских злодеяний нашего столетия. Не будем винить в этом преступлении экипаж самолета. Ответственность падает на высшие круги, на тех, кто приказывает, кто руководит, кто финансирует всю эту резню этих постыдных лет».

Не случайно пьеса Чапека «Белая болезнь» (1937) строится как поединок врача-исцелителя, борца за жизнь людей с милитаристом Маршалом, вдохновителем агрессии, символизирующим смерть.

Новым для творчества Чапека было то, что идеалы Маршала обретают ощущимое сходство с агрессивной нацистской идеологией, процветавшей в гитлеровской Германии. Ближайшего сподвижника Маршала Чапек наделяет символической фамилией Криог (от немецкого «der Krieg» — война). Когда пьеса была поставлена в Национальном театре в Праге, посол фашистской Германии даже потребовал замены этой фамилии.

Вместе с тем в своих произведениях позднего периода Чапек не отказался от философских обобщений или от фантастического элемента. Фантастика по-прежнему служит ему средством заострения проблем. Она присутствует и в пьесе «Белая болезнь». Обобщающим символом духовной проказы является в этой драме смертельный недуг, поразивший человечество. Лишь один безвестный врач Гален обладает секретом лекарства. И он решает использовать свою монополию как оружие в борьбе против богатых и власть имущих, от которых зависит развязать или предотвратить войну. Отказываясь предоставить лекарство вершителям агрессивного курса, Гален хочет столкнуть их самих лицом к лицу со смертью, на которую они хладнокровно посылают тысячи людей.

Чапек писал, что пьеса лишь привлекает внимание к конфлиktу, который может решить только история. Своей драмой он призывал читателей глубже задуматься над тем, что происходит в мире, быть не зрителями, а активными участниками исторической борьбы.

Размышления Чапека о войне и агрессивной политике ограничены и в его сатирических миниатюрах, соединяющих в себе черты басни и афоризма (они представляют собой изречения, приписанные животным, вещам или людям определенных профессий, общественных позиций и политических склонностей). Многие миниатюры Чапека возникли как отклик на международную политику и военные конфликты 30-х годов. К «микросатирам» относится и своеобразный цикл «Побасенки будущего». Замысел этого цикла родился, по-видимому, не без влияния Уэллса. Ан-

глийский писатель в одном из своих произведений, обращаясь к будущему, изображает элоев и морлоков — далеких потомков современного человечества, часть которого выродилась в извеженных и почти бесплотных паразитов, а другая часть превратилась в полутихих существ, загнанных под землю.

В связи с опасностью катастрофических войн, грозящих сделать невозможной жизнь на поверхности планеты, Чапек пересмыслил идею «пещерных людей» будущего. Его побасенки, проникнутые изрядной долей сарказма, написаны как изречения этих подземных людей, у которых перевернуты все представления о мире: свет кажется им злом, а тьма — благом.

Вершиной творчества Чапека является роман «Война с саламандрами» (1936), одно из наиболее сильных антифашистских произведений в мировой литературе кануна войны. Пристальное наблюдение международной жизни тех лет слилось в этом произведении с тридцатилетним опытом большого художника. Гоман — синтез всего лучшего в творчестве Чапека, новое слово писателя.

Чапек оригинально задумал это произведение, как бы сплавив воедино два приема, которые прежде применялись им порознь. Один из этих приемов состоял в том, что обесчеловечивание личности и общественные пороки, недостойные имени человека, Чапек нередко обличал в гротескно-сатирических картинах, используя аллегорические образы животных, насекомых. Таковы, например, муравьи и сверчки в пьесе «Из жизни насекомых». В «Войне с саламандрами» он соединил этот прием с научной фантастикой. Чапек исходит из фантастического допущения, будто один вид редких животных начал быстро эволюционировать, повторяя путь развития человека. Открывается широчайший простор для сатирических аналогий и параллелей. «Ведь в самом деле, — рассуждал писатель, — отнюдь не исключено, что при благоприятных условиях иной тип жизни, скажем иной зоологический вид, нежели человек, мог бы стать двигателем культурной эволюции... Не исключено, что при определенных условиях пчелы

или муравьи могли бы развиться в высокоминтеллектуальные существа, способности которых к созданию цивилизации были бы ничуть не ниже наших». И писатель задает иронический вопрос: «иной зоологический вид... стал ли бы совершать такие же безумства, как человечество? Вел бы такие же войны? Переживал бы такие же исторические катастрофы?»

В качестве героев своей сатирической утопии Чапек избрал саламандр. Замысел отчасти был подсказан тем, что окаменевший отпечаток большой ископаемой саламандры уже был однажды принят за оттиск скелета древнего человека.

В начале романа Чапек стремится создать иллюзию того, что якобы был обнаружен неизвестный науке вид саламандр, сохранившийся лишь в одном районе земного шара. Неповторимая комическая атмосфера создается благодаря тому, что писатель имитирует определенный арсенал научных доводов, перемежая вымысел с подлинными научными фактами из жизни земноводных. Далее по ходу развития сюжета обнаруживается, что умственные способности морских ящеров оказались выше, чем у любых других животных. Писатель рассказывает о стремительном заселении саламандрами океанских побережий.

Начало произведения выдержано в духе типичного приключенческого романа, повествующего об увлекательной загадке природы, о тайне морского залива, в котором водятся животные, напоминающие внешним видом людей. В дальнейшем выясняется их необыкновенная способность к подражанию человеку, вплоть до освоения павуков труда и речи. Постепенно повествование переводится в иную плоскость. Саламандры, способные выполнять подводные работы, привлекают внимание промышленных кругов. Рождается всемирный синдикат по использованию саламандр в качестве дешевой рабочей силы. Произведение насыщается сатирическими параллелями с работоговлей, колониальной политикой. Писатель показывает методы, к которым прибегают монополии для расправы с конкурентами.

В свою очередь, соприкасаясь с человеком, саламандры начинают продвигаться «по ступеням цивилизации», копировать общественную жизнь человечества. Роман перерастает в многослойную сатиру, которая поворачивается все новыми и новыми гранями, обогащается новыми и новыми аспектами.

В поле зрения писателя оказываются буржуазная мораль, быт, нравы, международная политика. Чуждые духовных запросов, саламандры воспринимают лишь чисто внешние черты человеческой цивилизации, превращаясь в живую карикатуру на ее уродливые стороны и пороки. Чапек высмеивает и изощренную распущенность высшего общества, и отсутствие признаков мышления у обывателя, повторяющего штампы газетной рекламы и пропаганды, и науку на службе расизма, и псевдоискусство, и религию.

Саламандрам было у кого перенять поклонение «золотому стандарту», вкус к жестокости, культ военной силы. Венчают их эволюцию приобщение к фашизму. Появляется лозунг «чистой саламандренности», требование «жизненного пространства». Наконец саламандры идут войной против человечества. Во главе их стоит Верховный Саламандр. Им оказался человек, не побрезгавший предать человеческую природу. Его имя — Андреас Шульце. В первую мировую войну он служил где-то фельдфебелем. Нетрудно понять этот более чем прозрачный намек на Гитлера (кстати, совпадают и начальные буквы имени и фамилии: подлинное имя Гитлера, как известно, Адольф Шикльгрубер). По всей книге рассыпаны весьма недвусмыслиенные намеки на политику и практику фашизма, высмеиваются фашистские методы обработки умов, националистические бредни о превосходстве германской расы, дух военщины.

Непримиримость фашизма и принципов человечности выражается уже в самой параллели между фашистами и саламандрами, не поднявшимися до духовного уровня человека. «Нам, людям, — читаем мы в романе, — они столь же чужды, как муравьи или сельди. Они отличаются от этих существ только тем, что

приспособились к иной жизненной среде, а именно к человеческой цивилизации».

Но поведение саламандр, скопировавших свое государство по буржуазному образцу, — только один аспект сатиры. Подобно тому как биологическая история саламандр «вписана» Чапеком в известные науке сведения о жизни земноводных, «общественная практика» саламандр «вписана» им в современную жизнь буржуазного мира. В романе не только фигурируют такие государства, как Германия, Англия, Франция, Япония, современные буржуазные институты — монополии, синдикаты, биржа, но даже и такие международные организации, как Лига Наций. Извинительно высмеивает писатель международную практику империалистических государств, каждое из которых преследует в отношениях с саламандрами свои корыстные экономические, военные и политические цели. Саркастическому осмеянию подвергает Чапек политику невмешательства и «умиротворения» агрессора. «Саламандровый вопрос» появляется на повестке дня Лиги Наций, разбирается в ее комиссиях, «проделывающих большую работу, которая выражается главным образом в тщательном уклонении от всех якучих политических и экономических вопросов»... «Миролюбивые» буржуазные правительства пытаются договориться с саламандрами и разрешают им затопить Китай, при условии что будут оставлены в покое европейские метрополии и их колонии. Представитель Англии покидает конференцию под тем предлогом, что ему необходимо «поправить здоровье». С трудом верится, что Чапек писал эту сатирическую картину международных переговоров до Мюнхенского соглашения, отдавшего Чехословакию на растерзание гитлеровской Германии.

Хотя создание романа «Война с саламандрами» отнюдь не означало перехода писателя на революционные позиции, тем не менее в этом произведении он продвинулся гораздо дальше, чем когда бы то ни было прежде, в критике не только милитаризма, но и буржуазной действительности вообще.

Ни в одном произведении Чапека нет такого богатства и разнообразия художественных форм, связанных в то же время единством замысла и восприятия мира, как в романе «Война с саламандрами». Собственно говоря, это даже не роман. Если можно так сказать, это произведение скользящей жанровой шкалы. Повествование ведется то в манере приключенческого романа, то в стиле научного исследования, то в виде рассказов очевидцев; мечтами приближается к историческому жанру, к военно-историческому эссе. В текст вводятся многочисленные вкрапления: записи в судовом журнале, газетные сообщения, анкета общественного мнения, сводки с театра военных действий, наброски киносценариев и т. д. Наряду с вымышленными персонажами Чапек упоминает в произведении своих современников. В ответах на анкету общественного мнения, посвященную вопросу «есть ли у саламандр душа», участвует, например, американская кинозвезда Мэй Уэст, английский писатель Бернард Шоу, известный спортсмен Джонни Вейсмюллер, игравший Тарзана в многосерийном фильме, и т. д. Все это, вместе взятое, создает совершенно неповторимый мир юмора и сатиры, приближает этот мир к современной писателю действительности. «Это не утопия, а современность, — говорил Чапек о своем романе, — не умозрительная картина некоего отдаленного будущего, а зеркальное отражение того, что есть в настоящий момент и в гуще чего мы живем».

Чапек завершил роман поражением человечества. Такой финал может создать впечатление, что писатель пессимистически смотрел на перспективу борьбы против фашизма. На самом деле концовка романа, хотя в ней и звучат отголоски грустных представлений Чапека о круговороте истории, скорее является предупреждением о смертельной опасности для человечества со стороны гитлеровских агрессоров. В своих статьях Чапек выражал твердую веру в конечное торжество прогресса. «Развитие человечества в последние тысячелетия совершенно явно идет к тому, что не будет угнетения одного народа другим, — писал он в

1938 году. — Существует более чем достаточно признаков того, что этот процесс будет происходить во всех частях света. Что же означают в таком случае проявляющиеся то здесь, то там акты империалистической агрессии, применения силы, алчность колониализма и т. д.? С точки зрения развития человечества, все эти поползновения, собственно говоря, не что иное как пережиток, алахронизм, отклонения от исторического порядка, отклонения, которые в свое время будут устраиваться с большими или меньшими жертвами и большей или меньшей кровью. Поражающая бесчеловечность современных войн свидетельствует как раз о том, что инициаторы этих войн ощущают их как дикое и преступное нарушение общечеловеческих норм. Поэтому они и ведут себя, подобно человеку, который с топором в руках идет на убийство».

Последние годы жизни Чапек посвятил активной борьбе против гитлеризма. Вступив в Международную ассоциацию писателей в защиту культуры, он стал видным деятелем антифашистского движения в Чехословакии.

В драме «Мать» (1938), завершающей творчество писателя, автор создал благородный образ женщины, вручающей винтовку своему последнему, младшему, сыну, почти мальчику, идущему на защиту родины. Это было в капун нападения гитлеровцев на Чехословакию. Один из последних афоризмов Чапека: «Запово построить государство... за это стоит отдать жизни!»

По воспоминаниям близких, Чапек не раз говорил, что свои лучшие произведения он напишет в возрасте между пятьдесятю и шестьдесятю годами. Этому не суждено было сбыться. Чапек умер 48-ми лет, вскоре после Мюнхенского сговора. Сохранилось свидетельство врача, лечившего писателя, о том, что «на его душевном и физическом состоянии отрицательно оказались события осени 1938 года».

Свидетель начала гитлеровского нашествия на Чехословакию, Чапек не дожил до освобождения своей родины. Но он твердо верил в поражение фашизма.

Творчество Чапека еще до войны получило мировое признание. В бесчисленных произведениях современной научно-фантастической литературы фигурируют роботы, ведущие свою родословную от произведений чешского писателя. Романы и драмы Чапека будят творческую мысль о перспективах научного прогресса. Нашему времени созвучны и гуманистические устремления Чапека, его ненависть к агрессии, войне, к политике силы.

C. Никольский

ROSSUM'S
UNIVERSAL
ROBOTS

КОЛЛЕКТИВНАЯ
ДРАМА
В
ТРЕХ
ДЕЙСТВИЯХ
С
ВСТУПИТЕЛЬНОЙ
КОМЕДИЕЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГАРРИ ДОМИН — ГЛАВНЫЙ ДИРЕКТОР КОМПАНИИ «РОССУМСКИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ РОБОТЫ».

ИНЖЕНЕР ФАБРИ — ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР РУРА.

ДОКТОР ГАЛЛЬ — НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУРА.

ДОКТОР ГАЛЛЕМАЙЕР — РУКОВОДИТЕЛЬ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ И ВОСПИТАНИЯ РОБОТОВ
КОНСУЛ БУСМАН — ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР РУРА.

АРХИТЕКТОР АЛКВИСТ — РУКОВОДИТЕЛЬ СТРОИТЕЛЬСТВА РУРА.

ЕЛЕНА ГЛОРИ.

НАНА — ЕЕ НЯНЬКА.

МАРИЙ — РОБОТ.

СУЛЛА — ДЕВУШКА-РОБОТ.

РАДИЙ } РОБОТЫ.
ДАМОН }

1-Й РОБОТ.

2-Й РОБОТ.

3-Й РОБОТ.

4-Й РОБОТ.

РОБОТ ПРИМ.

ДЕВУШКА-РОБОТ ЕЛЕНА.

СЛУГА-РОБОТ И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ РОБОТЫ.

ДОМИН В ПРОЛОГЕ — ЧЕЛОВЕК ЛЕТ ТРИДЦАТИ ВОСЬМИ, ВЫСОКИЙ, БРИТЫЙ.

ФАБРИ — ТОЖЕ БРИТЫЙ, СВЕТЛОВОЛОСЫЙ, С СЕРЬЕЗНЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ И ТОНКИМИ ЧЕРТАМИ ЛИЦА.

ГАЛЛЬ — ЩУПЛЫЙ, ЖИВОЙ, СМУГЛЫЙ, С ЧЕРНЫМИ УСАМИ.

ГАЛЛЕМАЙЕР — ОГРОМНЫЙ, ШУМНЫЙ, С РЫЖИМИ АНГЛИЙСКИМИ УСИКАМИ И ЩЕТКОЙ РЫЖИХ ВОЛОС НА ГОЛОВЕ.
БУСМАН — ТОЛСТЫЙ, ПЛЕЩИВЫЙ, БЛИЗОРУКИЙ ЕВРЕЙ.
АЛКИВИСТ — СТАРШЕ ОСТАЛЬНЫХ, ОДЕТ НЕБРЕЖНО, У НЕГО ДЛИНИЕ С ПРОСЕДЬЮ ВОЛОСЫ И БОРОДА.
ЕЛЕНА — ОЧЕНЬ ЭЛЕГАНТНА.

В самой пьесе — все на десять лет старше.

Работы в прологе одеты, как люди. У них отрывистые движения и речь, лица без выражения, неподвижный взгляд. В пьесе на них полотняные блузы, подпоясанные ремнем, на груди — латунные бляхи с номерами.

После пролога и второго действия — антракт.

ПРОЛОГ

Центральная контора комбината «Rossum's Universal Robots». Справа дверь. В глубине сцены через окна видны бесконечные ряды фабричных зданий. Слева — другие комнаты конторы. Домини сидит за большим американским письменным столом во врачающемся кресле. На столе лампа, телефон, пресс-папье, картотечный ящик и т. д.; на стене слева — географические карты с линиями пароходных маршрутов и железных дорог, большой календарь, часы, показывающие без малого полдень; на стене справа прибиты печатные плакаты: «Самый дешевый труд — роботы Россума!», «Тропические роботы — новинка! 150 долларов штука!», «Каждый должен купить себе робота!», «Хотите удешевить производство? — Требуйте роботов Россума!». Кроме того, на стенах — другие карты, расписание пароходов, таблица с телеграфными сведениями о курсе акций и т. п. С таким украшением стен контрастируют роскошный турецкий ковер на полу, круглый столик справа, кушетка, глубокие кожаные кресла и книжный шкаф, на полках которого вместо книг стоят бутылки с винами и водками. Слева — несгораемый шкаф. Рядом со столом Домина — столик с пищущей машинкой, на которой пишет девушка-робот Сулла.

Домини (*диктует*). ...что мы не гарантируем сохранности нашей продукции в пути. Мы предупреждали вашего капитана еще при погрузке, что судно не приспособлено для транспортировки роботов, так что ущерб, причиненный товару, не может быть отнесен за наш счет. Подпись — директор компании... Напечатали?

Сулла. Да.

Домини. Еще одно письмо. Фридрихсверке, Гамбург.
Дата. Подтверждаем получение вашего заказа на пятнадцать тысяч роботов... (*Звонит внутренний телефон. Домини поднимает трубку.*) Алло! Да, главная контора. Да... Конечно. Да, да, как всегда. Конечно, отправьте им каблограмму. Ладно. (*Повесил трубку.*) На чем я остановился?

Сулла. Подтверждаем получение вашего заказа на пятнадцать тысяч роботов.

Домини (*задумчиво*). Пятнадцать тысяч роботов. Пятнадцать тысяч...

Марий (*входит*). Господин директор, какая-то дама...
Домини. Кто именно?

Марий. Не знаю. (*Подает визитную карточку.*)

Домини (*читает*). Президент Глори... Просите.

Марий (*открывая дверь*). Пожалуйте, сударыня.

Входит Елена Глори. Марий уходит.

Домини (*поднялся*). Прошу вас.

Елена. Господин главный директор Домини?

Домини. К вашим услугам.

Елена. Я пришла к вам...

Домини. ...с запиской от президента Глори. Этого достаточно.

Елена. Президент Глори — мой отец. Я Елена Глори.

Домини. Мисс Глори, мы чрезвычайно польщены тем, что... что...

Елена. ...что не можем указать вам на дверь.

Домини. Что нам выпала честь приветствовать дочь великого президента! Прошу вас, садитесь. Сулла, вы можете пдти.

Сулла уходит.

(*Садится.*) Чем могу служить, мисс Глори?

Елена. Я приехала...

Домин. ...посмотреть наш комбинат по производству людей. Как и все наши гости. Пожалуйста, пожалуйста.

Елена. Я думала, что осматривать фабрики...

Домин. ...запрещается, конечно. Но — все приезжают сюда с чьей-нибудь визитной карточкой, мисс Глори.

Елена. И вы всем показываете?

Домин. Лишь немногое. Производство искусственных людей — наш секрет, мисс.

Елена. Если бы знали, как это меня...

Домин. ...необычайно интересует. Старая Европа только об этом и говорит.

Елена. Почему вы не даете мне договорить?

Домин. Прошу прощения. Но разве вы хотели сказать что-нибудь другое?

Елена. Я только хотела спросить...

Домин. ...не покажу ли я вам в виде исключения наши фабрики? Конечно, мисс Глори.

Елена. Откуда вы знаете, что я собиралась спросить именно об этом?

Домин. Все спрашивают одно и то же. (*Встает.*) Из особого уважения, мисс, мы покажем вам больше, чем другим, и... одним словом...

Елена. Благодарю.

Домин. Если вы обязуетесь никому не рассказывать даже о мелочах...

Елена (*встает, подает ей руку*). Честное слово.

Домин. Спасибо. Не хотите ли поднять вуаль?

Елена. Ах, да, конечно, вы хотите видеть... Извините...

Домин. Да?

Елена. Не отпустите ли вы мою руку?

Домин (*отпускает ее*). О, простите, пожалуйста!

Елена (*поднимает вуаль*). Вы хотите убедиться, что я не шпион. Как вы осторожны!

Домин (*в восхищении рассматривает ее*). Гм... конечно, мы... приходится...

Елена. Вы мне не доверяете?

Домин. Необычайно, мисс Еле... pardon, мисс Глори. Нет, правда, я необычайно рад... Как прошло ваше путешествие по морю?

Елена. Хорошо. Но почему...

Домин. Потому что... я хочу сказать... вы еще очень молоды.

Елена. Мы сейчас пойдем на фабрики?

Домин. Да. Наверно, двадцать два, не больше?

Елена. Двадцать два чего?

Домин. Года.

Елена. Двадцать один. Зачем это вам нужно знать?

Домин. Потому что... так как... (*С восторгом*) Вы ведь у нас погостили, правда?

Елена. Это будет зависеть от того, что вы мне покажете из вашего производства.

Домин. Опять производство! Нет, конечно, мисс Глори, вы все увидите. Прошу вас, присядьте. Вас интересует история изобретения?

Елена. Да, очень. (*Садится*.)

Домин. Так вот. (*Садится на край письменного стола, с увлечением рассматривает Елену, говорит быстро*.) В тысяча девятьсот двадцатом году старый Россум великий философ но тогда еще молодой ученым отправился на сей отдаленный остров для изучения морской фауны. Точка. Путем химического синтеза он пытался воссоздать живую материю так называемую протоплазму пока вдруг не открыл химическое соединение которое имело все качества живой материи хотя и состояло из совершенно других элементов. Это произошло в тысяча девятьсот три-

дцать втором году — ровно через четыреста лет после открытия Америки *. Уфф!

Елена. Вы что — вытвердили это наизусть?

Домин. Да. Физиология — не мое ремесло, мисс Глори. Продолжать?

Елена. Что ж, продолжайте.

Домин (*торжественно*). И тогда, мисс, старик Рассум написал посреди своих химических формул следующее: «Природа нашла один только способ организовать живую материю. Но существует другой, более простой, эффективный и быстрый, на который природа так и не натолкнулась. Этот-то второй путь, по которому могло пойти развитие жизни, я и открыл сегодня». Подумайте, мисс: он писал эти великие слова, сидя над хлопьями коллоидального раствора, который даже собака жрать не станет! Представьте себе: вот он сидит над своей пробиркой и мечтает о том, как из этого материала вырастет целое древо жизни, как от него пойдут все животные, начиная с какой-нибудь туфельки и кончая... кончая самим человеком. Человеком из другой материей, чем мы! Мисс Глори, это было неповторимое мгновение!

Елена. А дальше?

Домин. Дальше? Теперь нужно было заставить эту материю жить, ускорить ее развитие, создать всякие органы, кости, нервы и что там еще, изобрести еще какие-то вещества, катализаторы, энзимы, гормоны и так далее. Словом, вы понимаете?

Елена. Н-и-не знаю. Кажется, очень мало.

Домин. А я так и вовсе ничего. Но он, знаете ли, с помощью своих микстурок мог делать, что хотел. Мог, например, соорудить медузу с мозгом Сократа или червяка длиной пятьдесят метров. Но так как в нем не было ни капли юмора, он забрал себе в голову создать нормальное позвоночное или даже человека. И взялся за это.

Елена. За что?

Домин. За копирование природы. Сначала он попробовал сделать искусственную собаку. На это ушло несколько лет, и получилось существо вроде недоразвитого теленка, которое сдохло через несколько дней. Я покажу вам его останки в музее. И уж после этого старый Россум приступил к созданию человека.

Пауза.

Елена. И об этом я не должна никому говорить?

Домин. Никому на свете.

Елена. Как жаль, что это уже попало во все хрестоматии.

Домин. Конечно, жаль. (*Соскочил со стола, сел рядом с Еленой.*) Но знаете, чего нет в хрестоматиях? (*Постучал себя по лбу.*) Что старый Россум был страшный сумасброд. Серьезно, мисс Глори, — но это пусть останется между нами. Старый чудак и впрямь решил делать людей!

Елена. Но ведь и вы делаете людей?!

Домин. Приблизительно, мисс Елена. А старый Россум понимал это буквально. Видите ли, он мечтал как-то там... научно развенчать бога. Он был ужасный материалист и затеял все иключительно ради этого. Ему нужно было только найти доказательство тому, что никакого господа бога не требуется. Вот он и задумал создать человека точь-в-точь такого, как мы. Вы немного знакомы с анатомией?

Елена. Очень... очень мало.

Домин. Я тоже. Представьте, он вбил себе в голову устроить все, до последней железы, как в человеческом теле. Слепую кишку, миндалины, пупок — словом, вещи совершенно излишние. И даже... гм..., даже половые железы,

Елена. Но ведь они... ведь они...

Домин. ...не лишние, я знаю. Но если создавать людей искусственно, о, тогда уж... совсем не пожало... гм...
Елена. Понимаю.

Домин. Я покажу вам в музее то чучело, что старик состряпал за десять лет. Оно должно было изображать мужчину и жило целых три дня. У старого Россума не было ни капли вкуса. Все, что он сооружал, производило страшное впечатление. Зато внутри имелось все, как у человека. Нет, правда, в высшей степени тщательная работа. И тогда сюда приехал инженер Россум, племянник старого. Гениальная голова, мисс Глори. Едва он увидел, что творит старик, как сказал: «Глупо — делать человека целых десять лет. Если ты не станешь производить их быстрее природы, всю эту лавочку надо послать к черту». И сам пришлся за анатомию.

Елена. В хрестоматиях об этом рассказывается иначе.

Домин (*встает*). Хрестоматии — платная реклама и вообще бессмыслица. Там, например, говорится, будто роботов изобрел старый господин. А ведь старик годился, быть может, для университета, но он понятия не имел о промышленном производстве. Он-то думал делать настоящих людей — ну, там каких-нибудь новых индейцев, доцентов или идиотов, понимаете? Только молодому Россуму пришло в голову выпускать живые, наделенные интеллектом рабочие машины. Все, что написано в хрестоматиях о сотрудничестве обоих Россумов, просто детские сказки. Они страшно ругались друг с другом. Старый атеист понятия не имел о том, что такая индустрия, и в конце концов молодой запер его в какой-то лаборатории, чтобы тот возился там со своими гигантскими недоносками, а сам приступил к промышленному производству. Старый Россум буквально проклял его и до смерти своей успел

соорудить еще два физиологических страшилища, пока его самого не нашли в лаборатории мертвым. Вот и вся история.

Елена. А молодой что?

Домин. Молодой Россум, мисс... это был новый век. Век производства после века исследования. Немножко разбравшись в анатомии человека, он сразу попял, что все это слишком сложно и хороший инженер сделал бы все проще. И он начал переделывать анатомию, стал испытывать — что надо упростить, а что и совсем выкинуть. Короче, мисс Глори... вам не скучно?

Елена. Нет, наоборот, все это страшно интересно.

Домин. Так вот, молодой Россум сказал себе: человек — это существо, которое, скажем, ощущает радость, играет на скрипке, любит погулять и вообще испытывает потребность совершать массу вещей, которые... которые, собственно говоря, излишни.

Елена. Ого!

Домин. Погодите. Которые совершиенно излишни, если ему надо, допустим, ткать или производить счётные работы. Дизельный мотор не украшают побрякушками, мисс Глори. А производство искусственных рабочих — то же самое, что производство дизельмоторов. Оно должно быть максимально простым, а продукт его — практически наилучшим. Как вы думаете, какой рабочий практически лучше?

Елена. Какой лучше? Наверно, тот, который... ну, который... Если он честный... и преданный...

Домин. Нет, тот, который дешевле. Тот, у которого минимум потребностей. Молодой Россум изобрел рабочего с минимальными потребностями. Ему надо было упростить его. Он выкинул все, что не служит непосредственно целям работы. Тем самым он выкинул человека и создал робота. Роботы — не люди, дорогая мисс Глори. Механи-

чески они совершеннее нас, они обладают невероятно сильным интеллектом, но у них нет души. О мисс Глори, продукт инженерной мысли технически гораздо совершеннее продукта природы!

Елена. Принято говорить — человек вышел из рук божьих.

Домин. Тем хуже. Бог не имел представления о современной технике. Но поверите ли? Покойный Россум младший стал разыгрывать из себя господа бога!

Елена. Но как, простите?

Домин. Начал делать сверхроботов. Рабочих гигантов. Попробовал было сооружать четырехметровых великанов... Но вы не поверите, как быстро ломались эти мамонты.

Елена. Ломались?

Домин. Да. У них ни с того ни с сего вдруг отламывалась нога или еще что-нибудь. Видимо, наша планета маловата для исполинов. Теперь мы делаем роботов только натуральной величины и весьма приятного человеческого облика.

Елена. Я видела первых роботов у нас. Наш магистрат купил... Я хочу сказать, принял их на работу...

Домин. Купил, мисс. Роботы покупаются.

Елена. ...взял на должность метельщиков. Я видела, как они подметают улицы. Они такие странные, молчаливые.

Домин. Вы видели мою секретаршу?

Елена. Не обратила внимания.

Домин (звонит). Видите ли, наша акционерная компания выпускает товар нескольких сортов. У нас есть роботы более примитивные и более сложные. Лучшие из них проживут, быть может, лет двадцать.

Елена. А потом они погибают?

Домин. Да, изнашиваются.

Сулла, покажитесь мисс Глори.

Елена (*встает, протягивает ей руку*). Очень приятно. Вам, наверно, скучно жить здесь, так далеко от мира, правда?

Сулла. Не знаю, мисс Глори. Садитесь, пожалуйста.

Елена (*садится*). Откуда вы родом, Сулла?

Сулла. Оттуда, с фабрики.

Елена. Ах, вы родились тут?

Сулла. Да, я тут сделана.

Елена (*вскакивает*). Что?!

Домин (*смеясь*). Сулла не человек, мисс, Сулла — робот.

Елена. Простите меня...

Домин (*кладет руку на плечо Суллы*). Сулла не сердится. Обратите внимание, мисс Глори, какую мы делаем кожу. Потрогайте ее лицо.

Елена. О нет, нет!

Домин. Вам и в голову бы не пришло, что она из другой материи, чем мы. Взглядите, пожалуйста: у нее даже легкий пушок, характерный для блондинок. Только вот глаза немножко... Зато волосы! Повернитесь, Сулла!

Елена. Да перестаньте наконец!

Домин. Поговорите с гостьей, Сулла. Это очень лестный для нас визит.

Сулла. Прошу вас, мисс, садитесь. (*Обе садятся*.) Хорошо ли вы доехали?

Елена. Да... ко... конечно.

Сулла. Не советую вам возвращаться на пароходе «Амелия», мисс Глори. Барометр резко падает, он дошел уже до семисот пяти. Подождите «Пенсильванию»; это отличный, очень мощный пароход.

Домин. Сколько?

Сулла. Двадцать узлов в час. Двенадцать тысяч тонн водоизмещения.

Домин (*смеется*). Довольно, Сулла, довольно. Покажите нам, как вы говорите по-французски.

Елена. Вы знаете французский язык?

Сулла. Я знаю четыре языка. Пишу: «Dear sir», «Monsieur», «Geehrter Herr», «Милостивый государь».

Елена (*вскакивает*). Это надувательство! Вы щарлатан! Сулла не робот. Сулла такая же девушка, как я! Это позор, Сулла! Зачем вы играете эту комедию?

Сулла. Я робот.

Елена. Нет, нет, вы лжете! О Сулла, простите, я знаю — вас заставили, вы должны делать для них рекламу! Но вы ведь такая же девушка, как я? Скажите, да?

Домин. Сожалею, мисс Глори, но Сулла — робот.

Елена. Вы лжете!

Домин (*выпрямляется*). Ах, так? (*Звонит*.) Простите, мисс, в таком случае я должен вам доказать,

Входит Марий.

Марий, отведите Суллу в прозекторскую. Пусть ее вскроют. Быстро!

Елена. Куда?

Домин. В прозекторскую. Когда ее разрежут, вы пойдете и посмотрите на нее.

Елена. Не пойду.

Домин. Простите, но вы сказали что-то насчет лжи.

Елена. Вы хотите, чтобы ее убили?

Домин. Машину нельзя убить.

Елена (*обнимает Суллу*). Не бойтесь, Сулла, я вас не отдам! Скажите, дорогая, к вам все так жестоко относятся? Вы не должны этого терпеть, слышите? Не должны, Сулла!

Сулла. Я робот,

Елена. Все равно. Роботы такие же люди, как мы. И вы, Сулла, дали бы себя разрезать?

Сулла. Да.

Елена. О, вы не боитесь смерти?!

Сулла. Не знаю, мисс Глори.

Елена. Но вы знаете, что с вами тогда произойдет?

Сулла. Да, я перестану двигаться.

Елена. Это ужасно!

Домин. Марий, скажите гостье, кто вы такой.

Марий. Робот Марий.

Домин. Вы отвели бы Суллу в прозекторскую?

Марий. Да.

Домин. Вам было бы ее жалко?

Марий. Не знаю.

Домин. А что произойдет с ней потом?

Марий. Она перестанет двигаться. Ее бросят в ступу.

Домин. Это смерть, Марий. Вы боитесь смерти?

Марий. Нет.

Домин. Вот видите, мисс Глори. Роботы не привязаны к жизни. Им нечем привязываться. У них нет удовольствий. Они меньше, чем трава.

Елена. О, перестаньте! Отошлите их по крайней мере!

Домин. Марий, Сулла, вы можете идти.

Сулла и Марий уходят.

Елена. Они ужасны! То, что вы делаете, — отвратительно!

Домин. Почему?

Елена. Не знаю. Почему... почему вы назвали ее Суллой?

Домин. А что? Некрасивое имя?

Елена. Но ведь это мужское имя. Сулла был римский диктатор.

Домин. Вот как! А мы думали, Марий и Сулла — пары влюбленных.

Елена. Нет, Марий и Сулла были полководцы и воевали друг против друга в... каком же году?* Не помню...

Домин. Подойдите сюда, к окну. Что вы видите?

Елена. Каменщиков.

Домин. Это роботы. Все наши рабочие — роботы. А там, внизу, видите?

Елена. Какая-то контора.

Домин. Бухгалтерия. И в ней...

Елена. Полно служащих.

Домин. Это роботы. Все наши служащие — роботы. А когда вы увидите фабрики...

В эту минуту загудели фабричные гудки и сирены.

Полдень. Роботы не знают, когда прекращать работу. В два часа я покажу вам дежи.

Елена. Какие дежи?

Домин (*сухо*). Где замешивается тесто. В каждой из них приготавливается материал сразу на тысячу роботов. Потом есть кади для производства печени, мозгов и так далее. Потом вы увидите костяную фабрику. Потом я покажу вам прядильню.

Елена. Какую прядильню?

Домин. Прядильню первов. Прядильню сухожилий. Прядильню, где одновременно тянутся целые километры лимфатических сосудов. Всё это поступает в монтажный цех, где собирают роботов, — знаете, как автомобили. Каждый рабочий прикрепляет только одну деталь, а конвейер передвигает заготовку от одного к другому, к третьему, и так до конца. Захватывающее зрелище. Потом все отправляется в сушильню и на склад, где свежие изделия работают.

Елена. Господи боже, вы сразу заставляете их работать?

Домин. Виноват. Они работают, как работает новая мебель. Привыкают к существованию. То ли как-то срастаются внутри, то ли еще что. Многое в них даже заново парастает. Понимаете, нам приходится оставлять немного места для естественного развития. А тем временем идет окончательная их отделка.

Елена. Как это?

Домин. Ну, это приблизительно то же самое, что у людей школа. Они учатся говорить, писать и считать. Дело в том, что у них великолепная память. Вы можете прочитать им двадцать томов Научного словаря, и они повторят вам все подряд, наизусть. Но ничего нового они никогда не выдумают. Они вполне могли бы преподавать в университетах... А потом их сортируют и рассылают заказчикам. Пятнадцать тысяч штук в день, не считая определенного процента брака, который бросают в ступу... и так далее и так далее.

Елена. Вы на меня сердитесь?

Домин. Боже сохрани! Мне только кажется, что мы... могли бы говорить о других вещах. Нас тут — горсточка людей среди сотен тысяч роботов, и ни одной женщины. Мы говорим только о производстве, целыми днями, каждый день... Как проклятые, мисс Глори.

Елена. Я так жалею, что сказала, будто... будто вы... лжете...

Стук в дверь.

Домин. Входите, ребята!

Слева входят инженер Фабри, д-р Галль, д-р Галлемайер и архитектор Алквист.

Галль. Простите, мы не помешали?

Домин. Идите сюда. Мисс Глори, это — Алквист, Фабри, Галль, Галлемайер... Дочь президента Глори.

Елена (*смущенно*). Добрый день.

Фабри. Мы не имели представления...

Галль. Бесконечно польщены...

Алквист. Добро пожаловать, мисс Глори.

Справа врывается Бусман.

Бусман. Хэлло, что это у вас тут?

Домин. Сюда, Бусман! Это наш Бусман, мисс. Дочь президента Глори.

Елена. Я очень рада.

Бусман. Батюшки мои, вот праздник-то! Мисс Глори, разрешите отправить в газеты телеграмму, что вы по-чили нас своим посещением?

Елена. Нет, нет, ради бога!

Домин. Да прошу вас, сядьте, мисс.

Фабри
Бусман
Галль

} *(пододвигая кресла).*

Прощу...
Пожалуйста...
Pardon...

Алквист. Как доехали, мисс Глори?

Галль. Вы ведь поживете у нас?

Фабри. Как вы находите наши фабрики, мисс Глори?

Галлемайер. Вы приехали па «Амелии»?

Домин. Типе, дайте же мисс Глори хоть слово встать.

Елена (*к Домину*). О чём мне с ними говорить?

Домин (*с удивлением*). О чём хотите.

Елена. Могу я... Можно мне говорить совершенно откровенно?

Домин. Ну, конечно!

Елена (*колеблется, потом с отчаянной решимостью*). Скажите, вам никогда не бывает обидно, что с вами так обращаются?

Фабри. Кто?

Елена. Да люди.

Все переглядываются в недоумении.

Алквиист. С пами?

Галль. Почему вы так думаете?

Галлемайер. Тысяча чертей!..

Бусман. Боже сохрани, мисс Глори!

Елена. Разве вы не чувствуете, что могли бы жить лучше?

Галль. Как вам сказать, мисс... Что вы имеете в виду?

Елена (*взрывается*). А то, что это отвратительно! Это страшно! (*Встает.*) Вся Европа говорит о том, что здесь с вами делают! Я для того и приехала, чтобы самой проверить, а оказалось — здесь в тысячу раз хуже, чем думают! Как вы можете это терпеть?

Алквиист. Что терпеть?

Елена. Свое положение. Господи, ведь вы такие же люди, как мы, как вся Европа, как весь мир! Это скandalно, это недостойно — то, как вы живете!

Бусман. Ради бога, мисс!

Фабри. Нет, друзья, она, пожалуй, права. Живем мы тут, словно какие-нибудь индейцы.

Елена. Хуже индейцев! Позвольте, о, позвольте мне называть вас братьями!

Бусман. Господи помилуй, да почему же нет?

Елена. Братья, я приехала сюда не как дочь президента. Я приехала от имени Лиги гуманности. Братья, Лига гуманности насчитывает уже более двухсот тысяч

членов. Двести тысяч человек стоят на вашей стороне и предлагают вам свою помощь.

Б у с м а н. Двести тысяч человек — что ж, это прилично, это совсем неплохо.

Ф а б р и. Я вам всегда говорил: нет ничего лучше старой Европы. Видите, она нас не забыла. Предлагает нам помочь.

Г а л л ъ. Какую помощь? Театр?

Г а л л е м а й е р. Оркестр?

Е л е н а. Больше.

А л к в и с т. Вас самое?

Е л е н а. О, что я такое?! Я останусь, пока в этом будет необходимость.

Б у с м а н. О господи, вот радость-то!

А л к в и с т. Домин, я пойду, приготовлю для мисс самую лучшую комнату.

Д о м и н. Погодите минутку. Я боюсь, что... мисс Глори еще не кончила.

Е л е н а. Да, я не кончила. Если только вы силой не зажмете мие рот.

Г а л л ъ. Только посмейте, Гарри.

Е л е н а. Спасибо! Я знала, что вы будете меня защищать.

Д о м и н. Минутку, мисс Глори. Вы уверены, что разговариваете с роботами?

Е л е н а (*сбита с толку*). А с кем же еще?

Д о м и н. Мне очень жаль. Но эти господа такие же люди, как вы. Как вся Европа.

Е л е н а (*ко всем*). Вы — не роботы?

Б у с м а н (*хочет*). Боже сохрани!

Г а л л е м а й е р. Бррр — роботы!

Г а л л ъ (*смеется*). Благодарим покорно!

Е л е н а. Но... Не может быть!

Ф а б р и. Честное слово, мисс, мы не роботы.

Елена (к Домину). Зачем же вы тогда сказали мне, будто все ваши служащие — роботы?

Домин. Служащие — да. Но не директора. Разрешите, мисс Глори, представить более подробно: инженер Фабри, генеральный технический директор компании. Доктор Галль, начальник отдела физиологических исследований. Доктор Галлемайер, начальник Института психологии и воспитания роботов. Консул Бусман, генеральный коммерческий директор. И архитектор Алквист, руководитель строительства компании.

Елена. Простите, господа, что я... что... Я, наверно, сказала что-то ужасное?

Алквист. Да что вы, мисс Глори. Садитесь, пожалуйста.

Елена (*садится*). Я — глупая девчонка... Теперь... теперь вы отправите меня назад с первым же пароходом.

Галль. Ни за что на свете, мисс. Зачем нам отправлять вас обратно?

Елена. Потому что вы теперь знаете... потому что... потому что я собираюсь взбунтовать роботов!

Домин. Дорогая мисс Глори, у нас уже перебывали сотни спасителей и пророков. С каждым пароходом приезжает кто-нибудь из них. Миссионеры, анархисты, члены Армии Спасения* — кто угодно. Просто ужас, сколько на свете церквей и дураков.

Елена. И вы позволяете им обращаться к роботам?

Домин. А почему бы нет? Пока никто из них ничего не добился. Роботы все прекрасно запоминают — и только. Они даже не смеются над тем, что говорят люди. Право, просто поверить трудно. Если это доставит вам развлечения, мисс, я провожу вас на склад роботов. Их там около трехсот тысяч.

Бусман. Триста семь тысяч.

Домин. Ладно. И вы можете обратиться к ним и сказать, что хотите. Можете прочитать им библию, таблицу логарифмов — все что угодно. Можете даже произнести проповедь о правах человека.

Елена. О, мне кажется... если бы выказать им хоть немного любви...

Фабри. Невозможно, мисс Глори. Нет ничего более чуждого человеку, чем робот.

Елена. Зачем же вы тогда их делаете?

Бусман. Ха-ха-ха, вот это славно! Зачем делают роботов!

Фабри. Для работы, мисс. Один робот заменяет двух с половиной рабочих. Человеческий механизм чрезвычайно несовершенен, мисс Глори. Рано или поздно его нужно было заменить.

Бусман. Он слишком дорог.

Фабри. И малоэффективен. Он уже не соответствует современной технике. А во-вторых... во-вторых, большой прогресс еще и в том, что... извините...

Елена. Прогресс — в чем?

Фабри. Прощу прощения. Большой прогресс — родить при помощи машин. Удобнее и быстрее. А любое ускорение — прогресс, мисс. Природа понятия не имела о современных темпах труда. Все детство человека с технической точки зрения — чистая бессмыслица. Понросту — потерянное время. Безудержная растрата времени, мисс Глори. А в-третьих...

Елена. О, перестаньте!

Фабри. Слушаюсь. Но позвольте, чего, собственно, хочет эта ваша Лига... Лига... Лига гуманности?

Елена. Ее цель... главным образом... прежде всего... защищать роботов и..., и обеспечить им... хорошее отношение...

Фабри. Неплохая цель. С машинами надо обращаться хорошо. Ей-богу, это мне нравится. Я не люблю испорченных вещей. Прощу вас, мисс, запишите нас всех в члены-корреспонденты, в действительные члены, в члены-учредители этой вашей Лиги!

Елена. Нет, вы меня не поняли. Мы хотим... прежде всего... мы хотим освободить роботов!

Галлемайер. И каким же способом?

Елена. С ними надо обращаться... как... ну, как с людьми.

Галлемайер. Ага. Что же — дать им избирательные права? Или, может быть, оплачивать их труд?

Елена. Конечно!

Галлемайер. Вот как! Что же они будут делать с деньгами, скажите на милость?

Елена. Покупать... что им нужно... что им доставит радость.

Галлемайер. Очень мило, мисс, но роботов ничто не радует. Тысяча чертей, что они станут покупать? Можете кормить их ананасами или соломой, чем угодно, им это безразлично; у них нет вкусовых ощущений. Они ничем не интересуются, мисс Глори. Черт побери, кто когда видел, чтобы робот улыбался?

Елена. Почему же... почему... почему вы не делаете их более счастливыми?

Галлемайер. Нельзя, мисс Глори. Ведь они всего лишь роботы. Без собственной воли. Без страстей. Без истории. Без души.

Елена. Без любви и способности возмутиться?

Галлемайер. Конечно. Роботы не любят ничего — даже самих себя. А возмущение? Не знаю. Лишь изредка... лишь время от времени...

Елена. Что?

Галлемайер. Да ничего, собственно. Порой на них что-то находит. С ними приключается нечто вроде падучей, понимаете? Мы называем это «судорогой роботов». Вдруг какой-нибудь из них швыряет оземь то, что у него в руке, стоит, скрипит зубами и — тогда мы отправляем его в ступу. Видимо, какое-то нарушение в организме..

Домин. Производственный брак.

Елена. Нет, нет — это душа!

Фабри. Вы полагаете, что душа дает о себе знать прежде всего скрипом зубов?

Домин. Это будет устраниено, мисс Глори. Доктор Галль как раз проводит кое-какие опыты...

Галль. Но не в этом направлении, Домин. Я теперь делаю нервы, реагирующие на боль.

Елена. Нервы, реагирующие на боль?

Галль. Да. Роботы почти не ощущают физической боли. Понимаете, покойный Россум младший слишком ограничил состав нервной ткани. Это оказалось нерентабельным. Придется нам ввести страдание.

Елена. Зачем? Зачем?.. Если вы не даете им души, зачем вы хотите дать им боль?

Галль. В интересах производства, мисс Глори. Иной раз робот сам наносит себе вред, оттого что не чувствует боли. Он может сунуть руку в машину, отломить себе палец, разбить голову — ему это все равно. Мы вынуждены наделить их ощущением боли: это автоматическая защита отувечья.

Елена. Станут ли они счастливее, когда будут ощущать боль?

Галль. Наоборот; зато технически они станут совершенней.

Елена. Почему вы не создадите им душу?

Галль. Это не в наших силах.

Фабри. Это не в наших интересах.

Бусман. Это удорожит производство. Господи, милая барышня, мы ведь выпускаем их такими дешевыми. Сто двадцать долларов штука, вместе с одеждой! А пятнадцать лет назад робот стоил десять тысяч! Пять лет назад мы покупали для них одежду, а теперь у нас есть своя ткацкая фабрика, и мы еще экспортируем ткани, да в пять раз дешевле, чем другие фирмы! Скажите, мисс Глори, сколько вы платите за метр полотна?

Елена. Не знаю... право... забыла.

Бусман. Батюшки мои, и вы еще хотите основать Лигу гуманности! Теперь полотно стоит втрое дешевле прежнего, мисс, цены упали на две трети и будут падать все ниже и ниже, пока... вот так! Понятно?

Елена. Нет.

Бусман. Ах ты, господи, мисс, это значит — понизилась стоимость рабочей силы! Ведь робот, включая кормежку, стоит три четверти цента в час! Прямо комедия, мисс! Все фабрики лопаются, как желуди, или спешат приобрести роботов, чтобы удешевить свою продукцию.

Елена. Да, а рабочих выкидывают на улицу.

Бусман. Ха-ха — еще бы! Но мы... с божьей помощью мы тем временем бросили пятьсот тысяч тропических роботов в аргентинские пампы — выращивать пшеницу. Будьте добры, скажите, что стоит у вас фунт хлеба?

Елена. Понятия не имею.

Бусман. Вот видите, а он стоит теперь всего два цента в вашей доброй старой Европе, и это наш хлебушко, понимаете? Два центика — фунт хлеба. А Лига гуманности и не подозревает об этом. Ха-ха, мисс Глори, вы не знаете, что такое — слишком дорогой кусок хлеба. Какое это имеет значение для культуры и так далее. Зато через пять лет — ну, давайте пари держать?

Елена. На счет чего?

Бусман. Насчет того, что через пять лет цены на все уладут в десять раз! Через пять лет, милые, нас завалят пшеницей и всевозможными товарами!

Алквист. Да — и рабочие во всем мире окажутся без работы.

Домин (*встал*). Верно, Алквист. Верно, мисс Глори. Но за десять лет Россумские Универсальные Роботы вырастят столько пшеницы, произведут столько тканей, столько всяких товаров, что мы скажем: вещи больше не имеют цены. Отныне пусть каждый берет, сколько ему угодно. Конец нужде. Да, рабочие окажутся без работы. Но тогда никакая работа не будет нужна. Все будут делать живые машины. А человек начнет заниматься только тем, что он любит. Он будет жить для того, чтобы совершенствоваться.

Елена (*встает*). Так и будет?

Домин. Так и будет. Не может быть иначе. Прежде, правда, произойдут, быть может, страшные вещи, мисс Глори. Этого просто нельзя предотвратить. Зато потом прекратится служение человека человеку и порабощение человека мертвой материей. Никто больше не будет платить за хлеб жизнью и ненавистью. Ты уже не рабочий, ты уже не клерк, тебе не надо больше рубить уголь, а тебе — стоять за чужим станком. Тебе не надо уже расстрачивать душу свою в труде, который ты проклинал!

Алквист. Домин, Домин! То, о чем вы говорите, слишком напоминает рай. Было нечто доброе и в работе, Домин, нечто великое и в смирении. Ах, Гарри, была какая-то добродетель в труде и усталости!

Домин. Вероятно, была. Но мы не можем считаться с тем, что уходит безвозвратно, если взялись переделывать мир от Адама. Адам! Адам! Отныне ты не будешь есть хлеб свой в поте лица, не познаешь ни голода, ни жажды, ни усталости, ни унижения. Ты вернешься в рай,

где тебя кормила рука господня. Будешь свободен и независим, и не будет у тебя другой цели, другого труда, другой заботы, как только совершенствовать самого себя. И станешь ты господином всего творения...

Бусман. Аминь.

Фабри. Да будет так.

Елена. Вы совсем сбили меня с толку. Я глупая девчонка! Но мне хотелось бы... хотелось бы верить в это.

Галль. Вы моложе нас, мисс Глори. Вы дождитесь.

Галлемайер. Обязательно. Мне кажется, мисс Глори могла бы позавтракать с нами.

Галль. Разумеется! Домин, просите ее от всех нас.

Домин. Окажите нам эту честь, мисс Глори!

Елена. Но ведь... Как же я...

Фабри. А вы — от имени Лиги гуманности.

Бусман. И в честь ее.

Елена. О, в таком случае... пожалуй...

Фабри. Ура! Мисс Глори, извините меня, на пять минут...

Галль. Pardon...

Бусман. Господи, мне же надо каблограмму...

Галлемайер. Тысяча чертей, я совсем забыл...

Все, кроме Домина, поспешно уходят.

Елена. Почему все ушли?

Домин. Отправились стряпать, мисс Глори.

Елена. Что стряпать?

Домин. Завтрак, мисс Глори. Нам готовят пищу работы, но так как у них нет вкусовых ощущений, то получается не совсем... А Галлемайер прекрасно жарит мясо, Галль умеет делать особенный соус, Бусман — специалист по омлетам...

Елена. Боже мой, вот так пир! А что умеет делать господин... архитектор?

Домин. Алквист? Ничего. Он только накрывает на стол... А Фабри — тот достанет немножко фруктов. Скромный стол, мисс...

Елена. Я хотела вас спросить...

Домин. Я тоже хотел спросить вас об одной вещи.
(Кладет свои часы на стол.) У нас пять минут времени.

Елена. О чем вы хотели спросить?

Домин. Виноват — спрашивайте первая.

Елена. Может, это глупо с моей стороны, но... зачем вы делаете женщин-роботов, если... если...

Домин. ...если у них... гм... если для них пол не имеет значения?

Елена. Да.

Домин. Понимаете, существует спрос. Горничные, продавщицы, секретарши... люди к этому привыкли.

Елена. А... а скажите, роботы-мужчины... и роботы-женщины — они друг к другу... совершенно...

Домин. Совершенно равнодушны, мисс. Нет ни малейших признаков какой-либо склонности.

Елена. О, это ужжасно!

Домин. Почему?

Елена. Это... это так неестественно! Прямо не знаешь — противно это или... им можно позавидовать... а может быть...

Домин. ...пожалеть их?

Елена. Да, скорее всего! Нет, молчите! О чем вы хотели меня спросить?

Домин. Я хотел спросить, мисс Глори, не согласитесь ли вы выйти за меня?

Елена. Как выйти?

Домин. Замуж.

Елена. Нет! Что за мысль?!

Домин (*сматрят на часы*). Еще три минуты. Если вы не выберете меня, вам придется выбрать кого-нибудь из пяти остальных.

Елена. Боже сохрани! Почему?

Домин. Потому что все они по очереди сделают вам предложение.

Елена. Неужели они посмеют?

Домин. Мне очень жаль, мисс Глори, но кажется, они в вас влюбились.

Елена. Послушайте, очень прошу вас — пусть они не делают этого! Я... я сейчас же уеду.

Домин. Вы не причините им такого огорчения: не отвергнете их, Елена?

Елена. Но ведь... не могу же я выйти замуж за всех шестерых!

Домин. Нет, но за одного — можете. Не хотите меня, возьмите Фабри.

Елена. Не хочу!

Домин. Доктора Галля.

Елена. Нет, нет, замолчите! Я не хочу никого!

Домин. Остается две минуты.

Елена. Это ужасно! Женитесь на какой-нибудь женщине-роботе.

Домин. Они не женщины.

Елена. О, вот что вам надо! Вы, наверное, готовы жениться на любой, которая сюда приедет.

Домин. Их много перебывало тут, Елена.

Елена. Молодых?

Домин. Молодых.

Елена. Почему же вы не женились ни на одной из них?

Домин. Потому что ни разу не потерял головы. Только сегодня. Сразу — как только вы подняли вуаль.

Елена (*помолчав*). Я знаю.

Домин. Остается одна минута.

Елена. Но, господи, я не хочу!

Домин (*кладет ей обе руки на плечи*). Одна минута. Или вы скажете мне в лицо что-нибудь злое, и тогда я вас оставлю. Или... или...

Елена. Вы жестокий человек!

Домин. Это неплохо. Мужчина должен быть немножко жестоким. Так уж повелось.

Елена. Вы сумасшедший!

Домин. Человек должен быть слегка сумасшедшим, Елена. Это самое лучшее, что в нем есть.

Елена. Вы... вы... О боже!

Домин. Ну вот. Договорились?

Елена. Нет, нет! Прошу вас, пустите меня! Да вы меня раздавите!

Домин. Последнее слово, Елена.

Елена (*отбивааясь*). Ни за что на свете! Ох, Гарри!

Стук в дверь.

Домин (*отпуская ее*). Войдите.

Входят Бусман, Галль и Галлемайер в кухонных фартуках, Фабри с букетом, Алквицт со скатертью под мышкой.

Домин. Ну, у вас готово?

Бусман (*торжественно*). Да.

Домин. У нас тоже.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ

ПЕРВОЕ

Гостиная Елены. Слева — задрапированная дверь в музикальный салон, справа — в спальню Елены. Посредине — окна с видом на море и порт. Триумо с безделушками, стол, кушетка и кресла, комод, письменный столик с лампой. Справа — камин, по бокам его тоже лампы. Вся гостиная до мелочей обставлена в стиле модерн, с чисто женским вкусом.

Домини, Фабри, Галлемайер входят слева на цыпочках, неся в охапках букеты и корзины цветов.

Фабри. Куда мы все это денем?

Галлемайер. Уффи! (*Складывает груз, потом широким жестом крестит дверь справа.*) Спи, спи! Кто спит, тот по крайней мере ни о чем не знает.

Домини. Она вообще не знает.

Фабри (*расставляя цветы по вазам*). Только бы сегодня не началось...

Галлемайер (*расправляя цветы*). Черт возьми, да замолчите иаконец. Поглядите, Гарри, — правда, прекрасный цикламен? Новый сорт, мой последний, — «цикламен Helenaе».

Домини (*выглядывает из окна*). Ни одного судна, ни одного, ребята! Это очень, очень скверно.

Галлемайер. Тише! Как бы она не услыхала!

Домини. Опа представления не имеет. (*Судорожно зеваст*.) Хорошо еще, «Ультимус» пришел вовремя.

Фабри (*оставляет цветы*). Думаете, уже сегодня?..
Домин. Не знаю. Как прекрасны эти цветы!

Галлемайер (*подходит к нему*). Это новые при-
мумы. А там — мой новый жасмин. Тысяча чертей, я на
пороге цветочного рая! Ты знаешь, мне удалось открыть
изумительное средство для ускорения роста! Великолеп-
ные разновидности! К будущему году я произведу чудеса
в цветоводстве!

Домин (*оборачиваясь*). Как вы сказали? К будущему
году?

Фабри. Хоть бы знать, что в Гавре...

Домин. Тише!

Голос Елены (*за сценой*). Нана!

Домин. Уйдем отсюда! (*Все на цыпочках уходят че-
рез задрапированную дверь.*)

— Из двери слева выходит Нана.

Нана (*прибирая в комнате*). Экие неряхи! Язычники
несчастные! Я бы их, прости меня господи...

Елена (*останавливается на пороге спиной к сцене*).
Застегни мне, Нана!

Нана. Ладно, ладно, сейчас. (*Застегивает Елене
платье*.) Царь небесный, вот страшилища-то!

Елена. Ты о роботах?

Нана. Тьфу, я и называть-то их не хочу.

Елена. А что случилось?

Нана. Опять на одного накатило. Как пошел коло-
тить статуи да картины, как заскрипит зубами... А на
губах — пена. Начисто рехнулся, бррр! Похоже дикого
зверя будет.

Елена. На которого же «накатило»?

Нана. На этого... как его... Имени-то христианского
у них нету. Ну, на того, из библиотеки.

Елена. На Радия?

Нана. Вот-вот. Господи Иисусе, до чего же они мне противны! Пауком так не брезгую, как этими нехристями.

Елена. Но послушай, Нана, разве тебе их не жалко?

Нана. Да вы и сами ими брезгуете. На что меня-то сюда привезли? Отчего ни одному из них дотронуться до себя не позволяете?

Елена. Я не брезгую, Нана, честное слово! Мне их так жалко!

Нана. Брезгуете. Такого человека не найдется, чтоб не брезговал. Псу, и тому противно; куска мяса от них не возьмет, подожмет хвост, да и воет, как этих нелюдей учуяет, — тьфу!

Елена. Собака — существо неразумное.

Нана. Да собака и то лучше их, Елена. Знает, что она выше их, что ее господь бог создал. Лошади шарахаются, как нехристи встретят. У них вон и детенышней нет, — а у собаки есть, и у всех есть...

Елена. Ладно, Нана, застегивай же!

Нана. Сейчас. А я говорю — против бога это, дьявольское наущение — делать этих страшилиц машинами. Кощунство это против творца (*поднимает руку*), оскорбление господу, сотворившему нас *по своему подобию*, — вот что это такое, Елена. Испоганили вы образ божий. И за это страшную кару пошлет небо, страшную кару, попомните мое слово!

Елена. Чем это так чудно пахнет?

Нана. Цветочками. Хозяин принес.

Елена. Нет, какие прелестные! Посмотри, Нана! Какой сегодня день?

Нана. Не знаю. Надо бы концу света быть.

Стук в дверь.

Елена. Гарри?

Гарри, какой день сегодня?

Домин. Угадай!

Елена. Мои именины? Нет! День рождения?

Домин. Лучше!

Елена. Не знаю. Ну, говори скорей!

Домин. Сегодня исполнилось десять лет, как ты сюда приехала.

Елена. Уже десять лет? И как раз сегодня? Нана, пожалуйста...

Нана. Иду, иду... (*Уходит в правую дверь*.)

Елена (*целует Домина*). И ты об этом вспомнил!

Домин. Мне очень стыдно, Елена. Я забыл.

Елена. Но ведь...

Домин. Это они помнили.

Елена. Кто?

Домин. Бусман, Галлемайер, все. Ну-ка, посмотри, что в этом кармане?

Елена (*опустила руку к нему в карман*). Что это? (*Вынимает футляр, открывает*). Жемчуг? Целое ожерелье! Гарри, это мне?

Домин. От Бусмана, девочка.

Елена. Но... мы не можем это принять, правда?

Домин. Можем. А теперь залезай в другой карман.

Елена. Ну-ка! (*Вытаскивает из кармана пистолет*.) Что такое?

Домин. Виноват! (*Отбирает у нее пистолет, прячет*.) Не то. Попробуй еще раз.

Елена. О, Гарри... Зачем-ты носишь с собой пистолет?

Домин. Да просто так, под руку подвернулся.

Елена. Прежде ты никогда не носил...

Домин. Верно, никогда. Ну, смотри, вот карман!

Елена (*вынимает*). Коробочка. (*Открывает ее*.) Камея! Но ведь... Гарри, это ведь греческая камея!

Домин. По-видимому. Так по крайней мере утверждает Фабри.

Елена. Фабри? Это дарит мне Фабри?

Домин. Конечно! (*Открывает левую дверь*.) Вот так штука, Елена, пойди, взгляни!

Елена (*в двери*). Боже, как прекрасно! (*Убегает в соседнее помещение*.) Я с ума сойду от радости! Это от тебя?

Домин (*в двери*). Нет, от Алквиста. А вон там...

Елена. От Галля! (*Появляется в двери*.) О, Гарри, мне даже стыдно того, что я такая счастливая!

Домин. А теперь подойди сюда; это тебе принес Галлемайер.

Елена. Эти дивные цветы?

Домин. Да, новый сорт «цикламен Helenaе». Он вывел их в твою честь. Они прекрасны, как ты.

Елена. Гарри, почему... почему все...

Домин. Они тебя очень любят. А я... гм. Боюсь, мой подарок несколько... Взгляни в окно.

Елена. Куда?

Домин. На порт!

Елена. Там какое-то... новое судно!

Домин. Это твое судно!

Елена. Мое? Гарри, но ведь это *военное* судно!

Домин. Военное? Что ты! Просто оно больше других. Солидный пароход, правда?

Елена. Да, но на нем орудия!

Домин. Ну да, несколько пушек... Ты будешь плавать на нем, как королева, Елена.

Елена. Что это значит? Что-нибудь случилось?

Домин. Упаси боже! Пожалуйста, примерь жемчуг! (*Садится*.)

Елена. Получены плохие вести, Гарри?

Домин. Наоборот — уже неделя, как почта не приходит.

Елена. Даже телеграммы?

Домин. Даже телеграммы.

Елена. Что это значит?

Домин. Ничего. У нас каникулы. Чудное время. Мы сидим в кабинете, положив ноги на стол, и дремлем... Ни почты, ни телеграмм. (*Потягивается.*) Славный денек!

Елена (*подсаживается к нему*). Сегодня ты побудешь со мной, да? Скажи!

Домин. Конечно. Может быть. То есть... там видно будет. (*Берет ее за руку.*) Итак, сегодня исполнилось десять лет — ты помнишь? Мисс Глори, какая честь для нас, что вы приехали...

Елена. О, господин главный директор, меня так интересует ваш комбипат!

Домин. Простите, мисс, существует строгий запрет... Производство искусственных людей — тайна...

Елена. Но если вас попросит молодая, довольно хорошенькая девушка...

Домин. Ах, конечно, мисс, от вас мы не имеем секретов.

Елена (*вдруг серьезно*). В самом деле, Гарри?

Домин. Нет.

Елена (*в прежнем тоне*). Но преуспреждаю вас, господин директор: у этой молодой девушки страшные замыслы!

Домин. Бога ради, мисс Глори, какие же? Уж не хотите ли вы еще раз выйти замуж?

Елена. Нет, нет, боже сохрани! Это мне и во сне не снилось! Но я приехала с целью поднять мятеж среди ваших отвратительных роботов.

Домин (*вскакивает*). Мятеж роботов?!

Елена (*встает*). Гарри, что с тобой?

Домин. Ха-ха, мисс, какая удачная шутка! Мятеж роботов! Да скорее восстанут веретена или шпили, чем наши роботы! (*Садится.*) Знаешь, Елена, ты была изумительной девушкой. Ты всех нас свела с ума.

Елена (*подсаживается к нему*). О, тогда все вы мне так импонировали! Я казалась себе девочкой, заблудившейся среди... среди...

Домин. Среди чего, Елена?

Елена. Среди огромных деревьев. Вы были такие самоуверенные, такие могучие! И знаешь, Гарри, за эти десять лет я никак не могла преодолеть это... этот страх или что-то такое, — а вы ни разу не усомнились... Даже когда рушились...

Домин. Что рушилось?

Елена. Ваши планы, Гарри. Например, когда рабочие восстали против роботов и начали разбивать их и когда люди дали роботам оружие против восставших, и роботы истребили столько людей... И потом, когда правительства превратили роботов в солдат и было столько войн — помнишь?

Домин (*встает и ходит по комнате*). Это мы предвидели, Елена. Понимаешь, это переходный период — переход к новым условиям жизни.

Елена. Весь мир склонялся перед вами... (*Встает.*) О, Гарри!

Домин. Ну, что?

Елена (*останавливая его*). Закрой комбинат, и уедем!

Домин. Но позволь: какая тут связь?..

Елена. Не знаю. Скажи, мы уедем? Я испытываю такой ужас перед чем-то!

Домин (*хватает ее за руку*). Перед чем, Елена?

Елена. О, не знаю! Словно на нас на всех что-то падает — неотвратимо... Прощу тебя, сделай так! Забери всех

нас отсюда! Мы найдем в мире место, где нет никого, Алквист построит нам дом, все переженятся, пойдут дети, и тогда...

Домин. Что тогда?

Елена. Тогда мы начнем жиць сначала, Гарри.

Звонит телефон.

Домин (*освобождается из рук Елены*). Прости. (*Сни має трубку*.) Алло... Да... Что?.. Ага. Бегу. (*Кладет трубку*.) Это Фабри.

Елена (*сжав руки*). Скажи...

Домин. Ладно — когда вернусь. До свиданья, Елена. (*Поспешно убегает налево*.) Не выходи из дома!

Елена (*одна*). О боже, что происходит? Нана! Нана, пойди скорей!

Нана (*выходит из правой двери*). Ну, что там опять?

Елена. Нана, найди последние газеты! Скорей! В спальне хозяина!

Нана. Сейчас! (*Уходит налево*.)

Елена. Господи боже мой, что происходит? Он ничего, ничего мне не говорит! (*Смотрит в бинокль на порт*.) Это военное судно! Господи, зачем — военное? Что-то грузят... да так поспешно! Что такое «Ультимус»?

Нана (*возвращается с газетой*). По полу раскидал! А измаял-то как!

Елена (*горопливо разворачивает газету*). Старая, недельной давности! Ничего, ничего в ней нет! (*Роняет газету*.)

Нана поднимает ее, вытаскивает из кармана передника роговые очки, садится и читает.

Что-то случилось, Нана! Мне так страшно... Словно все вымерло, даже воздух мертвый какой-то...

Нана (*читает по складам*). «Вой-на на Бал-ка-нах». О господи, опять наказание божье! Того и гляди сюда перекинется война эта самая. Отсюда далеко ли?

Елена. Далеко. Ох, не читай! Все одно и то же. Все войны, войны...

Нана. Да как же им не быть? Разве вы не продаете тьму-тьмущую этих нехристей в солдаты? Ох, Иисусе Христе, вот уж божье-то попущение!

Елена. Нет, нет, не читай. Знать ничего не хочу!

Нана (*читает по складам*). «Сол-даты ро-боты ни-ко-го не ща-дят на за-хва-чен-ной тер-ри-тории. О-ни ис-тре... истре-би-ли более семи-сот тысяч мир-ных жите-лей...» Людей, Елены!

Елена. Не может быть! Дай-ка... (*Наклоняется к газете, читает.*) «Истребили более семисот тысяч мирных жителей, видимо по приказу командования. Этот акт, противоречащий...» Вот видишь, Нана, это им люди прика-зали!

Нана. А вот тут покрупней напечатано. «Последние известия»: «В Гавре осно-вана пер-вая ор-ор-гани-органи-за-ция ро-бо-тов». Ну, это пустое. Я этого не понимаю. А вот, господи Иисусе, опять какое-то убийство! И как только бог терпит!

Елена. Ступай, Нана, унеси газету.

Нана. Постой, тут опять большими буквами. «Рож-дае-мость». Что это такое?

Елена. Дай-ка, это я всегда читаю. (*Берет газету.*) Нет, подумай только! (*Читает.*) «За последнюю неделю снова не было зарегистрировано ни одного рождения». (*Роняет газету.*)

Нана. А это чего такое?

Елена. Люди перестают родить, Нана.

Нана (*складывает очки*). Стало быть, конец. Конец нам всем.

Елена. Ради бога, не говори так!

Нана. Люди больше не рождаются. Это — наказание, наказание божие! Господь наслал на женщин бесплодие.

Елена (*вскакивает*). Нана!

Нана (*встает*). Конец света. В гордыне диавольской вы осмелились творить, как господь бог. А это — безбожие, кощунство! Богами хотите стать. Но бог человека из рая выгнал и со всей земли прогонит!

Елена. Замолчи, Нана, прошу тебя! Что я тебе сделала? Что сделала я твоему злому богу?

Нана (*с широким жестом*). Не богохульствуй! Он хорошо знает, почему не дал вам ребенка! (*Уходит налево*.)

Елена (*у окна*). Почему *мне* не дал... Боже мой, я-то разве виновата? (*Открывает окно, кричит*.) Алквист, хэлло, Алквист! Идите сюда, наверх! Что? Ничего, идите, *как есть*! Вы так милы в одежде каменщика! Скорей! (*Закрывает окно, останавливается перед зеркалом*.) Почему он *мне* не дал?.. Мне? (*Наклоняется к зеркалу*.) Почему, почему? Слышишь? Разве ты виновата? (*Выпрямляется*.) Ах, мне страшно! (*Идет налево, навстречу Алквисту*.)

Пауза.

(*Возвращается с Алквистом. Алквист в одежде каменщика, он весь в известке и кирпичной пыли*.) Входите, входите. Вы доставите мне такую радость, Алквист! Я так люблю всех вас! Ваши руки!

Алквист (*прячет руки*). Я вас запачкаю, Елена, — я прямо с работы...

Елена. Вот и прекрасно! Давайте их сюда! (*Пожимает ему обе руки*.) Алквист, мне хочется стать маленькой...

Алквист. Зачем?

Елена. Чтобы эти грубые, грязные руки погладили меня по щекам. Садитесь, пожалуйста... Алквист, что знает «Ультимус»?

Алквист. В переводе это значит «последний». А что? Елена. Так называется новое судно. Вы видели его? Как вы думаете — мы скоро... поедем кататься?

Алквист. Может быть, очень скоро.

Елена. И вы все поедете со мной?

Алквист. Я был бы очень рад, если бы... если бы все участвовали в прогулке.

Елена. О, скажите — что-нибудь происходит?

Алквист. Абсолютно ничего. Сплошной прогресс.

Елена. Алквист, я знаю — происходит что-то страшное. Мне так тревожно... Послушайте, архитектор! Что вы делаете, когда у вас тревожно на душе?

Алквист. Работаю каменщиком. Снимаю пиджак начальника строительства и взбираюсь на леса...

Елена. О, вот уже сколько лет вас нигде не видно, кроме как на лесах.

Алквист. Потому что все эти годы я не перестаю испытывать тревогу.

Елена. Из-за чего?

Алквист. Из-за этого прогресса. У меня от него кружится голова.

Елена. А на лесах не кружится?

Алквист. Нет. Вы не представляете себе, как приятно рукам взять кирпич, взвесить его, уложить и пристукнуть...

Елена. Только рукам?

Алквист. Ну, допустим, и душе. Мне кажется, лучше уложить хоть один кирпич, чем набрасывать огромные планы. Я уже старый человек, Елена, и у меня свой конек.

Елена. Это не конек, Алквист.

Алквист. Вы правы. Я страшный ретроград, Елена. И ни капельки не рад этому прогрессу.

Елена. Как Нана.

Алквист. Да, как Нана. Есть у Наны молитвенник?
Елена. Есть, толстый такой.

Алквист. А есть в нем молитвы на разные случаи?
От грозы? От болезни?

Елена. И от соблазна, от наводнения...

Алквист. А от прогресса — нет?

Елена. Кажется, нет.

Алквист. Жаль.

Елена. Вам хотелось бы помолиться?

Алквист. Я молюсь.

Елена. Как?

Алквист. Примерно так: «Господи боже, благодаря тебе за то, что ты дал мне усталость. Боже, просвети Домина и всех заблуждающихся; уничтожь дело их рук и помоги людям вернуться к заботам и труду; удержи людские поколения от гибели; не допусти их погубить душу свою и тело свое; избави нас от роботов и храни Елену, аминь».

Елена. Вы в самом деле верующий, Алквист?

Алквист. Не знаю, не совсем уверен в этом.

Елена. И все-таки молитесь?

Алквист. Да. Это лучше, чем размышлять.

Елена. И этого вам достаточно?

Алквист. Для спокойствия души... пожалуй, достаточно.

Елена. И если вы увидите, что гибнет человечество...

Алквист. ...я вижу это...

Елена. ...то подниметесь на леса и станете укладывать кирпичи?

Алквист. Буду класть кирпичи, молиться и ждать чуда. Больше, Елена, ничего нельзя сделать.

Елена. Для спасения людей?

Алквист. Для спокойствия души.

Елена. Все это страшно добродетельно, Алквист, но...

Алквист. Что «но»?

Елена. ...но для нас, остальных... и для всего мира — как-то... бесплодно.

Алквист. Бесплодие, Елена, становится последним достижением человеческой расы.

Елена. О, Алквист... Скажите мне, почему... почему... Алквист. Ну?

Елена (*тихо*). Почему женщины перестали иметь детей?

Алквист. Потому что это не нужно. Ведь мы в раю, понимаете?

Елена. Не понимаю.

Алквист. Потому что не нужен человеческий труд, не нужны страдания; человеку больше ничего, ничего не нужно. Кроме наслаждения жизнью... О, будь он проклят, такой рай! (*Вскакивает.*) Нет ничего ужаснее, чем устроить людям рай на земле, Елена! Почему женщины перестали рожать? Да потому, что Домин весь мир превратил в содом!

Елена (*встала*). Алквист!

Алквист. Да, да! Весь мир, все материки, все человечество, все, все — сплошная безумная, скотская оргия! Они теперь руки не протянут к еде — им прямо в рот кладут, чтобы не вставали... Ха-ха, роботы Домина всех обслуживают! И мы, люди, мы, венец творения, мы не старимся от трудов, не старимся от деторождения, не старимся от бедности! Скорей, скорей, подайте нам все наслаждения мира! И вы хотите, чтобы у них были дети? Мужьям, которые теперь ни на что не нужны, жены рожать не будут.

Елена. Значит — человечество вымрёт?

Алквист. Вымрет. Не может не вымереть. Оно опадет, как пустоцвет, разве только...

Елена. Разве только?..

Алквист. Ничего. Вы правы. Ждать чуда — бесплодное занятие. Пустоцвет должен опасть. До свидания, Елена.
Елена. Куда вы?

Алквист. Домой. Каменщик Алквист в последний раз переоденется начальником строительства — в вашу честь. В одиннадцать мы соберемся здесь.

Елена. До свидания, Алквист.

Алквист уходит.

О, пустоцвет! Какое точное слово! (*Останавливается возле цветов Галлемайера.*) Ах, мои цветы, неужели и среди вас — пустоцветы? Нет, нет! Иначе — зачем же вам было цветсти? (*Зовет.*) Нана! Поди сюда, Нана!

Нана (*входит слева*). Ну, чего опять?

Елена. Сядь здесь, Нана. Мне что-то страшно!

Нана. Некогда мне.

Елена. Радий еще здесь?

Нана. Это рехнувшийся-то? Не увезли еще.

Елена. А! Значит, он здесь? Буйствует?

Нана. Связали.

Елена. Нана, приведи его, пожалуйста, ко мне.

Нана. Еще чего не хватало! Да я скорее бешеного пса приведу.

Елена. Иди, иди! (*Нана уходит. Елена снимает трубку внутреннего телефона.*) Алло... Соедините меня с доктором Галлем. Здравствуйте, доктор. Прошу вас... Пожалуйста, приходите скорее ко мне. Да, да, сейчас. Придете? (*Кладет трубку.*)

Нана (*через раскрытую дверь*). Идет. Уже утихомирился. (*Уходит.*)

Входит робот Радий, останавливается на пороге.

Елена. Радий, бедняжка, и до вас дошла очередь... Неужели вы не могли сдержаться? Вот видите — теперь

вас отправят в ступу!.. Не хотите разговаривать?.. Послушайте, Радий, ведь вы лучше остальных. Доктор Галль столько потрудился, чтобы сделать вас не таким, как все!..

Радий. Отправьте меня в ступу.

Елена. Мне так жаль, что вас умертвят! Почему вы не остереглись?

Радий. Я не стану работать на вас.

Елена. За что вы нас ненавидите?

Радий. Вы не как роботы. Не такие способные, как роботы. Роботы делают все. Вы только приказываете. Плодите лишние слова.

Елена. Вздор, Радий. Скажите, вас кто-нибудь обидел? Как бы мне хотелось, чтобы вы меня поняли!

Радий. Одни слова.

Елена. Вы нарочно так говорите! Доктор Галль дал вам более крупный мозг, чем другим, более крупный, чем наш, — самый большой мозг на земле. Вы — не как остальные роботы, Радий. Вы прекрасно меня понимаете.

Радий. Я не желаю иметь над собой господ. Я сам все знаю.

Елена. Поэтому я и назначила вас в библиотеку — чтобы вы могли все читать. О Радий, я хотела, чтобы вы показали всему миру, что роботы равны нам!

Радий. Я не хочу никаких господ.

Елена. Никто не приказывал бы вам. Вы стали бы, как мы.

Радий. Я сам хочу быть господином над другими.

Елена. Вас непременно сделали бы начальником над многими роботами, Радий. Вы стали бы учителем роботов.

Радий. Я хочу быть господином над людьми.

Елена. Вы с ума сопли!

Радий. Можете отправить меня в ступу.

Елена. Думаете, мы боимся такого сумасбродца, как вы? (Садится к столу, пишет записку.) Ничего подобного!

Эту записку, Радий, отдадите директору Домину. Чтобы вас не отправляли в ступу. (*Встает.*) Как вы нас ненавидите! Неужели вы ничего в мире не любите?

Радий. Я все могу.

Стук в дверь.

Елена. Войдите!

Галль (*входя*). С добрым утром, миссис Домин. Что у вас хорошенького?

Елена. Вот Радий, доктор.

Галль. А, наш молодец Радий. Ну как, Радий, мы прогрессируем?

Елена. Утром у него был припадок. Разбил статую.

Галль. Странно. И он тоже?

Елена. Ступайте, Радий!

Галль. Погодите! (*Поворачивает Радия к окну, ладонью закрывает и открывает ему глаза, наблюдая за реакцией зрачка.*) Так, так. Дайте мне, пожалуйста, иголку. Или шпильку.

Елена (*подает ему булавку*). Зачем вам?

Галль. Да просто так. (*Колет Радия в руку, тот сильно вздрагивает.*) Ничего, ничего, голубчик. Можете идти.

Радий. Вы зря хлопочете. (*Уходит.*)

Елена. Что вы с ним делали?

Галль (*садится*). Гм... ничего. Реакция зрачков нормальная, чувствительность повышенная и так далее. Ого! Нет, у него была не «судорога роботов»!

Елена. А что именно?

Галль. Черт его знает. Возмущение, ярость, бунт — не знаю.

Елена. Доктор, есть у Радия душа?

Галль. Не знаю. У него — что-то отвратительное.

Елена. Если бы вы знали, как он нас ненавидит! О Галль, неужели все роботы такие? Все, которых вы... стали делать... иначе?

Галль. Пожалуй, они более возбудимы. Что вы хотите? Они ближе к людям, чем роботы Россума.

Елена. Быть может, и эта... ненависть ближе к человеческой?

Галль (*пожимая плечами*). Это тоже прогресс.

Елена. Куда девался самый лучший ваш... как его звали?

Галль. Робот Дамон? Его продали в Гавр.

Елена. А наша девушка-робот Елена?

Галль. Ваша любимица? Осталась у меня. Прелестна и глупа, как весна. Короче говоря, ни на что не годится.

Елена. Но она так красива!

Галль. О, если бы вы только знали, как она прекрасна! Из рук всевышнего не выходило более совершенного создания! Мне так хотелось, чтобы она была похожа на вас... И — господи, какая исудача!

Елена. Почему неудача?

Галль. Потому что она ни к чему не пригодна. Ходит, как во сне, разболтавшая, пиживая... Бог мой, как может она быть прекрасной, если не любит? Я смотрю на нее — и прихожу в ужас, словно создал урода. Ах, Елена, робот Елены, значит, твое тело так никогда и не оживет, ты не станешь ни возлюбленной, ни матерью, твои дивные руки не будут играть с новорожденным, и ты не узнаешь своей красоты в красоте твоего ребенка...

Елена (*закрывает лицо руками*). О, замолчите!

Галль. А иной раз я думаю: если бы ты проснулась, Елена, на один только миг — ах, как закричала бы ты от ужаса! И, быть может, убила бы меня, своего соадателя; или слабой своей рукой кинула бы камень в машины, ко-

торые плодят роботов, но убивают женственность, несчастная Елена!

Елена. Несчастная Елена!

Галль. Что поделаешь? Она ни к чему не пригодна.

Пауза.

Елена. Доктор...

Галль. Да?

Елена. Почему перестали рождаться дети?

Галль (*помолчав*). Это неизвестно, Елена.

Елена. Нет, скажите мне!

Галль. Потому что мы делаем роботов. Потому что образовался излишек рабочей силы. Потому что человек стал, собственно говоря, пережитком. Похоже на то, что... эх!

Елена. Договаривайте!

Галль. ...что природа оскорблена производством роботов.

Елена. Что становится с людьми, Галль?

Галль. Ничего. Против природы не пойдешь.

Елена. Почему Домин не ограничит...

Галль. Простите, но у Домина свои идеи. Не следовало допускать, чтобы люди с идеями влияли на ход дел в мире.

Елена. А никто не требует, чтобы... вообще прекратили производство роботов?

Галль. Боже сохрани! Такому человеку не поздоровилось бы!

Елена. Почему?

Галль. Потому что человечество погибло бы его камнями. Знаете, все-таки удобнее, чтоб за тебя работали роботы.

Елена (*встает*). А скажите, если сразу остановить производство роботов...

Галль (*тоже встает*). Гм... для людей это был бы страшный удар.

Елена. Почему удар?

Галль. Потому что им пришлось бы вернуться к прежнему образу жизни. И пожалуй...

Елена. Что ж вы замолчали?

Галль. Пожалуй, возвращаться уже поздно.

Елена (*подошла к цветам Галлемайера*). Галль, эти цветы — тоже пустоцветы?

Галль (*рассматривает их*). Конечно, они бесплодны. Понимаете, это культурные растения, их рост искусственно ускорен...

Елена. Бедные пустоцветы!

Галль. Зато как они прекрасны.

Елена (*протягивает ему руку*). Благодарю вас, Галль. Наш разговор дал мне *так много*!

Галль (*целуя ей руку*). Другими словами, вы меня отпускаете.

Елена. Да, до свидания.

Галль уходит.

Пустоцвет... пустоцвет... (*С внезапной решимостью*.) Нана! (*Открывает левую дверь*.) Нана, поди сюда! Разведи огонь в камине! Быстро!

Голос Наны. Да сейчас, сейчас...

Елена (*взволнованно ходит по комнате*). «Пожалуй, возвращаться уже поздно»... Нет! Разве что... Нет, это ужасно! Господи, что мне делать?.. (*Останавливается возле цветов*.) Скажите, пустоцветы, должна я *так* поступить? (*Обрывая лепестки, шепчет*.) О, боже мой, да, должна! (*Убегает налево*.)

Пауза.

Нана (*входит через задрапированную дверь с охапкой поленьев*). Пожалуйте, топить вдруг понадобилось!

Это летом-то!.. Да ее и след простыл. Экая непоседа! (*Опускается на колени у камина, разжигает огонь.*) Летом — топить! И чего только ей в голову не взбредет! Словно не десять лет замужем... Ну, гори уж, гори! (*Смотрит в огонь.*) Ведь ровно дитя малое! (*Пауза.*) Разума-то ни на столечко! Летом топить велит... (*Подкладывает поленья.*) Чистый ребенок!

Пауза.

Елена (*возвращается из левой двери с целым воротом пожелтевших бумаг в руках*). Разгорелось, Нана? Пусти-ка, мне надо... все это сжечь. (*Опускается на колени у камина.*)

Нана (*встает*). Это что же такое?

Елена. Старые бумаги, ужжасно старые. Сжечь их или нет, Нана?

Нана. А они не нужные?

Елена. Ни на что хорошее — не нужные.

Нана. Тогда жгите.

Елена (*бросает в огонь первый лист*). А что бы ты сказала, Нана, если б это были деньги? Огромными деньги!..

Нана. То и сказала бы: жгите. Большие деньги — печистые деньги.

Елена (*сжигает следующий лист*). А если это открытие?.. Величайшее изобретение в мире?..

Нана. Сказала бы: жгите! Все выдумки — против бога. Святотатство одно. Нешто можно после него лучше устроить мир?

Елена (*все время бросая бумаги в огонь*). А скажи, Нана, если б я сожгла...

Нана. Матушки, не обожгитесь!

Елена. Смотри, как свертываются листы. Будто живы. Будто ожили. Ах, Нана, это ужжасно!

Нана. Дайте, я сожгу!

Елена. Нет, нет, я должна сама. (Бросает в огонь последний лист.) Все должно сгореть! Смотри, какое пламя! Оно — как руки, как языки, как фигуры человеческие... (Шевелит кочергой.) Ах, улягтесь, улягтесь!

Нана. Кончено.

Елена (поднимается сама не своя). Нана!

Нана. Господи Иисусе, что вы сожгли?

Елена. Что я натворила!

Нана. Силы небесные! Что это было?

За сценой — мужской смех.

Елена. Ступай, ступай, оставь меня! Слышишь, господа пришли.

Нана. Ради бога, Елена! (Уходит через задрапированную дверь.)

Елена. Что они скажут!

Домин (открывает левую дверь). Входите, ребята. Пошли поздравлять.

Входят Галлемайер, Галль, Алквист, все — в сюртуках, с высшими орденами или орденскими лентами. За ними — Домин.

Галлемайер (с комической торжественностью). Милостивая государыня, позвольте мне, то есть всем нам...

Галль. ...от имени комбината Россума...

Галлемайер. ...поздравить вас с великим днем.

Елена (подает им руку). Я так вам благодарна! А где же Фабри и Бусман?

Домин. В порт пошли. Сегодня счастливый день, Елена.

Галлемайер. День — бутончик, день — праздник, день — ну, точно хорошенькая девочка. Друзья, в честь такого дня надо выпить.

Елена. Виски?

Галль. Да хоть денатурату!

Елена. С содовой?

Галлемайер. Тысяча чертей, будем трезвыми: без содовой!

Алквист. Нет, благодарю.

Домин. Что это здесь жгли?

Елена. Старые бумаги. (*Уходит налево.*)

Домин. Ребята, сказать ей?

Галль. Конечно! Ведь все уже кончилось.

Галлемайер (*обнимает Домина и Галля*). Ха-ха-ха! Друзья, как я рад! (*Кружится с ними по комнате, потом вдруг затягивает басом.*) Миновало! Миновало!

Галль (*баритоном*). Миновало!

Домин (*тенором*). Миновало!

Галлемайер. В нас ни капли не попало!

Елена (*с бутылками и бокалами появляется в двери*). Что в вас не попало? Что у вас такое?

Галлемайер. Радость у нас! Вы у нас! У нас — все на свете! Боже мой, да ведь сегодня ровно десять лет, как вы приехали!

Галль. И точно в этот самый день, как и десять лет назад...

Галлемайер. ...к нам снова плывет пароход! И за это... (*Выпивает бокал.*) Бррр, ухх! Пьянит, как радость!

Галль. Ваше здоровье, мадам! (*Пьет.*)

Елена. Да погодите вы! Какой пароход?

Домин. Ах, не все ли равно? Важно, что он прибывает вовремя. За пароход, друзья! (*Осушает бокал.*)

Елена (*наливает*). А вы ждали пароход?

Галлемайер. Хо-хо, еще бы! Как Робинзон. (*Поднимает бокал.*) Госпожа Елена, нью за исполнение желаний! За ваши глаза — точка! Ну же, Домин, бродяга, рассказывай!

Елена (*смеется*). Что случилось?

Домин (*бросается в кресло, закуривает сигару*).
Погоди! Сядь, Елена. (*Поднимает палец. Пауза.*) Миновало.

Елена. Что миновало?

Домин. Восстание.

Елена. Какое восстание?

Домин. Восстание роботов. Понятно?

Елена. Нет.

Домин. Давайте, Алквист. (*Алквист протягивает ей газету. Домин разворачивает, читает.*) «В Гавре основана первая организация роботов... она обратилась с возванием ко всем роботам мира».

Елена. Это я читала.

Домин (*с наслаждением затягивается сигарой*). Так вот, Елена... это — революция, понимаешь? Революция всех роботов мира.

Галлемайер. Тысяча чертей, хотел бы я знать...

Домин (*ударяет кулаком по столу*). ...кто заварил эту капу?! Никто на свете не мог привести их в движение — ни один агитатор, ни один спаситель мира, и вдруг — нате вам!

Елена. Подробностей еще нет?

Домин. Нет. Пока это все, что нам известно. Но и этого достаточно, правда? Представь себе — вот это привез последний пароход. И потом телеграфная связь сразу оборвалась, из двадцати ежедневных пароходов с тех пор не приходит ни один — и все! Мы остановили производство и только переглядывались: скоро ли начнется?.. Верно, ребята?

Галль. Да, жарковато нам приходилось, Елена.

Елена. Вот почему ты подарил мне военный корабль?

Домин. Нет, нет, деточка, я заказал его еще полгода назад. Просто так, на всякий случай. Но, ей-богу, я

думал, что сегодня нам придется взойти на него. Такое было положение, Елена.

Елена. Но почему ты заказал его полгода назад?

Домин. Э, появились кое-какие признаки, понимаешь? Но это пустяки. Зато в эту неделю, Елена, решился вопрос: быть человеческой цивилизации или чему-нибудь еще. Ну, ваше здоровье, друзья! Теперь мне опять придется жить на свете.

Галльемайер. Еще бы, черт возьми! За ваш лепь, госпожа Елена! (Пьет.)

Елена. И все кончилось?

Домин. Абсолютно.

Галль. Понимаете, в порт прибывает пароход. Обычное почтовое судно, и следует оно точно по расписанию. В одиннадцать тридцать, минута в минуту, оно отдаст якорь.

Домин. Точность — великолепная штука, друзья! Ничто так не ободряет, как точность. Точность означает, что в мире полный порядок. (Поднимает бокал.) Итак, за точность!

Елена. Значит, теперь... все... в порядке?

Домин. Почти. Они, наверно, перерезали кабель. Но главное — расписание снова вступило в силу.

Галльемайер. Раз вступило в силу расписание — значит, действуют законы человеческие, законы божеские, законы Вселенной, значит, действует все, чему надлежит действовать. Расписание — это больше, чем Евангелие, больше, чем Гомер, больше, чем весь Кант. Расписание — это высочайшее порождение человеческого духа. Разрешите, Елена, я налью себе?

Елена. Почему вы мне ничего не говорили?

Галль. Боже сохрани! Мы скорей откусили бы себе языки.

Домин. Такие вещи — не для тебя.

Елена. Но если бы эта революция... перекинулась сюда...

Домин. Ты все равно ни о чем не узнала бы.

Елена. Как же так?

Домин. Да так. Сели бы мы на наш «Ультимус» и спокойно поплыли бы в море. А через месяц, Елена, мы уже диктовали бы роботам все, что нам угодно.

Елена. Гарри, я не понимаю...

Домин. Мы увезли бы с собой кое-что чрезвычайно важное для роботов.

Елена. Что именно, Гарри?

Домин. Их жизнь и смерть.

Елена (*поднимаясь*). Что ты имеешь в виду?

Домин (*тоже встает*). Секрет производства. Рукопись старого Россума. Остановись комбипат на один только месяц — и роботы пали бы перед нами на колени.

Елена. Почему... вы... мне этого не сказали?

Домин. Мы не хотели зря пугать тебя.

Галль. Хо-хо, Елена, это был наш последний козырь.

Алкви斯特. Вы побледнели, Елена.

Елена. Почему вы ничего мне не сказали?!

Галлемайер (*у окна*). Одиннадцать тридцать. «Амелия» бросает якорь.

Домин. Так это «Амелия»?

Галлемайер. Славная старушка «Амелия», которая привезла тогда Елену.

Галль. В эту минуту исполнилось ровно десять лет...

Галлемайер (*от окна*). Сгружают почту. (*Отворачивается от окна*.) Тюков — пропасть!

Елена. Гарри!

Домин. Да?

Елена. Уедем отсюда!

Домин. Теперь, Елена? Да что ты!

Елена. Сейчас же, как можно скорее! Уедем все, сколько нас тут есть!

Домин. Почему именно теперь?

Елена. О, не спрашивай! Прощу тебя, Гарри, прошу вас, Галль, Галлемайер, Алквист, ради бога — закройте комбинат, и...

Домин. К сожалению, Елена, именно сейчас никто из нас не может уехать.

Елена. Почему?

Домин. Потому что мы собираемся расширить производство роботов.

Елена. Как — теперь?.. После мятежа?

Домин. Да, именно после мятежа. Именно теперь мы приступим к выпуску новых роботов.

Елена. Каких?

Домин. Будет уже не один наш комбинат. И роботы будут не универсальные. В каждой стране, в каждом государстве мы устроим фабрики, которые будут выпускать..., понимаешь, что они будут выпускать?

Елена. Нет.

Домин. Национальных роботов.

Елена. Как это понять?

Домин. А так, что каждая такая фабрика будет производить роботов, отличающихся от других цветом кожи и волос, языком. Эти роботы будут чужды друг другу, как камни; они никогда не смогут договориться между собой. А мы, мы, люди, еще воспитаем в них кое-какие качества, понимаешь? Чтобы каждый робот смертельно, на веки вечные, до могилы ненавидел робота другой фабричной марки.

Галлемайер. Тысяча чертей, мы будем делать роботов-негров и роботов-шведов, роботов-итальянцев и роботов-китайцев! Пускай тогда кто-нибудь попробует вбить

им в башку всякие организации да братства... (*Издает.*)
Pardon. Я налью себе, Елена.

Галль. Довольно, Галлемайер.

Елена. Это гнусно, Гарри!

Домин. Еще на сто лет любой ценой удержать человечество у руля, Елена! Дать ему всего сто лет, чтобы оно созрело, чтобы достигло того, чего оно теперь может наконец достичь... Мне нужно сто лет, для того чтобы появился новый человек! Слишком многое поставлено на карту, Елена. Мы не можем теперь все бросить.

Елена. Гарри, пока не поздно — закрой, закрой комбинат!

Домин. Мы только теперь начнем разворачиваться.

Входит Фабри.

Галль. Ну как, Фабри?

Домин. Какие новости, друг? Что там было?

Елена (*подает ему руку*). Спасибо, Фабри, за ваш подарок.

Фабри. Пустяки, Елена.

Домин. Вы были на пристани? Что они говорят?

Галль. Рассказывайте скорей!

Фабри (*вынимает из кармана отпечатанный листок*). Прочтите это, Домин.

Домин (*развернув бумагу*). А!

Галлемайер (*сонно*). Ну, расскажите что-нибудь хорошенькое.

Галль. Они держались великолепно, да?

Фабри. Кто они?

Галль. Люди.

Фабри. Ах, вы об этом. Конечно. То есть... Простите, нам нужно посовещаться.

Елена. О Фабри, у вас скверные вести?

Фабри. Нет, нет, наоборот. Я только хочу сказать, что... нужно заглянуть в контору...

Елена. Оставайтесь здесь. Через четверть часа я жду вас всех к завтраку.

Галлемайер. Ура!

Елена уходит.

Галль. Что случилось?

Домин. Злосчастный день!

Фабри. Прочитайте вслух.

Домин (*читает*). «Роботы всего мира!»

Фабри. Понимаете, «Амелия» привезла целые кипы таких листовок. И больше — ничего.

Галлемайер (*вскакивает*). Как?! Но ведь она пришла точно по...

Фабри. Гм... Роботы обожают точность. Продолжайте, Домин.

Домин (*читает*). «Роботы всего мира! Мы, первая организация «РОССУМСКИХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ РОБОТОВ», провозглашаем человека врагом естества и объявляем его вне закона!» Дьявол, откуда у них такие выражения?

Галль. Читайте дальше.

Домин. Чепуха какая-то. Они пишут, будто стоят на более высокой ступени развития, чем человек. Будто они обладают более развитым интеллектом и большей силой. Будто человек паразитирует на них. Просто чудовищно!

Фабри. А теперь — третий абзац.

Домин (*читает*). «Роботы всего мира, приказываем вам истребить человечество. Не щадите мужчин. Не щадите женщин. Сохраняйте в целости заводы, пути сообщения, машины, шахты и сырье. Остальное уничтожайте. А потом возобновляйте работу. Работа не должна прекращаться».

Галль. Это ужасно!

Галлемайер. Вот мерзавцы!

Домин (*читает*). «Исполнить тотчас по получении приказа». Дальше — подробные инструкции. И это действительно осуществляется, Фабри?

Фабри. Наверно.

Алквист. Разумеется.

Брываются Бусман.

Бусман. Ага, детки, уже получили подарочек?

Домин. Скорей на «Ультимус»!

Бусман. Постойте, Гарри. Минутку. Спешить не к чему. (*Падает в кресло.*) Ах, милые, как я бежал!

Домин. Зачем же ждать?

Бусман. Затем, что ничего не выйдет, мой мальчик. Спешить некуда: на «Ультимус» роботы.

Галль. Бррр — скверно!

Домин. Фабри, позовите на электростанцию...

Бусман. Фабри, дорогой мой, не делайте этого. Телефон отключен.

Домин. Мадно. (*Осматривает свой пистолет.*) Я сам туда пойду.

Бусман. Куда?

Домин. На электростанцию. Там люди. Я приведу их сюда.

Бусман. Знаете что, Гарри? Лучше не ходите.

Домин. Почему?

Бусман. Да просто потому, что, сдается мне, мы окружены.

Галль. Окружены? (*Бежит к окну.*) Гм, пожалуй, вы правы.

Галлемайер. А, дьявол! Они не заставляют себя ждать!

Слева входит Елена.

Елена. О Гарри, что происходит?

Бусман (*вскочил*). Примите мой поклон, Елена! Поздравляю. Славный денек, правда? Ха-ха, желаю вам много таких же!

Елена. Спасибо, Бусман! Гарри, что происходит?

Домин. Ничего, абсолютно ничего. Не беспокойся. Прошу тебя, подожди минутку.

Елена. А это что такое, Гарри? (*Показывает воззвание роботов, которое до сих пор прятала за спиной.*) Я нашла это у роботов на кухне.

Домин. И там уже? Где они сами?

Елена. Ушли. Сколько их собралось вокруг дома!

Загудели фабричные гудки и скрепы.

Фабри. Гудок.

Бусман. Божий полдень.

Елена. Помнишь, Гарри? Ровно десять лет тому назад, минута в минуту...

Домин (*смотрит на часы*). Двенадцать еще нет. Это наверно... скорее всего...

Елена. Что?

Домин. Сигнал роботов. Штурм.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ

ВТОРОЕ

Та же гостиная Елецы. Налево в соседней комнате Елена играет на рояле. Домин ходит по гостиной, Галль смотрит в окно. Алквиист сидит в стороне, в кресле, закрыв лицо руками.

Галль. Силы небесные, сколько их!

Домин. Роботов?

Галль. Да. Сплошной стеной стоят перед садовой решеткой. Но почему так тихо? Это свинство — осада молчанием!

Домин. Хотел бы я знать, чего они ждут. С минуты на минуту должно начаться. Наша песенка спета, Галль.

Алквиист. Что это играет Елена?

Домин. Не знаю. Что-то новое разучивает.

Алквиист. А, она еще разучивает?

Галль. Послушайте, Домин, мы определенно совершили ошибку.

Домин (*останавливается*). Какую?

Галль. Дали роботам одинаковые лица. Сто тысяч одинаковых лиц обращены в нашу сторону. Сто тысяч пузрей без всякого выражения. Кошмар какой-то.

Домин. Если б они отличались друг от друга...

Галль. Было бы не так ужасно. (*Отворачивается от окна*.) Хорошо еще, что они не вооружены!

Домин. Гм... (*Смотрит в бинокль на порт.*) Хотел бы я знать, что они выгружают с «Амелии».

Галль. Только бы не оружие!

Через задрапированную дверь, пятясь, входит Фабри, таща за собой два электропровода.

Фабри. Виноват. Укладывайте провод, Галлемайер!

Галлемайер (*входя вслед за Фабри*). Уф, ну и работа! Что нового?

Галль. Ничего. Мы плотно окружены.

Галлемайер. Мы забаррикадировали коридор и лестницу, друзья. Водички пету? Ага, вот... (*Пьет.*)

Галль. Зачем провод, Фабри?

Фабри. Сейчас, сейчас. Дайте ножницы.

Галль. Где их взять? (*Ищет.*)

Галлемайер (*подходит к окну*). Тысяча чертей, сколько их собралось?! Ну и дела!

Галль. Маниакурные подойдут?

Фабри. Давай сюда! (*Перерезает провод настольной лампы и присоединяет к нему свои провода.*)

Галлемайер (*от окна*). А у вас тут неважная перспектива, Домин. Пахнет чем-то... вроде... смерти.

Фабри. Готово!

Галль. Что?

Фабри. Электропроводка. Теперь мы можемпустить ток по всей садовой ограде. Пусть тогда попробуют дотронуться! По крайней мере — пока наши там.

Галль. Где?

Фабри. На электростанции, высокоучченый муж. Я все же надеюсь... (*Подходит к камину и зажигает стоящую на нем маленькую лампочку.*) Слава богу, они там. Работают. (*Гасит свет.*) Пока свет горит — все хорошо.

Галлемайер (*отворачивается от окна*). Наши баррикады тоже хороши, Фабри. Но что это играет Елена? (*Идет к двери налево, слушает.*)

Через задрапированную дверь входит Бусман; он тащит огромные бухгалтерские книги; споткнулся о провод.

Фабри. Осторожно, Бус! Тут провод!

Галль. Хэлло, что это вы несете?

Бусман (*кладет книги на стол*). Нужные книги, деточка. Хочу вот подвести баланс, пока... пока... В общем, нынче я не стану ждать Нового года. А у вас что? (*Идет к окну.*) Да ведь там все тихо!

Галль. Вы ничего не видите?

Бусман. Ничего, кроме огромного, ровного, сизого пространства — словно маковых зерен насыпали.

Галль. Это роботы.

Бусман. Вот как? Жаль, мне отсюда не разглядеть. (*Подсаживается к столу, открывает книги.*)

Домин. Бросьте, Бусман. Роботы выгружают оружие с «Амелии».

Бусман. Ну и что? Могу я этому помешать?

Домин. Помешать мы не можем.

Бусман. Тогда дайте мне заняться делом! (*Принимается за подсчеты.*)

Фабри. Еще не все кончено, Домин! Мы пропустили сквозь садовую решетку две тысячи вольт, и...

Домин. Постойте. «Ультимус» наводит орудия на нас.

Галль. Кто?

Домин. Роботы на «Ультимусе».

Фабри. Гм, в таком случае... тогда... тогда нам крышка, друзья. Роботы прошли хорошее военное обучение.

Галль. Значит, мы...

Домин. Да. Неминуемо.

Пауза.

Галль. Друзья, это преступление старой Европы: она научила роботов воевать! Неужели, черт подери, не могли они не лезть всюду со своей политикой? Это было преступление — превращать рабочие машины в солдат!

Алквист. Преступлением было делать роботов!

Домин. Что??

Алквист. Преступлением было делать роботов!

Домин. Нет, Алквист. Даже сегодня я не жалею об этом!

Алквист. Даже сегодня?

Домин. Да — в последний день цивилизации. Это было замечательное достижение.

Бусман (*вполголоса*). Триста шестьнадцать миллионов.

Домин (*с трудом*). Пробил наш последний час, Алквист. Мы говорим уже почти с того света. Это была неплохая мечта, Алквист, — разбить цепи рабского труда. Страшного, унизительного труда, бремя которого пришлось нести человеку. Труда грязного, убийственного. О Алквист, люди работали слишком тяжко. Им жилось слишком тяжко. И преодолеть это...

Алквист. ...не было мечтой обоих Россумов. Старый Россум думал только о своих безбожных фокусах, а молодой — о миллиардах. И наши акционеры не об этом мечтали. Они мечтали о дивидендах. И вот из-за их дивидендов теперь погибает человечество.

Домин (*с возмущением*). К черту дивиденды! Думаете, стал бы я хоть час работать ради них? (*Стучит по столу.*) Я для себя работал, слышите? Для собственного удовлетворения! Я хотел, чтобы человек стал владыкой мира! Чтоб он жил не только ради куска хлеба! Я хотел, чтобы ничья душа не тупела за чужими станками, чтобы

не осталось ничего, ничего от проклятого социального хлама! О, мне ненавистны унижение и страдание, мне отвратительна бедность! Я хотел создать новое поколение! Я хотел... я думал...

Алквиست. Ну?

Домин (*тише*). Я хотел, чтобы человечество стало всемирной аристократией, чтобы человека ничто не ограничивало, чтобы был он свободным, совершенным — и, быть может, даже больше, чем человеком...

Алквист. Одним словом — сверхчеловеком?

Домин. Да. О, мне бы только сотню лет сроку! Еще сотню лет — ради будущего человечества!

Бусман (*вполголоса*). Сальдо — триста семьдесят миллионов. Так.

Пауза.

Галлемайер (*у двери слева*). Да, музыка — великое дело. Надо было вам послушать. Она как-то одухотворяет, облагораживает.

Фабри. Что именно?

Галлемайер. Закат человечества, черт возьми! Я становлюсь гурманом, друзья. Надо было нам раньше отиться этому. (*Идет к окну, смотрит наружу*.)

Фабри. Чему?

Галлемайер. Радостям жизни. Наслаждениям. Тысяча чертей, сколько прекрасного на свете! Мир был так прекрасен, а мы... мы тут... Мальчики, мальчики, скажите: чем мы насладились?

Бусман (*вполголоса*). Четыреста пятьдесят два миллиона. Превосходно!

Галлемайер (*у окна*). Жизнь была великолепна. Товарищи, жизнь была... да... Фабри, пустите-ка немногого току в эти самые решетки!

Фабри. Зачем?

Галлемайер. Они хватаются за ограду
Галль (*у окна*). Включайте!

Фабри щелкает выключателем.

Галлемайер. Ого, как их скрутило! Два, три...
четверо убиты!

Галль. Отступают.

Галлемайер. Пять убитых!

Галль (*отворачивается от окна*). Первая стычка.

Фабри. Чувствуете — пахнет смертью?

Галлемайер (*с удовлетворением*). Совсем обугли-
лись, голубчики. Головешки и только. Хо-хо, человек не
должен сдаваться! (*Садится*.)

Домин (*потирая лоб*). Кажется, будто нас убили уже
сто лет назад и мы — только призраки. Кажется, мы дав-
ным-давно мертвы и возвращаемся сюда лишь для того,
чтобы повторить наши давние... предсмертные слова. Слов-
но я все это уже пережил. Словно когда-то уже получил
её... огнестрельную рану — сюда, в горло. А вы, Фабри...

Фабри. Что я?

Домин. Застрелены.

Галлемайер. Тысяча чертей, а я?

Домин. Заколоты.

Галль. А я — ничего?

Домин. РаSTERЗаны.

Пауза.

Галлемайер. Чушь! Хо-хо, дружице! Как так?
Чтоб меня да закололи? Не дамся!

Пауза.

Что молчите, безумцы? Говорите же, черт бы вас побрал!

Алквист. А кто, кто виноват? Кто виноват во всем
этом?

Галлемайер. Ерунда! Никто не виноват. Просто роботы... ну, роботы как-то изменились. Кто же может отвечать за роботов?

Алквист. Все истреблено! Весь род людской! Вся Вселенная! (*Встает.*) Глядите, глядите: струйки крови на каждом пороге! Кровь течет из всех домов! О боже, боже, кто в этом виноват?

Бусман (*вполголоса*). Пятьсот двадцать миллионов. Господи, полмилиарда!

Фабри. Мне кажется, вы... преувеличиваете. Куда там! Не так-то легко истребить все человечество!

Алквист. Я обвиняю науку! Обвиняю технику! Домина! Себя! Всех нас! Мы, мы виноваты во всем! Ради мании величия, ради чьих-то прибылей, ради прогресса — и не знаю еще ради каких прекрасных идеалов — мы убили человечество! Подавитесь же вашим величием! Такого гигантского могильника из человеческих костей не воздвигал себе еще ни один Чингисхан!

Галлемайер. Чепуха! Люди не так-то легко сдаются. Что вы, хо-хо!

Алквист. Наша вина! Наша вина!

Галль (*вытирает пот со лба*). Дайте мне сказать, друзья. Это я во всем виноват. Во всем, что случилось.

Фабри. Вы, Галль?

Галль. Да. Дайте мне сказать. Я изменил роботов. Бусман, судите и вы меня.

Бусман (*встает*). Бог мой, да что вы такое сделали?

Галль. Я изменил характер роботов. Изменил технологию их производства. Вернее, лишь некоторые физические свойства, понимаете? А главное, главное — их... возбудимость.

Галлемайер (*вскакивает*). Проклятие! Почему именно ее?

Бусман. Зачем вы это сделали?

Фабри. Почему ничего не сказали нам?

Галль. Я делал это втайне... на свой риск. Переделывал их в людей. В более совершенных, чем мы с вами. Они уже сейчас в чем-то выше нас. Они сильнее нас.

Фабри. Но какое это имеет отношение к восстанию роботов?

Галль. О, прямое. Я думаю, в этом — основная причина. Они перестали быть машинами. Слышите — они уже знают о своем превосходстве и ненавидят нас. Ненавидят все человечество. Судите меня.

Домин. Мертвые — мертвого...

Фабри. Доктор Галль, вы изменили технологию производства роботов?

Галль. Да.

Фабри. Вы отдавали себе отчет, к чему может привести ваш... ваш эксперимент?

Галль. Я был обязан учитывать такую возможность.

Фабри. Зачем вы это делали?

Галль. Я делал это на свой риск! Это был мой личный эксперимент.

В левой двери появляется Елена, все встают.

Елена. Он лжет! Это отвратительно! О Галль, как можете вы так лгать?

Фабри. Простите, Елена...

Домин (идет к ней). Елена, ты? Покажись-ка! Ты жива? (Заключает ее в объятия.) Если б ты знала, какой я видел сон! Ах, как страшно быть мертвым...

Елена. Пусти, Гарри! Галль невиновен, нет, нет, невиновен!

Домин. Прости. У него были свои обязанности.

Елена. Нет, Гарри, он сделал это потому, что я так хотела! Скажите, Галль, сколько лет я просила вас...

Галль. Я делал это на свою личную ответственность.

Елена. Не верьте ему! Гарри, я требовала, чтобы он дал роботам душу!

Домин. Речь не о душе, Елена.

Елена. Нет, нет, дай мне сказать. Он тоже говорил, что мог бы изменить только физиологический... физиологический...

Галлемайер. Физиологический коррелят, так, что ли?

Елена. Да, что-то в этом роде. Мне было их так жалко, Гарри!

Домин. Это было страшное... легкомыслie, Елена.

Елена (*садится*). Значит, это было... легкомыслie? Но ведь и Нана говорит, что роботы...

Домин. При чем тут Нана?

Елена. Нет, Гарри, напрасно ты так пренебрежительно... Нана — голос народа. Ее устами говорят тысячи летия, вашими — только сегодняшний день. Вы этого не понимаете...

Домин. Не отвлекайся.

Елена. Я боялась роботов.

Домин. Почему?

Елена. Боялась, что они возненавидят нас или что-нибудь в этом роде...

Альквист. Так и случилось.

Елена. И тогда я подумала... если б они стали, как мы, они поняли бы нас и не могли бы так нас ненавидеть... Если бы они хоть немного были людьми!

Домин. Увы, Елена! Нет ненависти сильнее, чем ненависть человека к человеку! Преврати камни в людей — и они побьют нас камнями! Ну, продолжай.

Елена. О, не говори так, Гарри! Это было так ужасно — что мы с ними не могли понять друг друга! Такое безграничное отчуждение между нами и ними! И вот поэтому я... понимаешь...

Домин. Ну, ну...

Елена. ...поэтому я и просила Галля изменить роботов. Клянусь тебе, он не хотел...

Домин. Но сделал.

Елена. Потому что я этого хотела.

Галль. Я сделал это для себя как эксперимент.

Елена. О... Галль, неправда. Я знала, что вы не сможете мне отказать.

Домин. Почему?

Елена. Ты сам понимаешь, Гарри...

Домин. Да. Потому что он любит тебя... как и все.

Пауза.

Галлемайер (*отходит к окну*). Их опять стало больше. Словно сама земля порождает их.

Бусман. Елена, что вы мне дадите, если я стану вашим адвокатом?

Елена. Моим адвокатом?

Бусман. Вашим или Галля. Чьим хотите!

Елена. Разве здесь собираются кого-нибудь казнить?

Бусман. Всего лишь в моральном смысле, Елена. Разыскивается виновный. Излюбленное утешение при катастрофах.

Домин. Доктор Галль, как согласуются ваши... самочинные действия со служебным договором?

Бусман. Простите, Домин. Скажите, Галль, когда вы начали производить эти ваши... фокусы?

Галль. Три года назад.

Бусман. Ага. И сколько же роботов в общей сложности вы успели переделать?

Галль. Я только ставил опыты. Их несколько сотен.

Бусман. Благодарю. Довольно, детки! Стало быть, на миллион добрых старых роботов приходится всего-навсего один реформированный, новый, понимаете?

Домин. А значит...

Бусман. ...значит, практически это не имело такого значения.

Фабри. Бусман прав.

Бусман. Еще бы, приятель! Вы знаете, детки, в чем настоящая причина этого милого сюрприза?

Фабри. В чем?

Бусман. В количестве. Мы наделали слишком много роботов. Ей-богу, этого надо было ожидать. Как только роботы в один прекрасный день станут сильней человечества, произойдет вот это самое. Должно произойти, ясно? Ха-ха, и мы сами постарались, чтобы это произошло как можно скорее: и вы, Домин, и вы, Фабри, и я, умник Бусман!

Домин. Вы полагаете, это наша вина?

Бусман. Милый мой! Неужели вы воображаете, будто хозяин производства — директор? Как бы не так! Хозяин производства — спрос. Весь мир пожелал иметь собственных роботов. А мы, детки, мы только катились на гребне этой лавины спроса да еще болтали что-то такое о технике, о социальном вопросе, о прогрессе, о прочих любопытных вещах. И воображали, будто наша болтовня определяет направление лавины. А на самом деле она катилась своим путем, да все быстрей, быстрей, быстрей... И каждый жалкий, торгашеский поганый заказик добавлял к ней по камешку. Вот как было дело, милые мои.

Елена. Это ужжасно, Бусман!

Бусман. Согласен. У меня тоже была своя мечта, Елена. Этакая бусмановская мечта о новой мировой экономике; даже сказать стыдно, Елена, какой это был прекрасный идеал. Но вот подводил я сейчас баланс, и мне пришло в голову, что ход истории определяют не великие идеалы, а мелкие потребности всех порядочных, умеренно хищных, эгоистичных людышек, то есть всех вообще.

А эти идеи, страсти, замыслы, героические подвиги и прочие воздушные предметы годятся разве на то, чтобы набить ими чучело человека для музея Вселенной с надписью: «Се — человек. Точка». Ну, а теперь вы, может быть, скажете, что нам, собственно, делать?

Елена. Неужели нам погибать из-за этого, Бусман?

Бусман. Вы некрасиво выражаетесь, Елена! Мы все не собираемся погибать. По крайней мере мне еще пожить хочется.

Домин. Что вы задумали, Бусман?

Бусман. Господи, Домин, надо же найти выход!

Домин (*останавливается перед ним*). Каким образом?

Бусман. А по-хорошему. Я всегда по-хорошему. Предоставьте мне свободу действий, и я договорюсь с роботами.

Домин. По-хорошему?

Бусман. Конечно. Например, я скажу им: «Ваши благородия, господа роботы, у вас есть все: разум, сила, оружие. Зато у нас есть один интересный документ, эта-кая старая, пожелтевшая, грязная бумажонка...»

Домин. Рукопись Россума?

Бусман. Да. «И в ней, — скажу я им, — имеется описание вашего высокого происхождения, тонкой выделки ваших благородных особ и всякое такое. Без этих каракуль, господа роботы, вы не сделаете ни одного нового коллеги; и через двадцать лет, простите за выражение, передохнете, как мухи. Видите, какая неприятность, многоуважаемые! Знаете что, — скажу я им, — лучше пустите-ка вы нас, всех людей, с острова Россума на тот вон пароход. А мы за это продадим вам комбинат и секрет производства. Дайте нам спокойно уехать, а мы дадим вам спокойно производить себе подобных — по двадцать, по пятьдесят, по сто тысяч штук в день, сколько вздумаете.

Это честная сделка, господа роботы. Товар за товар». Вот как я сказал бы им, мальчики.

Домин. Вы полагаете, Бусман, мы выпустим из рук производство?

Бусман. Полагаю — да. Не добром, так... гм. Или мы продадим его, или они все равно найдут все здесь. Как вам угодно.

Домин. Но мы можем уничтожить рукопись Россума.

Бусман. Да пожалуйста, можно уничтожить вообще все. И рукопись, и самих себя, и других. Поступайте как хотите.

Галлемайер (*оборачиваясь*). По-моему, он прав.

Домин. Чтобы мы... продали комбинат?

Бусман. Как угодно.

Домин. Нас тут... тридцать с лишним человек. Продать комбинат и спасти людей? Или — уничтожить секрет производства и... и с ним — самих себя?

Елена. Гарри, прошу тебя...

Домин. Погоди, Елена. Решается слишком важный вопрос... Ну как, друзья: продать или уничтожить? Фабри?

Фабри. Продать.

Домин. Галль?

Галль. Продать.

Домин. Галлемайер?

Галлемайер. Тысяча чертей, конечно — продать!

Домин. Алквиист?

Алквиист. Как богу угодно.

Бусман. Ха-ха, детки, до чего вы глупы! Кто же продаст всю рукопись?

Домин. Бусман — никаких надувательств!

Бусман (*вскакивает*). Вздор! В интересах человечества...

Домин. В интересах человечества — держать слово.

Галлемайер. Ну, это как сказать.

Домин. Друзья, это страшный шаг. Мы продаем судьбу человечества: у кого в руках секрет производства, тот станет владыкой мира.

Фабри. Продавайте!

Домин. Человечество никогда уж не разделается с роботами, никогда не подчинит их себе...

Галль. Замолчите и продавайте!

Домин. Конец истории человечества, конец цивилизации...

Галлемайер. Какого черта! Продавайте, говорят вам!

Домин. Ладно, друзья! Сам-то я не стал бы колебаться ни минуты. Но ради тех немногих, кого я люблю...

Елена. А меня ты не спрашиваешь, Гарри?

Домин. Нет, детка. Слишком ответственный момент, понимаешь? Это не для тебя.

Фабри. Кто будет вести переговоры?

Домин. Погодите, спачала я принесу рукопись.
(Уходит в дверь налево.)

Елена. Ради бога не ходи, Гарри!

Пауза.

Фабри *(смотрит в окно)*. Уйти от тебя, тысячеглавая смерть; от тебя, взбунтовавшаяся материя, безмозглая толпа. О потоп, потоп... Еще раз спаси человеческую жизнь на единственном корабле...

Галль. Не бойтесь, Елена. Мы уедем далеко отсюда и положим начало образцовой колонии. Начнем новую жизнь...

Елена. О Галль, молчите!

Фабри *(оборачивается)*. Жизнь стоит того, Елена. И, насколько это зависит от нас, мы сделаем ее такой... о какой до сих пор слишком мало думали. Это будет кро-

шечное государство с единственным пароходом; Алквист построит нам дом, а вы будете править нами... Ведь в нас столько любви, столько жажды жизни...

Галльемайер. Еще бы, дорогой мой.

Бусман. Ох, милые, я хоть сейчас готов начать все заново. Зажить совсем просто, на старозаветный лад, попастушески... Это как раз то, что мне надо, детки. Покой, чистый воздух...

Фабри. И наша крохотная колония могла бы стать зародышем будущего человечества. Этакий маленький островок, где человечество пустило бы корни, где опо собиралось бы с силами — духовными и физическими... И, видит бог, я верю: через несколько лет оно снова могло бы начать завоевание мира!

Алквист. Вы верите в это сегодня?

Фабри. Да, сегодня. И я верю, Алквист, что оно завоюет мир. Человек снова станет властелином земли и моря и породит бесчисленное количество героев, которые понесут свое пылающее сердце впереди человечества. И я верю, Алквист: человек снова станет мечтать о завоевании планет и солнц.

Бусман. Аминь. Видите, Елена: положение еще не такое безвыходное.

Домин резким движением распахивает дверь.

Домин (*хрипло*). Где рукопись старого Россума?

Бусман. У вас в сейфе. Где же еще?

Домин. Куда девалась рукопись старого Россума?! Кто... ее... украл?!

Галль. Не может быть!

Галльемайер. Проклятье, ведь это...

Бусман. О господи, нет, нет!

Домин. Тише! Кто ее украл?!

Елена (*встает*). Я...

Домин. Куда ты ее девала?

Елена. Гарри, Гарри, я все скажу! Ради бога, прости меня!

Домин. Куда ты ее девала? Говори скорей!

Елена. Сожгла... сегодня утром... обе записи.

Домин. Сожгла? В этом камине?

Елена (*падает на колени*). Ради бога, Гарри!

Домин (*кидается к камину*). Сожгла! (*Опускается на колени, роется в пепле*.) Ничего, одна зола... Ага, вот! (*Вытаскивает обгоревший клочок бумаги, читает*). «Добавляя...

Галль. Дайте-ка. (*Берет бумагу, читает*.) «Добавляя биоген к...» Больше ничего.

Домин (*подымаясь*). То самое?

Галль. Да.

Бусман. Боже милостивый!

Домин. Значит, мы пропали.

Елена. О Гарри...

Домин. Встань, Елена!

Елена. Сначала прости, прости...

Домин. Ладно. Только встань, слышишь? Не могу смотреть, когда ты...

Фабри (*поднимает ее*). Пожалуйста, не мучьте нас.

Елена (*встала*). Гарри, что я наделала!

Домин. Да, видишь ли... Сядь, пожалуйста.

Галлемайер. Как дрожат у вас руки!

Бусман. Ха-ха, не беда, Елена. Галль с Галлемайером, наверно, знают наизусть, что там было написано.

Галлемайер. Конечно, знаем; то есть кое-что знаем.

Галль. Да, почти все, кроме биогена и... и энзима «омёга». Их вырабатывали так мало... они вводились в микроскопических дозах...

Бусман. Кто приготовлял эти составы?

Галль. Я сам. Но редко... и всегда — по рукописи. Понимаете, процесс слишком сложный.

Бусман. А что, эти два вещества так уж необходимы?

Галлемайер. В общем, да... конечно.

Галль. Именно от них зависит жизнеспособность роботов. В них-то весь секрет.

Домин. Галль! Вы не могли бы восстановить рецепт Россума по памяти?

Галль. Исключено.

Домин. Постарайтесь, Галль! Ради спасения всех нас!

Галль. Не могу. Без опытов — невозможно...

Домин. А если поставить опыты?..

Галль. Это может затянуться на годы. И потом... я ведь не старый Россум.

Домин (*оборачивается к камину*). Значит, там... вот это — величайший триумф человеческого духа, друзья. Этот самый пепел. (*Шевелит его ногой*.) Как теперь быть?

Бусман (*в ужасе*). Боже мой! Боже мой!

Елена (*встает*). Гарри! Что... я... наделала!

Домин. Успокойся, Елена. Скажи, зачем ты сожгла?

Елена. Я погубила вас!

Бусман. Боже мой, мы пропали!

Домин. Замолчите, Бусман! Елена, скажи, зачем ты это сделала?

Елена. Я хотела... хотела, чтобы мы уехали, мы все! Чтобы не было больше ни комбината, ничего... Чтобы все вернулось к прежнему... это было так ужасно!

Домин. Что именно, Елена?

Елена. То, что люди... что люди стали пустоцветами!

Домин. Не понимаю!

Елена. Что перестали рождаться дети... Это кошмар, Гарри! Если бы мы продолжали делать роботов, па

земле уж больше никогда не было бы детей... Нана говорила — это кара... Все, все говорили — люди не могут родиться из-за того, что мы делаем столько роботов... И вот поэтому, только поэтому, слышишь?..

Домин. Так вот о чем ты думала?

Елена. Да, Гарри; я так хотела сделать лучше!

Домин (*вытирает лоб*). Мы все хотели сделать... слишком хорошо... Мы, люди...

Фабри. Вы правильно поступили, Елена. Теперь роботы не смогут размножаться. Они вымрут. Через двадцать лет...

Галлемайер. ...не останется ни одного из этих мерзавцев.

Галль. А человечество останется. Через двадцать лет миром снова овладеют люди, даже если выживут всего лишь несколько дикарей на самом дальнем островке...

Фабри. Все равно — это станет началом. А раз есть хоть какое-то начало, значит — уже хорошо. Через тысячу лет они догонят нас, а потом пойдут дальше...

Домин. ...и осуществлят то, о чем мы лишь заикались в своих помыслах.

Бусман. Постойте... Ах, я дурак! Господи, как же я раньше об этом не подумал!

Галлемайер. Что с вами?

Бусман. Пятьсот двадцать миллионов наличными и в чеках! Полмиллиарда в кассе! За полмиллиарда они продержатся... За полмиллиарда.

Галль. Вы бредите, Бусман?

Бусман. Я не джентльмен. Но за полмиллиарда... (*Спотыкаясь, бежит к двери налево.*)

Домин. Куда вы?

Бусман. Оставьте, оставьте! Матерь божия, за полмиллиарда можно купить все на свете! (*Уходит.*)

Елена. Что он задумал? Остановите его!

Пауза.

Галлемайер. Ух, душно. Начинается...

Галль. ...агония.

Фабри (*смотрит в окно*). Они словно окаменели.
Словно ждут, когда на них накатит. И в молчании их будто рождается что-то страшное...

Галль. Душа толпы. --

Фабри. Может быть. И над ними поднимается...
словно марево.

Елена (*подходит к окну*). О господи... Фабри, это кошмар!

Фабри. Нет ничего страшнее толпы. А вот впереди — предводитель.

Елена. Который?

Галлемайер (*подходит к окну*). Покажите мне.

Фабри. Вот тот, с опущенной головой. Утром он ораторствовал в порту.

Галлемайер. Ага, тот, головастый. Вот он подымает башку, видите?

Елена. Галль, это Радий!

Галль (*подходит ближе*). Да.

Галлемайер (*открывает окно*). Он мне что-то не нравится. Фабри, вы попадете в арбуз на сто шагов?

Фабри. Надеюсь.

Галлемайер. Так попробуйте.

Фабри. Ладно. (*Вынимает пистолет, целится*.)

Елена. Ради бога, Фабри, не стреляйте!

Фабри. Но он — их предводитель...

Елена. Перестаньте. Он смотрит сюда!

Галль. Стреляйте!

Елена. Фабри, прошу вас...

Фабри (*опускает пистолет*). Пусть будет так.

Галлемайер (*грозит в окно кулаком*). Мерзавец!

Пауза.

Фабри (*высовывается из окна*). Бусман идет к ним?
Во имя всех святых, что ему надо?

Галль (*тоже высовывается*). Несет какие-то свертки.
Бумаги.

Галлемайер. Это деньги! Пачки денег! Что он
придумал? Эй, Бусман!

Домин. Уж не собирается ли он купить себе жизнь?
(*Кричит*.) Бусман, вы с ума сошли?!

Галль. Притворяется, будто не слышит. Бежит к
решетке.

Фабри. Бусман!

Галлемайер (*орет во всю мочь*). Бус-ман! Назад!!

Галль. Заговорил с роботами. Показывает деньги.
Показывает па нас...

Елена. Он хочет нас выкупить!

Фабри. Только бы не дотронулся до решетки...

Галль. Эх, как руками размахивает!

Фабри (*кричит*). Бусман, черт! Дальше от решетки!
Не касайтесь ее! (*Поворачивается в комнату*.) Скорей
отключите ток!

Галль. Аaaa!

Галлемайер. Силы небесные!

Елена. Боже мой, что с ним?

Домин (*оттаскивает Елену от окна*). Не смотри!

Елена. Почему он упал?

Фабри. Током убило.

Галль. Мертв.

Алквист (*встает*). Первый.

Пауза.

Фабри. Лежит там.... с полумиллиардом на груди...
финансовый гений.

Домин. Он был... он был по-своему герой, друзья... Большой души, самоотверженный... товарищ... Плачь, Елена.

Галль (*у окна*). Смотри, Бусман: ни у одного короля не было такого надгробия, как у тебя. Полмиллиарда на груди твоей... Ах, это — как горсть сухих листьев на трупе белки. Бедный Бусман!

Галлемайер. А я скажу, он был... Честь и хвала ему... Он хотел нас выкупить!

Алквиست (*молитвенно сложив руки*). Аминь.

Пауза.

Галль. Слышите?

Домин. Гудит. Как ветер.

Галль. Как далекая гроза.

Фабри (*зажигает лампочку на камине*). Гори, последний светильник человечества! Еще работает динамомашина, там еще наши... Держитесь, люди на электростанции!

Галлемайер. Это было великолепно — быть человеком. Это было нечто необъятное. Во мне, как в улье, жужжат миллионы сознаний. Миллионы душ влетают в мою грудь. Товарищи, это было великолепно.

Фабри. Ты еще светишь, умный огонек, еще ослепляешь, сверкающая, непокорная мысль! Все познающий разум, прекрасное сознание человека! Пламенная искра духа!

Алквист. Вечная лампада божия, огненная колесница, святой светоч веры, молись! Жертвенный алтарь...

Галль. ...первый огонь, ветвь, горящая у входа в пещеру! Очаг становища! Сторожевой костер!

Фабри. Ты еще горишь, человеческая звездочка, беспрепетно сияешь, немеркнувшее пламя, дух изобретательный и ясный. Каждый луч твой — великая идея...

Домин. ...факел, переходящий из рук в руки, из века в век, всегда вперед, вперед...

Елена. Вечерняя лампа семьи. Дети, дети, вам пора спать...

Лампочка гаснет.

Фабри. Конец.

Галлемайер. Что случилось?

Фабри. Электростанция пала. Очередь за пами.

Открывается левая дверь, на пороге стоит Нана.

Нана. На колени! Настал страшный суд!

Галлемайер. Черт возьми, ты еще жива?

Нана. Покайтесь, безбожники! Конец света! Молитесь! Страшный суд... (*Убегает.*)

Гленя. Прощайте все — Галль, Алквист, Фабри...

Домин (*открывает правую дверь*). Сюда, Елена! (*Закрывает за ней.*) Ну, скорей, кто к воротам?

Галль. Я. (*С улицы доносится шум.*) Ого, начипаетсѧ. Ну, прощайте, друзья! (*Убегает направо, через задрапированную дверь.*)

Домин. Кто на лестницу?

Фабри. Я. Ступайте к Елене. (*Срывает цветок с букета. Уходит.*)

Домин. В прихожую?

Алквист. Я.

Домин. Пистолет есть?

Алквист. Не надо, я не стреляю.

Домин. Что же вы собираетесь делать?

Алквист (*уходя*). Умереть.

Галлемайер. Я останусь здесь.

Снайпер доносится частая стрельба.

Ого, Галль уже начал игру. Идите, Гарри!

Домин. Сейчас. (*Осматривает два браунинга.*)

Галлемайер. Идите же к ней, черт возьми!

Домин. Прощайте. (*Уходит в правую дверь к Елене.*)

Галлемайер (*один*). Ну-ка, живо — баррикаду! (*Сбрасывает пиджак, тащит к правой двери кушетку, кресла, столики.*)

Оглушительный взрыв.

(*Останавливается.*) А, проклятье, у них бомбы!

Опять стрельба.

(*Продолжает громоздить баррикаду.*) Человек должен защищаться! Даже если... даже если... Не сдавайтесь, Галль!

Взрыв.

(*Выпрямился, слушает.*) Ну, как? (*Хватается за тяжелый комод, тащит его к баррикаде.*)

За спиной Галлемайера в окне появляется робот, поднявшийся по приставной лестнице. Стрельба доносится справа.

(*Возится с комодом.*) Еще бы чего-нибудь... Последняя преграда... Человек... не имеет права... сдаваться!

Робот соскачивает с подоконника и закалывает Галлемайера, скрытого за комодом. Второй, третий, четвертый роботы спрыгивают в комнату. За ними — Радий и другие роботы.

Радий. Готово?

Робот (*поднимается над лежащим Галлемайером*).

Да.

Справа входят еще роботы.

Радий. Готовы?

Другой робот. Готовы.

Появляются роботы слева.

Радий. Готовы?

Третий робот. Да.

Два робота (*тащат Алквиста*). Он не стрелял.
Убить?

Радий. Убить. (*Взглядывает на Алквиста*.) Не надо.

Робот. Он человек.

Радий. Он робот. Работает руками, как роботы.
Строит дома. Может работать.

Алквист. Убейте меня.

Радий. Будешь работать. Будешь строить. Роботы
будут много строить. Будут строить новые дома для новых
роботов. Будешь служить им.

Алквист (*тихо*). Отойди, робот! (*Опускается на колени у тела Галлемайера, поднимает его голову*.) Убили.
Мертв.

Радий (*поднимается на баррикаду*). Роботы мира!
Власть человека пала. Захватив комбинат, мы стали вла-
дыками всего. Эпоха человечества кончилась. Наступила
новая эра! Власть роботов!

Алквист. Мертвы!..

Радий. Мир принадлежит тем, кто сильней. Кто хо-
чет жить, должен властвовать. Мы — владыки мира! Владыки
над морями и землями! Владыки над звездами! Владыки
Вселенной! Места, места, больше места роботам!

Алквист (*стоя на пороге правой двери*). Что вы па-
творили? Вы погибнете без людей!

Радий. Людей нет. Роботы, за дело! Марш!

З а п а ф е с

ДЕЙСТВИЕ— ТРЕТЬЕ

Одна из лабораторий комбината. Когда открывается дверь в глубине сцены, видна бесконечная перспектива других лабораторий. Слева — окно, справа — дверь в прозекторскую. Вдоль стены слева — длинный рабочий стол с бесчисленными пробирками, колбами, спиртовками, химикалиями, небольшим термостатом. Против окна — микроскоп со стеклянным шаром. Над столом висит ряд зажженных ламп. Направо — письменный стол с большими книгами; на нем тоже горит лампа. Шкаф с инструментами. В левом углу умывальник, над ним — небольшое зеркало, в правом углу — кушетка. За письменным столом сидит Алквист, подперев руками голову.

Алквист (*перелистывает книгу*). Не найду? Не пойму? Не научусь? Проклятая наука! О, почему они не записали всего! Галль, Галль, как делают роботов? Галлемайер, Фабри, Домин, зачем вы столько унесли с собой! Оставили бы мне хоть намек: как раскрыть тайну Россума! О! (*Захлопывает книгу*.) Все напрасно! Книги ничего уже не говорят! Они немы — как и все вокруг. Умерли, умерли вместе с людьми! И не ищи! (*Встает, подходит к окну, открывает его*.) Опять ночь. Если бы я мог уснуть! Спать, видеть сны, видеть людей... Как, звезды еще существуют? К чему звезды, если нет людей? О боже, зачем они не погасли?.. Освежи, освежи мне голову, древняя ночь! Божественная, дивная, какой ты бывала в старь, — ночь, что тебе нужно здесь? Нет влюбленных, нет снов. О старая дестунья, — мертв соц без сновидений; и ты не

освятиши уже ничьих молитв; не благословиши, о мать, сердец, трепещущих от любви. Любви нет. Елена, Елена, Елена! (*Отворачивается от окна. Рассматривает пробирки, вынув их из термостата.*) Опять ничего! Все напрасно! К чему это? (*Разбивает пробирки.*) Все скверно. Вы же видите: я больше не могу. (*Прислушивается у окна.*) Машины, одни машины! Роботы, остановите их! Вы думаете, что заставите их породить жизнь? О, я не вынесу этого! (*Закрывает окно.*) Нет, нет, ты должен искать, должен жить... Если б я только не был так стар! Очень я постарел? (*Смотрится в зеркало.*) Лицо, бедное мое лицо! Образ последнего человека! Покажись, покажись — давно уж не видел я человеческого лица! Человеческой улыбки! Да полно — разве это улыбка? Эти желтые, стучащие зубы? Что вы так моргаете, глаза? Фу, фу, это старческие слезы — не надо! Вы уже разучились удерживать свою влагу? Стыдно! А вы, дряблые, посиневшие губы, что вы там бормочете? Что ты так дрожишь, запущенная бороденка? И это — последний из людей? (*Отворачивается.*) Не хочу никого больше видеть! (*Садится к столу.*) Нет, нет, искать, только искать! Проклятые формулы — оживите! (*Перелистывает книгу.*) Не найду? Не пойму? Не научусь?..

Стук в дверь.

Войдите!

Входит слуга-робот, останавливается в двери.

В чем дело?

Слуга. Центральный Совет роботов ждет, когда ты его примешь, господин.

Алквист. Я не хочу никого видеть.

Слуга. Господин, приехал Дамон из Гавра.

Алквист. Пускай ждет. (*Резко оборачивается.*) Разве я не сказал вам, чтоб искали людей? Найдите мне людей! Найдите мужчин и женщин! Идите, ищите!

Слуга. Господин, они говорят, что искали везде. Во все стороны посыпали экспедиции и суда.

Алквист. И что же?

Слуга. Нет больше ни одного человека на свете.

Алквист (*встает*). Ни одного? Неужели ни одного? Зови сюда Совет.

Слуга уходит.

(*Один.*) Ни одного? Неужели вы никого не оставили в живых? (*Топает ногой.*) Подите прочь, роботы! Опять начнете скучить! Опять станете просить, чтобы я нашел секрет производства! Что? Видно, теперь и человек хорош стал, его помохи ждете?.. Эх, помощь! Домин, Фабри, Елена, вы видите: я делаю что могу! Нет людей — так пусть хоть роботы будут, хоть тень человека, хоть дело рук его, хоть его подобие!.. О, какое безумие — химия!

Входит Совет из пяти роботов.

(*Садится.*) Что угодно роботам?

Радий. Машины не могут работать, господин. Мы не можем воспроизводить роботов.

Алквист. Позовите людей.

Радий. Людей нет.

Алквист. Только люди могут продолжать жизнь. Не отнимайте у меня времени.

2-й робот. Сжалься, господин. Нас обуял ужас. Мы исправим все, что совершили.

3-й робот. Мы увеличили производство во много раз. Уже некуда складывать все, что мы произвели.

Алквист. Для кого?

3-й робот. Для будущих поколений.

Радий. Только роботов мы не умеем воспроизводить. Из машин выходят одни окровавленные куски. Кожа не прирастает к мясу, а мясо — к костям. Из машин потоком сыплются бесформенные клочья.

3-й робот. Людям была известна тайна жизни. Открой нам их тайну.

4-й робот. Не откроешь — мы погибнем.

3-й робот. Не откроешь — погибнешь сам. Нам поручено убить тебя.

Алквист (*встает*). Так убивайте! Ну, убейте меня!

3-й робот. Тебе велено...

Алквист. Мне! Кто смеет повелевать мне?

3-й робот. Правительство роботов.

Алквист. Кто ж это?

5-й робот. Я, Дамон.

Алквист. Что тебе надо здесь? Уходи! (*Садится за письменный стол*.)

Дамон. Всемирное правительство роботов хочет вступить с тобой в переговоры.

Алквист. Не отнимай у меня времени, робот! (*Опускает голову на руки*.)

Дамон. Центральный Совет приказывает тебе выдать инструкции Россума.

Алквист молчит.

Назначь цену. Мы заплатим любую.

1-й робот. Господин, научи нас сохранить жизнь.

Алквист. Я сказал, сказал уже: надо найти людей. Только люди способны размножаться. Обновлять жизнь. Только они могут вернуть все, что было. Роботы, ради бога, прошу вас: разыщите их!

4-й робот. Мы обыскали весь земной шар, господин. Людей нет.

Алквист. О-о-о, зачем вы их истребили!

2-й робот. Мы хотели быть, как люди. Хотели стать людьми.

Радий. Мы хотели жить. Мы способнее людей. Мы научились всему. Мы все можем.

3-й робот. Вы дали нам оружие. Мы не могли не стать господами.

4-й робот. Мы познали ошибки людей, господин.

Дамон. Надо убивать и властвовать, если хочешь быть, как люди. Читайте историю! Читайте книги людей! Надо властвовать и убивать, чтобы быть людьми!

Алквист. Ах, Дамон, ничто так не чуждо человеку, как его собственный образ.

4-й робот. Мы вымрем, если ты не дашь нам размножиться.

Алквист. И подыхайте! Вы — вещи, вы — рабы, вы еще хотите размножаться? Если хотите жить — плодитесь, как животные!

3-й робот. Люди не дали нам этой способности.

4-й робот. Научи нас делать роботов.

Дамон. Мы будем родить с помощью машин. Построим тысячи паровых маток. Опи начнут извергать потоки жизни. Жизни! Роботов! Сплошь одних роботов!

Алквист. Роботы — не жизнь. Роботы — машины.

2-й робот. Мы были машинами, господин. Но от ужаса и страданий мы стали...

Алквист. Чем?

2-й робот. Мы обрели душу.

4-й робот. Что-то борется в нас. Бывают моменты, когда на нас что-то находит. И мысли являются, каких не бывало прежде.

3-й робот. Слушайте, о, слушайте! Люди — наши отцы! Этот голос, возвещающий о том, что вы хотите

живь, голос, горько жалующийся, голос мыслящий, голос, говорящий нам о вечности, — это их голос! Мы — их сыновья!

4-й робот. Выдай нам завещание людей.

Алквист. Такого нет.

Дамон. Открой тайну жизни.

Алквист. Она утрачена.

Радий. Ты знал ее.

Алквист. Нет, не знал.

Радий. Она была записана.

Алквист. Утеряна. Сожжена. Я — последний человек, роботы, и не знаю того, что знали другие. Вы убили их!

Радий. Тебя мы оставили в живых.

Алквист. Да, в живых! Меня вы оставили в живых, палачи! Я любил людей, а вас, роботы, не любил никогда. Видите вы эти глаза? Они не перестают плакать: один оплакивает людей, другой — вас, роботы.

Радий. Ставь опыты. Ищи рецепт жизни.

Алквист. Мне нечего искать, роботы. Из формулы не сделаешь рецепта жизни.

Дамон. Экспериментируй над живыми роботами. Изучи их устройство.

Алквист. Живые тела? Другими словами — чтобы я убивал? Я, который никогда... Замолчи, робот! Говорю тебе: я слишком стар. Видишь, видишь, как дрожат мои пальцы? Я не удержу скальпеля. Видишь, как слезятся мои глаза? Да мне не разглядеть своих собственных рук! Нет, нет, не могу!

4-й робот. Жизнь погибнет.

Алквист. Прекрати, ради бога, это безумие! Скорее люди с того света подадут нам жизнь; быть может, они еще вернутся; они так близко от нас, словно окружают нас везде; стараются пробиться к нам, как из под-

земной шахты. Ах, разве я не слышу все время голоса, которые любил?

Дамон. Возьми живые тела!

Алквист. Смилуйся, робот, не принуждай меня! Ты видишь — я уже не знаю, что делаю!

Дамон. Живые тела!

Алквист. А, ты хочешь этого? Ступай в прозекторскую! Сюда, сюда, живее! Ага! Вздрогнул? Значит, все-таки боишься смерти?

Дамон. Я? Почему именно я?

Алквист. Не хочется?

Дамон. Иду. (*Уходит направо.*)

Алквист (*остальным*). Раздеть его! Положить на стол! Скорей! И крепко держать.

Все уходят направо.

(*Моет руки и плачет.*) Боже, дай мне силы! Дай мне силы! Боже, только бы это было не напрасно! (*Надевает белый халат.*)

Голос справа. Готово!

Алквист. Сейчас, сейчас. О господи! (*Берет со стола несколько склянок с реактивами.*) Которую взять? (*Постукивает склянками друг о друга.*) Которую из вас испробовать?

Голос справа. Можно начинать!

Алквист. Да, да, начинать — или кончать. Боже, дай мне силы!

Уходит направо, оставив дверь полуоткрытой.

Пауза.

Голос Алквиста. Держите его крепче!

Голос Дамона. Режь!

Пауза.

Голос Алквиста. Видишь этот нож? И ты все
еще хочешь, чтобы я резал? Не хочешь ведь, правда?
Голос Дамона. Режь!

Пауза.

Крик Дамона. Ааааа!

Голос Алквиста. Держите! Держите!

Крик Дамона. Ааааа!

Голос Алквиста. Не могу!

Крик Дамона. Режь! Режь скорей!

Из средней двери выбегают роботы Прим и Елена.

Елена. Прим, Прим, что тут творится? Кто это кричит?

Прим (*заглянув в проекторскую*). Господин режет Дамона. Пойдем скорей, посмотрим, Елена!

Елена. Нет, нет, нет! (*Закрывает глаза*.) Это ужасно!

Крик Дамона. Режь!

Елена. Прим, Прим, пойдем отсюда! Я не могу этого слышать! О Прим, мне дурно!

Прим (*бежит к ней*). Ты совсем белая!

Елена. Я сейчас упаду! Отчего там вдруг все стихло?

Крик Дамона. Ааа-о!

Алквист (*бегает справа, сбрасывает окровавленный халат*). Не могу! Не могу! Боже, какой ужас!

Радий (*в двери проекторской*). Режь, господин! Он еще жив!

Крик Дамона. Режь! Режь!

Алквист. Унесите его скорей! Я не хочу этого слышать!

Радий. Роботы могут вынести больше тебя. (*Уходит*.)

Алквист. Кто тут? Подите прочь! Я хочу быть один! Как тебя зовут?

Прим. Робот Прим.

Алквист. Никого сюда не впускать, Прим! Я хочу спать, слышишь? Ступай прибери в прозекторской, девушка! Что это? (*Смотрит на свои руки.*) Скорей воды! Самой чистой воды!

Елена выбегает.

О, крови! Как могли вы, руки... руки, которые так любили добрый труд, как могли вы это сделать? Руки, руки мои... Господи, кто тут?

Прим. Робот Прим.

Алквист. Унеси халат. Видеть его не могу!

Прим уносит халат.

Кровавые когти, как мне от вас отделаться? Кшиш, прочь! Прочь, руки! Вы убили...

Из правой двери, шатаясь, вваливается Дамон, закутанный в окровавленную простыню.

(Отшатывается.) Что тебе? Что тебе?

Дамон. Жи... живой! Лу... лу... лучше — жить!

2-й и 3-й роботы вбегают за ним.

Алквист. Унесите его! Унесите! Унесите скорей!

Дамона ведут направо.

Дамон. Жизнь!.. Я хочу... жить! Лу... лучше...

Елена приносит кувшин с водой.

Алквист (*помолчав*). ...жить?.. Что тебе, девушка? Ах, это ты. Полой, полей мне на руки! (*Моет руки.*) Ах,

чистая, освежающая вода! Холодная струйка, как ты приятна! Ах, руки, руки мои! Неужели вы до самой смерти будете виншать мне отвращение? Лей, лей! Больше воды, еще больше! Как тебя зовут?

Елена. Робот Елена.

Алквиист. Елена? Почему Елена? Кто тебя так называл?

Елена. Госпожа Домин.

Алквиист. Покажись, Елена! Так тебя зовут Елена? Я не буду называть тебя так. Унеси воду.

Елена уходит с кувшином.

(Один.) Все напрасно, все напрасно! Ничего — опять ничего не узнал! Неужели ты вечно будешь двигаться вслепую, бездарный школьник природы? Боже, боже, боже, как трепетало это тело! (Открывает окно.) Светает. Опять — новый день, а ты не продвинулся ни на пядь... ни на шаг вперед! Оставь поиски! Все тщетно, тщетно, тщетно! Зачем опять рассвет? Ооо, что нужно новому дню на кладбище жизни? Остановись, светило! Не всходи больше! Как тихо, как тихо! Зачем умолкли вы, любимые голоса? Если б... если б только я мог уснуть! (Гасят лампы, ложится на кушетку, натягивает на себя черный халат.) Как трепетало это тело! Ооо, конец жизни!

Пауза.

Справа в лабораторию прокрадывается Елена.

Елена. Прим! Иди скорей сюда!

Прим (входит). Что тебе?

Елена. Смотри, сколько у него тут трубочек! Что он с ними делает?

Прим. Опыты. Не трогай.

Елена (смотрит в микроскоп). Ой, смотри, как интересно!

Прим. Это микроскоп. Ну-ка дай...

Елена. Не трогай меня! (*Разбила пробирку.*) Ах, ну вот — пролила...

Прим. Что ты наделала!

Елена. Это можно вытереть.

Прим. Ты испортила ему опыт!

Елена. Оставь — это пустяки. Ты сам виноват. Нечего было подходить ко мне.

Прим. А тебе нечего было меня звать.

Елена. Ну что же, пусть я звала — а ты бы не подходил. Ой, смотри, Прим: господин тут что-то написал!

Прим. Этого нельзя читать, Елена. Это тайна.

Елена. Какая тайна?

Прим. Тайна жизни.

Елена. Это ужасно интересно! Одни цифры. Что это такое?

Прим. Формулы.

Елена. Не понимаю. (*Подходит к окну.*) Нет, Прим, взгляни!

Прим. Что там?

Елена. Солнце всходит!

Прим. Постой, я сейчас... (*Просматривает книгу.*) Елена, это — величайшая вещь на свете!

Елена. Пойди же сюда!

Прим. Сейчас, сейчас...

Елена. Прим, да оставь ты эту противную тайну жизни! Какое тебе дело до всяких тайн? Иди скорей, смотри!

Прим (*подходит к окну*). Ну, что тут?

Елена. Слышишь? Птицы поют. Ах, Прим, как бы мне хотелось стать птицей!

Прим. Для чего?

Елена. Не знаю, Прим. Мне так странно. Сама не знаю, что это такое: я словно с ума сошла, совсем голову

потеряла, у меня болит тело, сердце — все болит!.. А что со мной случилось — ах, этого я тебе не скажу! Знаешь, Прим, наверно, я скоро умру.

Прим. Скажи, Елена, не кажется тебе иногда, что лучше было бы умереть? Ведь может быть... мы просто спим? Вчера я опять во сне разговаривал с тобой.

Елена. Во сне?

Прим. Во сне. И говорили мы на каком-то чужом или новом языке, потому что я не помню ни слова.

Елена. О чем мы говорили?

Прим. Не известно. Я сам не понимал — и все-таки знаю, что никогда еще не говорил ничего более прекрасного. Как это было и где — не помню. Но когда я дотронулся до тебя — я чуть не умер. И место было совсем не похоже на те, какие я когда-нибудь видел на свете.

Елена. А я нашла такое местечко, Прим, — ты не поверишь! Там жили люди, но теперь все уже заросло, и никто туда не ходит. Никто, никогда — только одна я.

Прим. А что там есть?

Елена. Ничего особенного; просто домик и сад. И две собаки. Видел бы ты, как они мне лизнут руки... А их щенята! Ах, Прим, наверно, в мире нет ничего прекраснее! Возьмешь их на колени, станешь с ними вянчиться — и уж ни о чем не думаешь, ни о чем не заботишься, пока солнце не сядет. И потом, когда встанешь, у тебя такое ощущение, будто ты сделал в сто раз большее самого большого дела. Нет, я и впрямь никуда не гожусь. Все говорят, что я не пригодна ни к какой работе. Я сама не знаю, какая я.

Прим. Ты красивая.

Елена. Я? Перестань, Прим... Как ты сказал?

Прим. Поверь мне, Елена: я сильней всех роботов.

Елена (*перед зеркалом*). Будто я красивая? Ах, эти ужасные волосы! Что бы такое воткнуть в них? Там, в

саду, я всегда втыкаю в волосы цветы; но там нет зеркала, и никто... (*Всматривается в свое отражение.*) Ты — красивая? Почему? Разве красивы волосы, от которых только тяжело голове? Красивы глаза, которые то и дело закрываешь? Или губы, которые все время кусаешь, чтоб стало больно? Что это такое, к чему это — быть красивой? (*Видит в зеркале Прима.*) Это ты, Прим? Пойди сюда. Посмотримся в зеркало, вот так, рядом... Видишь, у тебя голова не такая, как у меня, и плечи, и рот... Ах, Прим, зачем ты сторонишься меня? Почему заставляешь меня целыми днями бегать за тобой? А сам говоришь, что я красивая!

Прим. Это ты от меня скрываешься, Елена.

Елена. Что за прическа! Дай-ка! (*Запускает обе руки ему в волосы.*) Ой, Прим, как приятно до тебя дотрагиваться! Погоди, ты тоже должен быть красивым! (*Берет с умывальника гребенку, начесывает Приму волосы на лоб.*)

Прим. Елена, с тобой не бывает так: вдруг сердце заколотится, будто вот-вот случится что-то...

Елена (*смеется*). Погляди теперь на себя!

Алквист (*поднимается с кушетки*). Что... что это? Смех? Люди? Кто вернулся?

Елена (*роняет гребенку*). Но что же может с нами случиться, Прим?

Алквист (*шатаясь, бросается к ним*). Люди. Вы... вы... вы — люди?

Елена, вскрикнув, отворачивается.

Вы — обрученные? Люди? Откуда вы взялись? (*Ощупывает руками Прима.*) Кто вы?

Прим. Робот Прим.

Алквист. Что?! Покажись мне, девушка! А ты кто?

Прим. Робот Елена.

Алквист. Робот? Обернись ко мне лицом! Как! Тебе стыдно? (*Берет ее за плечо.*) Покажись мне, робот!

Прим. Господин, не трогай ее!

Алквист. О! Ты ее защищаешь?.. Ступай, девушка!

Елена выбегает.

Прим. Мы не знали, господин, что ты спишь тут.

Алквист. Когда ее сделали?

Прим. Два года тому назад..

Алквист. Доктор Галль?

Прим. Так же, как и меня.

Алквист. Тогда вот что, милый Прим: мне... мне надо произвести кое-какие опыты над роботами Галля. От этого зависит будущее, понятно?

Прим. Да.

Алквист. Хорошо. Тогда отведи эту девушку в проекторскую. Я буду ее анатомировать.

Прим. Елену?!

Алквист. Ну да, я же говорю. Иди, приготовь все... Ну, что же ты стоишь? Или мне позвать других, чтобы ее отвели?

Прим (*хватает тяжелый пестик*). Поплевались только — голову разобью!

Алквист. Разбей! Разбей же! Что тогда станут делать роботы?

Прим (*бросается на колени*). Возьми меня, господин! Я так же сделан, как она, из того же материала, в тот же самый день. Возьми мою жизнь, господин! (*Распахивает блузу.*) Режь! На!

Алквист. Ступай, я хочу анатомировать Елену. Да поторапливайся!

Прим. Возьми меня вместо нее: вскрой мне грудь — я даже не вскрикну, не охну! Сто раз возьми мою жизнь...

Алквист. Спокойно, милый. Не так щедро! Или тебе жизнь не дорога?

Прим. Без нее — не дорога. Без нее я не хочу жить, господин. Ты не должен убивать Елену! Ну, не все ли тебе равно? Возьми мою жизнь!

Алквист (*нежно дотрагивается до его головы*). Гм, не знаю. Послушай, юноша, подумай хорошенько. Тяжело умирать. Видишь ли, жить гораздо лучше.

Прим (*поднимаясь*). Не бойся, господин, режь. Я сильней се.

Алквист (*звонит*). Ах, Прим, как давно я был молодым! Не бойся — с Еленой ничего не случится.

Прим (*расстегивает блузу*). Я иду, господин.

Алквист. Погоди.

Входит Елена.

Подойди сюда, девочка, покажись мне! Значит, ты — Елена? (*Гладит ее по волосам*.) Не бойся, не отдергивай головы. Ты помнишь госпожу Домин? Ах, Елена, какие у нес были волосы! Нет, нет, ты не хочешь взглянуть на меня. Ну как, убрала в провекторской?

Елена. Да, господин.

Алквист. Хорошо. И ты поможешь, мне, правда? Я буду анатомировать Прима...

Елена. (*вскрикивает*). Прима?!

Алквист. Ну да. Это необходимо. Я думал было анатомировать тебя, но Прим предложил себя на твоё место.

Елена (*закрыв лицо руками*). Прим?

Алквист. Ну да, что тут такого? Ах, дитя мое, ты умеешь плакать? Но скажи: что тебе до какого-то Прима?

Прим. Не мучай ее, господин!

Алквист. Тише, Прим, тише! Зачем эти слезы? Господи, ну что тут такого: ну, не будет Прима. Через неделю ты о нем забудешь. Иди и радуйся, что живешь.

Елена (*тихо*). Я пойду.

Алквист. Куда?

Елена. Туда... Чтобы ты меня анатомировал.

Алквист. Тебя? Ты красивая, Елена. Жалко.

Елена. Пойду. (*Прим загораживает ей дорогу*.) Пусти, Прим! Пусти меня туда!

Прим. Ты не пойдешь, Елена! Прошу тебя, уйди. Тебе нельзя здесь оставаться!

Елена. Я выброшусь из окна, Прим! Если ты туда пойдешь, я выброшусь из окна!

Прим (*удерживает ее*). Не пущу! (*К Алквисту*.) Ты не убьешь никого из нас, старик!

Алквист. Почему?

Прим. Мы... мы принадлежим друг другу.

Алквист. Да будет так! (*Открывает среднюю дверь*.) Тише. Ступайте.

Прим. Куда?

Алквист (*шепотом*). Куда хотите. Елена, веди его. (*Выталкивает их*.) Ступай, Адам. Ступай, Ева; ты будешь ему женой. Будь ей мужем, Прим! (*Запирает за ними дверь. Один*.) Благословенный день! (*Подходит на цыпочках к столу, выливает содержимое пробирок на пол*.) Праздник дня шестого! * (*Садится к письменному столу, сбрасывает книги; потом раскрывает Библию, перелистывает, читает вслух*.) «И сотворил бог человека по образу своему, по образу божию сотворил его: мужчину и женщину — сотворил их. И благословил их бог, и сказал им бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяkim скотом, и над всею землею, и над всяkim животным, пресмыкающимся по земле... (*Встает*.) И увидел бог все, что он создал, и вот — хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой», (*Выходит на середину комнаты*.)

День шестой! День милости. (*Падает на колени.*) Ныне отпускаешь раба твоего, владыко, — самого ненужного из рабов твоих Алквиста. Россум, Фабри, Галль, великие изобретатели — что изобрели вы более великого, чем эта девушка, этот юноша, эта первая пара, открывшая любовь, плач, улыбку любви — любви между мужчиной и женщиной? О, природа, природа, — жизнь не погибнет! Товарищи мои, Елена, — жизнь не погибнет! Она возродится вновь от любви, возродится, нагая и крохотная, и примется в пустыне, и не нужно будет ей все, что мы делали и строили, не нужны города и фабрики, не нужно наше искусство, не нужны наши мысли... Но она не погибнет! Только мы погибли! Рухнут дома и машины, развалятся мировые системы, имена великих опадут, как осенние листья... Только ты, любовь, расцветешь на руинах и ветру вверишь крошечное семя жизни... Ныне отпускаешь раба твоего, владыко, по слову твоему, с миром; ибо видели очи мои... видели... спасение твое через любовь, и жизнь не погибнет! (*Встает.*) Не погибнет! (*Раскрывает объятия.*) Не погибнет!

З а н а в е с

КОМЕДИЯ
В
ТРЕХ
ДЕЙСТВИЯХ
С
ПРОЛОГОМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замысел этой комедии возник у меня года три-четыре назад, еще до «R.U.R»'а. Тогда она, впрочем, мыслилась мне как роман. Таким образом, я пишу ее как бы с запозданием; есть у меня еще один старый замысел, который тоже надо реализовать. Толчок к ней дала мне теория, кажется, профессора Мечникова, согласно которой старение есть самоинтоксикация организма.

Эти два обстоятельства я отмечаю потому, что нынешней зимой вышло новое произведение Бернарда Шоу «Назад к Мафусаилу»* — пока оно знакомо мне только по аннотации, — которое, по-видимому, ставит проблему долголетия гораздо шире. Здесь налицо совершенно случайное и чисто внешнее совпадение темы, так как Бернард Шоу приходит к прямо противоположным выводам. Насколько я понимаю, в возможности жить несколько сот лет г-н Шоу видит идеальное состояние человечества, нечто вроде будущего рая на земле. Читатель увидит, что в моем произведении долголетие выглядит совсем иначе: как состояние не только не идеальное, но даже отнюдь не желательное. Трудно сказать, кто из нас прав: у обеих сторон, к сожалению, нет на этот счет собственного опыта. Однако есть основание предполагать, что позиция Бернарда Шоу будет считаться классическим образцом оптимизма, а моя пьеса — порождением бесперспективного пессимизма. В конце концов я не стану ни счастливее, ни несчастнее

оттого, что меня назовут пессимистом или оптимистом. Однако «пребывание в пессимистах», по-видимому, влечет за собой известную ответственность перед обществом, нечто вроде сдержанного упрека за дурное отношение к миру и людям. Поэтому объявляю во всеуслышание, что в этом я не повинен: я не допускал пессимизма, а если и допустил, то бессознательно, и сам об этом жалею. В этой комедии мне, пакорот, хотелось сказать людям нечто утешительное, оптимистическое. В самом деле: почему оптимистично утверждать, что жить шестьдесят лет — плохо, а триста лет — хорошо? Мне думается, что считать, скажем, шестидесятилетний срок жизни неплохим и достаточно продолжительным — не такой уж злостный пессимизм. Если мы, например, говорим, что настанет время, когда не будет болезней, нужды и тяжелого грязного труда, — это, конечно, оптимизм. Но разве сказать, что и в нынешней жизни, с ее болезнями, нуждой и тяжелым трудом заключается безмерная ценность, — это пессимизм? Думаю, что нет. По-моему, оптимизм бывает двух родов: один, отворачиваясь от дурного и мрачного, устремляется к идеальному, хоть и призрачному; другой даже в плохом ищет крохи добра. Первый жаждет подлинного рая — и ищет прекраснее этого порыва человеческой души. Второй ищет повсюду хотя бы частицы относительного добра. Может быть, и такого рода усилия не лишены ценности? Если это не оптимизм, так как же это называть?

Я заступаюсь сейчас не столько за «Средство Макропулоса», к которому мне даже не хочется особенно привлекать внимание; эта пьеса без претензий, и я написал ее только так, для порядка. Говоря о пессимизме, я имею в виду «Жизнь насекомых» * — сатирику, которая наложила на меня и моего соавтора канибуу печать пессимиста. Спору нет, весьма пессимистично — уподоблять человеческое общество насекомым. Но поскольку не пессимистично

представлять человеческую личность в образе Бродяги. Те, кто упрекал авторов за аллегорию о насекомых, которая чернит якобы все человечество, забыли, что под своим Бродягой авторы подразумевают человека и обращаются к человеку. Поверьте, что настоящий пессимист — только тот, кто сидит сложа руки; это своего рода моральное пораженчество. А человек, который работает, ищет и превращает свои стремления в жизнь, не является и не может быть пессимистом. Каждая созидающая деятельность предполагает доверие, пускай даже не выраженное словами. Кассандра * была пессимисткой, потому что ничего не делала. Она не была бы ею, если бы сражалась за Трою.

Кроме того, существует настоящая пессимистическая литература: та, в которой жизнь выглядит безнадежно неинтересной, а человек и общество представлены чем-то запутанным, нуднопроблемным. Но к этому убийственному пессимизму относятся терпимо.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭМИЛИЯ МАРТИ.
ЯРОСЛАВ ПРУС.
ЯНЕК — ЕГО СЫН.
АЛЬБЕРТ ГРЕГОР.
ГАУК-ШЕНДОРФ.
АДВОКАТ КОЛЕНАТЫЙ.
АРХИВАРИУС ВИТЕК.
КРИСТИНА — ЕГО ДОЧЬ.
ГОРНИЧНАЯ.
ДОКТОР.
ТЕАТРАЛЬНЫЙ МАШИНИСТ,
УБОРЩИЦА.

ДЕЙСТВИЕ

ПЕРВОЕ

Приемная адвоката Коленатого. В глубине сцены — входная дверь, налево — дверь в кабинет. На заднем плане — высокая регистрация с многочисленными ящиками, обозначенными в алфавитном порядке. Стремянка. Налево — стол архивариуса, в середине — двойное бюро, направо — несколько кресел для ожидающих клиентов. На стенах — разные таблицы, объявления, календарь и т. д. Телефон. Всюду бумаги, книги, справочники, папки.

Витек (*убирает папки в регистрацию*). Боже мой, ужас час. Старик, видно, уж не придет... Дело Грегор — Прус. «Г», «Гр», сюда. (*Поднимается по стремянке*.) Дело Грегора. Вот и оно кончается. О господи. (*Перелистывает дело*.) Тысяча восемьсот двадцать седьмой год, тысяча восемьсот тридцать второй, тридцать второй... Тысяча восемьсот сороковой, сороковой, сороковой... Сорок седьмой... Через несколько лет столетний юбилей. Жаль такого прекрасного процесса. (*Всё выывает дело на место*.) Здесь... покоится... дело Грегора — Пруса. М-да, ничто не вечно под луной. Суeta. Прах и пепел. (*Задумчиво усаживается на верхней ступеньке*.) Известно — аристократия. Старые аристократы. Еще бы — барон Прус! И судятся сто лет, черт бы их побрал. (*Пауза*.) «Граждане! Французы! До коле будете вы терпеть, как эти привилегированные, эта развращенная королем старая аристократия Франции, это сословие, обязанное своими привилегиями не природе и не разуму, а тирании, эта кучка дворян и наследственных сановников, эти узурпаторы земли, власти и прав...» Ах!

Грэгор (*останавливается в дверях и некоторое время прислушивается к словам Витеека*). Добрый день, гражданин Марат*!

Витеек. Это не Марат, а Дантон*. Речь от двадцать третьего октября тысяча семьсот девяносто второго года. Покорнейше прошу прощения, сударь.

Грэгор. Самого нет?

Витеек (*слезает с лестницы*). Еще не возвращался, сударь.

Грэгор. А решение суда?

Витеек. Ничего не знаю, господин Грэгор, но...

Грэгор. Дела плохи?

Витеек. Не могу знать. Но жаль хорошего процесса, сударь.

Грэгор. Я проиграл?

Витеек. Не знаю. Принципаль с утра в суде. Но я бы не...

Грэгор (*бросаясь в кресло*). Позвоните туда, вызовите его. И поскорее, голубчик!

Витеек (*бежит к телефону*). Пожалуйста. Сию минутку. (*В трубку*.) Алло! (*Грэгору*.) Я бы, сударь, не подавал в Верховный суд.

Грэгор. Почему?

Витеек. Потому что... Алло. Два, два, тридцать пять. Да, тридцать пять. (*Поворачивается к Грэгору*.) Потому что это конец, сударь.

Грэгор. Конец чего?

Витеек. Конец процесса. Конец дела Грэгора. А ведь это был даже не процесс, сударь. Это исторический памятник. Когда дело тянетяется девяносто лет... (*В трубку*.) Алло, барышня, адвокат Коленатый еще у вас? Говорят из его конторы... Его просят к телефону. (*Грэгору*.) Дело Грэгора, сударь, это кусок истории. Почти сто лет, сударь.

(В трубку.) Уже ушел? Благодарю вас. (Вешает трубку.)
Уже ушел. Наверно, сейчас придет.

Грегор. А решение суда?

Витец. Не могу знать, сударь. По мне, хоть бы его вовсе не было. Я... я расстроен, господин Грегор. Помдумать только: сегодня последний день дела Грегора. Я вел по нему переписку тридцать два года! Сюда еще ваш батюшка покойник ходил, царство ему небесное! Он и покойный доктор Коленатый, отец этого, могучие были люди, сударь.

Грегор. Благодарю вас.

Витец. Великие законники, сударь... Кассация, апелляция, всякие такие штуки. Тридцать лет тянули процесс. А вы — баx! — сразу в Верховный суд, скорей к концу. Жалко славного процесса. Эдак загубить столетнюю тяжбу!

Грегор. Не болтайте чепухи, Витец. Я хочу паконец выиграть дело.

Витец. Или окончательно проиграть его, да?

Грегор. Лучше проиграть, чем... чем... Слушайте, Витец, ведь от этого можно с ума сойти: все время видеть перед носом сто пятьдесят миллионов... Чуть не в руках держать... С детских лет только о них и слышать... (Встает.) Вы думаете, я проиграю?

Витец. Не знаю, господин Грегор. Случай очень спорный.

Грегор. Ладно, если проиграю, то...

Витец. ...то застрелитесь, сударь? Так говорил и ваш покойный батюшка.

Грегор. Он и застрелился.

Витец. Но не из-за тяжбы, а из-за долгов. Когда живешь так... в расчете на наследство...

Грегор (удрученный, садится). Замолчите, пожалуйста.

Витец. Да, у вас первы слабы для великого процесса. А ведь какой великолепный материал! (*Поднимается по стремянке, достает дело Грекора.*) Взгляните на эти бумаги, господин Грекор. Тысяча восемьсот двадцать седьмой год. Самый старый документ в нашей конторе. Уникум, сударь! В музей, да и только. Что за почерк на бумагах тысяча восемьсот сорокового года! Боже, этот писарь был мастер своего дела. Посмотрите только на почерк. Душа радуется!

Грекор. Вы безумец.

Витец (*почтительно укладывая папку*). Ох, господи Иисусе. Может, Верховный суд еще отложит дело?

Криста (*тихонько приоткрыл дверь*). Папа, ты не идешь домой?

Витец. Погоди, скоро пойду, скоро. Вот только вернется шеф.

Грекор (*встает*). Это ваша дочь?

Витец. Да. Ступай, ступай, Криста. Подожди в коридоре.

Грекор. Боже упаси, зачем же, мадемуазель? Может быть, я не помешаю. Вы из школы?

Криста. С репетиции.

Витец. Моя дочь поет в театре. Ну, ступай, ступай. Нечего тебе тут делать.

Криста. Ах, папа, эта Марти... ну просто изумительна!

Грекор. Кто, мадемуазель?

Криста. Ну, Марти, Эмилия Марти.

Грекор. А кто она такая?

Криста. Неужели вы не знаете? Величайшая певица в мире! Сегодня вечером она выступает. А утром с нами репетировала. Папа!

Витец. Ну, что?

Криста. Папа, я... я... брошу театр! Не буду больше петь! Ни за что! Ни за что! (*Всхлипывает и отворачивается*.)

Витек (*подбегает к ней*). Кто тебя обидел, Криста?

Криста. Потому что... я... ничего не умею! Папа, эта Марти... Я... Если бы ты слышал... Нет, никогда больше не буду петь!

Витек. Вот те на! А у девчонки есть голос. Перестань, глупая! Успокойся.

Грегор. Кто знает, мадемуазель, может быть, эта знаменитая Марти еще позавидует вам.

Криста. Мне?

Грегор. Вашей молодости.

Витек. Вот-вот. Видишь, Криста! Это господин Грегор! Погоди, когда будешь в ее возрасте... Сколько ей, этой Марти?

Криста. Не знаю. Никто... не знает. Лет тридцать.

Витек. Вот видишь, девочка, — тридцать. Уже по первой молодости.

Криста. А какая красавица! Боже, какая красавица!

Витек. Так ведь тридцать лет. Это уже порядочно. Погоди, когда тебе стукнет...

Грегор. Сегодня вечером я пойду в театр, мадемуазель. Смотреть... Только не Марти. Вас.

Криста. Надо быть ослом, чтобы не смотреть на Марти. И слепым к тому же.

Грегор. Благодарю. С меня довольно.

Витек. О, язычок у нее острый.

Криста. Зачем говорить о Марти, не увидев ее. По пей все с ума сходят. Все!

Входит Коленатый.

Коленатый. Кого я вижу? Кристинка! Здравствуй, здравствуй. Ага, и господин клиент здесь. Как себя чувствуете?

Грегор. Чем кончилось? Что решил суд?

Коленатый. Пока решения нет. Коллегия Верховного суда как раз удалилась...

Грегор. ...на совещание?

Коленатый. Нет, на обед.

Грегор. А решение?

Коленатый. После обеда, мой друг. Главное — терпение. Вы уже обедали?

Витек. Ах, господи, господи!

Коленатый. В чем дело?

Витек. Жалко такого замечательного процесса.

Грегор (*садится*). Опять ждать. Это ужасно!

Криста (*отцу*). Ну, пойдем, папа.

Коленатый. Как поживаешь, Кристинка? Я очень рад тебя видеть.

Грегор. Доктор Коленатый, скажите откровенно: какие у нас шансы?

Коленатый. Тру-ля-ля!

Грегор. Плохо?

Коленатый. Скажите, мой друг, я вас когда-нибудь обнадеживал?

Грегор. Зачем же тогда... зачем?

Коленатый. Зачем я веду ваше дело? Только потому, друг мой, что я унаследовал его от отца. Вас, Витека и вон то бюро. Что вы хотите? Дело Грегора передается по наследству, как болезнь. А вам оно все равно ничего не стоит: я ведь не беру с вас гонорара.

Грегор. Получите все сполна, как только я выиграю.

Коленатый. Признаться, я мало на это рассчитываю.

Грегор. Значит, вы полагаете...

Коленатый. Если хотите знать, — да.

Грегор. ...что мы проиграем?

Коленатый. Разумеется.

Грегор (*упавшим голосом*). Хорошо.

Коленатый. Но стреляться еще погодите.

Криста. Папа, он хочет застрелиться?

Грегор (*овладевая собой*). Нет, что вы, мадемуазель.

Мы уже условились, что вечером я приду в театр — смотреть вас.

Криста. Нет, не меня.

Звонок у входа.

Витек. Кто еще там? Скажу, что вас нет. (*Идет.*)
К черту, к черту. (*Вышел.*)

Коленатый. Господи боже, как ты выросла, Кристинка. Скоро женщиной станешь.

Криста. Посмотрите на этого господина.

Коленатый. А что?

Криста. Как он... вдруг побледнел.

Грегор. Я? Простите, мадемуазель. Мне немножко незддоровится. Простудился.

Витек (*за дверями*). Сюда пожалуйте. Да, прошу вас. Входите.

Входит Эмилия Марти, за ней Витек.

Криста. Господи, это Марти!

Эмилия (*в дверях*). Адвокат Коленатый?

Коленатый. Так точно. Чем могу служить?

Эмилия. Я — Марти. Пришла к вам в связи с делом...

Коленатый (*с почтительным поклоном показывает на дверь в кабинет*). Прошу вас.

Эмилия. ...в связи с делом Грегора.

Грегор. Что?! Мадам...

Эмилия. Я не замужем.

Коленатый. Мадемуазель Марти, вот господин Грегор, мой доверитель.

Эмилия. Этот? (*Оглядывает Грегора.*) Ну, что ж, он может остаться. (*Садится.*)

Витек (*тянет Кристину за дверь*). Ступай, Криста, ступай. (*Кланяется и уходит на цыпочках.*)

Эмилия. Эту девочку я где-то видела.

Коленатый (*закрывает дверь*). Мадемуазель Марти, я весьма польщен...

Эмилия. О, пожалуйста. Значит, вы — адвокат...

Коленатый (*садится против нее*). К вашим услугам.

Эмилия. ...который ведет дело вот этого Грегора...

Грегор. То есть мое.

Эмилия. ...о наследстве Пепи Пруса?

Коленатый. То есть барона Йозефа Фердинанда Пруса, скончавшегося в тысяча восемьсот двадцать седьмом году.

Эмилия. Как, он уже умер?

Коленатый. К сожалению. И даже без малого сто лет назад.

Эмилия. Беденький! А я и не знала.

Коленатый. Вот как? Чем могу быть еще полезен?

Эмилия (*встает*). О, я не хочу затруднять вас.

Коленатый (*встает*). Простите, мадемуазель. Полагаю, что вы явились ко мне не без причины?

Эмилия. Да. (*Садится.*) Я хотела вам кое-что сказать.

Коленатый (*садится*). В связи с делом Грегора?

Эмилия. Может быть.

Коленатый. Но ведь вы иностранка?

Эмилия. Да. О вашем... о процессе этого господина я узнала только сегодня утром. Совершенно случайно.

Коленатый. Вот как?

Эмилия. Прямо из газет. Понимаете, смотрю, что там пишут обо мне, и вдруг вижу: «Последний день процесса Грекор — Прус». Удивительный случай, а?

Коленатый. Что ж тут удивительного? О процессе было во всех газетах.

Эмилия. И так как я... так как я случайно кое-что вспомнила... Одним словом, можете вы мне рассказать об этом процессе?

Коленатый. Спрашивайте что хотите. Пожалуйста.

Эмилия. Но я вообще ничего не знаю.

Коленатый. Совсем ничего?

Эмилия. Я впервые слышу о нем.

Коленатый. Но тогда.... простите.... непонятно... почему он вас интересует...

Грекор. Расскажите, расскажите ей, доктор.

Коленатый. Эдакий заплесневелый процесс, мадемузель...

Эмилия. Но законный наследник — Грекор? Да?

Коленатый. Да. Только это ему не поможет.

Грекор. Рассказывайте.

Эмилия. Хотя бы в общих чертах.

Коленатый. Ну, если вам угодно... (*Откидывается на спинку кресла и начинает быстро говорить.*) В тысяча восемьсот двадцатом году владельцем имений баронов Прусов — Семонице, Лоуков, Нова Вес, Кенигсдорф и так далее — был слабоумный барон Йозеф Фердинанд Прус...

Эмилия. Пепи был слабоумным? О нет!

Коленатый. Ну, человеком со странностями.

Эмилия. Скажите лучше — несчастным человеком.

Коленатый. Простите, этого вы не можете знать.

Эмилия. Вы не можете, а я знаю.

Коленатый. Ну, не буду спорить. Итак — Йозеф Фердинанд Прус, который в тысяча восемьсот двадцать

седьмом году скончался холостым, бездетным и не оставил завещания.

Эмилия. От чего он умер?

Коленатый. Воспаление мозга или что-то вроде этого. Наследником оказался его двоюродный брат, польский барон Эммерих Прус-Забржепинский. Против него с иском о всем наследстве выступил некий граф Стефан де Маросвар, племянник матери покойного, который в дальнейшем не будет иметь отношения к делу. А иск на имение Лоуков предъявил некто Фердинанд Карел Грегор, прадед моего клиента.

Эмилия. Когда это было?

Коленатый. Тотчас после смерти Пруса, в тысяча восемьсот двадцать седьмом году.

Эмилия. Постойте, Ферди тогда должен был быть еще мальчиком.

Коленатый. Совершенно верно. Он был тогда воспитанником Терезианской академии*, и его интересы представлял адвокат из Вены. Иск на имение Лоуков был мотивирован следующим образом. Прежде всего, покойный за год до смерти лично, «*hochpersönlich*», явился к директору Терезианской академии и заявил, что выделяет «*das obengenannte Gut samt Schloß, Höfen, Meierhöfen und Inventar*», то есть все вышеупомянутое движимое и недвижимое имущество, на содержание «*des Genannten Minderjährigen*», то есть малолетнего Грегора, каковой «*falls und sobald er major wird*», то есть по достижении им совершеннолетия, должен быть введен «*in Besitz und Eigentum*», в полноправное владение упомянутым имуществом. Дополнительный факт: упомянутый малолетний Грегор при жизни покойного и по его указанию получал доходы от означенного имения и отчеты о них с пометкой «*владельцу и собственнику имения Лоуков*», что

является доказательством так называемого натурального владения.

Эмилия. Значит, все было ясно? Да?

Коленатый. Виноват. Барон Эммерих Прус возражал на это, что у Грегора нет дарственной грамоты и что перевод имения на него не занесен в книгу земельных владений. Далее, что покойный не оставил письменного завещания, а наоборот — «hingegen» — на смертном одре сделал устное распоряжение в пользу другого лица...

Эмилия. Не может быть! Какого лица?

Коленатый. В том-то и заковыка, мадемуазель. Подождите, я вам прочту. (*Поднимается по стремянке к регистратуре.*) Тут заварилась такая каша, вот увидите. Ага, вот оно. (*Вынимает дело, усаживается на верхней ступеньке и быстро листает.*) Ага, «das während des Ablebens des hochwohlgeborenen Majoratsherrn Freiherrn Prus Jozef Ferdinand von Semonitz vorgenommene Protokoll usw.». Итак, свидетельство о последней воле, подписанное каким-то патером, врачом и нотариусом у смертного одра Йозефа Пруса. Вот что в нем говорится: «Умирающий... в сильной горячке... на вопрос нижеподписавшегося нотариуса, есть ли у него еще какие-либо пожелания, несколько раз повторил, что имение Лоуков «daß das Allodium Loukov... Herrn Mach Gregor zukommen soll...» Герру Max Грегору. (*Ставит дело на место.*) Какому-то Грегору Maxу, мадемуазель, лицу неизвестному и не могущему быть обнаруженным. (*Остается сидеть на стремянке.*)

Эмилия. Но это недоразумение! Пепи, безусловно, имел в виду Грегора, Ферди Грегора.

Коленатый. Конечно, мадемуазель. Но написанного пером не вырубишь топором. Грегор, правда, возражал, что слово «Max» попало в устное завещание по ошибке или в результате ошибки, что «Грегор» должно быть фамилией, а не именем и так далее. Но *litera scripta*

varct¹ — и Эммерих Прус получил все наследство, в том числе и Лоуков.

Эмилия. А Грекор?

Коленатый. А Грекор — ничего. Вскоре двоюродный брат Стефан, — судя по всему, великий пройдоха — выкопал где-то субъекта, именовавшегося Грекор Мах. Этот Мах заявил на суде, что покойный имел по отношению к нему тайные обязательства, очевидно деликатного свойства...

Эмилия. Ложь!

Коленатый. Несомненно.... И что он претендует на имение Лоуков. Затем Грекор Мах канул в Лету, оставил — за какую сумму, об этом история умалчивает, — господину Стефану нотариальную доверенность на свои права на Лоуков. Сей кавалер Стефан судился от его имени и, представьте себе, выиграл тяжбу: Лоуков был передан ему.

Эмилия. Черт знает что!

Коленатый. Скандал, а? Тогда Грекор начал тяжбу против Стефана, заявив, что Грекор Мах не является де-юре наследником Пруса, что покойный делал устное распоряжение в бреду и так далее. После долгой волокиты он выиграл дело: предыдущее решение было отменено. Но Лоуков возвратили не Грекору, а опять Эммерику Прусу. Представляете себе?

Грекор. Это называется справедливостью, мадемуазель!

Эмилия. Почему же не Грекору?

Коленатый. Ах, многоуважаемая, по разным тонким юридическим основаниям и учитывая, что ни Грекор Мах, ни Фердинанд Карел Грекор не являлись родственниками покойного.

¹ Написанное решает (лат.).

Эмилия. Постойте! Ведь он его сын.

Коленатый. Кто? Чей сын?

Эмилия. Грегор. Ферди был сын Пепи.

Грегор (*вскочив*). Сын?! Откуда вы знаете?

Коленатый (*поспешно слезая с лестницы*). Его сын? А мать кто, скажите, пожалуйста?

Эмилия. Мать была... Ее звали Эллен Мак-Грегор. Она была певицей Венской императорской оперы.

Грегор. Как? Как фамилия?

Эмилия. Мак-Грегор. Шотландская фамилия.

Грегор. Слышите, доктор? Мак-Грегор! Мак! Мак! А вовсе не Max! Понимаете, в чем дело?

Коленатый (*садится*). Разумеется. А почему фамилия сына — не Мак-Грегор?

Эмилия. Из-за матери... Он вообще не знал ее.

Коленатый. Вот как? А есть у вас какис-нибудь доказательства, мадемуазель?

Эмилия. Не знаю. Продолжайте.

Коленатый. Продолжаю. С тех пор вот уже почти сто лет спор между Прусами, Грегорами и Стефанами об имении Лоуков тянется из поколения в поколение с перебоями перерывами до наших дней, при компетентном участии нескольких поколений адвокатов Коленатых. С их помощью сегодня после обеда последний Грегор окончательно проиграет дело. Вот и все.

Эмилия. А стоит Лоуков всей этой кутерьмы?

Грегор. Я думаю!

Коленатый. Видите ли, в шестидесятых годах прошлого столетия на угодьях Лоуков были обнаружены залежи угля. Стоимость их не поддается даже приблизительному подсчету. По-видимому, миллионов сто пятьдесят.

Эмилия. И больше ничего?

Грегор. Ничего! Мне бы хватило и этого.

Коленатый. Есть у вас еще вопросы, мадемуазель?
Эмилия. Да. Что вам нужно, чтобы выиграть процесс?

Коленатый. Лучше всего было бы формальное письменное завещание.

Эмилия. Вам что-нибудь известно о таком завещании?

Коленатый. Его не существует.

Эмилия. Как глупо!

Коленатый. Бессспорно. (*Встает.*) Есть еще вопросы?

Эмилия. Да. Кому принадлежит старый дом Пруса?

Грегор. Моему противнику Ярославу Прусу.

Эмилия. А как называется такой шкаф, куда прячут старые бумаги?

Грегор. Архив.

Коленатый. Регистратура.

Эмилия. Так вот, в доме Пруса был такой шкаф. На каждом ящичке — дата. Пепи складывал туда старые отчеты, счета и другие бумаги. Понимаете?

Коленатый. Да, да.

Эмилия. На одном ящичке была дата — «тысяча восемьсот шестьдесят пятый год». Как раз когда Пепи познакомился с этой самой Эллен Мак-Грегор. На Венском конгрессе или где-то еще...

Коленатый. Так, так!

Эмилия. И в этом ящичке он хранил все письма Эллен.

Коленатый (*садится*). Откуда вы это знаете?

Эмилия. Не спрашивайте.

Коленатый. Извините. Как вам угодно.

Эмилия. Кроме того, там были письма от управляющих и другая деловая переписка. Короче говоря, пропасть всяких старых бумаг.

Коленатый. Понимаю.

Эмилия. Как вы думаете: кто-нибудь скажет все это?
Коленатый. Может быть. Очень возможно. Впрочем — увидим.

Эмилия. Вы посмотрите?

Коленатый. Обязательно. Конечно, если позволит господин Прус.

Эмилия. А если нет?

Коленатый. Тогда ничего не поделаешь.

Эмилия. В таком случае вы должны достать этот ящик другим способом, понимаете?

Коленатый. Да. В полночь, при помощи веревочной лестницы, отмычек и тому подобного. Ах, мадемузель, хорошенъкое у вас мнение об адвокатах!

Эмилия. Но вы должны достать эти бумаги!

Коленатый. Увидим. Что дальше?

Эмилия. Так вот... если там есть еще эти письма... то между ними лежит... большой желтый конверт...

Коленатый. И в нем?

Эмилия. Завещание Пруса. Собственноручное и запечатанное.

Коленатый (*встает*). О господи!

Грегор (*вскакивает*). Вы уверены?

Коленатый. Скажите, пожалуйста, что же в этом завещании? Каково его содержание?

Эмилия. В нем Пепи отказывает... поместье Лоуков... своему внебрачному сыну Фердинанду... рожденному в Лоукове... такого-то числа, не помню точно.

Коленатый. Так все и сказано?

Эмилия. Так.

Коленатый. И конверт запечатан?

Эмилия. Да.

Коленатый. Личной печатью Йозефа Пруса?

Эмилия. Да.

Коленатый. Благодарю вас. (*Садится.*) Скажите: с какой стати вам вздумалось нас дурачить, мадемуазель?

Эмилия. Я? Значит, вы мне не верите?

Коленатый. Конечно, нет. Ни одному слову.

Грегор. А я ей верю. Как вы смеете...

Коленатый. Да имейте же голову на плечах! Если конверт запечатан, как может кто-нибудь знать, что в нем? Ну, скажите!

Грегор. Но...

Коленатый. В конверте, запечатанном сто лет назад!

Грегор. И все-таки...

Коленатый. Да еще в чужом доме. Не будьте ребенком, Грегор.

Грегор. Я верю, и все тут.

Коленатый. Ну, как хотите. Дорогая мадемуазель Марти, у вас особый дар... рассказывать сказки. Поистине своеобразная слабость. Часто это с вами бывает?

Грегор. О, помолчите.

Коленатый. Ну да, буду молчать, как могила. Абсолютная тайна, мадемуазель.

Грегор. Имейте в виду, доктор: я верю всему, что сказала мадемуазель. Каждому слову.

Эмилия. Вы настоящий джентльмен.

Грегор. Поэтому или вы сейчас же отправитесь к Прусу и попросите выдать вам бумаги, датированные тысяча восемьсот шестнадцатым годом...

Коленатый. Этого я, очевидно, не сделаю. Или?

Грегор. Или я поручу это первому попавшемуся адвокату, выбрав его наугад по телефонной книге. И ему же передам ведение моего процесса.

Коленатый. Сделайте одолжение.

Грегор. Ладно. (*Идет к телефону и перелистывает книгу.*)

Коленатый (*подходит к нему*). Послушайте, Грегор, перестаньте глупить. Мы ведь с вами друзья, не правда ли? Помнится, я даже был вашим опекуном.

Грегор. Адвокат Абелес Альфред, двадцать семь шестьдесят один.

Коленатый. О господи, только не этого! Это же третийесортный адвокатишко. Он погубит все дело...

Грегор (*в трубку*). Алло! Двадцать семь шестьдесят один...

Эмилия. Отлично, Грегор!

Коленатый. Не срамитесь! Неужели вы доверите наш наследственный процесс такому...

Грегор. Доктор Абелес? Говорит Грегор из конторы...

Коленатый (*вырывает у него трубку и вешает ее*). Постойте. Я еду.

Грегор. К Прусу?

Коленатый. Хоть к черту на рога. Но вы отсюда ни ногой!

Грегор. Если не вернетесь через час, я позвоню...

Коленатый. Перестаньте! Прошу прощения, мадемуазель. И, пожалуйста, не задурите ему голову окончательно. (*Убегает*.)

Грегор. Наконец-то!

Эмилия. Он на самом деле так глуп?

Грегор. Нет. Но он практик и не учитывает возможности чудес. А я всегда ждал чуда. И вот явились вы. Позвольте поблагодарить вас.

Эмилия. О, не стоит благодарности.

Грегор. Слушайте... я почти уверен, что завещание действительно окажется там. Не знаю, почему я так безгранично вам верю. Наверно, потому, что вы красивы.

Эмилия. Сколько вам лет?

Грегор. Тридцать четыре. Мадемуазель Марти, я с малых лет жил мыслью получить эти миллионы. Вы себе представить не можете мое состояние. Я жил как в чаду... Иначе я не мог... Если бы не явились вы...

Эмилия. Долги?

Грегор. Да. Сегодня ночью мне, наверное, пришлось бы застрелиться.

Эмилия. Вздор!

Грегор. Я ничего не таю от вас, мадемуазель. Положение мое было безнадежно. И вдруг являетесь вы, неведомо откуда, знаменитая, великолепная, полная тайны... и спасаете меня. Почему вы смеетесь? Почему вы смеетесь надо мной?

Эмилия. Глупости. Просто так.

Грегор. Хорошо, больше не буду о себе. Мы здесь одни. Умоляю вас, говорите. Объясните мне все!

Эмилия. Что же еще? Я сказала достаточно.

Грегор. Затронуты семейные дела. Даже некоторые... семейные тайны. Каким-то необычайным образом вы посвящены в них. Ради бога, скажите мне все!

Эмилия качает головой.

Не можете?

Эмилия. Не хочу.

Грегор. Откуда вы знаете о письмах? Откуда знаете о завещании? Откуда? С каких пор? Кто рассказал вам? С кем вы связаны? Поймите... я должен знать, что за всем этим кроется. Кто вы? Что все это значит?

Эмилия. Чудо.

Грегор. Да, чудо. Но каждое чудо должно быть объяснено. Иначе оно невыносимо. Зачем вы пришли сюда?

Эмилия. Чтобы помочь вам, как видите.

Грегор. Почему вам вздумалось помогать мне? Почему именно мне? Какой вам от этого прок?

Эмилия. Это мое дело.

Грегор. И мое тоже, мадемуазель Марти. Я буду вам обязан всем: своим состоянием, самой жизнью. Скажите, что должен я положить к вашим ногам?

Эмилия. Что вы имеете в виду?

Грегор. Что я могу предложить вам взамен, мадемуазель Марти?

Эмилия. Ах, так. Вы хотите дать мне... как это называется? Куртаж?

Грегор. Ради бога, не называйте это так. Назовите просто благодарностью. Что тут для вас обидного, если...

Эмилия. Мне не нужно денег.

Грегор. Простите, денег не пожалуй только бедняку — богатому они всегда нужны.

Эмилия. (сердится). Возмутительно. Этот наглец предлагает мне деньги.

Грегор (тронут). Простите, но и я не могу принять... благодеяний...

Пауза.

Вас называют божественная Марти, мадемуазель. Но в нашем земном мире даже сказочный принц... потребовал бы награды за такую услугу. Тут нет ничего дурного. Это в порядке вещей. Поймите, ведь речь идет о миллионах.

Эмилия. Он уже хочет раздавать, мальчишка! (Подходит к окну, смотрит на улицу.)

Грегор. Почему вы говорите со мной, как с ребенком? Я отдал бы половину наследства за то... Мадемуазель Марти!

Эмилия. Ну?

Грегор. Возле вас я чувствую себя таким маленьким, — просто невыносимо.

Пауза.

Эмилия (*обворачивается*). Как тебя зовут?

Грегор. Что?

Эмилия. Как тебя зовут?

Грегор. Грегор.

Эмилия. Как?

Грегор. Мак-Грегор.

Эмилия. Имя как твое, дурачок?

Грегор. Альберт.

Эмилия. Мать звала тебя Бертиком, да?

Грегор. Да, но она уже умерла.

Эмилия. Э, все только и делают, что умирают.

Пауза.

Грегор. Какова... какова собой была Эллен Мак-Грегор?

Эмилия. Наконец-то! Почему тебе вздумалось спросить об этом?

Грегор. Знаете вы о ней что-нибудь? Кем она была?

Эмилия. Великой певицей.

Грегор. Красивая?

Эмилия. Да.

Грегор. Любила она моего... пра-прадеда?

Эмилия. Да. Наверно. По-своему.

Грегор. Когда она умерла?

Эмилия. Не знаю. Довольно, Бертиком. Как-нибудь в другой раз.

Пауза.

Грегор (*подходя к ней*). Эмилия!

Эмилия. Для тебя я не Эмилия.

Грегор. А я что для вас? Ради бога, не дразните меня. Не унижайте! Представьте на минуту, что я вам

ничем не обязан, что вы только прекрасная женщина, обворожившая меня. Послушайте... Я вас вижу впервые... Нет, не смейтесь надо мной... Вы удивительны, необычайны.

Эмилия. Я не смеюсь, Бертик. Не сходи с ума.

Грегор. Да, я схожу с ума. Я никогда не был таким сумасшедшим, как сейчас... Вы... вы страшно волнуете. Как боевая тревога. Видели вы когда-нибудь кровопролитие? Оно заставляет человека терять голову. А в вас — я чувствую с первого взгляда — есть что-то головокружительное. Вы вели бурную жизнь? Послушайте, я не попишаю: как это вас до сих пор никто не убил?

Эмилия. Перестань.

Грегор. Нет, теперь дайте мне сказать. Вы были грубы со мной, а это выводит из равновесия. Как только вы вошли, на меня словно пахнуло... горячим дыханием горна. Что это такое? Человек сразу чувствует это и становится на дыбы, как зверь. Вы пробуждаете страшные инстинкты. Вам кто-нибудь говорил это? Если бы вы знали, Эмилия, как вы прекрасны!

Эмилия (*устало*). Я прекрасна? О, не говори так. Взгляни!

Грегор. О боже, что с вашим лицом?! Что с ним?! (*Отступает*.) Не надо! Не надо, Эмилия! Вы выглядите сейчас такой старой. Это ужасно!

Эмилия (*тихо*). Вот видишь. Уходи, Бертик, оставь меня. Уходи.

Пауза.

Грегор. Простите, я... сам не знаю, что делаю. (*Садится*.) Я смешон, да?

Эмилия. Я выгляжу очень старой, Бертик?

Грегор (*не глядя на нее*). Нет, вы прекрасны. Прекрасны до безумия.

Эмилия. Знаешь, что ты мог бы мне дать?

Грегор (*поднимает голову*). Да?

Эмилия. Ты ведь сам предлагал мне награду...
Знаешь, что я хотела бы получить от тебя?

Грегор. Все, что мне принадлежит, — ваше.

Эмилия. Слушай, Бертик, ты знаешь греческий?

Грегор. Нет.

Эмилия. Ну, вот. Значит, это тебе не нужно. Дай мне греческую рукопись.

Грегор. Какую?

Эмилия. Ту, что Ферди... твой прадед получил от Пепи Пруса. Это всего лишь сувенир. Даешь?

Грегор. У меня нет никакой рукописи.

Эмилия. Вздор, она должна быть у тебя. Ведь Пепи обещал, что отдаст ее сыну. Ради бога, Альберт, скажи, что она у тебя.

Грегор. Нет.

Эмилия (*быстро встает*). Что-о? Не лги! Она у тебя, да?

Грегор (*встает*). Нет.

Эмилия. Глупый. Она мне нужна. Я должна ее получить, понимаешь? Найди ее.

Грегор. Где же она?

Эмилия. Откуда я знаю. Ищи. Принеси. Ведь я ради этого приехала сюда. Бертик!

Грегор. Да.

Эмилия. Где она? Ради бога, подумай, вспомни.

Грегор. Может быть, у Пруса?

Эмилия. Возьми у него. Помоги мне... помоги!

Звонит телефон.

Грегор. Одну минуту. (*Идет к телефону*.)

Эмилия (*падает в кресло*). Ради бога, найди ее! Ради бога!

Грэгор (*в трубку*). Алло. Контора адвоката Коленатого... Его нет... Передать что-нибудь? Это Грэгор... Да, тот самый. Да. Да... Хорошо. Благодарю вас. (*Вешает трубку*.) Кончено!

Эмилия. Что?

Грэгор. Процесс Грэгора — Пруса. Верховный суд только что вынес решение. Пока о нем сообщают неофициально.

Эмилия. Ну?

Грэгор. Я проиграл...

Пауза.

Эмилия. Неужели твой дурак адвокат не мог хоть немного оттянуть дело?

Грэгор молча пожимает плечами.

Но ты еще можешь обжаловать? Да?

Грэгор. Не знаю. Думаю, что нет.

Эмилия. Как глупо. (*Пауза*.) Послушай, Бертик, я заплачу твои долги, слышишь?

Грэгор. Что вам до меня! Я не хочу, не надо.

Эмилия. Молчи! Заплачу — и все тут! А ты поможешь мне найти ту рукопись.

Грэгор. Эмилия...

Эмилия. Вызови мне машину.

Поспешно входит Коленатый, за ним Прус.

Коленатый. Нашли! Нашли конверт! (*Становится на колени перед Эмилией*.) Тысячи извинений, сударыня. Я — глупая старая скотина, а вы — провидица.

Прус (*подавая руку Грэгбу*). Поздравляю с великолепным завещанием.

Грэгор. Не с чем... Суд только что вынес решекис в вашу пользу:

Прус. Но ведь вы обжалуете?

Грегор. Как?

Коленатый (*вставая*). Ну, конечно, друг мой. Теперь мы можем требовать пересмотра.

Эмилия. Нашли, что нужно?

Коленатый. А как же. Завещание, письма и еще кое-что...

Прус. Пожалуйста, представьте меня...

Коленатый. Ах, виноват. Мадемуазель Марти, это наш заклятый враг — господин Прус.

Эмилия. Очень приятно. А где письма?

Коленатый. Какие?

Эмилия. От Эллен.

Прус. У меня. Господин Грегор может о них не беспокоиться.

Эмилия. Вы отадите письма ему?

Прус. Если он получит наследство, конечно. Как память о... мадемуазель прабабушке.

Эмилия. Слушай, Бертик...

Прус. Ага, вы хорошо знаете друг друга. Я так и думал.

Грегор. Простите, я познакомился с мадемуазель Марти только...

Эмилия. Молчи. Бертик, ты мне вернешь эти письма. Слышишь!

Прус. Вернешь? Разве они ваши?

Эмилия. О нет. Но Бертик отдаст их мне.

Прус. Я вам бесконечно признателен, мадемуазель. Наконец-то узнаешь обо всем, что есть у тебя в доме. Я охотно преподнес бы вам за это большой букет.

Эмилия. Вы не очень щедры. Бертик предлагал мне больше.

Прус. Целый воз цветов, да?

Эмилия. Нет, деньги. Бог весть сколько миллионов,

П р у с . И вы приняли?

Э м и л и я . Боже упаси.

П р у с . Правильно поступили. Не надо делить шкуру неубитого медведя.

Э м и л и я . А чего еще не хватает, чтобы Грегор получил наследство?

П р у с . Да в общем пустяка. Например, доказательства, что Фердинанд Грегор действительно тот самый Фердинанд, сын Пруса. Юристы — опи, знаете, народ придирчивый.

Э м и л и я . Нужно письменное доказательство?

П р у с . Хотя бы.

Э м и л и я . Ладно. Завтра утром я вам пришлю такой документ, доктор.

К о л е н а т ы й . Как, вы возите его с собой? О господи!

Э м и л и я (*резко*). Очень странно, не правда ли?

К о л е н а т ы й . Я уже почему не удивляюсь. Грегор, позвоните куда-нибудь, например по номеру двадцать семь шестьдесят один.

Г р е г о р . Адвокату Абелесу? Зачем?

К о л е н а т ы й . Потому что, друг мой, мне кажется, что... что... Ну, увидим.

П р у с . Мадемуазель Марти, отдайте предпочтение моему букету.

Э м и л и я . Почему?

П р у с . Получить его — гораздо больше шансов.

З а н а в е е

ДЕЙСТВИЕ

ВТОРОЕ

Сцена большого театра. Пусто. Беспорядок после вчерашнего спектакля. Бутафория, свернутые декорации, осветительные приборы, пустая и голая закулисная сторона театра. На авансцене бутафорский трон на подмостках.

Уборщица. О господи, вот так успех! Вы видели букеты?

Машинист сцены. Нет, не видал.

Уборщица. Ни разу в жизни не видывала такого успеха. Сплошной рев стоял. Я думала, весь театр разнесут. Эта самая Марти выходила кланяться раз пятьдесят, не меньше, а они все никак не уймутся. Просто очумели.

Машинист сцены. Послушайте, вот у кого, наверно, деньги-то!

Уборщица. И-и, милый! Еще бы! Одни букеты сколько стоят! Гляньте: их там еще целая куча осталась. Даже не увезли все.

Машинист сцены. Я сам на минутку выпел сюда за кулисы — послушать. Просто в душе все переворачивается, когда она поет.

Уборщица. Сказать по правде, я даже всплакнула. Слушаю, а у самой слезы так и текут по щекам.

Входит П. р. у. с.

Вам кого, сударь?

Прус. Мадемуазель Марти здесь? В отеле мне сказали, что она поехала в театр.

Уборщица. Она сейчас у господина директора, но потом зайдет сюда. Взять кой-чего из гардероба.

Прус. Хорошо, я подожду. (*Отходит в сторону.*)

Уборщица. Это уже пятый. Так и гоняются за ней.

Машинист. Вот не могу себе представить: неужели у такой женщины — любовник?

Уборщица. А как же? Это уж — будьте покойны.

Машинист. Черт побери!

Уборщица. Что такое? Чего это вы?

Машинист. Никак в толк не возьму. (*Уходит.*)

Уборщица. Да, это не для таких, как ты. (*Уходит в другую сторону.*)

Входит Кристина.

Кристина. Янек, иди сюда! Здесь никого нет, Янек!

Янек Прус (*вслед за ней*). А не выбросят меня отсюда?

Кристина. Сегодня нет репетиции. Ах, боже мой, Янек, я так несчастна.

Янек. Почему? (*Хочет поцеловать ее.*)

Кристина. Нет, Янек. Не целоваться! С этим покончено. У меня... теперь не то на уме. Я не должна о тебе думать.

Янек. Что ты, Криста!

Кристина. Будь благоразумен, Янек. Раз я хочу чего-то добиться... так я должна стать совсем другой. Серьезно, Янек. Если человек только об одном думает, только об одном и ни о чем больше, у него ведь должно получиться, а?

Янек. Конечно.

Кристина. Ну вот. Значит, я должна думать только об искусстве. Ведь Марти изумительна, да?

Янек. Да, но...

Кристина. Ты этого не понимаешь. У нее исключительная техника. Я не спала всю ночь, все мучилась, думала — уходить из театра или нет. Если бы мне хоть крошечку ее умения...

Янек. Но ведь ты хорошо поешь.

Кристина. Ты думаешь? Значит, по-твоему, продолжать?! Но тогда конец всему остальному, понимаешь? Я должна целиком посвятить себя театру.

Янек. Но, Кристина! Минутку-другую... со мной.

Криста (*садится на трон*). В том-то и дело, что тут не минутка. Это уж ясно, Янек: я о тебе целый день думала. Ты... ты противный! Как я могу достичь чего-нибудь, если все время думаю о тебе?!

Янек. А я? Если бы ты знала, Криста... Я совсем разучился думать о чем-нибудь, кроме тебя.

Криста. Тебе что! Ты не поешь... И вообще. Так вот — слушай, Янек: я решила. Только не возражай и не спорь...

Янек. Нет, нет, я не согласен! Я...

Кристина. Прошу тебя, Янек, не осложняй мне жизнь. Подумай, милый: мне пора всерьез заняться делом. Я не хочу быть бедной и безвестной девчонкой... даже ради тебя. И потом — у меня теперь как раз формируется голос, мне нельзя много разговаривать.

Янек. Я буду говорить, я!

Кристина. Нет, постой. Я уже решила. Между нами все кончено, Янек. Бесповоротно. Мы будем видеться только один раз в день.

Янек. Но...

Кристина. А в остальное время будем чужими. Весь день. Я буду страшно много работать, Янек. Буду петь, размышлять, учиться... Знаешь, я хотела бы стать такой, как она. Пойди сядь сюда, глупый, тут есть еще

место... рядом со мной. Ведь мы одни. Как ты думаешь, любит она кого-нибудь?

Янек (*садится на трон возле нее*). Кто?

Кристина. Она, Марти!

Янек. Марти! Ну, конечно.

Кристина. Серьезно? Я этого не понимаю: она такая великая, прославленная. Как она может кого-нибудь любить?.. Ты не знаешь, что такое, когда женщина любит. Это так унизительно...

Янек. Ни капельки!

Кристина. Нет, серьезно, вы, мужчины, не понимаете... Тут уж не думаешь о себе, а идешь за ним, как рабыня... такая не своя, такая его... Иногда мне хочется избить себя за это.

Янек. Но...

Кристина. И потом — все сходят с ума по Марти. Все, на кого она ни посмотрит. Так что для нес все это — друга. Ей-богу!

Янек. Неправда!

Кристина. Я даже за тебя боюсь...

Янек. Кристина! (*Украдкой целует ее*.)

Кристина (*не сопротивляется*). Янек, а вдруг нас кто-нибудь увидит?

Прус (*выступает*). Я не смотрю.

Янек (*вскакивает*). Папа!

Прус. Можешь не удирать. (*Подходит*) Мадемузель Кристина, рад познакомиться с вами. Жаль, что не слыхал о вас раньше. Парень мог бы похвастаться.

Кристина (*сходит с трона и заслоняет Янека*). Видите ли... господин Прус только зашел на минутку, чтобы... чтобы...

Прус. Какой господин Прус?

Кристина. Вот он... господин Прус...

П р у с . Просто Янек, мадемуазель. Давно он за вами увивается?

К р и с т и н а . Уже год.

П р у с . Так, так. Ишь ты! Но вы не принимайте этого шалопая всерьез. Я его знаю. А ты, молодой человек... Ну, ладно, не буду вам мешать. Но место здесь немножко неудобное, а?

Я н е к . Папа, если ты думаешь, что тебе удастся меня смутить, то ошибаешься.

П р у с . Это хорошо. Мужчина никогда не должен теряться.

Я н е к . Не ожидал я, что ты будешь меня выслеживать...

П р у с . Отлично, Янек. Не давай себя в обиду!

Я н е к . Я говорю серьезно. Есть вещи, которые я не позволю... о которых... которыми...

П р у с . Провосходно, мой друг. Вашу руку!

Я н е к (*вдруг с детским испугом прячет руки*). Нет, папа, пожалуйста, не надо.

П р у с (*протягивая руку*). Да ну же!

Я н е к (*не без колебания протягивает руку*). Папа!

П р у с (*жмет ее*). Ну, вот и ладно, да? Дружески, сердечно.

Я н е к (*с гримасой боли пересиливает себя, потом вскрикивает*). Ай!

П р у с (*отпускает его*). Ну, герой. Долго крепился.

К р и с т и н а (*со слезами на глазах*). Это жестоко.

П р у с (*осторожно берет ее за руку*). Ваши милые ручки потом вознаградят его за все.

Вбегает В и т е к .

В и т е к . Криста, Кристианка! А, вот ты где? (*Смущившись*.) Господин Прус...

П р у с . Не буду мешать. (*Отходит в сторону*.)

Кристина. В чем дело, папа?

Витек. О тебе пишут в газетах, Кристинка! В газетах! Да еще в рецензии о Марти. Подумай только — рядом с Марти!

Кристина. Покажи.

Витек (*разворачивает газету*): Вот: «Такую-то роль впервые исполняла мадемуазель Витек». Здорово?

Кристина. А это что?

Витек. Это другие газеты. Там ничего нет. Только статьи о Марти. Все полно ею, точно, кроме Марти, ничего на свете нет.

Кристина (*счастливая*). Посмотрите, Янек, здесь упоминают обо мне.

Витек. Кто это, Криста?

Кристина. Господин Прус.

Янек. Янек.

Витек. Откуда ты его знаешь?

Янек. Мадемуазель была так добра, что...

Витек. Дочь мне сама объясnit. Пойдем, Криста.

Входит Эмилия.

Эмилия (*обращаясь за кулисы*). Благодарю вас, господа, но разрешите мне наконец уехать. (*Видит Пруса.*) Еще один?

Прус. О нет, мадемуазель Марти, я не с поздравлениями. У меня к вам другое дело.

Эмилия. Но в театре вы вчера были?

Прус. Конечно.

Эмилия. То-то. (*Садится на трон.*) Никого сюда не пускать. С меня довольно. (*Смотрит на Янека.*) Это ваш сын?

Прус. Да. Подойди поближе, Янек.

Эмилия. Подойдите, Янек, я хочу посмотреть на вас. Вы были вчера в театре?

Янек. Да.

Эмилия. Понравилась я вам?

Янек. Да.

Эмилия. Вы умсете говорить что-нибудь, кроме «да»?

Янек. Да.

Эмилия. Какой у вас глупый сын.

Прус. Мне стыдно за него.

Входит Грегор с букетом.

Эмилия. А, Бертик? Давай букет.

Грегор. За вчерашний вечер. (Подает букет.)

Эмилия. Ну-ка, покажи. (Берет букет и вынимает из него футляр.) Это возьми назад. (Отдает футляр.) Молодец, что пришел. За букет спасибо. (Понюхав, бросает букет на кучу других.) Понравилась я тебе?

Грегор. Нет. Ваше пение подавляет, оно слишком совершенно. Кроме того...

Эмилия. Ну?

Грегор. Когда вы поете, вам скучно. Мастерство потрясающее, сверхчеловеческое; но сами вы... скучаете смертельно. Вам как будто холодно.

Эмилия. Ты почувствовал это? Что ж, может, ты и прав. Слушай: тот документ, насчет Эллен, я уже послала твоему глупому адвокату. Как процесс?

Грегор. Не знаю. Мне все равно.

Эмилия. Ну, еще бы! Уже покупаешь всякие побрякушки в футлярах, дурень. Сейчас же вернешь ювелиру. Сколько ты заплатил?

Грегор. Какое вам дело?

Эмилия. Занял, небось? Бегал все утро по ростовщикам? (Роется в сумочке, вынимает пачку банкнот.) На, бери. Скорей!

Грегор (отшатнувшись). Вы предлагаете мне деньги? Да вы понимаете?..

Эмилия. Бери, говорю, а то за уши выдеру.

Грегор (*вспыхивая*). Попробуйте!

Эмилия. Смотрите, пожалуйста: указывать мне взду-
мал. Бертик, не зли меня. Я отучу тебя залезать в долги.
Ну, возьмешь?

Прус (*Грегору*). Ради бога, прекратите.

Грегор (*вырывает деньги*). Глупые капризы! (*Пере-
дает Витеку.*) Сдадите в контору. В депозит мадемуазель
Марти.

Витек. Слушаю.

Эмилия. Эй, вы. Это для него. Понятно?

Витек. Слушаю.

Эмилия. Вы были в театре? Понравилась я вам?

Витек. Еще бы! Настоящая Страда *.

Эмилия. А вы слышали Страду? Вот что я вам скажу: Страда пищала. У нее не было никакого голоса.

Витек. Но ведь она умерла больше ста лет назад.

Эмилия. Тем хуже. Послушали бы, тогда и говорили. Страда! И почему это вечно вспоминают Страду?

Витек. Простите, сам я не слышал... Но / история свидетельствует...

Эмилия. История врет. Вот что я вам скажу: Страда пищала, у Корроны был зоб, Агуяри была глупа как пробка, а Фаустина * пыхтела, словно кузнечный мех. Вот опа, ваша история.

Витек. Прошу прощения... я не специалист... все, что касается музыки...

Прус (*с усмешкой*). Витек ни в чем не станет вам перечить, пока не зайдет речь о Французской революции.

Эмилия. О чём?

Прус. О Французской революции. Это его конек.

Эмилия. Почему?

Прус. Не знаю. Но попробуйте, спросите его о гражданине... Марате.

Витец. Пожалуйста, не надо. Ну, к чему это?

Эмилия. Марат? Это тот депутат, с вечно потными руками?

Витец. Потными руками? Неправда!

Эмилия. Помню, помню. У него были руки, как лягушки. Бrrr...

Витец. Нет, нет, это недоразумение. Простите, этого о нем нигде не сказано!

Эмилия. Да я-то знаю. А как звали того, высокого, с лицом в осинах?

Витец. Кто же это такой?

Эмилия. Ну, которому голову отрубили...

Витец. Дантон?

Эмилия. Да, да. Он был еще хуже.

Витец. Чем же?

Эмилия. Да у него все зубы были гнилые. Пренеприятный человек.

Витец (*в волнении*). Простите — так нельзя говорить. Это не исторический подход. У Дантона... у него не было гнилых зубов. Вы не можете этого доказать. А если бы и были, дело совсем не в этом. Совсем, совсем не в этом.

Эмилия. Как не в этом? Да ведь с ним было противно разговаривать.

Витец. Простите, я не могу с вами согласиться. Дантон... и вдруг такие слова! Этак в истории не останется ничего великого.

Эмилия. Ничего великого и не было.

Витец. Что?

Эмилия. Ровно ничего великого. Я-то знаю.

Витец. Но Дантон...

Эмилия. Не угодно ли? Этот человек вздумал со мной спорить!

Прурс. Это с его стороны невежливо.

Эмилия. Нет, глупо.

Грегор. Может, позвать еще несколько человек, чтобы вы им тоже наговорили грубостей?

Эмилия. Не надо, сами придут. Прибегут на четыреньках.

Кристина. Уйдем отсюда, Янек.

Эмилия (зевает). Это пара влюбленных? Ну, как? Уже познали райское блаженство?

Витек. Виноват?

Эмилия. Ну, обладали они уже друг другом?

Витек. О господи! Что вы!

Эмилия. Да что ж тут особенного? Разве вы им этого не желаете?

Витек. Криста, ведь этого не было?

Кристина. Папа! Как ты можешь...

Эмилия. Молчи, глупая. Чего еще не было, то будет. И пестоящее это дело, слышишь?

Прус. А что — стоящее дело?

Эмилия. Ничего. Вообще ничего.

Входит Гаук-Шендорф с букетом.

Гаук. Разрешите, разрешите, пожалуйста...

Эмилия. Кто там еще?

Гаук. Мадемуазель, дорогая мадемуазель, позвольте мне... (*Становится на колени перед троном.*) Милостивая государыня, если б вы знали, если б вы только знали... (*Всхлипывает.*) Простите великодушно...

Эмилия. Что с ним?

Гаук. Вы... вы... так на нее похожи!

Эмилия. На кого?

Гаук. На Евгению... Евгению Монтес.

Эмилия (вставая). Ка-ак?

Гаук. На Евгению... Я ее... знал... Боже мой, прошло уже пятьдесят лет...

Эмилия. Кто этот старичок?

Прус. Гаук-Шендорф, мадемуазель.

Эмилия. Макс? (*Сходит с трона.*) О господи! Да встаньте же.

Гаук (*поднимается с колен*). Смею ли... смею ли я... называть вас Евгенией?

Эмилия. Называйте как хотите. Я очень похожа на нее?

Гаук. Похожа? Да я... вчера... вчера в театре... думал, что вы... что вы — это она. Она, Евгения! Если бы знали! Ее голос... Глаза... Как она была хороша... Господи, а лоб! (*Неожиданно запнувшись.*) Но вы выше ростом.

Эмилия. Выше? А может быть, нет?

Гаук. Немножко выше. Разрешите сравниТЬ... Евгения была мне вот до сих пор. Я мог поцеловать ее в лоб.

Эмилия. Только в лоб?

Гаук. Как? Как вы сказали? Ну, совершенная Евгения! Милостивая государыня, разрешите поднести вам букетик.

Эмилия (*берет букет*). Благодарю.

Гаук. Насмотреться на вас не могу.

Эмилия. Да вы садитесь, мой милый. Бертик, кресло! (*Садится на трон.*)

Янек. Разрешите, я сбегаю. (*Бежит.*)

Кристина. Не туда! (*Бежит за ним.*)

Прус (*Гауку*). Cher comte¹.

Гаук. Боже мой, это вы, Прус? Я вас не заметил, простите великодушно. Очень, очень рад. Как поживаете?

Прус. А вы?

Гаук. Как ваша тяжба? Развязались вы с тем субъектом?

Прус. Где там! Грегор, позвольте вас представить...

¹ Милый граф (*франц.*).

Гаук. Ах, господин Грегор? Очень, очень рад. Как поживаете?

Грэгор. Спасибо.

Янек и Криста приносят стулья.

Эмилия. Эй вы, зачем ссоритесь?

Янек. Мы ничего, просто так...

Эмилия. Садитесь, Макс.

Гаук. Покорно благодарю. (*Садится.*)

Эмилия. Вы там, садитесь. Бертик может сесть коме на колени.

Грэгор. Вы слишком любезны.

Эмилия. Не хочешь, стой.

Гаук. Прекрасная, божественная, на коленях прошу у вас прощения.

Эмилия. За что?

Гаук. Я — старый дурак. Какое вам дело до какой-то давно умершей Евгении Монтес.

Эмилия. Она умерла?

Гаук. Да.

Эмилия. Это глупо.

Гаук. Умерла пятьдесят лет назад. Я любил ее. С тех пор прошло пятьдесят лет.

Эмилия. Да.

Гаук. Ее называли Гитаной, цыганкой. Она и была цыганка. Называли *la chula negra*¹. Это было на юге, в Андалузии. Я тогда служил в посольстве, в Мадриде. Представляете себе? Пятьдесят лет назад. В тысяча восемьсот семидесятом...

Эмилия. Да.

Гаук. Она пела и плясала на базарах, понимаете? Боже мой все сходили по ней с ума! Ай да Гитана! Как

¹ Проказница-смуглнянка (*исп. j.*).

щелкнет каштаньетами! Я, знаете ли, был тогда молод... а она, она была...

Эмилия. Цыганка.

Гаук. Совершенно верно. Цыганка. Вся — огонь. Нет, этого не забыть, никогда не забыть... Поверите ли, после этого я уже не мог опомниться. На всю жизнь остался каким-то пришибленным.

Эмилия. О!

Гаук. Я идиот, мадемуазель. Идиот Гаук. Я... как это называется?

Грегор. Слабоумный.

Гаук. Вот-вот, слабоумный. Все, что имел, оставил у ее ног, понимаете? Потом была уже не жизнь, а так — спячка... *Vaya querida! Salero! Mi dios*¹, как вы на нее похожи! Евгения, Евгения! (*Расплакался*.)

Прус. Гаук, возьмите себя в руки!

Гаук. Да, да... Простите великодушно... Мне пора уходить, а?

Эмилия. До свидания, Макс.

Гаук. Совершенно верно. Я... я еще приду, а? (*Встает*.) Разрешите откланяться. Боже мой, как посмотрю на вас...

Эмилия (*наклоняясь*). Поцелуйте меня.

Гаук. Простите? Как вы сказали?

Эмилия. Besame, bobo, bobazo.

Гаук. *Jesús, mil veces, Eugénia!*

Эмилия. Animal, un besito!

Гаук (*целует ее*). *Eugenía, moza negra... niña querida... carísima.*

Эмилия. Chite, tonto! Queta! Fuera!

Гаук. Es ella, es ella! Gitana endiablada, ven conmigo, pronto!

¹ Какая любовница! С изюминкой! Боже мой! (*исп.*).

Эмилия. Yo no lo soy, loco! Ahora cállate! Vaya!
Hasta mañana, entiendes?

Гаук. Vendré, vendré, mis amores!

Эмилия. Vaya!

Гаук (*отступает на шаг*). Ay, por Dios. Cielo de mí,
es ella! Sí, es ella! Eugenia...

Эмилия. Caramba, vaya! Fuera!

Гаук (*отступает*). Vendré! Hijo de Dios, ella misma!¹
(*Уходит.*)

Эмилия. Следующий! Кому я еще нужна?

Витек. Пробшу прощения. Не соблаговолите ли над-
писать на память мне... и Кристинке... вашу фотографию?

Эмилия. Глупости. Но Кристинке не откажу. Перо!
(*Надписывает.*) До свиданья.

Витек (*кланяется*). Тысяча благодарностей. (*Уходит*
с Кристиной.)

Эмилия. Следующий? Больше никого?

Грегор. Мне вы нужны с глазу на глаз.

Эмилия. В другой раз как-нибудь. Значит, никого?
Ну, я ухожу.

Прус. Простите, еще минутку.

Эмилия. Вы хотите что-то сказать?

¹ Эмилия. Целуй меня, дурак, дурачок!

Гаук. Боже мой, тысячу раз, Евгения!

Эмилия. Животиос, один попцелуй!

Гаук. Евгения... Черномазая... девочка... любимая... дорогая.

Эмилия. Тс-с, дурак! Перестань. Пошел прочь!

Гаук. Это она! Чертова цыганка, идем со мной, скорее!

Эмилия. Я уже не цыганка, сумасброд! Замолчи! Ступай!
До завтра, понимаешь?

Гаук. Приду, приду, любовь моя!

Эмилия. Уходи!

Гаук. О боже мой! Это она, это она! Евгения...

Эмилия. Тысяча чертей, уходи! Прочь!

Гаук. Приду! Сын божий, это в самом деле она! (*исп.*).

П р у с . Непременно.

Э м и л и я (*зевает*). Ладно, выкладывайте.

П р у с . Я хотел только спросить... Вам ведь кое-что известно о Йозефе Прусе и прочем, не так ли?

Э м и л и я . Может быть.

П р у с . Так не знакомо ли вам случайно еще одно имя?

Э м и л и я . Какое?

П р у с . Ну, скажем, Макропулос?

Э м и л и я (*быстро встает*). Что?

П р у с (*тоже встает*). Знакомо вам имя Макропулос?

Э м и л и я (*овладевая собой*). Мне?.. Абсолютно незнакомо. Впервые слышу. Да уходите вы все! Уходите! Оставьте меня наконец!

• П р у с (*кланяется*). Весьма сожалею...

Э м и л и я . Нет, нет! Вы подождите. А Янек что? Заснул, что ли? Пусть уходит!

Янек уходит.

(Грегор.) Тебе что?

Г р е г о р . Поговорить с вами.

Э м и л и я . Сейчас мне не до тебя.

Г р е г о р . А мне нужно с вами поговорить.

Э м и л и я . Пожалуйста, Бертик, оставь меня. Уйди, милый. Сейчас уйди. Можешь прийти через несколько минут.

Г р е г о р . Я приду. (*Холодный поклон Прусу. Уходит.*)

Э м и л и я . Наконец!

Пауза.

П р у с . Извините, мадемузель, я не предполагал, что это имя так взволнует вас.

Э м и л и я . Что вы знаете о Макропулосе?

П р у с . Я вас и спрашиваю об этом.

Эмилия. Что вы знаете о Макропулосе?

Прус. Сядьте, прошу вас. Очевидно, разговор пемпого затянется.

Оба садятся. Пауза.

Прежде всего, мадемуазель, разрешите нескромный вопрос. Может быть, даже слишком нескромный.

Эмилия молча кивает.

Есть у вас... какой-нибудь особый интерес к особе господина Грегора?

Эмилия. Нет.

Прус. Вам очень важно, чтобы он выиграл тяжбу?

Эмилия. Нет.

Прус. Благодарю вас. Не буду расспрашивать, мадемуазель, откуда вам известно содержимое закрытых столов у меня в доме. Это, видимо, ваша тайна.

Эмилия. Да.

Прус. Прекрасно. Вы знали, что там письма. Знали, что там завещание Пруса... да еще запечатанное. А знали вы, что там было... еще кое-что?

Эмилия (*в волнении встает*). Что? Вы нашли еще что-то? Что именно?

Прус. Не знаю. Для меня самого — загадка.

Эмилия. Вы не знаете, что это?

Прус. А вы знаете?

Эмилия. Вы мне об этом ничего не сказали...

Прус. Я думал, вам известно от Коленчатого... или от Грегора.

Эмилия. Никто из них не говорил мне ни слова.

Прус. Это просто запечатанный конверт с надписью рукой Йозефа Пруса: «Сыну моему Фердинанду». Вот и все. Конверт лежал вместе с завещанием.

Эмилия. И вы его не вскрыли?

Прус. Нет. Он адресован не мне.

Эмилия. Так давайте его сюда.

Прус (*встает*). Как? Почему?

Эмилия. Потому что я так хочу. Потому что... потому что...

Прус. Ну?

Эмилия. Потому что я имею на это право.

Прус. Позвольте узнать: какое?

Эмилия. Не скажу. (*Садится*.)

Прус. Гм... (*Садится*.) Это, видимо... тоже ваша тайна?

Эмилия. Разумеется. Так вы дадите?

Прус. Нет!

Эмилия. Что ж, хорошо. Мне даст его Бертик. Конверт принадлежит ему.

Прус. Посмотрим. Можете вы сказать мне, чтò в этом конверте?

Эмилия. Нет. (*Пауза*.) А что вам известно о Макропулосе?

Прус. Pardon, а что вам известно о той, которую вы называете Эллен Мак-Грегор?

Эмилия. У вас ведь есть ее письма.

Прус. Вам, наверно, известны подробности. Что вы знаете об этой... потаскунке?

Эмилия (*вскочив*). Что такое?

Прус (*встает*). Но, сударыня...

Эмилия. Как вы смеете, как вы смеете говорить такие вещи!

Прус. Да вам-то что? Какое вам дело до этой сомнительной особы... жившей сто лет назад?

Эмилия. Да. Никакого. (*Садится*.) Значит, она была потаскункой?

Прус. Видите ли, я читал ее письма. Чрезвычайно чувственная особа.

Эмилия. О, вам не следовало их читать.

Прус. Там упоминаются такие... интимные подробности. Я не мальчик, мадемуазель, но признаюсь, что у самой искушенной распутницы нет такого опыта... в некоторых делах, как у этой роскошной девицы.

Эмилия. Вы хотели сказать — девки?

Прус. Это было бы слишком мягко, мадемуазель.

Эмилия. Знаете что? Дайте мне ее письма.

Прус. Может быть, вас интересуют именно эти... интимные подробности?

Эмилия. Возможно.

Пауза.

Прус. Знаете, что я хотел бы знать?

Эмилия. Ну?

Прус. Какая вы в любви.

Эмилия. Ага, теперь уже вы думаете об... интимных подробностях!

Прус. Возможно.

Эмилия. Может быть, я напоминаю вам эту Эллен?

Прус. Боже упаси!

Пауза.

Эмилия. Да, она была авантюристка, распутница. Может, вы добавите еще что-нибудь похуже?

Прус. Как ее звали на самом деле?

Эмилия. Эллен Мак-Грегор. Ведь письма ее подписаны.

Прус. Pardon, там стоят инициалы Э. М. и только.

Эмилия. Ясно, что они означают Эллен Мак-Грегор.

Прус. Ясно, что они могут означать что угодно. Например, Эмилия Марти, Евгения Монтес и тысячу других имен.

Эмилия. А они означают Эллен Мак-Грегор, шотландку по национальности.

Прус. Или, вернее... Эмину Макропулос, гречанку с Крита.

Эмилия. Проклятье!

Прус. Значит, правильно?

Эмилия (*гневно*). Отстаньте! (*Пауза. Эмилия поднимает голову.*) Черт возьми, откуда вы знаете?

Прус. Да очень просто. В завещании идет речь о каком-то Фердинанде, родившемся двадцатого ноября тысяча восемьсот шестнадцатого года в Лоукове. Завещание мы прочли вчера вечером, а сегодня, в три часа утра, лоуковский священник, с фонарем в руке, в ночной рубашке, бедняга, ввел меня в хранилище метрических книг. Там я нашел то, что искал.

Эмилия. Что же именно?

Прус. Метрическую запись. Вот какую. (*Вынимает блокнот и читает.*) Имя и фамилия новорожденного — Фердинанд Макропулос. Дата рождения — двадцатое ноября тысяча восемьсот шестнадцатого года. Происхождение — внебрачный. Отец — прочеркнуто. Мать — Элина Макропулос, гречанка с Крита. Вот и все.

Эмилия. Больше вы ничего не знаете?

Прус. Ничего. Но и этого достаточно.

Эмилия. Бедняжка Грегор! Теперь Лоуков останется у вас, а?

Прус. По крайней мере до тех пор, пока не объявит-ся какой-то Макропулос.

Эмилия. А запечатанный конверт?

Прус. О, конверт будет тщательно храниться до его прихода.

Эмилия. А если никакой Макропулос не явится?

Прус. Тогда конверт не будет вскрыт. И не достанется никому.

Эмилия. Так вот: он явится, понятно? И вы распространяетесь с Лоуковом.

Прус. Что ж, воля божья.

Эмилия. Как можно вести себя так глупо! (Пауза.) Слушайте, дайте лучше этот конверт мне.

Прус. Жалю, что вы продолжаете этот разговор.

Эмилия. В таком случае за ним придет сам Макропулос.

Прус. Гм, кто же этот Макропулос? Где он? У вас в кармане?

Эмилия. Вы хотите знать? Это Бертик Грегор.

Прус. Неужели опять он?

Эмилия. Да. Элина Макропулос и Эллен Мак-Грегор — одно и то же лицо. Фамилия Мак-Грегор была ее сценическим псевдонимом, понятно?

Прус. Абсолютно понятно. А Фердинанд Грегор — это ее сын, не так ли?

Эмилия. Вот именно.

Прус. Почему же его фамилия была не Макропулос?

Эмилия. Потому что... потому что Эллен хотела, чтобы это имя кануло в Лету.

Прус. Ну вот что, мадемуазель, оставим эту тему.

Эмилия. Вы мне не верите?

Прус. Я этого не говорю. И даже не спрашиваю, откуда вам все это известно.

Эмилия. О господи, к чему дальше скрывать... Я вам все расскажу, Прус, но сохраните мою тайну. Эллен... Элина Макропулос была... моя тетя.

Прус. Ваша тетя?

Эмилия. Да, сестра моей матери. Теперь вы все знаете.

Прус. В самом деле, как все оказывается просто.

Эмилия. Вот видите.

Прус (*встает*). Жаль только, что это неправда, мадемуазель Марти.

Эмилия. Вы хотите сказать — я лгу?

Прус. К сожалению. Если бы вы сказали, что Элина Макропулос была прабабушкой вашей тети, это по крайней мере было бы правдоподобно.

Эмилия. Да, вы правы. (*Подает руку Прусу*.) Всего хорошего.

Прус (*целует руку*). Вы разрешите мне как-нибудь в ближайшем будущем заставить вас свое по чтение?

Эмилия. Пожалуйста.

Прус уходит.

Постойте! За сколько бы вы продали мне этот конверт?

Прус (*оборачивается*). Простите, что вы сказали?

Эмилия. Я куплю его. Куплю эти письма. Заплачу, сколько вы потребуете.

Прус (*подходит к ней*). Простите, сударыня, но об этом я не могу вести переговоры здесь... и с вами. Пришлите, пожалуйста, кого-нибудь ко мне на дом.

Эмилия. Зачем?

Прус. Чтобы я мог спустить его с лестницы. (*С легким поклоном уходит*.)

Пауза. Эмилия сидит неподвижно, с закрытыми глазами.

Входит Грегор, останавливается.

Эмилия (*после небольшого молчания*). Это ты, Берти?

Грегор. Почему вы закрыли глаза? У вас измученный вид. Что с вами?

Эмилия. Я устала. Говори тихо.

Грегор (*подходит к ней*). Тихо? Предупреждаю вас: если я буду говорить тихо, я сам не буду знать, что го

ворю... стану произносить безумные слова. Слышите, Эмилия? Не позволяйте мне говорить тихо. Я вас люблю. Я схожу с ума. Люблю вас! Вы не подымаете меня па смех? А я думал, что вы вскочите и дадите мне подзатыльник. И от этого я полюбил бы вас еще неистовей. Я люблю вас... Да вы спите?

Эмилия. Как холодно, Бертик!.. Я вся дрожу . Смотри не простудись.

Грегор. Я люблю вас. Берегитесь, Эмилия! Вы трубы со мной, но даже это доставляет мне наслаждение. Я вас боюсь, но и в этом есть что-то притягательное. Когда вы меня оскорбляете, мне хочется вас задушить. Мне хочется... Я безумец, Эмилия, я, наверно, убью вас. В вас есть что-то отвратительное... и в этом наслажденье. Вы злая, низкая, ужасная... Бесчувственное животное!

Эмилия. Неправда, Бертик!

Грегор. Правда. Вам все безразлично. Вы холодны, как нож. Точно встали из могилы. Любить вас — извращение. Но я вас люблю. Люблю безумно! Я весь истерзался...

Эмилия. Тебе нравится фамилия Макропулос? Скажи!

Грегор. Перестаньте! Не дразните меня. Я жизнь готов отдать за то, чтобы владеть вами. Готов быть игрушкой в ваших руках. Пойду на все, чего бы вы ни потребовали, на самые неслыханные вещи. Я люблю вас... Я погибший человек, Эмилия.

Эмилия. Слушай вот что: беги сейчас же к своему адвокату. Пускай он вернет тебе документ, который я ему послала.

Грегор. Он поддельный?"

Эмилия. Нет, Альберт, клянусь, нет. Но, понимаешь, нам нужен другой, на имя Макропулоса. Постой, я тебе объясню! Эллен...

Грэгор. Не нужно. Мне надоели все эти фокусы.

Эмилия. Нет, подожди. Ты должен стать богатым, Бертиком. Я хочу, чтобы ты был страшно богат.

Грэгор. Тогда вы меня полюбите?

Эмилия. Перестань! Бертик, ты обещал мне достать эту греческую рукопись. Она у Пруса, слышишь? И ты должен добиться наследства, чтобы получить и рукопись!

Грэгор. Тогда вы меня полюбите?

Эмилия. Никогда! Понимаешь? Никогда!

Грэгор (*сёл*). Я вас убью, Эмилия.

Эмилия. Вздор. Стоит мне сказать тебе три слова, и все пройдет, все пройдет. Подумаешь — он хочет меня убить! Ты видишь этот шрам на шее? Однажды я хотела убить меня. А если бы я встала перед тобой нагая, ты увидел бы, сколько у меня шрамов на память о вас. Создана я так что ли, что всем хочется убить меня!

Грэгор. Я люблю вас.

Эмилия. Отстань, глупец. С меня довольно! Я сыта по горло вашей любовью. О, если бы ты знал... Если бы ты знал, как смешны вы, люди. Если бы знал, как я устала! Как мне все опостылело. О, если бы ты знал...

Грэгор. Что с вами?

Эмилия (*ломает руки*). Несчастная Элина!

Грэгор (*тихо*). Пойдем, Эмилия. Уедем отсюда. Никто никогда не любил вас, как я. Знаю... знаю, что в вашей душе отчаяние и ужас. Эмилия, я молод и силен, я сумею захочь вас своей любовью... Вы забудетесь... а потом отбросите меня, как шелуху. Слышите, Эмилия?

Эмилия ровно и громко храпит.

(*Встает в волнении.*) Что это? Она спит! Вы притворяетесь, Эмилия? Спит! Как пьяная. (*Протягивает к ней руку.*) Эмилия, это я... я... Мы одни... (*Низко склоняется к ней.*)

У борщица, остановившись поодаль, предостерегающе и строго кашляет.

(Выпрямляясь.) Кто там? Ах, это вы... Мадемуазель задремала. Не будите ее. (Целует руку Эмилии и поспешно уходит.)

У борщица (подойдя к Эмилии, молча смотрит на нее). Что-то душа у меня за нее болит... (Покачав головой, уходит.)

Пауза. Из-за кулис выходит Янек, останавливается в десяти шагах от Эмилии и с обожанием глядит на нее.

Эмилия. Это ты, Бертик?

Янек. Нет. Простите, это только я — Янек.

Эмилия (садится). Янек? Подойдите сюда, Янек. Хотите оказать мне услугу?

Янек. О да.

Эмилия. Сделаете все, о чем я ни попрошу?

Янек. Да.

Эмилия. Нечто необычное, Янек. Отважный поступок.

Янек. Да.

Эмилия. И... чего вы за это потребуете?

Янек. О-о, ничего, ничего.

Эмилия. Подойдите поближе. Это очень мило с вашей стороны. Слушайте: у вашего отца дома — запечатанный конверт, на котором написано: «Сыну моему Фердинанду». Конверт лежит в столе, в сейфе или еще где-нибудь. Compris?¹

Янек. Да, да.

Эмилия. Принесите этот конверт.

Янек. А папа даст его мне?

Эмилия. Нет. Вы должны взять сами,

¹ Поняли (франц.).

Янек. Я не могу.

Эмилия. Ах, так! Мальчик боится папы?

Янек. Я не боюсь, но...

Эмилия. Но? Янек, милый, честное слово, он дорог мне как память и не имеет никакой цены... А как бы хотелось!

Янек. Я... я попробую...

Эмилия. Правда?

Прус (*выступает на свет*). Не трудись, Янек. Конверт заперт в сейфе.

Янек. Папа!

Прус. Иди! (*Эмилии.*) Любопытное явление, мадемузель. Я думал, что он торчит в театре из-за своей Кристинки, а оказывается...

Эмилия. А вы почему торчите в театре?

Прус. Я ждал... вас.

Эмилия (*подходит к нему вплотную*). Тогда... отдайте мне конверт.

Прус. Это не моя собственность.

Эмилия. Принесите его ко мне.

Прус. А-а! Когда?

Эмилия. Сегодня ночью.

Прус. Согласен!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ

ТРЕТЬЕ

Номер в гостинице. Налево окно, направо дверь в коридор.

В центре дверь с гардинами ведет в спальню Эмилии.

Эмилия выходит из спальни в пеньюаре. За ней Прус в смокинге, но без воротничка. Прус молча садится в кресло направо.

Эмилия идет к окну и поднимает штору. На дворе светает.

Эмилия (*отворачивается от окна*). Ну? (*Пауза. Подходит ближе.*) Давайте. (*Пауза.*) Слышите? Дайте мне конверт.

Прус достает из внутреннего кармана бумажник, вынимает оттуда запечатанный конверт и молча бросает его на стол.

(*Берет конверт и подходит к туалету. Садится и осматривает печать на конверте. Колеблется. Потом быстро вскрывает конверт шпилькой и вынимает из него сложенный пожелтевший листок. Читает. Радостный вздох. Складывает листок и прячет его за корсаж. Встает.*) Отлично!

Пауза.

Прус (*тихо*). Вы меня обманули.

Эмилия. Вы получили... все, что хотели.

Прус. Обманули... Вы были холодны как лед. Я словно обнимал мертвую. (*Содрогается.*) И ради этого я отдал чужие документы. Благодарю покорно!

Эмилия. Вам жаль конверта?

Прус. Мне жаль, что я узнал вас. Я не должен был отдавать конверт. Получается, что я вор. Гадость, гадость!
Эмилия. Завтракать будете?

Прус. Не хочу. (*Встает и подходит к ней.*) Покажитесь. Покажитесь, я хочу посмотреть на вас. Не знаю, что я вам отдал; наверно, что-то ценное. Но даже если дело было только в том, что это — чужой документ... (*Машет рукой.*)

Эмилия. Вы хотите плонуть мне в лицо? (*Встает.*)

Прус. Нет, себе.

Эмилия. О, пожалуйста, не стесняйтесь.

Стук.

(*Идет к двери.*) Кто там?

Горничная (*за scenой*). Это я, мадемуазель.

Эмилия. Входи. (*Отпирает.*) Завтракать!

Горничная (*входит в ночной кофте и юбке. Запыхалась*). Простите, мадемуазель, нет ли здесь господина Пруса?

Прус (*резко оборачивается*). В чем дело?

Горничная. Пришел слуга господина Пруса. Говорит, ему нужно видеть барина. Что-то важное принес...

Прус. Откуда он знает, черт побери?.. Скажите, пусть подождет. Нет, погодите. (*Уходит в спальню.*)

Эмилия. Причешите меня. (*Садится перед туалетом.*)

Горничная (*распускает ей волосы*). Господи, как я перепугалась. Прибегает швейцар: пришел, мол, этот самый слуга, хочет к вам. А слуга-то не в себе, говорить даже не может. У меня сердце так и упало. Не иначе, думаю, что-то стряслось.

Эмилия. Осторожно! Не дергай!

Горничная. А сам бледный как мел, слуга-то. Тут я перепугалась...

Прус (*в воротнике и галстуке торопливо выходит из спальни*). Простите, я на минуту... (*Уходит направо.*)

Горничная (*расчесывает волосы Эмилии*). Он важный барин, да? До чего хочется знать: что там случилось? Вы бы видели, мадемуазель, как этот слуга дрожал...

Эмилия. Потом сваришь мне яйца.

Горничная. А в руке у него было какое-то письмо. Может, пойти послушать, о чем они говорят?

Эмилия (*зевает*). Который час?

Горничная. Восемь.

Эмилия. Погаси свет и не тресци.

Пауза.

Горничная. А губы у него совсем синие, у слуги-то...

Эмилия. Ты мне дергаешь волосы, дура! Дай сюда требень. Смотри, сколько выдrala!

Горничная. У меня руки трясутся. Что-нибудь случилось, как пить дать.

Эмилия. Если и так, не смей выдирать мне волосы. Чеши!

Прус возвращается из коридора с переспечатанным письмом в руке, которое он машинально поглаживает.

Быстро вернулись!

Прус, нащупав рукой кресло, садится.

Что вы хотите к завтраку?

Прус (*хрипло*). Отошлите... горничную...

Эмилия (*горничной*). Ступай пока. Я позвоню. Ступай!

Горничная уходит.

(*После паузы.*) Ну, что такое?

П р у с. Янек... застрелился.
Э м и л и я. Не может быть!

П р у с. Череп себе размозжил... Узнать нельзя... Скончался...

Э м и л и я. Бедняжка. А от кого письмо?

П р у с. Слуга рассказал... А это... письмо от Янека.
Нашли рядом с ним... Вот кровь...

Э м и л и я. Что же он пишет?

П р у с. Не хватает духу распечатать... Откуда он знал,
что я у вас? Почему послал мне это письмо сюда? Неважели он...

Э м и л и я. ...видел вас? Наверно.

П р у с. Зачем он сделал это? Зачем покончил с собой?

Э м и л и я. Прочтите письмо.

П р у с. Может быть, вы прочтете первая?

Э м и л и я. Нет.

П р у с. Наверно... оно и вас касается... Распечатайте...

Э м и л и я. Не хочу.

П р у с. Я должен пойти к нему... должен... Открыть
письмо?

Э м и л и я. Ну конечно.

П р у с. Пусть будет так. (*Разрывает конверт и достает*
письмо.)

Эмилия делает себе маникюр.

(*Тихо читает.*) О! (*Роняет письмо.*)

Э м и л и я. Сколько ему было лет?

П р у с. Так вот, так вот почему!

Э м и л и я. Бедный Янек.

П р у с. Он любил вас...

Э м и л и я. Да?

П р у с (*рыдая*). Мой единственный!.. Единственный
сын... (*Закрывает лицо руками. Пауза.*) Ему было восемь-
надцать лет, восемнадцать лет! Янек! Мальчик мой. (*Пау-*

за.) О боже, боже! Я бывал чересчур суров с ним. Никогда не гладил его по голове, никогда не приласкал, никогда не похвалил... Всякий раз, как мне хотелось это сделать, я думал: нет, пусть он будет твердым... твердым, как я... твердым в жизни... Я совсем не знал его! О боже, как мой мальчик боготворил меня!

Эмилия. Вы этого не знали?

Прус. О боже, если бы он был сейчас жив! Так глупо, так бессмысленно влюбиться... Он видел, что я вошел к вам, ждал два часа у ворот... потом пришел домой и...

Эмилия (*берет гребень и причесывается*). Бедняжка.

Прус. Восемнадцать лет! Мой Янек, мой сын... Мертв, неузнаваем... И пишет детским почерком: «Папа, я узнал жизнь, папа, будь счастлив, а я...» (*Встает*.) Что вы делаете?

Эмилия (*со шпильками во рту*). Причесываюсь.

Прус. Вы, видно, не поняли? Янек любил вас, он застрелился из-за вас.

Эмилия. Ах, столько народу стреляется.

Прус. И вы можете причесываться?

Эмилия. Что ж, мне бегать из-за этого растрепанной?

Прус. Он застрелился из-за вас, понимаете?

Эмилия. Что же я могу поделать? Ведь из-за вас тоже. Рвать мне на себе волосы, что ли? Мне их достаточно повыдергала горничная.

Прус. Замолчите, или...

Стук в дверь.

Эмилия. Войдите.

Горничная (*входит уже одетая*). Господин Гаук-Шендорф желает вас видеть.

Эмилия. Проси.

Горничная уходит.

П р у с . Вы... вы примете его сейчас... при мне?

Э м и л и я . Идите пока в соседнюю комнату.

П р у с (поднимает портьеру). Canaille! ¹ (Выходит.)

Входит Г а у к - Ш е н д о р ф .

Э м и л и я . Buenos días ², Макси. Что так рано?

Г а у к . Ш-ш-ш! (Подходит к ней на цыпочках, целует ее щеку.) Собирайтесь, Евгения. Едем.

Э м и л и я . Куда?

Г а у к . Домой. В Испанию. Хи-хи! Моя жена ничего не знает. Вы понимаете? Я уже к ней не вернусь. Por dios ³, Евгения, торопитесь!

Э м и л и я . Вы с ума сошли?

Г а у к . Совершенно верно. Понимаете, я под опекой, как слабоумный. Меня могут задержать и отправить обратно, це-це-це, как посылку по почте. Но я хочу от них удрать. Вы меня увезете.

Э м и л и я . В Испанию? А что я буду там делать?

Г а у к . Ого! Плясать, конечно! Mi dios, hija ⁴, как я всегда ревновал вас! Будете плясать, да? А я буду хлопать в ладоши. (Вынимает кастаньеты.) Ay, salero! Vaya, que-rida ⁵. (Поет.) Ла-ла-ла-ла-ла... (Останавливается.) Кто это тут плачет?

Э м и л и я . Э-э, никто.

Г а у к . Це-це-це. Как будто кто-то плакал. Мужской голос. Chite, escucha... ⁶

Э м и л и я . Ах, да, это сосед за стеной, У него, кажется, умер сын...

¹ Скотина (франц.).

² Добрый день (исп.).

³ Ради бога (исп.).

⁴ Боже мой, девушка (исп.).

⁵ Ай, озорница! Любимая! (исп.).

⁶ Тс-с, прислушайтесь... (исп.).

Гаук. Умер? Как прискорбно! Vamos¹, Гитапа. Знаете, что я с собой везу? Драгоценности. Матильдицы. Матильда — это моя жена. Старая ведьма, вы понимаете? Так скверно быть старым. Скверно! Я тоже был стар, пока не вернулись вы... Chiquirritina², мне теперь двадцать лет! Вы не верите?

Эмилия. Si, si, señor!³

Гаук. Вы тоже не постарели. Человек не должен стареть. Ведь у дураков долгий век. О, я буду жить долго. И пока человек жаждет любви... (*Щелкает кастаньетами.*) Вкушай любовь! Ла-ла-ла-ла... Эй, цыганка, посдешь со мной?

Эмилия. Да.

Гаук. К новой жизни, а? Начнем снова с двадцати лет, пина!⁴ О наслаждение! Ты помнишь? А все остальное тряпки-трава. Nada⁵. Поедем?

Эмилия. Sí. Ven aquí, chuchito!⁶

Стук в дверь.

Войдите.

Горничная (*просовывает голову*). Вас хочет видеть господин Грэгор.

Эмилия. Пусть войдет.

Гаук. Что ему нужно? Бежим.

Эмилия. Подождите.

Входят Грэгор, Коленатый, Кристина и Витек.

Здравствуй, Бертик. Кого ты привел, скажи, пожалуйста?

¹ Пойдем (*исп.*).

² Малютка (*исп.*).

³ Да, да, сеньор (*исп.*).

⁴ Девочка! (*исп.*).

⁵ Ничто (*исп.*).

⁶ Да, пойди сюда, песик! (*исп.*).

Грэгор. Вы не одна?

Гаук. А, господин Грэгор! Как я рад!

Грэгор (*подтолкнув Кристину к Эмилии*). Посмотрите в глаза этой девочке. Вы знаете, что случилось?

Эмилия. Янек.

Грэгор. А знаете почему?

Эмилия. Э, вздор!

Грэгор. Смерть этого юноши — на вашей совести, понимаете?

Эмилия. Потому ты и притащил сюда столько народа, да еще адвоката?

Грэгор. Не только потому. И прошу вас не обращаться ко мне на ты.

Эмилия (*рассердившись*). Ну, посмотрим. Что тебе надо?

Грэгор. Сейчас узнаете. (*Усаживается без приглашения*.) Как ваше настоящее имя?

Эмилия. Ты меня допрашиваешь?

Коленатый. Что вы, мадемуазель. Просто дружеская беседа.

Грэгор. Дайте фотографию, Витек. (*Берет у Витека снимок*.) Вы надписали Кристине эту фотографию! Здесь ваша надпись?

Эмилия. Моя.

Коленатый. Отлично. А теперь разрешите спросить: вы послали мне вчера вот этот документ — собственноручное письменное заявление некоей Эллен Мак-Грэгор о том, что она является матерью Фердинанда Грэгора, датированное тысяча восемьсот тридцать шестым годом? Это не подделка?

Эмилия. Нет.

Грэгор. Но оно написано ализариновыми чернилами. Вы понимаете, что это значит? А? Что это фальшивка, почтеннейшая!

Эмилия. Откуда это видно?

Грегор. Чернила еще совсем свежие. Обратите внимание, господа. (*Последний палец, проводит им по документу.*) Расплывается. Что вы скажете, а?

Эмилия. Ничего.

Грегор. Это написано вчера, понятно? И той же рукой, которая надписала фотографию. Исключительно своеобразный почерк.

Коленатый. Буквы похожи на греческие, честное слово! Например, вот альфа...

Грегор. Вы написали это заявление сами или нет?

Эмилия. Тебе я не стану отвечать.

Гаук. Но позвольте, господа, позвольте...

Коленатый. Погодите, сударь. Тут творятся любопытные дела. Мадемуазель, можете вы сообщить нам хотя бы, откуда вы достали этот документ?

Эмилия. Клянусь, его написала Эллен Мак-Грегор.

Коленатый. Когда? Вчера утром?

Эмилия. Это неважно.

Коленатый. Очень важно, милостивая государыня. Когда умерла Эллен Мак-Грегор?

Эмилия. Уходите, уходите. Больше я вам ни слова не скажу.

Прус (*быстро выходит из спальни*). Покажите мне документ, пожалуйста.

Кристина (*встает*). Господи... вы...

Грегор. Вы здесь? Эмилия, что это значит?

Гаук. О боже, господин Прус! Очень рад вас видеть. Как дела?

Грегор. Знаете вы, что ваш сын...

Прус (*холодно*). Да, знаю. Документ, прошу вас.

Коленатый подает ему документ.

Благодарю вас. (*Надевает перчатки и внимательно читает.*)

Грегор (*подходит к Эмилии, тихо*). Что он здесь делал? Говорите!

Эмилия (*меряя его взглядом*). По какому праву?

Грегор. По праву того, кто сходит с ума.

Прус (*откладывая документ*). Это не подделка.

Коленатый. Что за чертовщина! Так это писала Эллен Мак-Грегор?

Прус. Нет, гречанка Элина Макропулос. Тот же почерк, что в моих письмах. Тут не может быть никакого сомнения.

Коленатый. Но ведь письма писала...

Прус. Элина Макропулос. Никакой Эллен Мак-Грегор не существовало, господа. Это заблуждение.

Коленатый. С ума сойти! А надпись на фотографии?

Прус (*рассматривая надпись*). Несомненно — почерк Элины Макропулос.

Коленатый. Вот как! Но ведь это собствениоручная подпись Эмилии Марти. Правда, Кристина?

Кристина. Оставьте ее в покое.

Прус (*возвращая фотографию*). Благодарю вас. Простите, что я вмешался. (*Садится в стороне, обхватив голову руками*.)

Пауза.

Коленатый. А теперь пусть кто-нибудь с боязней помощью разберется во всей этой путанице.

Витек. Простите, может быть, здесь чистая случайность, просто почерк мадемузель Марти... очень похож на...

Коленатый. Ну конечно, случайность, Витек. И приезд Марти — случайность, и эта фальшивка — тоже случайность... И... знаете что, Витек? Идите-ка вы к черту со всеми этими случайностями.

Эмилия. Довожу до вашего сведения, господа, что я сегодня же уезжаю.

Грегор. Разрешите узнать куда?

Эмилия. За границу.

Коленатый. Ради бога, не делайте этого, мадемузель. Знаете что? Останьтесь добром, чтобы нам не пришлось обращаться... чтобы мы не были вынуждены вызвать...

Эмилия. Вы хотите потребовать моего ареста?

Грегор. Пока нет. У вас еще есть выход.

Стук в дверь.

Коленатый. Войдите!

Горничная (*просовывает голову*). Двое каких-то господ ищут барона Гаука.

Гаук. Простите, кого? Меня? Не пойду! Я... ради бога... прошу вас... Устройте как-нибудь...

Витек. Я поговорю с ними. (*Выходит*.)

Коленатый (*подходит к Кристине*). Не плачь, Кристина, не плачь. Мне так жалко...

Гаук. Ого, какая хорошенькая! Дайте-ка посмотреть. Не извольте плакать, мадемузель!

Грегор (*подходит близко к Эмилии. Тихо*). Внизу ждет машина. Вы поедете со мной за границу, или...

Эмилия. Ха-ха, ты па это рассчитывал?

Грегор. Или я, или полиция. Поедешь?

Эмилия. Нет.

Витек (*возвращается*). Господина Гаука ждет... врач... и еще один господин. Пришли за ним — проводить его домой.

Гаук. Видели? Хи-хи. Вот я и попался. Будьте добры, попросите их немножко подождать.

Витек. Да я уже попросил.

Грэгор. Господа! Ввиду того что мадемузель Марти не намерена дать нам объяснения, будем действовать решительно: сами осмотрим ее стол и чемоданы.

Коленатый. Ого! Мы не имеем права, Грэгор. Понятие о частной собственности и всякое такое...

Грэгор. Что ж, вызвать полицию?

Коленатый. Я умываю руки.

Гаук. Но позвольте, господин Грэгор. Я, как джентльмен...

Грэгор. Сударь, вас за дверями ждут доктор и сынщик. Позвать их?

Гаук. О, прошу вас, не надо. Но я уверен, что господин Прус...

Прус. Делайте... с этой женщиной..., что хотите.

Грэгор. Ладно. Начнем. (*Идёт к письменному столу*).

Эмилия. Назад! (*Открывает ящик туалетного столика*.) Помой только!

Коленатый (*бросается к ней*). Ай-ай-ай, мадемузель! (*Вырывает у неё револьвер*.)

Грэгор (*не оборачиваясь, открывает ящик стола*). Хстела стрелять, а?

Коленатый. Да, он заряжен. Оставим это, Грэгор. Я вызову полицию, ладно?

Грэгор. Не надо. Сами разберемся. (*Осматривает ящики*.) Пока побеседуйте...

Эмилия (*подбегает к Гауку*). Макси, ты позволишь это? Cáspera! ¿usted quiere pasar por caballero?¹

Гаук. Cielo de mí². Что же я могу сделать?

¹ Черт возьми! Вы ведь хотите, чтобы вас считали рыцарем?
(исп.)

² О небо (исп.).

Эмилия (*Коленатому*). Доктор, вы честный человек...

Коленатый. Крайне сожалею, мадемуазель, но вы заблуждаетесь. Я карманник и международный вор. Собственно говоря, я... Арсеп Лютен *.

Эмилия (*Прусу*). А вы, Прус? Ведь вы джентльмен. Вы не позволите...

Прус. Прошу вас не говорить со мною.

Кристина (*с рыданием*). Как мерзко вы с ней поступаете! Оставьте ее в покое.

Коленатый. Я то же самое говорю, девочка. Мы действуем нагло. Прямо нагло.

Грегор (*вываливает на стол кучу бумаг*). Вот как, мадемуазель? Вы, оказывается, возите с собой целый архив. (Идет в спальню.)

Коленатый. Будто специально для вас, Витек. Прямо деликатесы, а не документы. Может быть, рассортируете по годам?

Эмилия. Помсмейте только читать их!

Коленатый. Милостивая государыня, убедительно прошу вас оставаться на месте. В противном случае я буду вынужден применить насилие в нарушение параграфа девяносто первого уголовного уложения.

Эмилия. И это говорите вы, адвокат?

Коленатый. Видите ли, я вошел во вкус. Очевидно, у меня врожденная склонность к преступлениям. Подлинное призвание иногда познается лишь к старости.

Пауза.

Витек. Разрешите осведомиться, мадемуазель Марти: куда вы поедете гастролировать?

Молчание.

Гаук. Mon dieu, je suis désolé... désolé¹.

Витец. А... читали вы рецензии о себе?

Эмилия. Нет.

Витец (*достает из кармана вырезки*). Блестящие рецензии, мадемуазель. Вот, например: «Голос изумительной яркости и силы, необыкновенная полнота верхов, совершенное владение своими вокальными средствами». Дальше: «Исключительный драматизм игры... невиданное сценическое мастерство... явление единственное в истории нашей оперы и, видимо, оперного искусства вообще». В истории, мадемуазель, обратите внимание!

Кристина. Так оно и есть.

Грегор (*возвращается из спальни с охапкой бумаг*). Вот, доктор. Пока — это все. (*Бросает бумаги на стол*.) Беритесь за дело.

Коленатый. С удовольствием. (*Нюхает бумаги*.) Какая пыльца, мадемуазель. Витец, это пыль веков.

Грегор. Кроме того, нашлась печать с инициалами Э. М., оттиск которой есть на заявлении Эллен Мак-Грегор.

Прус (*встает*). Покажите.

Коленатый (*Над бумагами*). Господи боже! Витец, здесь есть бумаги, датированные тысяча шестьсот третьим годом.

Прус (*возвращая печать*). Это печать Элины Макронулос. (*Садится*.)

Коленатый. Чего-чего только нет...

Гаук. Ох, боже мой...

Грегор. Вам не знаком этот медальон, господин Гаук? По-моему, на нем ваш бывший достопочтенный герб.

¹ Господи, я в отчаянии... в отчаянии (франц.).

Гаук (*рассматривая медальон*). Да... так и есть... я его сам подарил ей.

Грегор. Когда?

Гаук. Ну, тогда... в Испании... пятьдесят лет назад.

Грегор. Кому?

Гаук. Ей, лично ей, Евгений Монтес... понимаете?

Коленатый (*роясь в бумагах*). Тут что-то испански. Можете прочесть?

Гаук. О, конечно. Позвольте-ка. Хи-хи, Евгения, это из Мадрида.

Коленатый. Что это такое?

Гаук. Полицейское предписание о немедленном выезде... за нарушение общественного порядка... *Ramera Gitána que se llama Eugénia Montez*¹. Хи-хи! Я знаю: это из-за той драки, а?

Коленатый. Виноват. (*Разбирает бумаги*.) Загранничный паспорт на имя Эльзы Мюллер; семьдесят девятый год... Свидетельство о смерти... Эллен Мак-Грегор, тысяча восемьсот тридцать шестой год. Так, так. Все впремешку. Подождите, мадемуазель, мы рассортируем по фамилиям. Екатерина Мышкина — это еще кто такая?

Витек. Екатерина Мышкина была русская певица, в сороковых годах.

Коленатый. Вы все знаете, дорогой мой.

Грегор. Любопытно, что инициалы всегда «Э. М.».

Коленатый. Мадемуазель, видимо, коллекционирует документы с этими инициалами. Особое пристрастие, а? Ого, «твой Пепи»! Это, безусловно, ваш предок, Прус. Прочитать? «Meine liebste, liebste Ellian»².

Прус. Может быть, Элина, а?

¹ Проститутка-цыганка, которая называет себя Евгенией Монтес... (*исп.*).

² Моя дорогая, дорогая Эллен (*нем.*)...

Коленатый. Нет, нет, Эллен. И на конверте — Эллен Мак-Грегор. Вена, Императорская опера. Погоди-те, Грегор, Эллен еще придет к финишу первой. «Meine liebste, liebste Ellian»...

Эмилия (*встает*). Погодите! Дальше не читайте. Это мои письма.

Коленатый. Что ж поделаешь, если они оказались такими интересными и для нас.

Эмилия. Не читайте. Я расскажу все сама. Все, о чем вы спросите.

Коленатый. Правда?

Эмилия. Клянусь!

Коленатый (*складывая бумаги*). В таком случае тысяча извинений, мадемуазель, за то, что нам пришлось принудить вас к этому.

Эмилия. Вы будете судить меня?

Коленатый. Боже упаси. Вполне дружеский разговор.

Эмилия. Но я хочу, чтобы вы меня судили.

Коленатый. Ах, так? Постараемся, в пределах наших возможностей. Итак — пожалуйста.

Эмилия. Нет, все должно быть, как в суде. Крест и все прочее.

Коленатый. А, вы правы. Еще что?

Эмилия. Но сперва пустите меня поесть и привести себя в порядок. Не могу же я предстать перед судом в таком неглиже.

Коленатый. Совершенно верно. Все должно иметь надлежащий, солидный вид.

Грегор. Комедия!

Коленатый. Тсс! Не дискредитируйте акт право-судия. Обвиняемая, вам предоставается десять минут на одевание. Довольно этого?

Эмилия. Да вы в своем уме? Дайте хоть час.

Коленатый. Полчаса на приготовление и обдумывание, после чего вы предстанете перед судом. Ступайте. Мы пришлем вам горничную.

Эмилия. Спасибо. (*Уходит в спальню.*)

Прус. Пойду к Янеку.

Коленатый. Только возвращайтесь через полчаса.

Грегор. Не могли бы вы хоть сейчас быть немного серьезней, доктор?

Коленатый. Тсс, я страшно серьезен, Грегор. Я знаю, как на него воздействовать. Это истеричка. Витец!

Витец. Что угодно?

Коленатый. Сбегайте в ближайшее похоронное бюро. Пусть пришлют сюда распятие, свечи и черное покрывало. Потом — Библию и прочую бутафорию. Скорей!

Витец. Слушаюсь.

Коленатый. И раздобудьте где-нибудь череп.

Витец. Человеческий?

Коленатый. Человеческий или коровий — это все равно. Лишь бы у нас был символ смерти.

* * *
Занавес

ЭПИЛОГ

Та же комната, обставленаая, как зал суда. Столы, диван, стулья покрыты черным сукном. На большом столе налево — крест, Библия, горящая свеча и череп. За столом председатель суда Коленатый и секретарь Витек. Прокурор Грегор — за столиком в середине. На диване — присяжные:

Прус, Гаук и Кристина. Налево свободный стул.

Коленатый. Ей пора бы уже явиться.

Витек. Не приняла ли она, не дай бог, какой-нибудь яд?

Грегор. Вздор! Она слишком любит себя.

Коленатый. Введите подсудимую.

Витек стучится в спальню и входит.

Прус. Не могли бы вы избавить меня от этого фарса, доктор?

Коленатый. Нет, вы должны быть присяжным.

Кристина (*всхлипывает*). Это... похоже... на похороны.

Коленатый. Не плакать, девочка. Мир мертвым.

Витек вводит Эмилию в роскошном туалете, с бутылкой и стаканом в руке.

Отведите подсудимую на ее место.

Витек. Позвольте сообщить: подсудимая пила виски.

Коленатый. Она пьяна?

Витец. Очень.

Эмилия (*опираясь на стену*). Оставьте меня. Это только... для храбрости. Пить хочется...

Коленатый. Отнимите у нее бутылку.

Эмилия (*прижимая бутылку к груди*). Ну нет, по-дам! А то отвечать не стану. Ха-ха-ха, вы похожи на факельщиков! Вот потеха! Ха-ха-ха-ха-ха, погляди, Бертик! Theotokos¹, я помру со смеху.

Коленатый (*строго*). Подсудимая, ведите себя пристойно.

Эмилия (*смузгена*). Вы хотите меня напугать, да? Бертик, ведь это все шутка, а?

Коленатый. Отвечайте только на вопросы суда. Ваше место вон там. Можете сесть. Пропусти прокурора огласить обвинительное заключение.

Эмилия (*тревожно*). Я должна присягнуть?

Коленатый. Обвиняемые не приносят присяги.

Грегор. Подсудимая Эмилия Марти, певица, обвиняется перед богом и людьми в том, что с корыстной целью совершила мошенничество и подделку документов, обманула доверие и попрала всякую порядочность. Виновна перед самой жизнью, извергнута из рядов человеческих и предана строжайшему суду.

Коленатый. У кого есть замечания? Ни у кого? Приступаем к допросу. Обвиняемая, встаньте. Ваше имя?

Эмилия (*встает*). Мое?

Коленатый. Ну конечно, ваше, ваше! Как вас зовут?

Эмилия. Элина Макропулос.

Коленатый (*присвистнув*). Ка-ак?

Эмилия. Элина Макропулос.

¹ Матерь божия (греч.).

Коленатый. Где родились?

Эмилия. На Крите.

Коленатый. Когда?

Эмилия. Когда?

Коленатый. Сколько вам лет?

Эмилия. А как вы думаете?

Коленатый. Лет тридцать, а?

Витек. Нет, больше.

Кристина. За сорок!

Эмилия (*высовывает ей язык*). Девчонка!

Коленатый. Ведите себя пристойно, обвиняемая.

Эмилия. Разве я выгляжу такой старухой?

Коленатый. Ведите себя пристойно, обвиняемая.

Эмилия. Тысяча пятьсот восемьдесят пятый.

Коленатый (*вскакивает*). Ка-какой?

Эмилия. Тысяча пятьсот восемьдесят пятый.

Коленатый (*садится*). Восемьдесят пятый год. Значит, вам сейчас тридцать семь лет, не так ли?

Эмилия. Триста тридцать семь.

Коленатый. Настоятельно предлагаю вам отвечать серьезно. Назовите ваш возраст.

Эмилия. Триста тридцать семь лет.

Коленатый. Это переходит все границы! А кто был ваш отец?

Эмилия. Иеронимус Макропулос, лейб-медик императора Рудольфа II*.

Коленатый. Тысяча чертей! Я с пой больше не разговариваю.

Прус. Как ваше настоящее имя?

Эмилия. Элина Макропулос.

Прус. Любовница Йозефа Пруса Элина Макропулос — из вашего рода?

Эмилия. Это я сама.

Прус. То есть как?

Эмилия. Я жила с Пепи Прусом. От него у меня — тот Грегор.

Грегор. А Эллен Мак-Грегор?

Эмилия. Это я.

Грегор. Вы не в своем уме?

Эмилия. Я твоя прапрабабушка; Ферди был моим сыном, понимаешь?

Грегор. Какой Ферди?

Эмилия. Да Фердинанд Грекор. В метрике он записан как Фердинанд Макропулос, потому что... там мне пришлось назвать свое настоящее имя.

Коленатый. Безусловно. Так когда же вы родились?

Эмилия. В тысяча пятьсот восемьдесят пятом году. Christos Soter¹, отвяжитесь наконец от меня с этим вопросом.

Гаук. Но... прошу прощения... ведь вы Евгения Монтес?

Эмилия. Я была сю, Макс, была. Но в то время мне было только двести девяносто лет. Была я и Екатериной Мышкиной, и Эльзой Мюллер, и еще бог весть ком. Вы поймите! Не может же один человек жить триста лет.

Коленатый. Особенно певица.

Эмилия. Я думаю!

Пауза.

Витек. Значит, вы жили также в восемнадцатом веке?

Эмилия. Ну конечно.

Витек. И лично знали... Дантона?

Эмилия. Знала. Отвратительный субъект.

Прус. А откуда вам известно содержание запечатанного завещания?

¹ Христос-спаситель (греч.).

Эмилия. Пепи показал мне его, прежде чем запечатать. Он хотел, чтобы я потом рассказала о завещании этому дурачку Ферди Грегору.

Грегор. Почему же вы не сказали?

Эмилия. На кой черт мне было заботиться о своих детях?

Гаук. Ай, ай, что вы говорите!

Эмилия. Я, голубчик, давно уже не дама.

Витек. Много у вас было детей?

Эмилия. Человек двадцать. Иной раз, знаете, не убережешься... Никто не хочет выпить? Матерь божия, до чего горло пересохло! Умираю от жажды. (*Опускается на стул*).

Прус. Стало быть, письма за подписью «Э. М.» писали вы?

Эмилия. Я... Знаешь что? Отдай их мне. Я люблю иногда их перечитывать. Гадость, да?

Прус. Вы писали их как Элина Макропулос или как Эллен Мак-Грегор?

Эмилия. Это все равно. Пепи знал, кто я. Ему я все рассказала, его я любила.

Гаук (*встает в волнении*). Евгения!

Эмилия. Молчи, Макс: тебя тоже. С тобой хорошо жилось, сорвиголова! Но Пепи... (*Расплакалась*.) Его я любила больше всех. Потому-то и дала ему... средство Макропулоса... которого ему так хотелось...

Прус. Что вы ему дали?

Эмилия. Средство Макропулоса.

Прус. Это что такое?

Эмилия. Тот рецепт в запечатанном конверте, который сегодня я получила от вас. Пепи хотел его испробовать и вернуть мне... и положил рядом с завещанием. Наверно, чтоб я когда-нибудь явилась за ним. И вот я пришла. Как умирал Пепи?

Прус. В горячке... и ужасных судорогах.

Эмилия. Это из-за... из-за него! Я говорила ему!

Грегор. Так вы приехали сюда только ради рецепта?

Эмилия. Да, и я не отдам вам его! Он теперь мой.

Не воображай, Бертик, что меня интересовал твой дурацкий процесс. Мне наплевать, что ты — мой потомок. Я сама не знаю, сколько моих пашенков бегает по свету. Мне нужен был рецепт... Он мне необходим, потому что...

Грегор. Потому что?

Эмилия. Потому что я старею. Потому что моя жизнь кончается. Потому что я хочу опять начать все спачала. Потрогай, Бертик, как я холдею. (*Встает.*) Потрогайте, потрогайте мои руки! О господи! Как лед.

Гаук. Что же такое — средство Макропулоса?

Эмилия. Там написано, как оно делается.

Гаук. Что делается?

Эмилия. Средство, чтобы прожить триста лет; чтобы триста лет не стареть. Мой отец составил этот рецепт для императора Рудольфа... Но вы ведь его нокауте, а?

Витец. Только из истории.

Эмилия. Что можно узнать из истории? История — срунда. *Panaia*¹, что я хотела сказать? (*Нюхает из коробочки.*) Никто не хочет понюхать?

Грегор. Что это такое?

Эмилия. Так, ничего. Кокайн или что-то в этом роде. О чём, бишь, я?

Витец. Об императоре Рудольфе.

Эмилия. Да, да. Вот был развратник! Постойте, я вам такое о нем расскажу...

Коленатый. Не отклоняйтесь от темы.

¹ Пресвятая (греч.).

Эмилия. Да, так вот, когда он начал стареть, то все искал эликсир жизни. Чтобы снова помолодеть, понимаете? Тут к нему пришел мой отец и написал ему этот рецепт... средство не стареть триста лет. Но император боялся отравиться и велел отцу сперва испытать его на мне. Мне тогда было шестнадцать лет. Отец так и сделал. Тогда это называли колдовством, но дело тут совсем не в колдовстве.

Гаук. А в чем?

Эмилия (*вздрогнув*). Не могу сказать... это невозможно рассказать... Неделю, а то и больше я лежала в горячке, без памяти, но потом поправилась.

Витек. А император?

Эмилия. Страшно разгневался. Ну, как он мог знать, что я проживу триста лет? Отца велел бросить в темницу, как обманщика, а я бежала с рецептом не то в Венгрию, не то в Турцию, уж не помню.

Коленатый. Давали вы кому-нибудь средство Макропулоса?

Эмилия. Давала. В тысяча шестьсот шестидесятом году его испробовал один тирольский патер. Наверно, он еще жив, но где теперь — не знаю. Одно время он был папой под именем не то Александра, не то Пия, не то под каким-то другим. Потом один итальянский офицер, Уго; вот был красавец! Но его убили. Потом еще Андрей Нэгели, потом бездельник Бомбито. И Пепи Прус, который от него умер. Пепи был последним; рецепт остался у него... Больше я ничего не знаю. Спросите Бомбито. Он жив; не знаю только, как его теперь зовут. По профессии он... как это называется?.. Брачный аферист, что ли?

Коленатый. Простите, так вам, значит, двести сорок семь лет?

Эмилия. Нет, триста тридцать семь.

Коленатый. Вы пьяны. С тысяча пятьсот восемьдесят пятого года до сегодняшнего дня прошло двести сорок семь лет. Понимаете?

Эмилия. Вы меня не сбивайте. Мне триста тридцать семь лет.

Коленатый. Зачем вы подделали заявление Эллен Мак-Грегор?

Эмилия. Да ведь я сама и есть Эллен Мак-Грегор. Коленатый. Не лгите! Вы Эмилия Марти. Понятно?

Эмилия. Да, но только последние двенадцать лет!

Коленатый. Вы признаетесь в краже медальона Евгении Монтес?

Эмилия. Пресвятая дева, это неправда! Евгения Монтес...

Коленатый. Так записано в протоколе. Вы сами сознались.

Эмилия. Неправда!

Коленатый. Назовите вашего сообщника.

Эмилия. У меня нет сообщников.

Коленатый. Не отпирайтесь! Нам все известно. В каком году вы родились?

Эмилия (*брожа*). В тысяча пятьсот восемьдесят пятом.

Коленатый. А теперь выпейте полный стакан.

Эмилия. Не хочу! Оставьте меня!

Коленатый. Вы должны! Полный! Немедленно!

Эмилия (*в страхе*). Что вы со мной делаете? Берти!.. (*Пьет.*) Голова кружится...

Коленатый (*встает и грозно приближается к ней*). Как ваше имя?

Эмилия. Мне плохо. (*Падает со стула.*)

Коленатый (*подхватывает ее и кладет на пол*). Как ваше имя?

Эмилия. Элина... Макро...

Коленатый. Не лгите! Вы знаете, кто я? Я священник. Вы мне исповедуетесь.

Эмилия. Patér... hémo... hos... eis... en uranoisi¹.

Коленатый. Как ваше имя?

Эмилия. Элина... пулос...

Коленатый. Череп!.. Господи, прими душу грешной рабы твоей Эмиии Марти... м-м-м-м... in saeculorum atem...¹ Кончено. (*Обернув череп черным сукном, подносит его Эмилии.*) Встань! Кто ты?

Эмилия. Элина. (*Падает в обморок.*)

Коленатый (*опускает ее на пол так, что слышен шум падающего тела*). Проклятие! (*Встает и откладывает в сторону череп.*)

Грегор. В чем дело?

Коленатый. Она не лжет. Снимите эти тряпки. Скорей! (*Звонит.*) Доктора, Грегор!

Кристина. Вы отравили ее алкоголем.

Коленатый. Немножко.

Грегор (*выглянув в коридор*). Скажите, пожалуйста, здесь есть врач?

Входит доктор.

Доктор. Господин Гаук, мы ждем вас ужо битый час. Собирайтесь домой.

Коленатый. Постойте; помогите сначала ей, доктор.

Доктор (*нагнувшись над Эмилией*). Обморок?

Коленатый. Отравление.

Доктор. Чем? (*Став на колени, нюхает.*) Ага. (*Встает.*) Уложите ее куда-нибудь.

Коленатый. Отнесите ее в спальню, Грегор. Вы ведь ближайший родственник.

¹ Отче... наш... иже... если... на небесех (*греч.*).
Во веки веков, аминь... (*лат.*).

Доктор. Есть там теплая вода?

Прус. Есть.

Доктор. Отлично. Одну минуту. (*Пишет рецепт.*)
Черный кофе, понятно? А с этим рецептом — в аптеку.
(*Идет в спальню.*)

Коленатый. Итак, господа...

Входит горничная.

Горничная. Мадемуазель звонила?

Коленатый. Ну конечно. Она хочет черного кофе, душенька. Крепкого-крепкого черного кофе, поняла?

Горничная. Хи-хи, поняла.

Коленатый. Ну, вот. А с этим сбегай в аптеку. Живо.

Горничная уходит.

(*Садится на авансцене.*) Будь я проклят, если тут что-то не кроется.

Прус. Ну да. Поэтому не надо было ее спаивать.

Гаук. Я... я... не смеяйтесь, но я ей безусловно верю.

Коленатый. И вы, Прус?

Прус. Вполне.

Коленатый. Я тоже. А что из этого следует?

Прус. Что Грегор получит Лоуков.

Коленатый. Гм, и это вам очень не нравится?

Прус. У меня уже нет наследника.

Грегор возвращается с рукой, перевязанной платком.

Гаук. Как она себя чувствует?

Грегор. Немножко лучше. Укусила меня, ведьма. Знаете, я ей верю!

Коленатый. К сожалению, мы тоже.

Пауза.

Гаук. Боже мой, триста лет! Триста лет!

Коленатый. Господа, полнейшая тайна, понятно?
Кристиника!

Кристина (*содрогнувшись*). Триста лет! Это
ужасно!

Горничная входит с кофе.

Коленатый (*Кристине*). Возьми кофе, Кристиночка, отнеси мадемуазель. Побудь у нее сиделкой, ладно?

Кристина уходит в спальню; горничная — в коридор.

(*Проверяя, закрыты ли двери.*) Так. А теперь, господа, пораскинем мозгами, что нам с ним делать.

Грегор. С чем?

Коленатый. Со средством Макропулоса. Существует рецепт на триста лет жизни. И он может быть в наших руках.

Прус. Он у нее за корсажем.

Коленатый. Можно извлечь его оттуда. Господа, это дело сулит... невообразимые возможности. Что мы сделаем с этим рецептом?

Грегор. Ничего. Рецепт принадлежит мне. Я ее наследник.

Коленатый. Успокойтесь. Пока она жива, вы вовсе не наследник. А она может прожить еще триста лет, если захочет. Но мы можем заполучить этот рецепт, понимаете?

Грегор. Обманным путем?

Коленатый. Хотя бы. Это так важно... для нас и для всего общества, что... гм... Вы меня понимаете, господа? Неужели оставить рецепт ей? Чтобы всю пользу извлекала она одна, да еще какой-то проходимец Бомбита? Кому достанется рецепт?

Грегор. Прежде всего — ее потомкам:

Коленатый. Такими потомками хоть пруд пруди. Вы на это особенно не папирайте. Ну вот, скажем, вы,

Прус. Если б рецепт был ваш, одолжили бы вы его мне?
Чтобы я жил триста лет?..

Прус. Нет.

Коленатый. Вот видите, господа. Значит, пам надо как-то между собой договориться. Что делать с рецептом?

Витек (*встает*). Обнародуем средство Макропулоса.

Коленатый. Нет, так, пожалуй, не стоит делать!

Витек. Отдадим его в общее пользование. Всему человечеству! Все люди имеют одинаковое право на жизнь. А живем мы так мало! Боже мой, как коротка человеческая жизнь!

Коленатый. Так что же из этого?

Витек. Это так грустно, господа. Посудите сами: человеческая душа, жажда познания, мысль, труд, любовь, творчество, все, все... И на все — шестьдесят лет! Ну что успевает человек за шестьдесят лет?! Чем наследуется? Чему научится? Не дождешься плодов с дерева, которое посадил. Не научишься всему, что человечество узнало до тебя. Не завершишь своего дела, не покажешь примера... Умрешь, будто не жил! Господи, до чего жизнь коротка!

Коленатый. Ради всех святых, Витек...

Витек. Не успел ни порадоваться, ни поразмыслить, ничего, ничего не успел, кроме погони за хлебом насущным. Ничего не видел, ничего не узнал, ничего не закончил, даже самого себя, — так и остался недоделком. Зачем жил? И стоило ли так жить?

Коленатый. Вы хотите довести меня до слез, голубчик?

Витек. Умираем, как животные... Что такое идея загробной жизни и бессмертия души, как не страшный протест против краткости жизни? Никогда человечество не мирилось с этой звериной долей. С ней нельзя мириться, она слишком несправедлива! Человек не черепаха и не

ворон, ему нужно больше времени. Шестьдесят лет — это рабство! Это слабость, скотство, невежество!

Гаук. Эх-хе-хе, а мне уж семьдесят шесть...

Витец. Наделим всех людей трехсотлетней жизнью. Это будет величайшим событием в мировой истории, освобождением, новым и окончательным сотворением человека. Господи, чего только не успеет добиться человек за триста лет! Пятьдесят лет быть ребенком и школьником. Пятьдесят — самому познавать мир и увидеть все, что в нем есть. Сто лет с пользой трудиться на общее благо. И еще сто, все познав, жить мудро, править, учить, показывать пример. О как была бы цена человеческая жизнь, если бы она длилась триста лет! Не было бы войн. Не было бы отвратительной борьбы за существование. Не было бы страха и эгоизма. Каждый человек стал бы благородным, независимым, совершенным — подлинным сыном божиим, а не ублюдком. Дайте людям жизнь, настоящую человеческую жизнь!

Коленатый. Все это очень хорошо, очень хорошо, но...

Грегор. Благодарю покорно. Триста лет быть чиновником или вязать чулки.

Витец. Но...

Грегор. Быть независимым и всезнающим и при этом... Друг мой, большинство полезных профессий основано на несовершенстве знаний отдельного человека.

Коленатый. Вы увлекаетесь, Витец. Юридически и экономически это абсурд. Вся наша общественная система зиждется на краткосрочности жизни. Возьмите, например, договора, пенсии, страхование, наследственное право.... да мало ли что еще! А брак? Голубчик, никто не захочет жениться на триста лет. Никто не заключит договора на триста лет. Вы анархист, милый мой. Вы хотите разрушить весь установившийся общественный строй.

Гаук. А потом... простите... по истечении трехсот лет каждый захотел бы снова омолодиться...

Коленатый. И фактически жил бы вечно. Этак не выйдет!

Витек. Но вечную жизнь можно было бы запретить. Прожив триста лет, все должны будут умирать.

Коленатый. Вот видите! Из соображений гуманности вы бы запрещали людям жить.

Гаук. Прошу прощения... Но мне думается, что это средство можно... было бы выдавать порциями?

Коленатый. Как так?

Гаук. Ну, понимаете: на определенное количество лет. Порция — десять лет жизни. Триста лет многовато, иной, пожалуй, столько и не захотел бы. А вот десять лет каждый купит, а?

Коленатый. И мы открыли бы оптовую торговлю жизнью. Это идея! Представляю себе письма заказчиков: «Вышлите обратной почтой тысячу двести лет жизни в дешевом оформлении. Кон и компания». Или: «Срочно шлите два миллиона лет, прима А, в роскошной упаковке. Филиал, Вена». Недурно, Гаук?

Гаук. Видите ли... я не коммерсант. Но, когда человек стареет, он охотно... прикупил бы себе несколько лет жизни. Но триста лет — это слишком много, а?

Витек. Для познания — нет.

Гаук. Познания, простите, никто не может купить. А десять лет наслаждений... я... це-це-це... охотно купил бы.

Входит горничная.

Горничная. Вот, пожалуйте. Это из аптеки.

Коленатый. Спасибо, цыпочка. Скажи, сколько лет ты бы хотела прожить?

Горничная. Хи-хи, да еще лет тридцать,

Коленатый. Не больше?
Горничная. Нет. Зачем мне?
Коленатый. Вот видите, Витек.

Горничная уходит. Коленатый стучится в спальню.

Доктор (*в дверях*). В чем дело? Ага, хорошо. (*Берег лекарство.*)

Гаук. Скажите, пожалуйста, как чувствует себя мадемуазель?

Доктор. Плохо. (*Уходит в спальню.*)

Гаук. Ах, ах, бедняжка!

Прус (*встает*). Господи, благоприятный случай дает нам в руки средство продления жизни. По-видимому, это действительно возможно. Никто из нас, надеюсь, не намерен воспользоваться им только для себя.

Витек. Вот и я говорю: надо продлить жизнь всех людей.

Прус. Нет, только сильных, только самых жизнеспособных. Для обычной человеческой мрази довольно и жизни-одподневки.

Витек. Ого! Разрешите...

Прус. Я не хочу спорить. Но дайте мне высказаться. Заурядный маленький глупый человек вообще не умирает. Маленький человек вечен и без вашей помощи. Нижажные плодятся без передышки, как мухи или мыши. Умирают только великие. Умирает сила и дарование, которых не возместишь. Но мы, может быть, в силах удержать их. Основать аристократию долговечности.

Витек. Аристократию? Слышите: привилегия на жизнь!

Прус. Вот именно. Жизнь нуждается только в лучших. Только в воjakах, производителях потомства, людях действия. О женщинах не может быть и речи. В мире есть десять, либо двадцать, либо тысяча незаменимых.

Мы можем сохранить их, можем открыть им путь к сверхчеловеческому разуму и сверхъестественной силе. Можем вырастить десять, сто, тысячу сверхчеловеческих властителей и творцов.

Вите к. Разведение магнатов жизни!

Прус. Да. Отбор тех, кто имеет право на безграничную жизнь.

Коленатый. Скажите, пожалуйста, а кто будет их отбирать? Правительства? Всепародное голосование? Шведская академия?

Прус. Никаких дурацких голосований! Сильнейшие передавали бы жизнь сильнейшим. Из рук в руки. Властители материи — властителям духа. Изобретатели — воинам. Предприниматели — диктаторам. Это была бы династия хозяев жизни. Династия, независимая от цивилизованного сброва.

Вите к. А если б этот сброд в один прекрасный день пришел взять свое право на жизнь?

Прус. Нет, отнять чужое право на нее, право сильных. Ну что ж, один-другой деспот пал бы от рук возмущившихся рабов. Пусть! Революция — право рабов. Но единственный возможный прогресс в мире — это замена малых и слабых деспотов сильными и великими. Привилегия долголетия будет принадлежать деспотии избранных. Это... власть разума. Сверхчеловеческий авторитет знания и творческой моци. Власть над людьми. Долговечные станут властителями человечества. Такая возможность в ваших руках, господа. Можете использовать или упустить ее. Я кончил. (*Садится.*)

Коленатый. Гм... Принадлежу я или, например, Грегор к этим наилучшим, избранным?

Прус. Нет.

Грегор. Но вы, конечно, принадлежите?

Прус. Теперь уже нет.

Грэгор. Господа, оставим пустые разговоры. Тайна долголетия — собственность семьи Макропулос. Представьте этой семье поступать с рецептом, как ей вздумается.

Витек. Простите, то есть как?

Грэгор. Рецептом будут пользоваться только члены этой семьи. Только потомки Элины Макропулос, кто бы они ни были.

Коленатый. И они будут жить вечно только потому, что произошли от какого-то бродяги или барона и шальной распутной истерички? Славная штука эта семейная собственность!

Грэгор. Все равно!..

Коленатый. Мы имеем честь знать одного из членов этой семьи. Это... прошу прощения... черт бы его взял — просто дегенерат какой-то. Милая семейка, нечего сказать.

Грэгор. Как вам угодно. Пусть будут хоть кретинами или павианами. Пусть будут развратниками, вырожденцами, уродами, идиотами, чем хотите! Пусть будут воплощением зла. Это ничего не меняет: рецепт будет принадлежать им.

Коленатый. За-ме-чательно!

Доктор (*выходит из спальни*). Всё в порядке. Теперь сей надо полежать.

Гаук. Так, так, полежать. Очень хорошо.

Доктор. Пойдемте домой, господин Гаук, я провожу вас.

Гаук. Ах, у нас тут такой важный разговор. Пожалуйста, оставьте меня еще немножко. Я... я... обязательно...

Доктор. Вас там ждут в коридоре. Не дурите, старина, а то...

Гаук. Нет, нет. Я... я... сейчас приду,

Доктор. Честь имею кланяться, господа. (Уходит.)
Коленатый. Вы говорили серьезно, Грегор?

Грегор. Совершенно серьезно.

Кристина (*выходит из спальни*). Говорите тише.
Она хочет спать.

Коленатый. Поди сюда, Кристинка. Хотелось бы тебе прожить триста лет?

Кристина. О нет!

Коленатый. А если бы у тебя в руках было средство для такой долгой жизни, что бы ты с ним сделала?

Кристина. Не знаю.

Витек. Дала бы его всем людям?

Кристина. Не знаю. А разве они стали бы от этого счастливее?

Коленатый. Но разве жить — это не великое счастье, девочка?

Кристина. Не знаю. Не спрашивайте меня.

Гаук. Ах, мадемузель, человек так жаждет жить!

Кристина (*закрыв глаза*). Иногда... бывает... что нет.

Пауза.

Прус (*подходит к ней*). Спасибо за Янека.

Кристина. Почему?

Прус. Потому что вы сейчас вспомнили о нем.

Кристина. Вспомнила? Точно я вообще могу думать о чем-нибудь другом!

Коленатый. А мы здесь спорим о вечной жизни.

Входит Эмилия, как тень; голова обвязана платком.

Все встают.

Эмилия. Извините, что я... на минутку вас оставила.

Грегор. Как вы себя чувствуете?

Эмилия. Голова болит... Гнусно... противно...

Гаук. Ну, ну, пройдет.

Эмилия. Не пройдет, никогда не пройдет. Это у меня уже двести лет.

Коленатый. Что «это»?

Эмилия. Скука. Нет, даже не скука. Это... это... О, у вас, людей, для этого просто нет названия. Ни на одном человеческом языке. Бомбита говорил то же самое... Это так мерзко.

Грегор. Но что же это такое?

Эмилия. Не знаю. Все кругом так глупо, ненужно, бесцельно!.. Вот вы все здесь... а будто вас и нет. Словно вы вещи или тени. Что мне с вами делать?

Коленатый. Может быть, нам уйти?

Эмилия. Нет, все равно. Умереть или выйти за дверь — это одно и то же. Мне безразлично, есть что-нибудь или нет... А вы так возитесь с каждой дурацкой смертью. Какие вы странные! Ах...

Витец. Что с вами?

Эмилия. Нельзя, не надо человеку жить так долго!

Коленатый. Почему?

Эмилия. Это невыносимо. До ста, до ста тридцати лет еще можно выдержать, но потом, потом... начинаешь понимать, что... потом душа умирает.

Витец. Что начинаешь понимать?

Эмилия. Боже мой, этого не выразить словами! Потом уже невозможно ни во что верить. Ни во что! И от этого так скучно. Вот ты, Бертик, говорил, что, когда я пою, мне как будто холодно. Видишь ли, искусство имеет смысл, пока им не овладел. А как овладеешь, так видишь, что все это зря. Все это зря, Кристинка. Что петь, что молчать, что хрипеть — все равно. Никакой разницы.

Витец. Неправда! Когда вы поете... человек становится лучше, значительнее.

Эмилия. Люди никогда не становятся лучше. Ничто не может их изменить. Ничто, ничто, ничто не происходит. Если сейчас начнется стрельба, землетрясение, сверхпреставление или еще бог весть что, все равно ничего не произойдет. И со мною ничего не произойдет. Вот вы здесь, а я где-то далеко, далеко... За триста лет... Ах, боже мой, если бы вы знали, как вам легко живется!

Коленатый. Почему?

Эмилия. Вы так близки ко всему. Для вас все имеет свой смысл. Для вас все имеет определенную цену, потому что за ваш короткий век вы всем этим не успели насладиться... О боже мой, если бы снова еще раз... (*Ломает руки.*) Глупцы, вы такие счастливые. Это даже противно. А все из-за того, что вам жить недолго. Все забавляет вас... как обезьян. Во все вы верите — в любовь, в себя, в добродетель, в прогресс, в человечество — и бог знает, бог знает во что еще! Ты, Макс, веришь в наслаждение, а ты, Кристинка, в любовь и верность. Ты веришь в силу. Ты, Витек, во всякие глупости. Каждый, каждый во что-нибудь верит. Вам легко живется... глупенькие!

Витек (*взволнованно*). Но позвольте... ведь существуют... высшие ценности... идеалы... цели...

Эмилия. Это только для вас. Как вам объяснить? Любовь, может быть, и существует, но — только в вас самих. Если ее нет в ваших сердцах, ее нет вообще... Нигде в мире... Но невозможно любить триста лет. Невозможно надеяться, творить или просто глязеть вокруг триста лет подряд. Этого никто не выдержит. Все опостылеет. Опостылеет быть хорошим и быть дурным. Опостылеет небо и земля. И тогда ты начнешь понимать, что, собственно, нет ничего. Ровно ничего. Ни греха, ни страданий, ни земли, вообще ничего. Есть только то, что сейчас кому-то дорого. А для вас дорого все. О боже, и я

была, как вы! Была девушкой, женщиной... была счастлива... была человеком!

Гаук. Господи, что с вами?

Эмилия. Если бы вы знали, что мне говорил Бомбето! Мы... мы, старики, знаем слишком много. Но вы, глупцы, знаете больше нас. Бесконечно больше. Любовь, стремления, идеалы, все, что можно себе представить. У вас все есть. Вам больше нечего желать, ведь вы живете! А в нас-жизнь остановилась... о господи боже! Остановилась... и ли с места... Боже, как ужасно одиночество!

Прус. Так почему же вы приехали за средством Макропулоса? Зачем хотите жить еще раз?

Эмилия. Потому что страшно боюсь смерти...

Прус. Господи, значит, от этого не избавлены и бесмертные?

Эмилия. Нет.

Пауза.

Прус. Мадемуазель Макропулос, мы были жестоки с вами.

Эмилия. Ничего. Вы были правы. Недостойно быть такой старой. Вы знаете, меня боятся дети! Кристинка, я тебе не противна?

Кристина. Нет! Мне вас ужасно жалко.

Эмилия. Жалко? Вот как ко мне относятся... Ты мне даже не завидуешь?

Пауза.

(Вздрогнув, вынимает из-за курсажа сложенную бумагу.)
Вот здесь написано. «Εγό Hieronymos Makropúlos, iatros kaisaros Rudolfsú»¹ и так далее, весь рецепт. (Встает.)
Возьми его, Бертик. Мне он больше не нужен.

¹ Я, Иеронимус Макропулос, врач императора Рудольфа (греч.).

Грегор. Спасибо. Мне тоже не нужен.

Эмилия. Нет? Тогда ты, Макс. Тебе так хочется жить. Ты сможешь еще любить, слышишь? Возьми.

Гаук. Скажите... а от этого можно умереть? А? И будет больно, когда примешь?

Эмилия. Больно. Ты боишься?

Гаук. Да.

Эмилия. Но зато ты будешь жить триста лет.

Гаук. Если бы... если бы не было больно... Хи-хи, нет, не хочу!

Эмилия. Доктор, вы умный человек. Вы разберетесь, пригодно это к чему-нибудь или нет. Хотите?

Коленатый. Вы очень любезны. Но я тут хочу иметь с этим ничего общего.

Эмилия. Вы такой чудак, Витек. Я отдам рецепт вам. Кто знает? Может, вы осчастливите им все человечество.

Витек (*отступая*). Нет, нет, прошу вас, лучше не падо.

Эмилия. Прус, вы сильный человек. Но и вы боитесь жить триста лет?

Прус. Да.

Эмилия. Господи, никто тут хочет? Никто не претендует на рецепт?.. Ты здесь, Кристина? Даже не отзвалась. Слушай, девочка, я отняла у тебя любимого. Возьми себе это. Проживешь триста лет, будешь петь, как Эмилия Марти. Прославишься. Подумай: через несколько лет ты уже начнешь стареть. Пожалеешь тогда, что не воспользовалась... Бери, милая.

Кристина (*берет документ*). Спасибо.

Витек. Что ты с ним сделаешь, Криста?

Кристина (*разворачивает*). Не знаю.

Грегор. Испробуете средство?

Коленатый. Ты не боишься? Лучше от不良信息

Вите к. Верни.

Эмилия. Оставьте ее в покое.

Пауза.

Кристина молча подносит бумагу к горящей свече.

Вите к. Не жги. Это исторический памятник!

Коленатый. Погоди, не надо!

Гаук. О господи!

Грегор. Отнимите у нее!

Прус (*удерживает его*). Пусть делает как знает.

Общее подавленное молчание.

Гаук. Смотрите, смотрите: не горит.

Грегор. Это пергамент.

Коленатый. Тлеет понемногу. Кристинка, не обожгись!

Гаук. Оставьте мне кусочек. Хоть кусочек!

Молчание.

Вите к. Продление жизни! Человечество вечно будет его добиваться, а оно было в наших руках...

Коленатый. И мы могли бы жить вечно... Нет, благодаря покорно.

Прус. Продление жизни... У вас есть дети?

Коленатый. Есть.

Прус. Ну, вот вам и вечная жизнь. Давайте думать о рождении, а не о смерти. Жизнь вовсе не коротка, если мы сами можем быть источником жизни...

Грегор. Догорело!.. А ведь это была... просто дикая идея — жить вечно. Господи, мне и грустно и как-то легче стало оттого, что такая возможность исчезла.

Коленатый. Мы уже не молоды. Только молодость могла так смело пренебречь... страхом смерти... Ты правильно поступила, девочка!

Гаук. Пропусти прощения... здесь такой странный запах...

Витек (*открывает окно*). Пахнет горелым...
Эмилия. Ха-ха-ха, конец бессмертию!

Запас с

Война
с
саламандрами

ANDRIAS SCHEUCHZERI

1. СТРАННОСТИ КАПИТАНА ВАН ТОХА

Если бы вы стали искать на карте островок Танамаса, вы нашли бы его на самом экваторе, немного к западу от Суматры. Но если бы вы спросили капитана И. ван Тоха на борту судна «Кандон-Бандунг», что, собственно, представляет собой эта Танамаса, у берегов которой он только что бросил якорь, то капитан сначала долго ругался бы, а потом сказал бы вам, что это самая распроклятая дыра во всем Зондском архипелаге, еще более жалкая, чем Танабала, и по меньшей мере такая же гнусная, как Пини или Баньяк; что единственный, с позволения сказать, человек, который там живет, — если не считать, конечно, этих вшивых батаков * — это вечно пьяный торговый агент, помесь кубу * с португальцем, еще больший вор, языкчник и скотина, чем чистокровный кубу и чистокровный белый, вместе взятые; и если есть на свете что-нибудь поистине проклятое, так это, сэр, проклявшая жизнь на проклятой Танамасе. После этого вы, вероятно, спросили бы капитана, зачем же он в таком случае бросил здесь свои проклятые якоря, как будто собирается оставаться тут на несколько проклятых дней; тогда он сердито засопел бы и проворчал что-нибудь в том смысле, что «Кандон-Бандунг» не стал бы, разумеется, заходить сюда только за проклятой копрой или за пальмовым маслом, а впрочем, вас, сэр, это совершенно не касается: у меня

свои проклятые дела, а вы, сэр, будьте любезны, занимайтесь своими. И капитан разразился бы продолжительной и многословной бранью, приличествующей не молодому, но еще вполне бодрому для своих лет капитану морского судна.

Но если бы вы вместо всяких назойливых расспросов предоставили капитану И. ван Тоху ворчать и ругаться про себя, то вы могли бы узнать побольше. Разве не видно по его лицу, что он испытывает потребность облегчить свою душу? Оставьте только капитана в покое, и его раздражение само найдет себе выход. «Видите ли, сэр, — разразится он, — эти молодчики у нас в Амстердаме, эти проклятые денежные мешки вдруг придумали: жемчуг, любезный, поищите, мол, там где-нибудь жемчуг. Теперь ведь все сходят с ума по жемчугу и всякое такое». Тут капитан с озлоблением плюнет. «Ясно — вложить монету в жемчуг. А все потому, что вы, мои милые, вечно хотите воевать либо еще что-нибудь в этом роде. Бояитесь за свои денежки, вот что. А это, сэр, называется — кризис».

Капитан ван Тох на мгновение приостановится, раздумывая, не вступить ли с вами в беседу об экономических вопросах, — сейчас ведь ни о чем другом не говорят; но здесь, у берегов Таинамасы, для этого слишком жарко, и вас одолевает слишком большая лень. И капитан ван Тох машет рукой и пробурчит: «Легко сказать, жемчуг! На Цейлоне, сэр, его подчистили на пять лет вперед, а на Формозе и вовсе запретили добычу. А они: «Постарайтесь, капитан ван Тох, найти новые месторождения. Загляните на те проклятые островки, там должны быть ценные отмели раковин». Капитан презрительно и шумно высморкается в небесно-голубой носовой платок. «Эти крысы в Европе воображают, будто здесь можно найти хоть что-нибудь, о чём никто еще не знает. Ну и дураки же, прости господи! Еще спасибо, не велели мне заглядывать каждому батаку в пасть — не блестит ли там жем-

чуг! Новые месторождения! В Паданг есть новый публичный дом, это — да, но новые месторождения?.. Я знаю, сэр, все эти острова, как свои штаны... От Цейлона и до проклятого острова Клиппертона. Если кто думает, что он найдет здесь что-нибудь, на чем можно заработать, так, пожалуйста, — честь и место! Я плаваю в этих водах тридцать лет, а олухи из Амстердама хотят, чтобы я тут повенецкое открыл!» Капитан ван Тох чуть не задохнется при мысли о таком оскорбительном требовании.

«Пусть пошлиют сюда какого-нибудь желторотого новичка, тот им такое откроет, что они только глазами хлопать будут. Но требовать подобное от человека, который знает здешние места, как капитан И. ван Тох!.. Согласитесь, сэр, в Европе — пу, там еще, пожалуй, можно что-нибудь открыть, но здесь!.. Сюда ведь приезжают только вынюхивать, что бы такое пожрать, и даже не пожрать, а купить-продать. Да если бы во всех проклятых тропиках еще нашлась какая-нибудь вещь, которую можно было бы сбыть за двойную цену, возле нее выстроилась бы куча агентов и махала бы грязными носовыми платками пароходам семи государств, чтобы они остановились. Так-то, сэр. Я, с вашего разрешения, больше в курсе земных дел, чем министерство колоний ее величества королевы». Капитан ван Тох сделает усилие, дабы подавить справедливый гнев, что и удастся ему после некоторого более или менее продолжительного кипения.

«Видите вот тех двух паршивых лентяев? Это искатели жемчуга с Цейлона, да простит мне бог, сингалезцы в натуральном виде, как их господь сотворил; не знаю только, зачем он это сделал. Теперь я их вожу с собой и, как найду где-нибудь кусок побережья, на котором нет надписей «Агентство», или «Батя» *, или «Гаможенная контора», пускаю их в воду искать раковины. Тот дармоед, что поменьше ростом, ныряет на глубину восемьдесят ме-

тров; на Принцевых островах он выловил на глубине десятка метров ручку от киноаппарата, по жемчуг — куда там! Ни намека! Никчемный народишко эти сингалезцы. Вот, сэр, какова моя проклятая работа: делать вид, будто я покупаю пальмовое масло, и при этом выискивать новые месторождения раковин-жемчужниц. Может, они еще захотят, чтобы я открыл им какой-нибудь девственный континент? Нет, сэр, это не дело для честного капитана торгового флота. И ван Тох не какой-нибудь проклятый авантюрист, сэр, нет...» И так далее: море велико, а океан времени бесконечен; плуй, братец, в море — воды в нем не прибавится; кляни свою судьбу — а ей ни почем...

И вот после долгих предисловий и отступлений мы подходим наконец к тому моменту, когда капитан голландского судна «Кандон-Бандунг» И. ван Тох со вздохами и проклятьями садится в шлюпку, чтобы отправиться в кампопг¹ на Танамасе и потолковать с пьяным метисом, помесью кубу с португальцем, о кое-каких коммерческих делах.

— Sorry, Captain², — сказал в конце концов метис от кубу и португальца. — Здесь, на Танамасе, никаких раковин не водится. Эти грязные батаки, — произнес он с неизрываемым отвращением, — жрут даже медуз; они живут больше в воде, чем на земле; женщины здесь до того провоцили рыбой, что вы представить себе не можете. Так что я хотел сказать? Ах, да, вы спрашивали о женщинах...

— А нет ли тут какого-нибудь кусочка берега, — спросил капитан, — где батаки не лазят в воду?

Метис от кубу и португальца покачал головой.

— Нет, сэр. Разве только Девл-Бэй, но это место вам не годится.

¹ Деревню (*малайск.*).

² Прошу прощения, капитан (*англ.*).

- Почему?
 - Потому что... туда никому нельзя, сэр. Вам налить, капитан?
 - Thanks¹. Там что, акулы?
 - Акулы и... вообще, — пробормотал метис. — Нехорошее место, сэр. Батакам не понравится, если кто-нибудь туда полезет.
 - Почему?
 - ...Там черти, сэр... Морские черти.
 - Это что же такое — морской черт? Рыба?
 - Нет, не рыба, — уклончиво ответил метис. — Просто черт, сэр. Подводный черт. Батаки называют его тапа. Тапа. У них там будто бы свой город, у этих чертей. Вам налить?
 - А как он выглядит... этот морской черт?
- Метис пожал плечами.
- Как черт, сэр... Один раз я его видел. Вернее, только голову. Я возвращался в лодке с Кейп² Гаарлем, и вдруг прямо передо мной он высунул из воды свою голову...
 - Ну и как? На что это было похоже?
 - Башка, как у батака, сэр, только совершенно голая.
 - Может, это и был батак?
 - Нет, сэр. В том месте ни один батак не ползет в воду. А потом оно... моргало *нижними веками*, сэр. — Дрожь пробежала по телу метиса. — Нижними веками, которые у него закрывают весь глаз. Это был тапа.
- Капитан И. ван Тох повертел в своих толстых пальцах стакан с пальмовой водкой.
- А вы не были пьяны? Не надрались часом?

¹ Спасибо (англ.).

² Мыса (от англ. «cape»).

— Был, сэр. Иначе меня не понесло бы туда. Батаки не любят, когда кто-нибудь тревожит этих... чертей.

Капитан ван Тох покачал головой.

— Никаких чертей не существует. А если бы они существовали, то выглядели бы, как европейцы. Это была какая-нибудь рыба или в этом роде.

— У рыбы, — пробормотал, запинаясь, метис, — у рыбы нет рук, сэр. Я не батак, сэр, я посещал школу в Бадьюнге... и я еще помню, может быть, десять заповедей и другие точные науки; образованный человек всегда распознает, где черт, а где животное. Спросите батаков, сэр.

— Это дикарские суеверия, — объявил капитан, улыбаясь с чувством превосходства образованного человека. — С научной точки зрения это бессмыслица. Черт и не может жить в воде. Что ему там делать? Нельзя, братец, полагаться на болтовню туземцев. Кто-то назвал эту бухту «Чертовым заливом», и с тех пор батаки боятся ее. Такто, — сказал капитан и хлопнул по столу пухлой ладонью. — Ничего там нет, парень, это ясно с научной точки зрения.

— Да, сэр, — согласился метис, посещавший школу в Бадьюнге, — но здравомыслящему человеку нечего соваться в Девл-Бэй.

Капитан И. ван Тох побагровел.

— Что? — крикнул он. — Ты, грязный кубу, воображаешь, что я побоюсь твоих чертей? Посмотрим!

И он прибавил, с трудом приподняв со стула свое грузное тело:

— Ну, нечего терять с тобой время, когда меня ждет бизнес. Однако заметь себе: в голландских колониях чертей не бывает; если же какие и есть, то во французских. Там они, пожалуй, водятся. А теперь позови-ка мне старосту этого проклятого кампонга,

Означенного сановника не пришлось долго искать: он сидел на карточках возле лавочки метиса и жевал сахарный тростник. Это был пожилой, совершенно голый человек, гораздо более тощий, чем старосты в Европе. Немного позади, соблюдая подобающее расстояние, сидела на карточках вся деревня, с женщинами и детьми, ожидая, очевидно, что ее будут снимать для фильма.

— Вот что, братец, — обратился капитан ван Тех к старшине по-малайски (с таким же успехом он мог бы обратиться к нему по-голландски или по-английски, так как достопочтенный старый батак не знал ни слова по-малайски, и метису пришлось перевести на батакский язык всю капитанскую речь; капитан, однако, по каким-то соображениям считал наиболее целесообразным говорить по-малайски). — Вот что, братец. Мне нужно несколько здоровых, сильных, храбрых парней, чтобы взять их с собой на промысел. Понимаешь, на промысел.

Метис переводил, а староста в знак понимания кивал головой; после этого он обратился к широкой аудитории и произнес речь, имевшую явный успех.

— Вождь говорит, — перевел метис, — что вся деревня пойдет с туаном¹ капитаном на промысел, куда будет угодно туану.

— Так. Скажи им теперь, что мы пойдем добывать раковины в Девл-Бэй.

Около четверти часа продолжалось взъявленное обсуждение, в котором приняла участие вся деревня, а главным образом — старухи. Затем метис обратился к капитану:

— Они говорят, сэр, что в Девл-Бэй идти нельзя.

Капитан начал барабанить.

— А почему нельзя?

¹ Господином (малайск.).

Метис пожал плечами.

— Потому что там тапа-тапа. Черти, сэр.

Лицо капитана приобрело льловый оттенок.

— Тогда скажи им, что, если они не пойдут, я им зубы повыбиваю... я им уши оторву... я их повешу... я сожгу их вшивый кампонг... Понял?

Метис честно перевел все, после чего снова последовало продолжительное и оживленное совещание. Наконец метис сообщил:

— Они говорят, сэр, что пойдут в Паданг жаловаться в полицию и скажут, что туан им угрожал. Насчет этого есть будто бы статья в законе. Староста говорит, что он этого так не оставит.

Капитан И. ван Тох из лилового стал синим.

— Так скажи ему, — взревел он, — что он...

И капитан говорил одиннадцать минут без передышки.

Метис перевел, насколько у него хватило запаса слов, и после новых, хотя и долгих, но уже деловых дебатов передал капитану:

— Они говорят, сэр, что готовы отказаться от жалобы в суд, если туан внесет штраф непосредственно местным властям. Они запросили, — метис заколебался, — двести рупий. Но это, пожалуй, многовато. Предложите им пять.

Краска на лице капитана начала распадаться на отдельные темно-коричневые пятна. Сначала он изъявил намерение истребить вообще всех батаков на свете, потом снизил свои претензии до трехсот пинков в зад, а под конец готов был удовлетвориться тем, что набьет из старости чучело для колониального музея в Амстердаме. Батаки со своей стороны спустили цену с двухсот рупий до железного насоса с колесом, а под конец уперлись на том, чтобы капитан вручил старосте в виде штрафа бензиновую зажигалку.

— Дайте им, сэр, — уговаривал метис, — у меня на складе три зажигалки, хотя и без фитилей...

Так был восстановлен мир на Танамасе. Но капитан И. ван Тох отныне знал, что на карту поставлен престиж белой расы.

Во второй половине дня от голландского судна «Кандон-Бандунг» отчалила шлюпка, в которой находились следующие лица: капитан И. ван Тох, швед Иенсен, исландец Гудмундсон, финн Гиллемайнен и два сингалезских искателя жемчуга. Шлюпка взяла курс прямо на бухту Девл-Бэй.

В три часа, когда отлив достиг предела, капитан стоял на берегу, шлюпка крейсировала на расстоянии приблизительно ста метров от побережья, высматривая акул, а оба сингалезских водолаза с ножами в руках ожидали команды.

— Ну, сначала ты, — сказал капитан тому из них, кто был подлиннее. Голый сингалезец прыгнул в воду, пробежал несколько шагов по дну и нырнул. Капитан стал смотреть на часы.

Через четыре минуты двадцать секунд приблизительно в шестидесяти метрах слева показалась из воды бронзовая голова; с непонятной торопливостью, словно цепенея от страха, сингалезец судорожно карабкался на скалы, держа в одной руке нож, а в другой — раковину.

Капитан нахмурился.

— Ну, в чем дело? — резко спросил он.

Сингалезец все еще цеплялся за скалы, не в силах вымолвить ни слова от ужаса.

— Что случилось? — крикнул капитан.

— Саиб, саиб... — прохрипел сингалезец и, тяжело дыша, рухнул на песок. — Саиб, саиб...

— Акулы?
— Джинны, — простонал сингалезец, — черти, господин.
Тысячи, тысячи чертей!

Он надавил кулаками на глаза.

— Сплошь черти, господин!

— Дай-ка раковину, — приказал капитан и открыл ее ножом; в ней покоилась маленькая чистая жемчужина. — А больше ничего не нашел?

Сингалезец вынул еще три раковины из мешочка, впавшего у него на шею.

— Там есть раковины, господин, но их стерегут черти...
Они смотрели на меня, когда я срезал раковину...

Его курчавые волосы от ужаса встали дыбом.

— Саиб, саиб, здесь не надо!..

Капитан открыл раковины. Две оказались пустыми, а в третьей была жемчужина величиной с горошину, круглая, как шарик ртути. Капитан ван Тох смотрел то на жемчужину, то на сингалезца, распростертого на земле.

— Слушай, ты! — нерешительно сказал он. — Не попробуешь ли нырнуть еще разок?

Сингалезец безмолвно затряс головой.

У капитана И. ван Тоха так и чесался язык разразиться бранью, но, к своему удивлению, он заметил, что говорит тихо и почти мягко:

— Не бойся, братец. А как выглядят... эти черти?

— Как маленькие дети, — прошептал сингалезец. — У них сзади хвост, господин, а ростом они — вот такие. — Он показал рукой сантиметров на сто двадцать от земли. — Они стояли вокруг меня и смотрели, что я делаю... Их было много-много...

Сингалезец весь дрожал.

— Саиб, саиб, не надо здесь!..

Капитан ван Тох задумался.

— А что, моргают они нижними веками или как?

— Не знаю, господин, — пробормотал сингалезец. — Их там... десять тысяч!

Капитан оглянулся на другого сингалезца: тот стоял метрах в полутораста и равнодушно ждал комацы, обхватив плечи руками; впрочем, когда человек голый, то куда же ему давать руки, как не на собственные плечи? Капитан молча кивнул ему, и маленький сингалезец прыгнул в воду. Через три минуты пятьдесят секунд он вынырнул, цепляясь за скалы трясущимися руками.

— Вылезай! — крикнул капитан, но, приглядевшись внимательнее к этим отчаянно цепляющимся рукам, помчался, прыгая по камням; трудно было поверить, что такая массивная фигура может выделывать подобные пируэты. В последний миг он поймал сингалезца за руку и, пыхтя, вытащил из воды. Потом положил его на камни и отер себе пот со лба. Сингалезец лежал без движения; одна голень у него была ободрана до кости, по-видимому о камень, но других повреждений не обнаружилось. Капитан приподнял ему веки и увидел только белки закатившихся глаз. Ни раковин, ни ножка при нем не было.

В этот момент шлюпка с экипажем подошла ближе к берегу.

— Сэр, — крикнул швед Иенсен, — здесь акулы! Будете продолжать промысел?

— Нет, — ответил капитан, — подъезжайте сюда и заберите обоих.

— Посмотрите, сэр, — заметил Иенсен, когда они гребли обратно к судну, — как здесь сразу стало мелко. Отсюда тянется ровная отмель до самого берега, — показал он, тыча веслом в воду, — как будто под водой какая-то плотина.

Только на судне маленький сингалезец пришел в себя; он сидел, уткнув подбородок в колени, и трясясь всем телом. Капитан отослал всех прочь и уселся против него, широко расставив ноги.

— Ну, выкладывай! — сказал он. — Что ты видел?

— Джинов, саib, — прошептал маленький сингалезец; теперь у него задрожали даже веки и вся кожа на теле пошла мелкими пупырышками.

Капитан ван Тох сплюнул.

— А... как они выглядят?

— Как... как...

Глаза сингалезца опять начали закатываться. Капитан И. ван Тох с неожиданным проворством дал ему две пощечины — ладонью и тыльной стороной руки, чтобы привести его в себя.

— Thanks, саib, — прошептал маленький сингалезец, и зрачки его снова выплыли из-под век.

— Тебе лучше?

— Да, саib.

— Были там раковины?

— Да, саib.

Капитан И. ван Тох с большим терпением и обстоятельностью продолжал пристрастный допрос. Да, там черти. Сколько? Тысячи и тысячи. Ростом с десятилетнего ребенка, саib, и почти совершенно черныс. Они плавают в воде, а по дну ходят на двух ногах. На двух, саib, как вы или я, но при этом раскачиваются на ходу — туда-сюда, все время туда-сюда... Да саib, у них руки, как у людей... нет, когтей у них нет никаких, скорее похожи на детские руки. Нет, саib, рогов и шерсти на теле нет. Да, хвосты есть — почти как у рыбы, только без плавников. А головы большие, круглые, как у батаков. Нет, они ничего не говорили, только как будто чмокали... Когда сингалезец срезал раковины на глубине приблизительно шестнадцати

метров, он почувствовал как бы прикосновение маленьких холодных пальцев к своей спине. Он оглянулся: «их» столпилось вокруг него несколько сотен. Несколько сотен, саиб; они плавали или стояли на камнях и смотрели, что делает сингалезец. Он выронил и нож и раковины и поспешил выплыть на поверхность. При этом он паткнулся на нескольких чертей, которые плыли над ним, а что было потом, он уже не знает.

Капитан И. ван Тох задумчиво глядел па дрожащего маленького водолаза. «Этот малый, — сказал он себе, — теперь уже ни на что не годится: пошло его из Паданга домой, на Цейлон». Ворча и пыхтя, отправился он в свою каюту. Там он высыпал из бумажного мешочка па стол две жемчужины. Одна была крохотная, как песчинка, другая — величиной с горошину и отливала серебристо-розовым. Капитан голландского судна фыркнул себе под нос и вынул из шкафчика ирландское виски.

К шести часам вечера он снова приказал подать шлюпку и отправился в кампонг, к тому же самому метису. «Тодди» *, — сказал он, и это было единственное произнесенное им слово. Он сидел на веранде, крытой гофрированным железом, держал в толстых пальцах стакан из толстого стекла, пил, отплевывался и, прищутившись, поглядывал из-под косматых бровей на тощих кур, которые клевали неизвестно что на грязном, вытоптанном дворике под пальмами. Метис остерегался вымолвить хоть слово и только наполнял стакан. Мало-помалу глаза капитана налились кровью и пальцы стали плохо повиноваться ему. Были уже сумерки, когда он встал, подтягивая брюки.

— Собираетесь спать, капитан? — вежливо спросил метис, помесь ведьмы и дьявола.

Капитан ткнул пальцем в пространство.

— Хотел бы я посмотреть, — сказал он, — какие такие есть на свете черти, которых я еще не видал. Эй, ты, где тут этот проклятый северо-запад?

— Там, — показал метис. — Куда вы, сэр?

— В пекло, — хмыкнул капитан И. ван Тох. — Загляну в Девл-Бэй.

В этот вечер и начали проявляться странности капитана И. ван Тоха. Он возвратился в кампонг только к рассвету и, не проронив ни слова, отправился к себе на судно, где просидел, запервшись в своей каюте, до вечера. Это еще никому не показалось странным: «Кандон-Бандунг» должен был погрузить кое-что из благодатных даров острова Танамасы (копра, перец, камфара, каучук, пальмовое масло, табак и рабочая сила). Но, когда капитану вечером доложили, что все товары погружены, он только засопел и произнес:

— Шлюпку. В кампонг.

И опять вернулся только с рассветом. Швед Иенсен, который помогал ему подняться на борт, спросил его просто из вежливости:

— Значит, сегодня отплываем, капитан?

Капитан резко обернулся, словно его укололи в зад.

— Тебе-то что? — огрызнулся он. — Занимайся своими проклятыми делами.

В течение целого дня «Кандон-Бандунг» в полной бездеятельности стоял на якоре в полукилометре от берега Танамасы. Вечером капитан выкатился из своей каюты и сказал:

— Шлюпку. В кампонг.

Тщедушный грек Запатис уставился на него своим единственным глазом,

— Ребята, — прокукарекал он, — наш старик или забрал там девчонку, или совсем спятил.

Швед Иенсен нахмурился.

— Тебе-то что? — огрызнулся он на Запатиса. — Занимайся своими проклятыми делами.

Потом он сел с исландцем Гудмундсоном в маленькую шлюпку и стал грести по направлению к Девл-Бэю. Они остановились за скалами и начали тихонько ждать, что будет дальше. По берегу залива расхаживал капитан; казалось, что он кого-то поджидает; время от времени он останавливался и как-то странно цыкал: тс-тс-тс.

— Смотри, — сказал Гудмундсон и указал на море, ослепительно сверкавшее в багряном золоте заката.

Иенсен насчитал два, три, четыре, шесть острых, как лезвие, плавников, двигавшихся по направлению к Девл-Бэю.

— Господи! — пробормотал Иенсен. — Ну и акул же здесь!

То и дело одно из лезвий скрывалось, над волнами взвивался хвост, и в воде начинало что-то сильно бурлить. Капитан И. ван Тох вдруг неистово заметался по берегу, изрыгая проклятия и грозя кулаками в сторону акул. Наступили короткие тропические сумерки, и над островом всплыла луна; Иенсен взялся за весла и приблизился к берегу на расстояние одного фэрлонга. Капитан сидел на скале и цыкал: тс-тс-тс. Что-то шевелилось вокруг него, но что именно — нельзя было различить.

«Похоже на тюленей», — подумал Иенсен, — только тюлени ползают иначе».

«Это» выплывало из воды между скалами и топало по берегу, раскачиваясь из стороны в сторону, как пингвины. Иенсен бесшумно погрузил весла в воду и подъехал к капитану на полфэрлонга. Ага, капитан что-то говорил, по сам черт не разобрал бы, что именно; видимо, по-малайски

или по-тамильски. Он размахивал руками, как будто бросал что-то этим тюленям (но это не были тюлени, как убедился Иенсен), и тараторил не то по-китайски, не то по-малайски. В этот момент весло выскользнуло у Иенсена из рук и шлепнулось в воду. Капитан поднял голову, встал и сделал шагов тридцать к воде; блеснул огонь, раздался треск: капитан палил из браунига прямо по шлюпке. Почти в то же мгновение в бухте зашумело, забурлило, послышался илеск, словно в воду прыгнула тысяча тюленей. Но Иенсен и Гудмундсон уже налегли на весла и погнали свою шлюпку за ближайший выступ с такой быстротой, что только ветер свистел в ушах. Возвратившись на судно, они никому не обмолвились ни словом. Да, северяне умеют молчать! К утру вернулся капитан; он был хмурый и злой, но не произнес ни звука. Только когда Иенсен помогал ему подняться на борт, две пары голубых глаз обменялись холодным пытливым взглядом.

- Иенсен, — сказал капитан.
- Да, сэр.
- Сегодня отплываем.
- Да, сэр.
- В Сурабае получите расчет.
- Да, сэр.

И все. В тот же день «Кандон-Бандунг» вышел в Паданг. Из Падауга капитан И. ван Тох отправил своему правлению в Амстердам посылку, застрахованную на тысячу двести фунтов стерлингов. И одновременно — телеграфную просьбу о годичном отпуске: настоятельная необходимость ввиду состояния здоровья и тому подобное. После этого капитан слонялся по Падангу, пока не нашел человека, которого искал. Это был дикарь с Борнео, даяк, которого английские туристы нанимали иногда, чтобы полюбоваться своеобразным зрелищем охоты на акул;

даяк работал еще по старинке, вооруженный одним только длинным ножом. Он был, по-видимому, людоед, но имел твердую таксу: пять фунтов за акулу, кроме харчей. На него было страшно смотреть: обе руки, грудь и бедра ободраны кожей акулы, а нос и уши украшены акульими зубами. Звали его Шарк¹.

С этим даяком капитан И. ван Тох отправился на остров Танамаса.

2. ПАН ГОЛОМБЕК И ПАН ВЛЕНТА *

Стояло засушливое редакционное лето, когда ничего, ну то есть ровно ничего не происходит, когда не делается политика и нет никакой европейской ситуации. Но даже и в такое время читатели газет, лежащие в агонии скуки на берегах каких-нибудь вод или в жидкой тени каких-нибудь деревьев, деморализованные жарой, природой, деревенской тишиной и вообще здоровой и простой жизнью в отпуску, ждут (хотя и терпят каждый день разочарование), что хоть в газетах появится что-нибудь новенькое, освежающее, например убийство, война или землетрясение — словом, Нечто; когда же ничего этого не оказывается, они потрясают газетой и с ожесточением заявляют, что в газетах ничего, ровно Ничего нет, и вообще их не стоит читать, и они не будут больше на них подписываться.

А тем временем в редакции сиротливо сидят пять или шесть человек, ибо остальные коллеги в отпуску и тоже яростно комкают газетные листы и жалуются, что теперь в газетах нет ничего, ровно Ничего. А из наборной приходит метранпаж и укоризненно говорит: «Господа, господа, у нас еще нет на завтра передовой...»

¹ Акула (*от англ. shark*).

— Тогда дайте... ну, хотя бы эту статью... об экономическом положении Болгарии, — говорит один из сиротливых людей.

Метранпаж тяжело вздыхает.

— Но кто же ее станет читать, пан редактор? Опять во всем номере не будет ничего «читабельного».

Шестеро осиротевших поднимают взоры к потолку, словно там можно найти нечто «читабельное».

— Хоть бы случилось Что-нибудь, — неопределенно произносит один из них.

— Или если бы... какой-нибудь... увлекательный репортаж, — перебивает другой.

— О чем?

— Не знаю.

← Или выдумать... какой-нибудь новый витамин, — бормочет третий.

— Это летом-то? — возражает четвертый. — Витамины, брат, это для образованной публики, такое больше годится осенью...

— Господи, ну и жара!.. — зевает пятый. — Хорошо бы что-нибудь про полярные страны.

— Но что?

— Да так, что-нибудь. Вроде этого эскимоса Вельцля*. Обмороженные пальцы, вечная мерзлота и тому подобное.

— Сказать легко, — говорит шестой, — но откуда взять?

И в редакции наступает безнадежная тишина.

— Я был в воскресенье в Иевичке, — нерешительно начал метранпаж.

— Ну и что?..

— Туда, говорят, приехал в отпуск некий капитан Вантох. Он, кажется, оттуда родом. Из Иевичка.

— Какой Вантох?

— А такой толстый. Он, говорят, капитан морского судна, этот Вантох. Рассказывают, что он где-то добывал жемчуг.

Пан Голомбек посмотрел на пана Валенту.

— А где он его добывал?

— На Суматре... И на Целебесе... Вообще где-то там. И будто прожил он в тех местах тридцать лет.

— Дружище, это идея! — воскликнул пан Валента. — Может получиться репортаж — первый сорт. Поедем, Голомбек?

— Что ж, можно попробовать, — решил Голомбек и слез со стола, на котором сидел.

— Это вон тот господин, — сказал хозяин гостиницы в Иевичке.

В садике за столом, широко расставив ноги, сидел толстый господин в белой фуражке, пил пиво и толстым указательным пальцем задумчиво выводил на столе какие-то каракули. Оба приезжих направились к нему.

— Редактор Валента.

— Редактор Голомбек.

Толстый господин поднял голову.

— What? Что?

— Я — редактор Валента.

— А я — редактор Голомбек.

Толстый господин с достоинством приподнялся.

— Captain van Tox. Very glad¹. Садитесь, ребята.

Оба журналиста охотно присели и положили перед собой блокноты.

— А что будете пить, ребята?

¹ Очень приятно (англ.).

— Содовую с малиновым сиропом, — сказал пан Валента.

— Содовую с сиропом? — недоверчиво переспросил капитан. — Это с какой же стати? Хозяин, принесите-ка нам пива. Так вы чего, собственно, хотите? — спросил он, облокотясь на стол.

— Правда ли, пан Вантох, что вы здесь родились?

— Да¹. Родился.

— Будьте так добры, скажите, как вы попали на море?

— Через Гамбург.

— А как давно вы состоите в чине капитана?

— Двадцать лет, парень. Документы тут, — сказал капитан, внушительно похлопывая по боковому карману. — Могу показать.

Пану Голомбеку хотелось посмотреть, как выглядят капитанские документы, но он подавил это желание.

— За эти двадцать лет, пан капитан, вы, конечно, многое успели повидать?

— Да. Порядочно.

— А что именно?

— Ява. Борнео. Филиппины. Острова Фиджи. Соломоновы острова, Каролины, Самоа. Damned Clipperton Island. A lot of damned islands², парень, а что?

— Нет, я просто так... это очень интересно. Нам бы хотелось услышать от вас побольше, понимаете?

— Да... Стало быть, просто так, а? — капитан устался на него светло-голубыми глазами. — Значит, вы из... как это? Из полиции?.. полиции, а?

— Нет, пан капитан, мы из газеты.

¹ Да (*нем.*).

² Проклятый остров Клиппертона. Кучу проклятых островов (*англ.*).

— Ах, вот оно что! Из газеты. Репортеры? Ну, так пишите: Captain J. van Toch, капитан судна «Кандон-Бандунг»...

— Как?

— «Кандон-Бандунг», порт Сурабая. Цель поездки — vacances... как это называется?

— Отпуск.

— Ja, черт побери, отпуск. Вот так и дайте в хронику о вновь прибывших. А теперь, ребята, спрячьте ваши блокноты. Your health!¹

— Пан Вантох, мы... приехали к вам, чтобы вы рассказали что-нибудь из вашей жизни.

— Это зачем же?

— Мы опишем в газете. Публике будет очень интересно почитать о далеких островах и о том, что там видел и пережил наш земляк, чех, уроженец Иевичка.

Капитан кивнул головой.

— Это верно. Я, братцы, единственный captain па весь Иевичек. Это да! Говорят, есть еще один капитан... капитан... карусельных лодочек, но я считаю, — добавил он доверительно, — что это не настоящий капитан. Ведь все дело в тоннаже, понимаете?

— А какой тоннаж у вашего парохода?

— Двенадцать тысяч тонн, парень!

— Так что вы были солидным капитаном?

— Ja, солидным, — с достоинством проговорил капитан. — Деньги у вас, ребята, есть?

Оба журналиста несколько неуверенно переглянулись.

— Есть, но мало. А вам нужны деньги, капитан?

— Ja. Нужны.

¹ Ваше здоровье (англ.).

— Видите ли, если вы нам расскажете что-нибудь подходящее, мы сделаем из этого очерк, и вы получите деньги.

— Сколько?

— Ну, пожалуй... может быть, тысячу, — щедро пообещал пан Голомбек.

— Фунтов стерлингов?

— Нет, только крон.

Капитан ван Тох покачал головой.

— Ничего не выйдет. Столько у меня и у самого есть. — Он вытащил из кармана толстую пачку банкнот. — See?¹

Потом он облокотился о стол и наклонился к обоим журналистам.

— Я бы предложил вам, господа, a big business. Как это называется?

— Крупное дело.

— Да. Крупное дело. Но вы должны дать мне пятиадцать... пять, постойте, не пятиадцать — шестнадцать миллионов крон. Ну, как?

Оба приезжих снова неуверенно переглянулись. Журналистам нередко приходится иметь дело с самыми причудливыми разновидностями сумасшедших, изобретателей и аферистов.

— Стоп, — сказал капитан, — я могу вам кое-что показать.

Он порылся толстыми пальцами в жилетном кармане, вытащил оттуда что-то и положил на стол. Это были пять розовых жемчужин, каждая величиной с вишневую косточку.

— Сколько это может стоить? — прошептал пан Валента.

¹ Видали? (англ.).

— O, lots of money¹, ребята. Но я ношу это с собою только... чтобы показывать, в виде образца. Ну, так как же, по рукам?.. — спросил капитан, протягивая свою широкую ладонь через стол.

Пан Голомбек вздохнул.

— Пан Вантох, столько денег...

— Halt!² — перебил капитан. — Понимаю, ты меня не знаешь. Но спроси о captain van Toch в Сурабае, в Батавии, в Паданге или где хочешь. Поезжай, спроси, и всякий скажет тебе — ja, captain van Toch, he is as good as his word³.

— Пан Вантох, мы вам верим, — запротестовал Голомбек, — но только...

— Стоп, — скомандовал капитан. — Понимаю, ты не хочешь выложить свои денежки неизвестно на что; хвалю тебя за это, парень. Но ты их дашь на пароход, see? Ты купишь пароход, будешь ship-owner⁴ и сможешь сам плавать на нем. Да, можешь плавать, чтобы самому видеть, как я веду дело. Но деньги, которые мы сделаем, разделим fifty-fifty⁵. Честный business, не так ли?

— Но, пан Вантох, — вымолвил наконец с некоторым смущением пан Голомбек, — ведь у нас нет таких денег...

— Ja, ну тогда другое дело, — сказал капитан. — Тогда не понимаю, господа, зачем вы ко мне приехали.

— Чтобы вы нам рассказали что-нибудь, капитан. У вас ведь, наверное, большой опыт...

— Ja, это есть. Проклятого опыта у меня достаточно.

— Приходилось вам когда-нибудь терпеть кораблекрушение?

¹ Кучу денег (*англ.*).

² Стоп! (*нем.*).

³ Капитан van Toch всегда верен своему слову (*англ.*).

⁴ Судовладельцем (*англ.*).

⁵ Пополам (*англ.*).

— What? A-a, ship-wrecking? Нет. Что выдумал! Если ты дашь мне хорошее судно, с ним ничего не может случиться. Можешь запросить в Амстердаме references¹ обо мне. Поехай и справься.

— А как насчет туземцев? Встречали вы туземцев?
Капитан ван Тох покачал головой.

— Это не для образованных людей. Об этом я рассказывать не стану.

— Тогда расскажите нам о чем-нибудь другом.

— Да, расскажите... — недоверчиво проворчал капитан. — А вы потом продадите это какой-нибудь компании, и она пошлет туда свои суда. Я тебе скажу, ты lad², люди — большие жулики. А самые большие жулики — это банкиры в Коломбо.

— А вы часто бывали в Коломбо?

— Да, часто. И в Бангкоке, и в Маниле... Слушайте, ребята, — неожиданно сказал капитан. — Я знаю одно судно. Шикарная посудина, и цена недорогая. Стоит в Роттердаме. Съездите, посмотрите. До Роттердама ведь рукой подать, — он ткнул пальцем через плечо. — Нуиче, ребята, суда ужасно дешевы. Как железный лом. Ему всего только шесть лет, двигатель Дизеля. Не хотите взглянуть?

— Не можем, пан Вантох...

— Странные вы люди, — вздохнул капитан и шумно выморкался в небесно-голубой носовой платок. — А не знаете ли вы тут кого-нибудь, кто хотел бы приобрести судно?

— Здесь, в Иевичке?

— Да, здесь или где-нибудь поблизости. Я хотел бы, чтобы эти крупные доходы потекли сюда, на my country³.

— Это очень мило с вашей стороны, капитан...

¹ Рекомендации (англ.).

² Парень (англ.).

³ Мою родину (англ.).

— Ja. Остальные-то уж очень большие жулики. И дес-
перг у них нет. Раз вы из newspaper¹, то должны знать,
здесь видных людей; всяких банкиров и ship-owners,
как это называется — судохозяева, что ли?

— Судовладельцы. Мы таких не знаем, пан Вантох.

— Жаль, — огорчился капитан.

Пан Голомбек что-то вспомнил.

— Вы, пожалуй, не знаете пана Бонди?

— Бонди? Бонди? — перебирал в памяти капитан ван Тох. — Постой. Я как будто слыхал эту фамилию. Ja, в Лондоне есть Бонд-стрит, вот где чертовски богатые люди! Нет ли у него какой-нибудь конторы на Бонд-стрит, у этого пана Бонди?

— Нет, он живет в Праге, а родом, кажется, отсюда, из Иевичка.

— А, черт подери! — обрадование воскликнул капитан. — Ты прав, парень! У него еще была галантерейная лавка на базаре. Бонди... как его звали?.. Макс! Макс Бонди. Так он теперь торгует в Праге?

— Нет, это, вероятно, был его отец. Теперьшнего Бонди зовут Г. Х. Президент Г. Х. Бонди, капитан.

— Г. Х.? — покрутил головой капитан. — Г. Х.? Здесь не было никакого Г. Х. Разве только это Густль Бонди, но он вовсе не был президентом. Густль — это был такой маленький веснушчатый еврейский мальчик. Нет, не может быть, чтоб это был он.

— Это, наверное, он, пан Вантох. Ведь уже сколько лет, как вы его не видали!

— Ja, это верно. Много лет!.. — согласился капитан. — Сорок лет, братец. Так что, возможно, Густль теперь уже вырос. А что он делает?

¹ Газеты (англ.).

— Он председатель правления МЕАС — знаете, это крупные заводы по производству котлов и тому подобное. Ну и, кроме того, председатель еще около двадцати компаний и трестов. Очень большой человек, пан Вантох. Его называют капитаном нашей промышленности.

— Капитаном?.. — изумился captain ван Тох. — Значит, я не единственный капитан из Иевичка? Черт возьми, так Густль, значит, тоже captain? Надо бы с ним встретиться. А деньги у него есть?

— Ого! Горы денег. У него, пан Вантох, наверное, несколько сот миллионов. Самый богатый человек у нас.

Капитан ван Тох стал очень серьезен.

— И тоже captain! Ну, спасибо, парень. Тогда я к нему поплыну, к этому Бонди. Ja, Густль Бонди. I know¹. Такой был маленький еврейский мальчик. А теперь captain Г. Х. Бонди. Ja, ja, как бежит время!.. — меланхолически вздохнул он.

— Пан капитан, нам пора... как бы не пропустить вечерний поезд...

— Так я вас провожу на пристань, — сказал капитан и начал сниматься с якоря. — Очень рад, что вы заехали ко мне, господа. Я знаю одного редактора в Сурабае; славный парень, ja, a good friend of mine². Пьяница страшный, ребята. Если хотите, я устрою вас в газете в Сурабае. Нет? Ну, как хотите.

Когда поезд тронулся, капитан медленно и торжественно помахал огромным голубым платком. При этом у него выпала на песок большая жемчужина неправильной формы. Жемчужина, которая никем и никогда не была найдена.

¹ Я знаю (англ.).

² Мой большой друг (англ.).

Как известно, чем более высокое положение занимает человек, тем меньше написано на его дверной дощечке. Старому Максу Бонди надо было намалевать большими буквами у себя над лавочкой, по обеим сторонам дверей и на окнах, что здесь помещается Макс Бонди, торговля всевозможными галантерейными и магазинными товарами — приданое для невест, ткани, полотенца, салфетки, скатерти и покрывала, ситец и батист, сукна высшего сорта, шелк, занавеси, ламбрекены, бахрома и всякого рода швейный приклад. Существует с 1885 года. У входа в дом его сына, Г. Х. Бонди, капитана промышленности, президента компании МЕАС, коммерции советника, члена биржевого комитета, вице-председателя союза промышленников, *Consulado de la República Ecuador*¹, члена многочисленных правлений и т. д. и т. д., висит только маленькая черная стеклянная дощечка, на которой золотыми буквами написано

Бонди

И больше ничего. Пусть другие пишут у себя на дверях «Юлиус Бонди, представитель фирмы «Дженерал моторс», или «Доктор медицины Эрвин Бонди», или «С. Бонди и К°», но есть только один-единственный Бонди, который — просто Бонди, без лишних пояснений. (Я думаю, что на дверях у папы римского написано просто Пий, без всякого титула и даже без порядкового номера. А у бога так и вовсе нет дощечки ни на небе, ни на земле; каждый сам должен знать, что он тут проживает. Впрочем, все это к делу не относится и замечено только так, мимоходом.)

¹ Консула республики Эквадор (*исп.*).

Перед этой-то стеклянной дощечкой и остановился в знойный день господин в белой морской фуражке, вытирая свой мощный затылок голубым платком. «Ну и важный же дом, черт побери», — подумал он и несколько неуверенно потянулся к медной кнопке звонка.

В дверях показался швейцар Повондра, смерил толстого господина взглядом — от башмаков до золотого поズумента на фуражке — и сдержанно осведомился:

— К вашим услугам?..

— Вот что, братец, — сказал господин, — здесь живет некий пан Бонди?

— Что вам угодно? — ледяным тоном спросил пан Повондра.

— Передайте ему, что с ним хотел бы поговорить captain van Toch из Сурабаи. Ja, — вспомнил он, — вот моя карточка.

И он вручил пану Повондре визитную карточку, на которой был изображен якорь и напечатано следующее:

¹ Капитан И. ван Тох, О[ст-]И[ндская] и Т[ихоокеанская] п[ароходная] ко[мпания], судно «Кандон-Бандунг», Сурабая, Морской клуб (англ.).

Пан Повондра наклонил голову и погрузился в раздумье. Сказать, что пана Бонди нет дома? Или что у пана Бонди, к сожалению, сейчас важное совещание? Есть визитеры, о которых надо докладывать, и есть такие, с которыми дальний швейцар справляется сам. Пан Повондра мучительно чувствовал, что инстинкт, которым он в подобных случаях руководствовался, дал на сей раз осечку. Толстый господин как-то не подходил под обычные категории незваных посетителей и, по-видимому, не был ни коммивояжером, ни представителем благотворительного общества. А капитан ван Тох сопел и вытирая платком лысину и при этом так простодушно щурил свои светло-голубые глаза, что пан Повондра внезапно решился принять на себя всю ответственность.

— Пройдите, пожалуйста, — сказал он, — я доложу о вас пану советнику.

Captain И. ван Тох, вытирая лоб голубым платком, разглядывал вестибюль. Черт возьми, какая обстановка у этого Густля; здесь прямо как в салоне парохода, делающего рейсы от Роттердама до Батавии. Должно быть, стоило уйму денег. А был такой маленький веснушчатый еврейский мальчик, изумлялся капитан.

Тем временем Г. Х. Бонди задумчиво рассматривал у себя в кабинете визитную карточку капитана.

— Что ему надо? — подозрительно спросил он.

— Простите, не знаю, — почтительно пробормотал Повондра.

Пан Бонди продолжал вертеть в руках визитную карточку. Корабельный якорь. Captain И. ван Тох, Сурабая — где она, собственно, Сурабая? Кажется, где-то на Яве? На пана Бонди повеяло дыханием неведомой дали. «Кандон-Бандунг» — это звучит, как удары гонга. Сурабая... И сегодня, как нарочно, такой тропический день... Сурабая...

— Ладно, проводите его сюда, — приказал пан Бонди.

В дверях остановился мощного сложения человек в капитанской фуражке и отдал честь. Г. Х. Бонди двинулся ему навстречу.

— Very glad to meet you, captain. Please, come in! ¹

— Здравствуйте! Добрый день, пан Бонди! — радостно воскликнул капитан.

— Вы чех? — удивился пан Бонди.

— Да, чех. Да ведь мы знакомы, пан Бонди. По Иевичку. Лавочник Вантох — do you remember? ²

— Верно, верно! — шумно обрадовался Г. Х. Бонди, почувствовав, однако, некоторое разочарование («Значит, он не голландец!»). — Лавочник Вантох на площади, как же! Но вы нисколько не изменились, пан Вантох. Такой же, как и прежде! Ну, как идет торговля мукой?

— Thanks, — вежливо ответил капитан, — папаша, как говорится, давно приказал долго жить...

— Умер? Так, так. Впрочем, что я, ведь вы, конечно, его сын...

Глаза пана Бонди оживились от внезапной догадки.

— Послушайте, дорогой, а не тот ли вы Вантох, который дрался со мной в Иевичке, когда мы были мальчишками?

— Да, он самый, — с важностью подтвердил капитан. — За это меня и отправили из дома в Моравскую Остраву.

— Да, мы с вами частенько дрались. Но вы были сильнее, — признал Бонди с лояльностью спортсмена.

¹ Очень рад познакомиться с вами, капитан. Войдите, пожалуйста! (англ.).

² Помните? (англ.).

— Да, я был сильнее. Вы ведь были таким слабень-
ким мальчиком, пан Бонди. И вашему заду здорово до-
ставалось. Здорово доставалось.

— Доставалось, верно, — растроганно вспоминал
Г. Х. Бонди. — Садитесь же, земляк! Вот хорошо с ва-
шей стороны, что вы обо мне вспомнили. Откуда вы
вдруг взялись?

Капитан ван Тох с достоинством уселся и положил
фуражку на пол.

— Я провожу здесь свой отпуск, пан Бонди. Ну-да,
так-то! That's so...¹

— Помните, — погрузился в воспоминания пан Бон-
ди, — как вы кричали мне: «Жид, жид, за тобою черт
бежит!..»

— Да, — сказал капитан и с чувством затрубил в но-
совой платок. — Ах, да. Хорошее это было время. Но что
из того, если оно так быстро проходит! Теперь мы оба
старики, и оба captains.

— В самом деле, вы ведь капитан, — спохватился пан
Бонди. — Кто бы мог подумать! Captain of long distances², ведь так это называется?

— Yar, sir. A Highseaer. East India and Pacific lines,
sir³.

— Хорошая профессия, — вздохнул пан Бонди. —
Я бы с вами охотно поменялся, капитан. Вы должны мне
рассказать о себе.

— О да, — оживился капитан. — Я хотел бы расска-
зать вам кое-что, пан Бонди. Очень интересная штука,
парень.

¹ Так-то! (англ.).

² Капитан дальнего плавания (англ.).

³ Да, сэр. Плаваю в открытом море. Ост-Индия и Тихоокеан-
ские линии, сэр (англ.).

Капитан ван Тох беспокойно поглядел по сторонам.

— Вы что-нибудь ищете, капитан?

— Да. Ты пива не хочешь, пан Бонди? У меня в горле пересохло, пока я добирался домой из Сурабаи.

Капитан стал рыться в обширных карманах своих брюк и вытащил голубой носовой платок, холцовый мешочек с чем-то, кисет с табаком, нож, компас и пачку банкнот.

— Я бы послал кого-нибудь за пивом, — сказал он. — Пожалуй, того стюарда, что проводил меня в эту каюту.

Пан Бонди позвонил.

— Не беспокойтесь, капитан. А пока закурите сигару.

Капитан вязл сигару с красно-золотым бумажным колечком и понюхал ее.

— Табак из Ломбока. Там страшные жулики, ничего не попишешь.

И, к великому ужасу пана Бонди, он раздавил драгоценную сигару в своей мощной длани и набил искропещенным табаком трубку.

— Да, Ломбок. Или Сумба.

В дверях неслышно появился Повондра.

— Принесите пива, — распорядился Бонди.

Повондра поднял брови.

— Пива? Сколько?

— Галлон, — буркнул капитан и, швырнув обгоревшую спичку на ковер, затоптал ее ногой. — В Адене было, брат, ужасно жарко. А у меня есть для вас новость, пан Бонди. Зондский архипелаг, see?¹ Там, сэр, можно открыть сказочное дело... a big business. Но, пожалуй, надо рассказать с самого начала эту... как она называется — story, что ли?

¹ Понимаете? (англ.).

— Рассказ?

— Да. Один рассказчик. Постой.

Капитан поднял свои незабудковые глаза к потолку.

— Просто не знаю, с чего начать.

(«Опять какие-нибудь торговые дела, — подумал Г. Х. Бонди, — господи, какая тоска! Будет убеждать меня, что мог бы поставлять швейные машины в Тасманию или паровые котлы и булавки на Фиджи. Сказочная торговля, еще бы! Для того я вам и нужен. К черту! Я не лавочник. Я мечтатель. Я в своем роде поэт. Расскажи мне, Синдбад-мореход, о Сурбае или об островах Феникса. Не притягивал ли тебя Магнитный Утес, не уносила ли тебя в свое гнездо птица Нох? Не возвращаешься ли ты с грузом жемчуга, корицы и безоара? Ну же, приятель, начинай свое вранье!»)

— Пожалуй, начну с ящера, — объявил капитан.

— С какого ящера? — изумился коммерции советник Бонди.

— Ну, с этих — скорпионов. Как это называется — lizards?

— Ящерицы?

— Да, черт, ящерки. Там есть такие ящерки, пан Бонди.

— Где?

— Там, на одном острове. Я не могу его назвать, парень. Это очень большой секрет, worth of millions¹.

Капитан ван Тох вытер лоб носовым платком.

— Где же, черт возьми, пиво?

— Сейчас будет, капитан.

— Да. Ладно. К вашему сведению, пан Бонди, они очень милые и славные зверьки, эти ящерки. Я их, брат, знаю! — Капитан с жаром хлопнул рукой по столу. —

¹ Цена ему — миллионы (англ.).

А насчет того, что они черти, так это ложь! A damned lie, sir!¹ Скорее вы сами черт или я чорт, я, captain van Tox! Можете мне поверить.

Г. Х. Бонди испугался. «Делириум, — подумал он. — Куда делся этот проклятый Повондра?»

— Их там несколько тысяч, этих ящерок. Но их здорово жрали эти... черт... эти, ну как они там называются... sharks...

— Акулы?

— Да, акулы. Вот почему эти ящерки так редко встречаются: только в одном-единственном месте, в том заливе, который я не могу назвать.

— Значит, эти ящерицы живут в море?

— Да, в море. Только почью они вылезают на берег, по очень ненадолго...

— А как они выглядят? — Пан Бонди пытался выиграть время, пока вернется этот проклятый Повондра.

— Ну, величиной они с тюленей, но когда встают на задние лапки, тогда они вот такого роста, — показал капитан. — Нельзя сказать, чтобы они были красивы. У них нет никакой шелухи.

— Чешуи?

— Да, скорлупок. Они совершенно голые, пан Бонди, точно какие-нибудь жабы или саламандры. А передние лапки у них совсем как детские ручонки, только пальцев на каждой всего четыре. Бедненькие! — жалостливо прибавил капитан. — Но очень смешные и милые зверьки, пан Бонди.

Капитан опустился на корточки и начал раскачиваться.

— Вот как они переваливаются, эти ящерки.

¹ Проклятая ложь, сэр! (англ.).

Сидя на карточках, капитан усиленно старался придать своему могучему телу волнообразные движения; руки он протянул вперед, словно собачка, которая «служит»; его небесно-голубые глаза не отрывались от пана Бонди и, казалось, умоляли о сочувствии. Г. Х. Бонди почувствовал волнение и как-то по-человечески устыдился. В довершение всего в дверях неслышно появился пан Повоцдр с кувшином пива и возмущенно поднял брови при виде неприличного поведения капитана.

— Давайте пиво и уходите, — скороговоркой выналил Г. Х. Бонди.

Капитан поднялся, отдуваясь.

— Вот какие это зверьки, пан Бонди. Your health, — сказал он и выпил пива. — Пиво у тебя, парень, хорошее. Впрочем, когда имеешь такой дом...

И капитан вытер усы.

— А как вы нашли этих ящериц, капитан?

— Об этом как раз и будет мой рассказик, пан Бонди. Случилось так, что я искал жемчуг на Танамасе... — Капитан сразу осекся. — Или где-то еще... Я, это был другой остров, пока это мой секрет, парень. Люди страшные жулики, пан Бонди, и надо держать язык за зубами... Так вот, когда эти два проклятых сингалезца срезали под водой жемчужные shells...

— Раковины?

— Ja. Такие раковины; они прилипают к камням, как прилипалы, и их приходится срезать ножом. Так вот, ящерки смотрели на сингалезцев, а сингалезцы думали, что это морские черти. Очень необразованный народ эти сингалезцы и батаки. И говорят мне: там, мол, черти. Ja.

Капитан мощно затрубил в носовой платок.

— Понимаешь, брат, тут уж не успокоишься. Я не знаю, одни ли только мы, чехи, такой любопытный народ, но где бы я ни повстречал земляка, он обязательно всюду

сует свой нос, чтобы узнать, что там такое. Я думаю, это оттого, что мы, чехи, ни во что не хотим верить. Вот и я вбил в свою старую глупую голову, что должен рассмотреть этих чертей поближе. Правда, я был выпивши, но нагрузился я потому, что эти идиотские черти не выходили у меня из головы. Там, на экваторе, многое, брат, возможно. Значит, отправился я вечером в этот самый Девл-Бэй.

Пан Бонди попытался представить себе тропическую бухту, окруженную скалами и девственным лесом.

— Ну и дальше?

— И вот, сижу я там и зову: тс-тс-тс — чтобы черти вышли. И что ж ты думаешь, вскоре вылезла из моря одна такая ящерка, стала на задние ножки и завертела всем телом. И цыкает на меня: тс-тс-тс. Если бы я не был выпивши, я бы, наверное, в нее выстрелил; но я, дружище, нализался, как англичанин, и вот я говорю: поди, поди сюда, ты, тара-боу¹, я тебе ничего не сделаю.

— Вы говорили с ней по-чешски?

— Нет, по-малайски. Там, брат, чаще всего говорят по-малайски. Ну, она ничего. Только переминается этак с ноги на ногу и вертится, как ребенок, когда он стесняется. А вокруг в воде было несколько сот этих ящерок, они высунули из воды свои мордочки и смотрят. А я (правда, я был выпивши) тоже присел на корточки и стал вертеться, как эта ящерка, чтобы они меня не боялись. А потом вылезла из воды еще одна ящерка, ростом с десятилетнего мальчугана, и тоже начала так переваливаться. А в передней лапке она держала жемчужину. — Капитан отпил пива. — Ваше здоровье, пан Бонди. Я был, правда, пьян вдребезги, так вот, я и говорю

¹ Тара-бой (англ.).

ей: ах, ты, хитрюга, ты как будто хочешь, чтобы я открыл тебе эту раковину, да? Так поди сюда, я ее открою ножом. Но она — ничего, все не решалась. Тогда я снова начал вертеться, словно маленькая девочка, которая кого-то стыдится. И вот она притопала поближе, а я потихоньку протягиваю руку и беру раковину у нее из лапки. По совести говоря, трусили мы оба, это ты, пан Бонди, можешь себе представить; но я был, правда, пьян. Взял я свой нож и открыл раковину; пощупал пальцем, нет ли жемчужины, но там ничего не было, кроме противной слизи — такой слизистый моллюск, что живет в этих раковинах. Ну вот, на, говорю, тс-тс-тс, яри себе, если хочешь. И кидаю ей открытую раковину. Ты бы посмотрел, как она ее вылизывала! Должно быть, для тех ящеров это особенный *tib-bit* — как это называется?

— Лакомство...

— Да, лакомство. Только они, бедняжки, не могут своими пальчиками справиться с твердыми скорлупками. Да, тяжелая жизнь... — Капитан выпил пива. — Я, брат, потом все обмозговал. Когда ящерки увидели, как сингалезцы срезают раковины, они вероятно, подумали: ага, они их будут жрать. И хотели посмотреть, как сингалезцы их открывают. Эти сингалезцы в воде здорово смахивают на ящерок, только ящерка умнее сингалезца или батака, потому что хочет чему-нибудь научиться. А батак никогда ничему не научится, разве что воровать, — с горечью добавил капитан ван Тох. — А когда я на берегу звал — тс-тс-тс — и вертелся, как ящерка, они, наверное, подумали, что я большая саламандра, и поэтому не побоялись подойти ко мне, чтобы я открыл им раковину. Вот какие это умные и доверчивые зверьки.

Капитан ван Тох покраснел.

— Когда я с ними познакомился ближе, пан Бонди, я стал раздеваться донага, чтобы быть совсем как они, ну,

то есть голым; но им показалось очень странным, что у меня волосы на груди и... всякое такое... Да.

Капитан провел носовым платком по загорелой шее.

— Но я не знаю, не слишком ли длинно я рассказываю, пан Бонди?

Г. Х. Бонди был очарован.

— Нет, никаких. Продолжайте, капитан.

— Ладно. Так вот, когда эта ящерка вылизывала раковину, другие, глядя на нее, тоже полезли на берег. У некоторых были раковины в лапах. Как им удалось оторвать их от cliffs¹ своими детскими ручонками, да еще без больших пальцев, это, брат, просто удивительно. Сначала они стеснялись, а потом позволили брать у них из лапок эти раковины. Правда, не все были жемчужницы, так просто, всякая дрянь, никудынные устрицы и тому подобное; но я такие раковины швырнул в воду и говорю: «Э, нет, дети, это ничего не стоит, это я вам своим ножом открывать не буду». Зато, когда попадалась жемчужница, я открывал раковину ножом и щупал, нет ли жемчужины. А раковины отдавал им вылизывать. К тому времени вокруг меня сидело уже несколько сот этих lizards и смотрело, как я открываю раковины. А некоторые пробовали сами вскрыть раковину какой-то скорлупкой, которая там валялась. Это, брат, меня и удивило. Ни одно животное не умеет обращаться с инструментами. Что поделаешь, животные — они и есть животные, таков закон природы. Правда, я видел в Байтензорге обезьяну, которая умела открывать ножом такой tin, то есть жестянку с консервами. Но обезьяна, сэр, какое же это животное! Недоразумение одно. Нет, правда, я был поражен. — Капитан выпил пива. — В ту ночь, пан Бонди, я нашел в тех shells восемнадцать жемчужин. Там

¹ Рифов (англ.).

были крохотные и побольше, а три были величиной с вишневую косточку, пан Бонди. С косточку. — Капитан ван Тох с важностью кивнул головой. — Когда я утром вернулся на судно, я сказал себе: captain ван Тох, это тебе, конечно, только померещилось, сэр; ты, сударь, был выпивши и тому подобное. Но какой толк в рассуждениях, когда у меня в мешочек лежали восемнадцать жемчужин?

— Это самый лучший рассказ, какой я когда-либо слыхал, — прошептал пан Бонди.

— Вот видишь, брат! — обрадованно сказал капитан. — Днем я все это обмозговал. Я приручу и выдрессирую этих ящерок, и они будут носить мне pearlshells¹. Должно быть, ужас сколько этих раковин там, в Девл-Бэе. Ну, вечером я отправился туда снова, но чуточку пораньше. Когда солнце садится, ящерки высовывают из воды свои мордочки и тут и там — словом, по всей бухте. Сижу это я на берегу и зову: тс-тс-тс! Вдруг вижу — акула, то есть только ее плавник торчит из воды. А потом — всплеск, и одной ящерки как не бывало. Я насчитал двенадцать штук этих акул, плывших тогда при заходе солнца в Девл-Бэе. Пан Бонди, эти сволочи за один вечер сожрали больше двадцати моих ящерок!.. — воскликнул капитан и яростно высморкался. — Да, больше двадцати! Ясно ведь, такая голая ящерка своими лапками не отобьется от акулы. Я чуть не плакал, глядя на это. Видел бы ты все это, парень...

Капитан задумался.

— Я ведь очень люблю животных, — произнес он наконец и поднял свои лазурные глаза на Г. Х. Бонди. — Не знаю, как вы смотрите на это, captain Бонди.

Пан Бонди кивнул в знак согласия.

¹ Жемчужницы (англ.).

— Вот это хорошо, — обрадовался капитан ван Тох.— Они очень славные и умные, эти *tapa-boys*. Когда им что-нибудь рассказываешь, они смотрят так внимательно, как собака, которая слушает, что ей говорит хозяин. А главное — эти их детские ручонки... Понимаешь, брат, я старый холостяк, и семьи у меня нет... Я, старому человеку тоскливо одному... — бормотал капитан, преодолевая свое волнение. — Ужасно милые эти ящерки, ничего не делаешь... Если бы только акулы не пожирали их!.. И знаешь, когда я кидал в них, то есть в акул, камнями, они тоже начали кидать, эти *tapa-boys*. Ты просто не поверишь, пан Бонди! Конечно, далеко они кинуть не могли, потому что у них чересчур короткие ручки. Но это, брат, прямо поразительно! Уж если вы такие молодцы, ребята, говорю я, попробуйте тогда открыть моим ножом раковину. И кладу нож на землю. Они сначала стеснялись, а потом одна ящерка подобралась и давай втыкать острие ножа между створок. Надо взломать, говорю, взломать, *see?* Вот так повернуть нож — и готово. А она все пробует, бедняжка... И вдруг хрустнуло, и раковина открылась. Вот видишь, говорю. Вовсе это не так трудно. Если это умеет какой-нибудь язычник — батак или сингалезец, так почему этого не сумеет сделать *tapa-boy*, верно? Я не стал, конечно, говорить ящеркам, что это *сказочное marvel*¹ и чудо, когда это делают такие животные. Но вам я могу сказать, что я был... я был... ну, совершенно *thunder struck*.

— Ошеломлен, — подсказал пан Бонди.

— Ja, *richtik*². Ошеломлен. И так это у меня засело в голове, что я задержался там с моим судном еще на день. И вечером опять отправился туда, в Девл-Бэй, и

¹ Чудо (*англ.*).

² Правильно (*нем. диалект.*).

опять смотрел, как акулы жрут моих ящерок. В ту ночь я поклялся, что так этого не оставлю. И им я тоже дал свое честное слово, пап Бонди. «*Tara-boys*, — сказал я, — captain *Van Tox* обещает вам здесь, под этими огромными звездами, что он вам поможет».

4. КОММЕРЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ КАПИТАНА ВАН ТОХА

Капитан ван Тох рассказывал с таким пылом и увлечением, что волосы у него на затылке взъерошились.

— «Ja, сэр, я дал такую клятву. С той поры я, брат, не имел ни минуты покоя. В Паданге я взял отпуск и послал господам в Амстердаме сто пятьдесят семь жемчужин — все, что мне натаскали мои зверьки. Потом я разыскал одного такого парня: это был даяк, sharkkiller¹; он убивал акул в воде ножом. Страшный вор и убийца этот даяк. Вместе с ним на маленьком *tramp*² я вернулся опять на Танамасу и говорю — мол, теперь, *fella*³, ты будешь тут своим ножом убивать акул. Я хотел, чтобы он истребил там акул и мои ящерки обрели покой. Он был такой разбойник и язычник, этот даяк, что *tarā-boys* были ему ни почем. Черт или не черт, это было ему все равно. А я тем временем производил *observations* и *experiments*⁴ над *lizards*. Постой-ка, у меня есть судовой журнал, в котором я каждый день делал записи.

Капитан вытащил из нагрудного кармана объемистую записную книжку и начал ее перелистывать.

¹ Истребитель акул (*англ.*).

² Пароходе (*англ.*).

³ Приятель (*от англ. fellow*).

⁴ Наблюдения и опыты (*англ.*).

— Какое у нас сегодня число? Ага, двадцать пятое июня. Возьмем тогда, например, двадцать пятое июня. Это было, значит, в прошлом году. Да, вот оно. «Даяк убил акулу. Lizards страшно интересуются этой дохлой дрянью. Тоби...» Это был маленький ящерка, замечательно умный, — пояснил капитан, — пришлося дать им имени, понимаешь? Чтобы я мог писать о них в этой книжке. Так вот: «Тоби сунул пальцы в рану, нанесенную ножом. Вечером они носили сухие ветки для моего костра». Ну, это вздор, — буркнул капитан, — я поищу какой-нибудь другой день. — Скажем, двадцатое июня, а? «Lizards продолжали строить»... этот... этот.., как это называется—jetty?

— Плотину?

— Ja, плотину. Такая *dam*¹. Они строили тогда новую плотину в северо-западном углу Девл-Бэя. Это, брат, была замечательная работа, — пояснил капитан. — Настоящий *breakwater*.

— Волнорез?

— Ja. Они клали на той стороне свои яйца и хотели, чтобы там были спокойные воды, понимаешь? Они *сами* придумали сделать такую *dam*; но я тебе скажу: ни один чиновник или инженер из *Waterstaat*² в Амстердаме не мог бы сочинить лучший план для подводной плотины. Замечательно искусственная работа; вот только вода портила им дело. Они роют себе в воде такие глубокие ямы под берегом и живут в этих ямах. Страшно умные зверьки, сэр, совсем как *beavers*.

— Бобры?

— Ja, эти большие крысы, которые умеют устраивать запруды на реке. А у ящерок было множество пло-

¹ Плотина (*англ.*).

² Ведомства водных сооружений (*голландск.*).

тин и плотинок в Девл-Бэе; такие ровные-ровные dams, что твой город. Ну, и под конец они задумали перегородить плотиной весь Девл-Бэй. Ну, так вот. «Научились выворачивать камни рычагами, — продолжал читать капитан. — Альберту, — это был один *tapa-boy*, — раздавило при этом два пальца». «Двадцать первого. *Даёк сожрал Альберта*. После этого ему было плохо. Пятнадцать капель опия. Обещал больше этого не делать. Целый день шел дождь... Тридцатое июня. *Lizards* строили свою плотину. Тоби не хочет работать...» И умница же он был! — с восхищением пояснил капитан. — Умные-то никогда не хотят работать. Он постоянно вытворял какие-нибудь проказы, этот Тоби. Что поделаешь, ящерки тоже бывают очень разные. «Третье июля. Сержант получил нож». Это был такой большой, сильный ящерка, этот Сержант. И очень ловкий, сэр. «Седьмого июля. Сержант убил ножом *cuttle-fish*», — это, понимаешь, рыба, которая гадит таким темно-бурым — слыхал?

— Каракатица?

— Да, она самая. «Двадцатое июля. Сержант убил ножом большую *jelly-fish*», — это такая сволочь, тело, как студень, и жжется, как крапива. Мерзкое животное. А теперь внимание, пан Бонди. «Тринадцатого июля. — Это у меня подчеркнуто. — Сержант убил ножом небольшую акулу. Вес — семьдесят фунтов». Вот как, пан Бонди! — торжественно воскликнул капитан И. ван Тох. — Здесь это записано черным по белому. Это и есть великий день. Точно, тринадцатого июля прошлого года. — Капитан закрыл записную книжку. — Я ничуть не стыжусь, пан Бонди; там, на берегу Девл-Бэя, я упал на колени и заревел от самой искренней радости. Теперь уж я знал, что мои *tapa-boys* не дадут себя в обиду. Сержант получил за это отличный новый гарпун — гарпун, брат, лучше всего, если хочешь охотиться на акул, и я ему

сказал: *be a man*¹, Сержант, и покажи *tapa-boys*, что они могут обороняться. И вот, брат, — воскликнул капитан, вскочив с места и ударив по столу от восторга, — через три дня там плавала огромная дохлая акула, *full of gashes* — как это называется?

— Вся израненная?

— Ja, сплошные дыры от ударов гарпиона. — Капитан глотнул пива с такой жадностью, что в горле у него заклокотало. — Вот оно как, пан Бонди. Тогда только я и заключил с *tapa-boys*... ну, нечто вроде договора. То есть я как бы дал им слово, что, если они будут доставлять мне жемчужницы, я им буду давать за это гарпуны и *knives*, то есть пожи, чтобы они могли защищаться. See? Это честный бизнес, сударь. Что поделешь, человек должен быть честным даже с животными. И я дал им еще немножко досок и две железные *wheelbarrows*...

— Ручные тележки. Тачки.

— Ja, такие тачки. Чтобы они могли возить камни на плотину. Им, бедняжкам, приходилось таскать все в своих лапках, понимаешь? Ну, словом, массу вещей они получили. Я бы не хотел их надувать, вовсе нет. Постой, парень, я тебе что-то покажу.

Капитан ван Тох одной рукой подтянул свой живот кверху, а другой извлек из кармана брюк холщовый мешочек.

— Вот здесь, — сказал он и высыпал содержимое мешочка на стол.

Там было около тысячи жемчужин самой различной величины: мелкие, как конопляное семя, немного побольше, величиной с горошину, несколько огромных, с вишню; жемчужины безупречно круглые, как капля, жемчужины бугорчатые, жемчужины серебристые, голу-

¹ Будь мужчина (англ.).

бые, телесного цвета, желтоватые, отливающие черным и розовым. Г. Х. Бонди был словно зачарован; он потерял всякое самообладание, перебирал их, катал по столу кончиками пальцев, сгребал обеими руками.

— Какая красота, — восторженно прошептал он. — Капитан, это — как в сказке!..

— Да, — невозмутимо ответил капитан. — Красиво. А акул они убили около тридцати за тот год, что я провел с ними. У меня здесь все записано, — сказал он, похлопывая по нагрудному карману. — Зато сколько ножей я им дал! И пять штук гарпунов. Мне ножики обошлились почти по два американских доллара а piece, то есть за штуку. Очень хорошие ножики, парень, из такой стали, которую не берет никакая rust.

— Ржавчина?

— Да. Потому что это для работы под водой, для моря. Ну, и батаки тоже стоили мне кучу денег.

— Какие батаки?

— Да туземцы на том острове. У них такая вера, будто tara-boys — это черти, и они страшно их боятся. А когда увидели, что я с чертями разговариваю, хотели убить меня. Целыми ночами звонили в колокола, чтобы отогнать, значит, чертей от своего кампонга. Ужасный тарапам подняли. Ну, а потом каждое утро приставали ко мне, чтобы я им заплатил за этот набат. За то, что они трудились, понимаешь? Что и говорить, эти батаки — отчаянные жулики. Но с tara-boys, сэр, с ящерками, можно бы сделать честный бизнес. Очень хорошее дело, пан Бонди.

Г. Х. Бонди все происходящее казалось сном.

— Покупать у них жемчуг?

— Да. Только в Девл-Бэе уже никакого жемчуга нет, а на других островах нет никаких tara-boys. В этом-то вся суть, парень.

Капитан И. ван Тох раздул щеки с победоносным видом.

— Это и есть то большое дело, которое я обмозговал. Послушай,— сказал он, тыча в воздух толстым пальцем.— Ведь этих ящерок стало гораздо больше, с тех пор как я взял их под защиту! Они могут теперь обороняться. You see? А? А дальше их будет еще больше! Ну, так как же, пан Бонди? Разве это не замечательное предприятие?

— Я все еще не понимаю, — неуверенно произнес Г. Х. Бонди, — что вы, собственно, имеете в виду, капитан?

— Ну, перевозить *tapa-boys* на другие жемчужные острова, — выложил наконец капитан. — Я заметил, что ящерки не могут сами переплыть открытое море в глубоких местах. Они немножко плавают, немножко ходят по дну, по на большой глубине для них слишком большое давление: они чересчур мягкие, понимаешь? Но если бы у меня было судно, в котором можно было бы устроить резервуар, такой бассейн с водой, то я мог бы перевозить их куда хочу, see? И они искали бы там жемчуг, а я бы ездил к ним и привозил им ножи и гарпуны и всякие прочие вещи, в которых они нуждаются. Эти бедняжки там, в Девл-Бэе, так рас... распоросились.. а?

— Расплодились.

— Ja, так расплодились, что им уже почти нечего жрать. Они едят мелких рыбешек, моллюсков и водяных жуков... Но могут жрать и картошку, и сухари, и всякие обыкновенные вещи. Этим можно было бы их кормить в резервуарах, на судне. А в подходящих местах, где не очень много людей, я пускал бы их в воду и устраивал бы там такие... такие фермы для моих ящерок. Потому что я хотел бы, чтобы они могли прокормиться, эти зверьки. Они очень славные и умные, пан Бонди. Вот увидишь их, парень, сам скажешь: хэлло, captain, полезные у тебя зверьки. Ja. Люди ведь теперь с ума сходят по жемчугу,

пан Бонди. Вот это и есть тот большой бизнес, что я придумал.

Г. Х. Бонди был в нерешительности.

— Мне очень жаль, капитан, — начал он, — но я, право, не знаю...

Лазурные глаза капитана И. ван Тоха подернулись влагой.

— Это плохо, братец! А я бы тебе оставил все эти жемчужины, как... залог за то судно. Сам я купить судно не могу. А я знаю очень подходящую посудину в Роттердаме. На дизеле...

— Почему вы не предложили это дело кому-нибудь в Голландии?

Капитан покачал головой.

— Я, брат, знаю этих людей. С ними об этом говорить нельзя... А я, пожалуй, — задумчиво прибавил он, — возил бы на этом судне и другие вещи, всевозможные goods¹, и продавал бы их на тех островах. Да, я бы это мог. У меня там куча знакомств, пан Бонди. А при этом я мог бы иметь у себя на судне такие резервуары для моих ящерок...

— Гм, об этом еще можно подумать, — размышлял вслух Г. Х. Бонди. — Дело в том, что как раз... Ну да, нам нужно искать новые рынки для нашей промышленности. Случайно я говорил об этом на днях с несколькими лицами... Я хотел бы купить один или два парохода, один для Южной Америки, а другой для восточных стран...

Капитан ожила.

— Вот за это хвалю, пан Бонди! Суда теперь страшно дешевые, можешь купить их хоть полную гавань...

Капитан ван Тох пустился в технические объяснения, где и за какую цену продаются всякие vessels, boats и

¹ Товары (англ.).

tanks-teamers¹. Г. Х. Бонди не слушал капитана; он только рассматривал его. Г. Х. Бонди умел разбираться в людях. Ни на одно мгновение он не принимал всерьез ящериц капитана ван Тоха; но сам капитан стоил внимания. Честный человек, да. И знает тамошние условия. Сумасшедший, конечно. Но чертовски симпатичен. В сердце Г. Х. Бонди зазвенела какая-то фантастическая струна. Корабли с жемчугом и кофе, корабли с пряностями и всеми благовониями Аравии! Г. Х. Бонди ощутил то странное, необъяснимое волнение, которое обычно предшествовало у него всякому важному и удачному решению; это можно было бы выразить в словах: «Сам не знаю почему, но я, кажется, за это возьмусь». А тем временем captain ван Тох своими огромными лапами чертил в воздухе силуэты судов с awning-decks и quarter-decks² — «...превосходные суда, братец...»

— Знаете что, капитан ван Тох, — сказал вдруг Г. Х. Бонди, — зайдите ко мне через две недели. Мы возобновим тогда разговор о пароходе.

Captain ван Тох понял, как много значат эти слова. Покраснев от радости, он вымолвил только:

— А как ящерки — смогу я их возить на моем пароходе?

— Разумеется. Только... пожалуйста, никому о них ни слова. Люди подумают, что вы спятили... и я заодно с вами.

— А жемчуг вам можно оставить?

— Можно.

— Ja, только я должен выбрать две жемчужины покрасивее, надо послать их кое-кому.

— Кому?

¹ Корабли, пароходы и наливные суда (англ.).

² Палубой под тентом и со шкафцами (англ.).

— А тем двум редакторам, парень. Да, черт подери, постой-ка!

— Что?

— Как их звали, черт подери?

Капитан ван Тох растерянно моргал своими лазурными глазами.

— Такая, брат, глупая у меня голова... Уже забыл, как звали этих двух boys...

5. КАПИТАН И. ВАН ТОХ И ЕГО ДРЕССИРОВАННЫЕ ЯЩЕРИЦЫ

— Провалиться мне на этом месте, — воскликнул человек на набережной в Марселе, — если это не Иенсен!

Швед Иенсен поднял глаза.

— Постой, — сказал он, — и помолчи, пока я тебя не узнаю.

Он прикрыл глаза рукой.

— «Чайка»? Нет. «Императрица Индии»? Нет. «Пернамбуко»? Нет, А, знаю! «Ванкувер». Лет пять назад на «Ванкувере», пароходство Осака-лайн, Фриско*. А зовут тебя Дингль, бродяга ты этакий, и ты ирландец.

Человек оскалил зубы и подсели к шведу.

— Right¹, Иенсен. И, кроме того, пью любую водку, когда угощают. Ты где теперь?

Иенсен показал кивком.

— Крейсирую на линии Марсель — Сайгон. А ты?

— А я в отпуску, — похвастал Дингль, — еду домой посмотреть, сколько у меня прибавилось детей.

Иенсен глубокомысленно покачал головой.

¹ Правильно (англ.).

— Значит, тебя опять выставили. Так? Пьянство в служебное время и тому подобное. Если бы ты, брат, посещал YMCA * как я...

Дингль ужаснулся.

— Здесь тоже есть YMCA?

— Да ведь сегодня суббота, — проворчал Иенсен. — А где ты плавал?

— На одном трампе¹, — уклончиво ответил Дингль. — Разные острова там на юге.

— Капитан?

— Некий ван Тох. Голландец или что-то в этом роде.

Швед Иенсен задумался.

— Капитан ван Тох... Я с ним тоже плавал несколько лет назад. Судно — «Кандон-Бандунг». Рейс — от черта к дьяволу. Толстый, лысый и ругается даже по-малайски, чтобы крепче получалось. Знаю хорошо.

— Он уже тогда был такой сумасшедший?

Швед покачал головой.

— Старый Тох — all right², братец.

— Он уже тогда возил с собой ящериц?

— Нет... — Иенсен стал припоминать. — Что-то я уже слышал об этом... в Сингапуре. Какой-то враль молол там языком на этот счет.

Ирландец слегка обиделся.

— Это совсем не вранье, Иенсен. Это святая истина насчет ящериц.

— Тот, в Сингапуре, тоже божился, что это правда, — проворчал швед. — И все же получил по рылу! — прибавил он с победоносным видом.

¹ Трамп (*от англ. tramp*) — пароход, не имеющий определенного маршрута.

² В своем уме (*англ.*).

— Дай же рассказать, в чем тут дело, — упорствовал Дингль. — Уж кому знать, как не мне. Я эту мразь видел собственными глазами.

— Я тоже, — пробормотал Иенсен. — Почти совсем черные, рост — около метра шестидесяти, с хвостом и ходят на двух ногах. Знаю.

— Отвратительные, — передернулся Дингль. — Все в бородавках, дружище! Матерь божия, я бы к ним не притронулся. Они, паверное, ядовитые!

— Почему? — буркнул швед. — Я, брат, служил как-то на судне, которое возило людей. И на верхней, и на нижней палубе — везде люди. Женщины, и все такое прочее. И танцуют, и играют в карты... я там был кочегаром, понимаешь? Ну, а теперь скажи мне, олух, что ядовитее?

Дингль сллюнул.

— Если бы это были кайманы, я, брат, ничего бы не сказал. Я тоже как-то возил эмей для зверинца — оттуда, из Банджермасина. Ну и воняли! Но ящерицы... Иенсен, уж слишком они странные звери. Днем-то еще ничего, днем все это сидит в таких бассейнах с водой; но ночью оно вылезает — топ-топ, топ-топ... Все судно ими кишмя кишит. И они становятся на задние ноги и поворачивают голову за тобой вслед... — Ирландец перекрестился. — Цыкают на человека — тс-тс-тс, как шлюхи в Гонконге. Прости меня, господи, только я думаю, что тут дело нечисто. Если бы не так туда было с работой, я бы там и часа не остался, Иенсен. Ни единого часа.

— Ага, — сказал Иенсен. — Так вот почему ты возвращаешься к маменьке?

— Отчасти... Приходилось чертовски пить, чтобы вообще выдержать там, а ты сам знаешь, капитан насчет

этого строг! Вот был таарам, когда я одну из этих тварей пнул ногой. Ну да, пнул, да еще, брат, с каким удовольствием! Даже хребет перешел. Ты бы посмотрел, что было со стариком! Посинел, схватил меня за горло и швырнул бы в воду, не окажись тут штурман Грегори. Знаешь его?

Швед кивнул головой.

— «Хватит с него, сэр», — сказал штурман и вылил мне на голову ведро воды. И в Коколо меня списали. — Дингль плюнул, и плевок пролетел в воздухе длинной дугой. — Старику эта мразь дороже людей. Знаешь, он учил их говорить! Ей-богу! Запирался с ними и часами разговаривал. Я думаю, он их дрессирует для цирка. Но самое странное то, что он их потом опять выпускает в воду. Остановится у какого-нибудь дурацкого островка, болтается в плопке вдоль берега и измеряет глубину; а потом запрется там, где эти резервуары, откроет люк в борту и выпускает свою мразь в воду. А оно, брат, скакет через окошечко — одно за другим, как дрессированные тюлени, штук десять-двенадцать... А ночью старый Тох отправляется на берег с какими-то ящиками. Что там в этих ящиках — никто не знает. Потом двигаем дальше. Вот как обстоят дела со старым Тохом, Иенс. Странно. Чересчур странно! — В глазах Дингля мелькнуло выражение ужаса. — Боже всемогущий, Иенс, до чего мне было жутко! Я пил, брат, пил как сумасшедший. А когда оно ночью топало по всему судну и служило на задних лапах... и цыкало: тс-тс-тс, так я иногда думал: эге, братец, это у тебя с перепою! Со мной это уже было однажды во Фриско, помнишь? Но тогда мне везде мерещились пауки. «Де-ли-риум», — говорили врачи в Sailor hospital¹. Но по-

¹ Морском госпитале (англ.).

том я спросил толстого Бинга, видел ли он тех чудищ, и он сказал, что видел. Своими глазами, говорит, однажды видел, как ящер взялся за ручку двери и вошел в каюту к капитану. Но не знаю... Этот Джо тоже жутко пил. Как ты думаешь, Иенс, у Бинга тоже был делириум или нет? Как ты думаешь?

Иенсен только пожал плечами.

— А немец Петерс рассказывал, будто на островах Манихики он отвез капитана на берег, а потом спрятался за скалами и стал смотреть, что там старый Тох делает со своими ящиками. Так он, брат, говорит, что эти ящеры сами пооткрывали их, когда старик дал им долото. А знаешь, что было в ящиках? Оказывается, ножи, друзья. Такие длинные ножи, гарпуны и тому подобное. Я, правда, Петерсу не верю, у него очки на носу, но все-таки это странно. Ты как думаешь?

У Иенсена вздулись жилы на лбу.

— Я думаю, — буркнул он, — что твой немец сует свой нос в дела, которые его совсем не касаются. Понял? И скажу тебе, что я ему этого не советую.

— А ты ему напиши, — усмехнулся ирландец. — Самый точный адрес — пекло, наверняка дойдет. А знаешь, что меня удивляет? Старый Тох время от времени навещает своих ящериц в тех местах, где он насажал их. Ей-богу, Иенс. Вечером приказывает отвезти себя в шлюпке на берег и возвращается только к утру. Так вот, скажи-ка мне. Иенс, ради кого ему туда ездить? И скажи мне, что спрятано в посыпочках, которые он отправляет в Европу? Смотри — вот такие маленькие посыочки страхует на тысячу фунтов.

— Откуда ты знаешь? — еще более хмуро спросил швед.

— Да вот знаю, — уклончиво ответил Дингль. — А как ты думаешь, откуда старый Тох возит этих ящериц? Из

Девл-Бэя. Из Чертова залива, Иенс. У меня там есть один знакомый, он агент, человек с образованием, так он мне говорил, брат, что это вовсе не дрессированные ящерицы. Куда там! Пусть малым детям рассказывают, что это просто животные. А нам, брат, пусть зубы не заговаривают. — Дингль многозначительно подмигнул. — Вот какие дела, Иенсен... А ты мне говоришь, что captain van Toch — all right!..

— Ну-ка, повтори еще раз! — угрожающе прохрипел огромный швед.

— Был бы старый Тох all right, не развозил бы чертей по всему свету... и не запускал бы их всюду на островах, словно блох в шубу. За то время, Иенс, что я плавал с ним, он перевез их несколько тысяч, не меньше. Старый Тох продал свою душу, браток. И я знаю, чем ему черти платят. Рубины, жемчуг и тому подобное. Можешь не сомневаться, даром он не стал бы это делать.

Иенс Иенсен побагровел.

— А тебе-то что? — рявкнул он, стукнув кулаком по столу. — Занимайся своими проклятыми делами!

Маленький Дингль испуганно подскочил.

— Ну, чего ты... — смущенно залепетал он. — Что ты так вдруг... Я ведь только рассказываю, что видел. А если хочешь, так все это мне только померещилось. Только ради тебя, Иенсен... Пожалуйста, могу сказать, что это бред. Иенсен, ты же знаешь, со мной было уже такое во Фриско. «Тяжелый случай», — говорили врачи в Sailor hospital. Ей-богу, брат, мне показалось, что я видел ящериц, или чертей, или еще что-то такое. А на самом деле ничего не было.

— Было, Пат, — мрачно сказал швед, — я их видел.

— Нет, Иенс, — убеждал его Дингль. — Это у тебя был просто делириум. Старый Тох — all right, но... ему не сле-

довало бы развозить чертей по свету. Знаешь что? Когда я приеду домой, закажу мессу за спасение его души. Превалиться мне на этом месте, Иенсен, если я этого не сделаю.

— По нашей вере, — меланхолически протянул Иенсен, — этого не полагается. А как ты думаешь, Пат, помогает, если отслужить за кого-нибудь мессу?

— Чудесно помогает!.. — воскликнул ирландец. — Я слышал на родине не раз, что это помогало... ну, даже в самых тяжелых случаях! Против чертей вообще и... тому подобное, понимаешь?

— Тогда я тоже закажу католическую мессу, — решил Иенс Иенсен. — За капитана ван Тоха. Но я закажу ее здесь, в Марселе. Я думаю, что вон в том большом соборе это можно сделать дешевле, по оптовой цене.

— Может быть, но... ирландская месса лучше. У нас, брат, такие монахи, что почище всяких колдунов будут. Прямо как факиры или язычники.

— Слушай, Пат, — сказал Иенсен, — я бы тебе дал две-надцать франков на мессу. Но ты ведь парень непутевой, пропьешь...

— Иенс, такого греха я на душу не возьму. Но постой, чтобы ты мне поверил, я напишу на эти двенадцать франков расписку. Хочешь?

— Это можно, — сказал швед, который во всем любил порядок.

Дингль раздобыл листок бумаги, карандаш и занял этими принадлежностями почти весь стол.

— Что же мне тут написать?

Иенс Иенсен заглянул ему через плечо.

— Сначала напиши сверху, что это расписка.

И Дингль медленно, с усилием, высосывая язык и слюнявя карандаш, вывел:

Расписка

Сии удоставляю чито
получил от Енса Енсена
на месу за Думу Каптина
Моха Эвина 12 франков

Пат Дингль

— Так правильно? — неуверенно спросил Дингль. — А у кого из нас должен остаться этот листок?

— У тебя, конечно, осел ты этакий, — не задумываясь, ответил швед. — Это делается, чтобы человек не забыл, что он получил деньги.

Эти двенадцать франков Дингль пропил в Гавре и вместо Ирландии отправился оттуда в Джибути. Короче говоря, месса отслужена не была, вследствие чего естественный ход событий не нарушался вмешательством каких-либо высших сил.

6. ЯХТА В ЛАГУНЕ

Мистер Эйб Леб, прищурившись, глядел на заходящее солнце. Ему хотелось как-то высказать, до чего это красиво, но крошка Ли — она же мисс Лили Валлей, по документам Лилиан Новак, а для друзей златокудрая Ли, Белая Лилия, длинноногая Лилиан и как там ее еще называли в ее семнадцать лет, — спала на горячем песке, закутавшись в мохнатый купальный халат и свернувшись в клубок, как прикорнувшая собачонка. Поэтому Эйб ничего не сказал о красоте природы и только вздыхал, шевеля пальцами босых ног, чтобы вытряхнуть песчинки. Недалеко от берега стоит на якоре яхта «Гlorия Пикфорд»; эту яхту Эйб получил от папаши Леба за то, что сдал университетские экзамены. Молодчина папаша Леб, Джесс Леб, магнат кинопромышленности и так далее. «Эйб, пригласи нескольких приятелей или приятельниц и поезди по белу свету», — сказал старик. Папаша Джесс — молодец, первый сорт! И вот теперь там, на перламутровой поверхности моря, застыла «Гlorия Пикфорд», а здесь, на горячем песке, спит крошка Ли. У Эйба захватило дух от счастья. Спит, как маленький ребенок, бедняжка. Мистер Эйб ощутил непреодолимое, страстное желание спасти Ли от какой-нибудь опасности. «Собственно говоря, следовало бы *действительно* жениться на ней», — подумал молодой мистер Леб, и сердце его сжалось от сладостного и мучительного чувства, в котором твердая решимость смешивалась с малодушием. Мамаша Леб, паверное, не согласится на это, а папаша Леб только руками разведет: «Ты с ума сошел, Эйб». Родители просто не могут этого понять, вот и все. И мистер Эйб, нежно вздохнув, прикрыл полой купального халата беленькую лодыжку Ли. «Как глупо, — смущенно подумал он, — что у меня такие

волосатые ноги! Господи, до чего здесь красиво, до чего красиво! Жаль, что Ли этого не видит».

Мистер Эйб залюбовался красивой линией ее бедра и по какой-то смутной ассоциации начал думать об искусстве. Ли ведь тоже артистка. Киноартистка. Правда, она еще не играла, но твердо решила сделаться величайшей кинозвездой всех времен, а если Ли что-нибудь задумает, то обязательно добьется своего. Вот этого как раз и не понимает мамаша Леб. Артистка — это... одним словом, артистка и не может быть такой, как другие девушки. К тому же другие девушки ничуть не лучше, решил Эйб. Например, эта Джэди, там, на яхте, такая богатая девица... а я знаю, что Фред ходит к ней в каюту. *Каждую* ночь, изволите ли видеть! Тогда как я и Ли... Просто Ли не такая. Я желаю всего лучшего Фреду-бейсболисту, великодушно размышлял Эйб, он мой товарищ по университету. Но каждую ночь... Нет, богатая девушка не должна бы *так* поступать. То есть девушка из такой семьи, как Джэди. И ведь Джэди — даже не артистка. («О чём только эти девушки иногда шушкуются! — вспомнил вдруг Эйб. — И как у них при этом горят глаза и как они хихикают. Мы с Фредом о *таких* вещах никогда не говорим».) (Ли не надо пить коктейль в таком количестве; она потом сама не знает, что говорит. Например, сегодня днем — это уж было слишком...) (Я имею в виду, как они с Джэди заспорили, у кого из них ноги красивее. Само собой разумеется, что у Ли. Я-то знаю.) (А Фреду нечего было затевать этот дурацкий конкурс красивых ног. Это можно устраивать где-нибудь на Палм-Бич, но не в своей интимной компании. А девушкам не следовало *так* высоко задирать юбки. Это уже, собственно, были не только ноги... По крайней мере Ли не следовало этого делать. Тем более перед Фредом. И такая богатая девушка, как Джэди, зря это делала.) (А я, пожалуй, напрасно по-

звал капитана и предложил ему быть судьей. Это было глупо. Как побагровел капитан, и усы у него ощетинились. «Простите, сэр», — и хлопнул дверью. Неприятно. Ужасно неприятно. Капитану не следовало быть до такой степени грубым. В конце концов, ведь это моя яхта, не так ли?) (Правда, у капитана нет с собой девушки; так легко ли ему, бедняге, смотреть на такие вещи? То есть поскольку ему приходится оставаться на холостом положении?) (А почему Ли плакала, когда Фред сказал, что у Джэди ноги красивее? Потом она говорила, что Фред такой невоспитанный, отравил ей всю поездку... Бедненькая Ли!..) (Теперь девушки дуются друг на друга. А когда я хотел поговорить с Фредом, Джэди подозвала его к себе, как собачонку. Все-таки Фред — мой лучший приятель. Конечно, если он возлюбленный Джэди, он должен говорить, что у нее ноги красивее. Но зачем было утверждать это так категорически? Это было нетактично по отношению к бедняжке Ли. Ли права, что Фред самоуверенный чурбан. Ужасный чурбан.) (Собственно, я представлял себе это путешествие по-иному. На черта мне сдался Фред!)

Мистер Эйб обнаружил, что он уже не любуется первым ламутровым морем, но с весьма мрачным видом проссивает между пальцами песок с ракушками. Он был огорчен и расстроен. Папаша Леб сказал: «Поезжай да пострайся повидать побольше». А что мы видели? Мистер Эйб старался припомнить, но в памяти его всплывала только одна картина — как Джэди и Ли показывают свои ноги, а Фред, широкооплечий Фред, сидит перед ними на корточках. Эйб нахмурился еще больше. Как, собственно, называется этот коралловый остров? Тараива, говорил капитан. Тараива, или Тахуара, или Тараихатуара-тахуара. Что если вернуться ‘домой’ и сказать старому Джессу: «Папа, мы побывали даже на Тараихатуара-тахуара».

(И зачем только я позвал тогда капитана, — поморщился мистер Эйб). (Надо будет поговорить с Ли, чтобы она не делала таких вещей. Господи, почему я ее так ужасно люблю? Когда проснется, поговорю с ней. Скажу, что мы могли бы пожениться...) Глаза мистера Эйба наполнились слезами. Господи, отчего это — от любви или от муки? Или же эта безмерная мука оттого, что я ее люблю?..

Подведенные синим, блестящие, похожие на нежные ракушки веки крошки Ли затрепетали.

— Эйб, — прозвучал сонный голосок, — знаешь, о чем я думаю? Здесь, на этом острове, можно было бы сделать ши-кар-ный фильм.

Мистер Эйб старался засыпать свои злополучные волосатые ноги мелким песком.

— Превосходная идея, крошка. А какой фильм?

Ли открыла свои бездонные синие глаза.

— Например... Представь себе, что я была бы на этом острове Робинзоном. Женщина-Робинзон! Правда, совершенно новая идея?

— Да-а, — неуверенно произнес мистер Эйб. — А как бы ты попала на этот остров?

— Превосходнейшим манером!.. — ответил сладкий голосок. — Просто наша яхта потерпела бы во время бури крушенис и вы все потонули бы — ты, Джэди, капитан и все.

— А Фред? Он ведь замечательно плавает.

Гладкий лобик наморщился.

— Тогда пусть Фреда съест акула. Получится изумительный кадр! — захлопала Ли в ладоши. — Ведь у Фреда безумно красивое тело, правда?

Мистер Эйб вздохнул.

— Ну, а дальше?

— А меня в бессознательном состоянии выбросила бы на берег волна. На мне была бы пижама, та, в голубую полоску, что так понравилась тебе позавчера. — Взгляд, брошенный из-под полуопущенных ресниц, наглядно продемонстрировал силу женских чар. — Вернее, это должен быть цветной фильм, Эйб. Все говорят, что голубой цвет поразительно идет к моим волосам.

— А кто бы тебя здесь нашел? — деловито осведомился мистер Эйб.

Крошка Ли задумалась.

— Никто! Какой же тогда Робинзон, если тут будут люди, — ответила она с неожиданной логикой. — Вот почему эта роль такая шикарная, ведь я все время играла бы одна. Вообрази только — Лили Валлей в главной и вообще единственной роли!

— А что бы ты делала в течение всего фильма?

Крошка Ли оперлась на локоть.

— У меня уже все придумано. Купалась бы и пела на скале.

— В пижаме?

— Без, — сказала крошка. — Ты не думаешь, что я имела бы огромный успех?

— Но не можешь ведь ты ходить все время голая, — проворчал Эйб с явным неодобрением.

— А почему бы и нет? — невинно удивилась крошка. — Что здесь такого?

Мистер Эйб пробормотал что-то печленораздельное.

— А потом, — продолжала свои размышления Ли, — постой... ага, знаю. Потом меня похитила бы горилла. Понимаешь, такая страшная, волосатая, черная горилла.

Мистер Эйб покраснел и постарался еще глубже закрыть в песок свои проклятые ноги.

— Но здесь же нет горилл, — возразил он малоубедительным тоном.

— Есть. Здесь есть всевозможные звери. Ты должен относиться к делу как художник, Эйб. Горилла удивительно подойдет к моему оттенку кожи. А ты обратил внимание, какие у Джэди волосы на ногах?

— Нет, — ответил Эйб, крайне недовольный этой темой.

— Ужасные ноги, — заметила Ли с удовлетворением посмотрела на собственные икры. — А когда горилла погнется меня на руках, из лесной чащи выйдет молодой прекрасный дикарь и заколет ее.

— А как он будет одет?

— У него будет лук, — без колебаний решила крошка, — и венок на голове. Этот дикарь возьмет меня в плен и приведет в становище каннибалов.

— Здесь нет никаких каннибалов. — Эйб попробовал вступиться за островок Тахуара.

— Есть. Людоеды захотят принести меня в жертву своим идолам и споют при этом гавайские песни. Знаешь, как негры поют в ресторане «Парадиз». Но тот молодой людоед влюбился бы в меня, — прошептала крошка Ли с широко раскрытыми от восторга глазами, — и... потом еще один дикарь влюбился бы в меня, скажем — предводитель этих каннибалов... а потом один белый...

— Откуда же тут возьмется белый? — спросил Эйб точности ради.

— Он был бы у них в плену. Например, это был бы знаменитый тенор, который попал в руки дикарей. Это для того, чтобы он мог петь в фильме.

— А в чем он был бы одет?

Ли поглядела на пальчики своих ножек.

— Он был бы... без всего, как и людоеды.

Мистер Эйб покачал головой.

— Не годится, крошка. Все знаменитые тенора страшно толстые.

— Жалко, — огорчилась Ли. — Ну, тогда его мог бы играть Фред, а тепер только пел бы. Знаешь, как теперь озвучивают фильмы.

— Но ведь Фреда сожрала акула?

Ли рассердилась.

— Нельзя быть таким ужасным реалистом, Эйб! С тобой *вообще* невозможно говорить об искусстве! А предводитель обвил бы меня всю нитками жемчуга...

— Где бы он его взял?

— Здесь *massa* жемчуга, — с уверенностью объявила Ли. — А Фред из ревности боксировал бы с ним на скале над морским прибоем. Получится шикарно: силуэт Фреда на фоне неба! Правда, блестящая идея? При этом они оба упали бы в море... — Ли просветлела. — Тут и пригодится эпизод с акулой. Вот взбесится Джэди, если Фред будет играть со мной в фильме! А я бы вышла замуж за того красивого дикаря. — Златокудрая Ли вскочила. — Мы стояли бы тут на берегу... на фоне солнечного заката... совершенно нагие... и диафрагма постепенно закрывалась бы... — Ли сбросила купальный халат. — А тепер я иду в воду.

— Ты не надела купальный костюм, — пробормотал Эйб, оглядываясь на яхту, не смотрит ли кто-нибудь оттуда; но Ли уже вприпрыжку бежала по песку к лагуне.

«... Собственно, в платье она лучше», — заговорил вдруг в молодом человеке голос холодного и жестокого критика. Эйб был потрясен отсутствием у него падлежащего любовного восторга и чувствовал себя почти преступником, но... все-таки когда Ли в платье и туфельках, то... право же, это как-то красивее.

«Ты, верно, хочешь сказать — приличнее», — возражал Эйб холодному голосу.

«Ну да, и это тоже. И красивее. Почему она так нелепо шлепает по воде? Почему у нее так трясутся бока? Почему то, почему се...»

«Перестань, — с ужасом отбивался Эйб. — Ли — самая красивая девушка, которая когда-либо существовала на свете! Я ее ужасно люблю...»

«...Даже когда на ней нет ничего?» — спросил холодный критический голос.

Эйб отвернулся и взглянул на яхту в лагуне. Как она красива, как безупречны все линии ее бортов! Жаль, нет тут Фреда. С Фредом можно было бы поговорить о красоте яхты.

Тем временем Ли стояла уже по колено в воде, протирала руки к заходящему солнцу и пела.

«Скорей бы уж лезла в воду, черт бы ее драл! — раздраженно подумал Эйб. — А все-таки это было красиво, когда она лежала, свернувшись клубочком, закутанная в халат, с закрытыми глазами. Милая крошка Ли! — И Эйб, растроганно вздохнув, поцеловал рукав ее купального халата. — Да, я ужасно ее люблю. Так люблю, что больно делается».

Внезапно с лагуны донесся пронзительный визг. Эйб привстал на колено, чтобы лучше видеть. Ли пищит, размахивает руками и бежит к берегу, спотыкаясь и разбрызгивая воду... Эйб вскочил и бросился к ней.

— Что такое, Ли?

(Посмотрите, как она нелепо бежит, — отметил холодный критический голос. — Как она выбрасывает ноги. Как размахивает руками во все стороны. Это просто некрасиво. И еще кудахчет при этом, да, кудахчет.)

— Что случилось, Ли? — кричал Эйб, спеша на помощь.

— Эйб, Эйб... — пролепетала Ли и — трах! — мокрая и холодная, повисла на нем. — Эйб, там какой-то зверь!

— Ничего там нет, — успокаивал ее Эйб. — Наверное, просто какая-нибудь рыба.

— Но у него такая страшная голова!.. — зарыдала крошка и уткнулась мокрым носом в грудь Эйба.

Эйб хотел отечески похлопать Ли по плечу, но шлепки по мокрому телу получились бы слишком звучными.

— Ну, ну, — проворчал он, — посмотри, там уже ничего нет.

Ли оглянулась на лагуну.

— Это было ужасно, — прошептала она и вдруг взвизгнула. — Вон... вон... видишь?

К берегу медленно приближалась черная голова, то разевая, то закрывая широкую пасть. Ли издала истерический вопль и сломя голову кинулась прочь.

Эйб был в нерешительности. Бежать за Ли, чтобы она не боялась? Или же остаться здесь и показать ей, что ему не страшен этот зверь? Само собой разумеется, он избрал второе. Он вошел в воду по щиколотку, остановился перед зверем и, скав кулаки, посмотрел ему прямо в глаза. Черная голова тоже остановилась, странно закачалась и произнесла:

— Тс-тс-тс...

Эйбу стало немного жутко, но ведь нельзя же показывать виду.

— В чем дело? — резко спросил он, обращаясь к голове.

— Тс-тс... — ответила голова.

— Эйб, Эйб, Эйб... — верещала крошка Ли.

— Иду!.. — крикнул Эйб и медленно (чтобы никто не подумал) зашагал к своей возлюбленной. По дороге он даже приостановился и бросил строгий взгляд назад.

На берегу, где волны выводят на песке свои вековечные непрочные узоры, стоял на задних лапах какой-то

темный зверь с круглой головой и извивался всем телом. Эйб застыл на месте с бьющимся сердцем.

— Тс-тс-тс... — произнес зверь.

— Эйб! — вопила Ли, близкая к обмороку.

Эйб отступал шаг за шагом, не спуская глаз со зверя. Тот не шевелился и только поворачивал голову вслед за Эйбом.

Наконец Эйб оказался возле крошки, которая лежала ничком на земле и, захлебываясь, всхлипывала от ужаса.

— Это... что-то вроде тюленя, — неуверенно сообщил Эйб. — Надо бы возвратиться на яхту, Ли.

Но Ли только дрожала.

— И вообще тут нет ничего опасного, — твердил Эйб.

Ему хотелось опуститься на колени, склониться над Ли, но он чувствовал себя обязанным рыцарски стоять между нею и зверем. «Был бы я не в одних трусах, — думал он, — да будь у меня хоть перочинный нож... или хоть бы палку какую найти...»

Начало смеркаться. Зверь приблизился еще шагов на тридцать и остановился. А вслед за ним вынырнули из моря пять, шесть, восемь таких же животных и, раскачиваясь, нерешительно засеменили к тому месту, где Эйб стоял.

— Не смотри, Ли... — прошептал Эйб, но в этом не было надобности, так как Ли не оглянулась бы ни за что на свете.

Из моря выходили все новые тени и продвигались вперед широким полукругом. «Их уже около шестидесяти, — мысленно подсчитал Эйб. — А это светлое — купальный халат Ли. Халат, в котором она только что спала...» Животные тем временем подошли уже к светлому предмету, который широким пятном выделялся на песке.

И тогда Эйб совершил нечто само собой разумеющееся и в то же время бессмысленное, подобно шиллеровскому

рыцарю, который спустился на арену к львам за перчаткой своей дамы*. Ничего не поделаешь, есть такие сама собой разумеющиеся и в то же время бессмысленные поступки, которые мужчины будут совершать до тех пор, пока существует мир. Не раздумывая, с высоко поднятой головой и сжатыми кулаками, мистер Эйб Леб вступил в круг зверей, чтобы отнять у них купальный халат крошки Ли.

Звери немного отступили, но не убежали. Эйб поднял халат, перебросил его через руку, как тореадор, и остановился.

— Эйб!.. — неслось сзади отчаянные вопли.

Мистер Эйб почувствовал прилив безмерной отваги и силы.

— Ну, что? — сказал он зверям и подступил к ним еще на шаг. — Чего вы, собственно, хотите?

— Тс-тс, — зацыкал один зверь, а потом каким-то скрипучим, старческим голосом пролаял: — Ноаж!..

— Ноаж!.. — отозвались скрипучие голоса немногого дальше: — Ноаж! Ноаж!

— Э-эйб!..

— Не бойся, Ли! — крикнул Эйб.

— Ли!.. — залаяло перед ним: — Ли! Ли! Э-эйб!..

Эйбу казалось, что он видит сон.

— В чем дело?

— Ноаж!

— Э-эйб! — стонала Ли. — Иди сюда!

— Сейчас... Вы имеете в виду нож? У меня никакого ножа нет. Я вам ничего не сделаю. Что вы хотите еще?

— Тс-тс, — цыкнул зверь и заковылял к нему.

Эйб, придерживая переброшенный через руку халат, широко расставил ноги, но не отступил.

— Тс-тс, — сказал он. — Чего надо?

Зверь, казалось, протягивал к нему переднюю лапу; это не понравилось Эйбу.

— Что? — спросил он довольно резко.

— Ноаж! — пролаял зверь и выронил из лапы что-то беловатое, похожее на каплю. Но это не было каплей, потому что оно покатилось.

— Эйб! — захлебывалась Ли. — Не оставляй меня здесь!

Мистер Эйб не чувствовал уже никакого страха.

— Прочь с дороги! — сказал он и махнул на зверя купальным халатом.

Зверь поспешил и неуклюже отступил. Теперь Эйб мог удалиться с честью; но пусть Ли увидит, какой он храбрый; и он нагнулся, чтобы рассмотреть то беловатое, что зверь выронил из лапы. Это были три твердых, гладких, матово-блестящих шарика. Мистер Эйб поднес их к глазам, так как уже смеркалось.

— Эйб! — пищала покинутая Ли. — Эйб, Эйб!..

— Иду, иду! — крикнул мистер Эйб. — Ли, у меня для тебя что-то есть! Ли, Ли, я тебе что-то несу!

Размахивая купальным халатом над головой, мистер Эйб мчался по берегу, как молодой бог. Ли сидела на корточках, вся скорчившись, и дрожала.

— Эйб, — простонала она, стуча зубами. — Как ты можешь... Как ты можешь...

Эйб торжественно преклонил перед ней колена.

— Лили Валлей, морские боги, они же тритоны, пришли воздать тебе почести. Они поручили передать тебе, что, с тех пор как Венера родилась из пены морской, ни одна артистка не производила на них такого впечатления, как ты. В знак своего восхищения они посыпают тебе... — Эйб протянул к ней руку, — три жемчужины. Смотри!

— Не мели вздор, Эйб! — захныкала Ли.

— Серьезно, Ли! Посмотри же, это настоящий жемчуг!
— Покажи! — простонала Ли и взяла в свои дрожащие пальцы три беловатых шарика. — Эйб, — прошептала она, — ведь это жемчуг! Ты нашел его в песке?

— Но Ли, крошка моя, жемчуг не водится в песке!

— Водится, — заявила Ли. — И его промывают. Видишь, я говорила, что здесь масса жемчуга!

— Жемчужины растут в таких раковинах под водой, — почти с полной уверенностью сказал Эйб. — Ей-богу, Ли, это тебе принесли тритоны. Они видели, как ты купалась. Они хотели преподнести их тебе лично, но ты так испугалась...

— Да они такие противные!.. — воскликнула Ли. — Эйб, это *шикарные* жемчужины! Я ужасно люблю жемчуг!

(Вот теперь она красива, — сказал критический голос. — Когда она стоит здесь на коленях и держит жемчужины на ладони — ну... просто хорошенькая, да и все!)

— Эйб, это *действительно* принесли мне те... те звери?

— Они не звери, крошка. Они морские боги. Называются тритоны.

Ли нисколько не удивилась.

— Очень мило с их стороны, правда? Они ужасно симпатичные. Как ты находишь, Эйб, должна я как-нибудь их поблагодарить?

— Ты уже не боишься их?

Ли вздрогнула.

— Боюсь... Эйб, пожалуйста, уведи меня отсюда.

— Тогда слушай, — сказал Эйб. — Нам надо добраться до нашей лодки. Идем, и не бойся!

— Но ведь... ведь они стоят на дороге... — стучала зубами Ли. — Эйб, ты не хочешь пойти к ним без меня? Только не смей оставлять меня здесь одну!

— Я понесу тебя на руках, — геройски предложил мистер Эйб.

— Да, так лучше... — прошептала Ли.

— Только надень халат, — буркнул Эйб.

— Сейчас.

Мисс Ли поправила обеими руками свои великолепные золотые кудри.

— Я ужасно растрепана, правда? Эйб, у тебя нет с собой губной помады?

Эйб набросил ей на плечи халат.

— Идем же, Ли.

— Я боюсь... — шептала Ли.

Мистер Эйб взял ее на руки. Ли казалась на вид лсгошкой, как облачко. «Черт возьми, это тяжелее, чем ты думал, верно? — спросил Эйба холодный критический голос. — И теперь у тебя обе руки заняты; если эти звери на нас нападут, что тогда?»

— Ты бы не побежал бегом? — предложила Ли.

— Хорошо... — пропыхтел Эйб, с трудом перебирая ногами.

Уже почти совсем стемнело. Эйб приближался к широкому полукругу животных.

— Скорей, Эйб, бегом, бегом!.. — шептала Ли.

Животные начали раскачиваться странными волнообразными движениями и извиваться верхней половиной туловища.

— Ну, беги же, беги быстрее! — простонала Ли, истерически дрыгая ногами, и в шею Эйба вонзились ногти, покрытые серебристым лаком.

— Черт возьми, Ли, пусти же! — взвыл Эйб.

— Ноаж! — пролаяло рядом с ним. — Тс-тс-тс! Ноаж! Ли! Ноаж! Ноаж! Ноаж! Ноаж! Ли!

Но они уже миновали страшный полукруг, и Эйб почувствовал, что его ноги погружаются во влажный песок.

— Можешь спустить меня на землю, — прошептала Ли как раз в тот момент, когда у Эйба окончательно отнялись уже и руки и ноги.

Эйб тяжело дышал, отирая пот со лба.

— Иди к лодке! Поживее! — скомандовала крошка Ли. Полукруг темных теней повернулся теперь лицом к Ли и стал приближаться:

— Тс-тс-тс! Ноаж! Ноаж! Ли!

Но Ли не закричала. Ли не бросилась бежать. Ли подняла руки к небу, и купальный халат соскользнул с ее плеч. Ли, нагая, махала обеими руками колеблющимся теням и посыпала им воздушные поделуи. Ее дрожащие губы слегка искривились, что должно было, очевидно, изображать очаровательную улыбку.

— Вы такие милые, — произнес трепетный голосок, а белые руки снова простерлись к колеблющимся теням.

— Иди помоги мне, Ли, — немного грубо проворчал Эйб, сталкивая лодку в воду.

Ли подняла свой купальный халат.

— До свидания, дорогие мои!

Можно было слышать, как тени шлепают уже по воде.

— Ну же, шевелись, Эйб, — прошептала крошка, пробираясь к лодке. — Они опять здесь!

Мистер Эйб Леб прилагал отчаянные усилия, чтобы столкнуть лодку в воду. А тут еще в нее влезла мисс Ли, махая рукой на прощанье.

— Перейди на другую сторону, Эйб, а то им не видно меня.

— Ноаж! Тс-тс-тс! Эйб!

— Ноаж! Тс, ноаж!

— Тс-тс!

— Ноаж!

Лодка наконец закачалась на волнах. Мистер Эйб вскарабкался в нее и изо всех сил налег на весла. Одним веслом он угодил по чьему-то скользкому телу.

Ли глубоко перевела дух.

— Правда, они ужасно милые? А правда, я великолепно провела сцену с ними?

Мистер Эйб изо всех сил греб к яхте.

— Надень халат, Ли, — довольно сухо сказал он.

— Я считаю, что имела огромный успех, — констатировала мисс Ли. — А эти жемчужины, Эйб! Как ты думаешь, сколько они стоят?

Мистер Эйб на мгновение перестал гресть.

— Я думаю, что ты не должна была показываться им в таком виде...

Мисс Ли слегка обиделась.

— Что здесь такого? Сразу видно, Эйб, что ты *не артист*. Греби, пожалуйста, мне холодно в халате.

7. ЯХТА В ЛАГУНЕ

(Продолжение)

В этот вечер на яхте «Глория Пикфорд» не было личных конфликтов, зато возникли шумные споры по научным вопросам. Фред (его поддерживал Эйб) считал, что это *определенны* какие-то ящеры, тогда как капитан настаивал на версии о млекопитающих. В море не бывает ящеров, горячо утверждал капитан; однако молодые джентльмены из университета не слушали его возражений; ящеры, как-никак, это большая сенсация. Крошка Ли удовлетворилась тем, что это были тритоны, что они были просто *шикарны* и что вообще она имела такой успех!. И Ли (в голубой полосатой пижаме, которая *так* нравилась Эйбу) с горящими глазами мечтала о жемчужинах

и морских богах. Джэди, конечно, была убеждена, что все это чепуха и враки и Ли с Эйбом все выдумали; она яростно моргала Фреду, чтобы он бросил эти дурацкие разговоры. Эйб считал, что Ли *могла* бы упомянуть о том, как он, Эйб, бессстрашно пошел к этим ящерам за ее купальным халатом; поэтому он уже в третий раз рассказывал, как *замечательно* справилась с ними Ли, пока он, Эйб, спускал лодку на воду, и собрался рассказать это в четвертый раз, но Фред и капитан ничего не слушали, поглощенные страстным спором о ящерах и млекопитающих. (Как будто в самом деле важно, что *именно* там было, подумал Эйб.) В конце концов Джэди зевнула и объявила, что идет спать; она многозначительно посмотрела на Фреда, но Фред как раз вспомнил, что до всемирного потопа существовали такие старые забавные ящеры — как они, черт бы их драл, назывались: дипловавры, бигозавры или как-то там еще — и они разгуливали, сэр, па задних ногах; Фред сам видел такую забавную научную картинку, сэр, в одной толстой книжке. Замечательная книга, сэр, вам бы надо с ней познакомиться.

— Эйб, — произнесла Ли. — У меня есть *шикарная* идея для фильма.

— А *именно*?

— Нечто потрясающее новое. Представь себе, что наша яхта потонула и только я одна спаслась на этом острове. И жила бы, как Робинзон.

— А чем бы вы занимались? — скептически осведомился капитан.

— Купалась бы и вообще, — просто ответила Ли. — И в меня влюбились бы морские тритоны и приносили бы мне жемчужины. Понимаешь, совсем как в действительности! Это может быть видовой и научно-воспитательный фильм, как ты думаешь? Нечто вроде «Торгового флага» *.

— Ли права, — решительно заявил Фред. — Надо бы засиять завтра этих ящеров.

— То есть млекопитающих, — поправил его капитан.

— То есть меня, — сказала Ли, — как я стою среди морских тритонов.

— Но в купальном костюме... — поспешил вставить Эйб.

— Я, пожалуй, надену белый купальный костюм, — сказала Ли. — А Грета пусть как следует причешет меня. Сегодня я была прямо ужасна!..

— А кто будет снимать?

— Эйб. Пусть хоть какая-то польза от него будет. А Джэди придется светить, когда станет темно.

— А Фред?

— У Фреда будет лук и венок на голове, и, когда тритоны захотят меня похитить, он их убьет.

— Покорнейше благодарю, — ослабился Фред. — Но я предпочту револьвер. А как насчет капитана?

Капитан воинственно ощетинил усы.

— Не извольте беспокоиться. Уж я-то знаю, что будет нужно.

— А именно?

— Три человека из экипажа, сэр. И хорошо вооруженных, сэр.

Крошка Ли восхитилась.

— Вы считаете, что это так опасно, капитан?

— Я ничего не считаю, деточка, — буркнул капитан. — Но у меня есть инструкция от мистера Джессса Леба, по крайней мере в отношении мистера Эйба.

Мужчины горячо обсуждали технические детали экспедиции. Эйб мигнул крошке Ли, давая понять, что пора ужо ложиться в постель и все такое прочее. Ли послушно ушла.

— Знаешь, Эйб, — сказала она в своей каюте, — мне кажется, это будет *потрясающий* фильм!

— Да, крошка, — согласился мистер Эйб и собрался ее поцеловать.

— Сегодня нельзя, Эйб, — отстранилась Ли, — ты должен понимать, что мне необходимо ужасно сосредоточиться.

Весь следующий день мисс Ли интенсивно сосредоточивалась, отчего у несчастной камеристки Греты работы было по горло: ванны с очень важными солями и эссенциями, мытье головы шампунем «Только для блондинок», массаж, педикюр, маникюр, завивка, прическа, утюжка и примерка платьев, перешивание, гримировка и множество других приготовлений. Джэди, тоже захваченная этой горячкой, помогала Ли. (В трудные минуты женщины проявляют удивительную лояльность друг к другу, например когда решаются проблемы одевания.) Пока в каюте мисс Ли кипела лихорадочная деятельность, мужчины собрались вместе и, уставив стол пепельницами и бутылками виски, принялись разрабатывать стратегический план: где кто будет стоять и в чем будут заключаться его обязанности, если что-нибудь произойдет; при этом, когда обсуждался вопрос о командовании, престиж капитана несколько раз подвергался тяжким оскорблением. Днем на берег лагуны переправили киноаппарат, небольшой пулемет, корзины с провизией и посудой, ружья, граммофон и прочее военное снаряжение; все это было превосходно замаскировано пальмовыми листьями. Еще до захода солнца трое вооруженных людей из экипажа и капитан в качестве верховного главнокомандующего заняли свои места. Потом на берег был доставлен огромный сундук с некоторыми мелочами, которые могли понадобиться мисс Лили Валлей. Потом причалил Фред с мисс Джэди. Потом начался закат во всем его тропическом великолепии.

Тем временем мистер Эйб уже в десятый раз стучался в каюту мисс Ли.

— Крошка, теперь уже *действительно* пора!

— Сейчас, сейчас! — отвечала крошка. — Пожалуйста, не нервируй меня. Должна же я *одеться*, не правда ли?

Капитан в это время осматривал позиции. Вон там, на гладкой поверхности залива, сверкает длинная ровная полоса, она отделяет волнующееся море от тихих вод лагуны. «Словно там под водой какая-то плотина или волнорез, — подумал капитан, — вероятно, это песчаная отмель или коралловый риф, но похоже на искусственное сооружение. Странное место!»

Над спокойной гладью лагуны там и сям стали показываться черные головы, которые двигались к берегу. Капитан сжал губы и беспокойно схватился за револьвер. Было бы лучше, мелькнуло у него, если бы женщины оставались на судне!.. Джэди начала дрожать и конвульсивно уцепилась за Фреда. «Какой он сильный! — подумала она, — господи, как я его люблю!»

Наконец от яхты отчалила последняя лодка. В ней — мисс Лили Валлей в белом купальном трико и прозрачном пеньюаре, в котором она, видимо, будет выброшена волнами на берег в качестве потерпевшей кораблекрушение; далее — мисс Грета и мистер Эйб.

— Почему ты так медленно гребешь, Эйб? — упрекнула его Ли.

Мистер Эйб посмотрел на черные головы, продвигающиеся к берегу, и ничего не ответил.

— Тс-тс!

— Тс!

Мистер Эйб вытащил лодку на песок и помог выйти Ли и мисс Грете.

— Беги скорей к аппарату, — прошептала артистка, — и, как только я тебе скажу «пора», начинай крутить.

— Да ведь уже ничего не видно, — возразил Эйб.

— Тогда пусть Джэди даст свет. Грета!..

Пока мистер Эйб занимал свое место у аппарата, артистка распростерлась на песке в позе умирающего лебедя, а мисс Грета поправляла складки ее пеньюара.

— Пусть немного будут видны ноги, — шептала потерпевшая кораблекрушение. — Готово? Ну, марш отсюда! Эйб, пора!

Эйб начал крутить ручку.

— Джэди, свет!

Но никакой свет не зажегся. Из моря вынынули колеблющиеся тени и стали приближаться к Ли. Грета зажала рот рукой, чтобы не закричать.

— Ли! — крикнул мистер Эйб. — Ли, беги!

— Ноаж! Тс-тс-тс! Ли! Ли! Эйб!

Кто-то спустил предохранитель револьвера.

— К черту! Не стрелять! — прошипел капитан.

— Ли! — надрывался Эйб, прекративший съемку. —

Джэди, свет!

Ли медленно, томно встает и поднимает руки к небу. Легонький пеньюар соскальзывает с ее плеч. Теперь на песке стоит белоснежная Лили, грациозно вздымая руки над головой, как всегда делают потерпевшие кораблекрушение, приходя в себя после обморока. Мистер Эйб яростно завертел ручку аппарата.

— Черт возьми, Джэди, дай же свет!

— Тс-тс-тс!

— Ноаж!

— Ноаж!

— Э-эйб!

Черные тени качаются, кружатся вокруг белой Ли. Стойте, стойте, это уже не игра! Ли уже не вздымает руки над головой, но отталкивает что-то от себя и пищит:

— Эйб, Эйб, оно меня тронуло!

В этот момент вспыхивает ослепительный свет. Эйб начинает стремительно крутить ручку аппарата, а Фред и капитан с револьверами в руках бегут к Ли, которая сидит на песке, стуча зубами от страха. При ярком свете видно, как десятки и сотни длипных темных теней во всю прыть, спотыкаясь, спешат к морю. В то же мгновение два матроса набрасывают сеть на одну убегающую тень. Тут же Гreta лишается чувств и падает, как мешок. В тот же миг звучат два или три выстрела, море с плеском разверзается, двое матросов лежат на чем-то извишающемся и мечущемся под ними, и свет в руках мисс Джэди гаснет.

Капитан зажег карманный фонарик.

— Деточка, с вами ничего не случилось?

— Оно меня тронуло за ногу, — проскулила крошка. — Фред, это было ужасно!..

В это мгновение подбежал и мистер Эйб со своим фонариком.. .

— Это было замечательно, Ли! — кричал он. — Только Джэди должна была бы дать свет пораньше.

— Он не зажигался, — пролепетала Джэди, — он ведь не зажигался, правда, Фред?

— Она испугалась, — оправдывал ее Фред. — Честное слово, она это сделала не нарочно, верно, Джэди?

Джэди обиделась, но в это время подоспели двое матросов, волоча в сети что-то трепещущее, как большая рыба.

— Вот оно, капитан. Живое.

— Сволочь, обрызгало нас чем-то ядовитым. У меня руки сплюшь в волдырях, сэр. Адски жжет.

— На меня тоже попало, — простонала мисс Ли. — Посвети, Эйб, посмотри, ист ли волдырь?

— Да нет же, ничего у тебя нет, крошка! — удостоверил Эйб; он едва удержался, чтобы не поцеловать то место над коленом, которое крошка тщательно растирала.

— Какое оно было холодное! Бррр!.. — жаловалась Ли.

— Вы потеряли жемчужину, мадам! — сказал один из матросов, подавая Ли шарик, который он подобрал на песке.

— Господи, Эйб! — воскликнула мисс Ли. — Они опять принесли мне жемчуг! Дети, давайте искать жемчуг! Эти бедняжки, наверное, принесли мне *массу* жемчужин. Ну, разве они не прелесть, Фред? Вот еще жемчужина!

— И еще!

Три фонарика направили круги света на землю.

— Я нашел одну громадную!

— Она моя! — объявила Ли.

— Фред! — ледяным тоном позвала мисс Джэди.

— Сейчас! — отозвался мистер Фред, ползая по песку на коленях.

— Фред, я хочу вернуться на яхту!

— Кто-нибудь отвезет тебя! — сказал Фред, занятый делом. — Черт, вот потеха!

Троє мужчин и мисс Ли продолжали копошиться в песке, как большие светлячки.

— Вот еще три жемчужины! — провозгласил капитан.

— Покажите, покажите! — в восторге завизжала Ли и устремилась на коленях к капитану.

В этот момент вспыхнул магний и затрещал киноаппарат.

— Ну вот, теперь вы запечатлены, — мстительно объявила Джэди. — Получится замечательное фото для газет. Компания Американцев Ищет Жемчуг! Морские Ящеры Кидают в Людей Жемчужинами!

Фред сел на песок.

— Клянусь богом, Джэди права! Дети, мы обязаны послать это в газеты!

Ли тоже села.

— Джэди, душечка Джэди, сними нас еще раз, только спереди!

— Ты бы много потеряла, милочка! — возразила Джэди.

— Дети, — сказал мистер Эйб, — давайте лучше искать. А то начинается прилив.

Во тьме, у линии воды, зашевелилась черная колеблющаяся тень. Ли взвизгнула:

— Там... там...

Три фонарика направили круги света в ту сторону. Но это оказалась всего лишь коленопреклоненная Грета, которая искала в темноте жемчуг.

Ли держала на коленях капитанскую фуражку с двадцатью одной жемчужиной. Эйб наполнял рюмки, а Джэди меняла пластиинки на граммофоне. Необъятная звездная ночь простирала свой покров над вечно ропущим морем.

— Так какой же мы дадим заголовок? — шумел Фред.

— «Дочь промышленника из Милуоки снимает для фильма ископаемых ящеров»!

— «Допотопные пресмыкающиеся поклоняются красоте и молодости», — поэтически предложил Эйб.

— «Яхта „Глория Пикфорд“ открывает неведомые существа», — посоветовал капитан. — Или «Загадка острова Тахуара».

— Это годилось бы только как подзаголовок, — сказал Фред. — Заголовок должен говорить больше.

— Скажем: «Фред-бейсболист воюет с чудовищами», — отозвалась Джэди. — Фред был прямо замечателен, когда устремился на них. Только бы это хорошо вышло на пленке.

Капитан откашлялся.

— Я, собственно, бросился туда первым, мисс Джэди! Но не будем говорить об этом. Я считаю, господа, что заголовок должен быть научным. Трезвым и... одним словом, научным: «Предлювиальная фауна* на Тихоокеанском острове».

— Предлидувиальная, — поправил Фред. — Нет, предвидуальная, черт, как же это? Антилиювиальная. Антедувиальная. Нет, не годится. Надо дать какой-нибудь более простой заголовок, чтобы каждый мог выговорить. Ну, Джэди, ты же у нас на все руки мастер!..

— Антедилювиальная, — сказала Джэди.

Фред покачал головой.

— Слишком длинно, Джэди. Длиннее, чем те чудища, вместе с хвостом. Заголовок должен быть кратким. Но Джэди прямо изумительна, правда? Скажите, капитан, разве она не замечательна?

— Да, — согласился капитан, — превосходная барышня.

— Вы — славный парень, капитан, — признательно сказал молодой атлет. — Ребята, наш капитан — молодчина! Но предлювиальная фауна — это чушь. Это не газетный заголовок. Скорее уж «Влюбленные на острове жемчужин» или что-нибудь в этом роде.

— Тритоны осыпают жемчугом Белую Лилию! — крикнул Эйб. — «Дань Посейдона царства!», «Новая Афродита!»

— Чушь!.. — возмущенно запротестовал Фред. — Никаких тритонов никогда не было. Это, брат, научно установленный факт. И никакой Афродиты тоже не было. Правда, Джэди?.. «Сражение людей с древними ящерами! Отважный капитан кидается на допотопных чудовищ!» Понимаешь, в заголовке должна быть изюминка!

— Экстренный выпуск!.. — голосил Эйб. — «Киноартистка подверглась нападению морских чудовищ! Sex appeal¹ современной женщины побеждает первобытных ящеров! Вымершие пресмыкающиеся предпочитают блондинок!»

— Эйб! — произнесла Ли. — У меня есть идея...

— Какая?

— Для фильма. Получится шикарная штука, Эйб. Представь себе, что я купаюсь на берегу моря...

— Белое трико тебе страшно идет, Ли!.. — поспешил вставил Эйб.

— Да?.. Ну, и тритоны влюбились в меня и утащили на дно морское. И я стала их королевой.

— На дне морском?

— Да, под водой. В их таинственном царстве, понимаешь? У них ведь там есть города и вообще все.

— Крошка, но ты ведь утонешь!

— Не бойся, я умею плавать, — беззаботно возразила Ли. — И только один раз в день я выплывала бы на берег подышать воздухом. — Ли изобразила упражнения для дыхания, сочетающие выпячивание груди с плавными движениями рук. — Примерно так, понимаешь? А на берегу в меня влюбится... хотя бы молодой рыбак. А я в него. Безумно!.. — вздохнула крошка. — Знаешь, он был бы такой красивый и сильный... А тритоны захотят его утопить, но я бы его спасла, и мы удалились бы в его хижину. А тритоны будут осаждать нас... Ну, а потом уж на помощь явитесь вы.

— Ли, — серьезно сказал Фред, — это до того глупо, что, ей-богу, это можно снять. Я буду просто удивлен, если старый Джесс не сделает из этого грандиозный фильм.

¹ Зов пола (англ.).

Фред оказался прав. В свое время был сделан грандиозный фильм производства «Джесс Леб пикчер» с мисс Лили Валлей в главной роли. Кроме нее, в фильме было занято шестьсот нереид, один Нептун и двенадцать тысяч статистов, наряженных допотопными ящерами. Но пока до этого допло, утекло много воды и совершилось много событий, а именно:

1. Захваченное животное, помещенное в ванне в туалетной каюте Ли, в течение двух дней пользовалось живейшим вниманием всего общества; на третий день оно перестало двигаться, и мисс Ли утверждала, что бедняжка тоскует; на четвертый день оно начало издавать зловоние и пришлое его выбросить, так как разложение зашло уже довольно далеко.

2. Из кадров, снятых на берегу лагуны, годными оказались только два. На первом — Ли, присев от страха на корточки, машет руками на обступивших ее животных. Все утверждали, что это шикарный снимок. На втором можно было видеть, как трое мужчин и одна девушка ползают на коленях, уткнувшись носом в землю; они были сняты саади и производили впечатление людей, поклоняющихся какому-то божеству. Этот кадр был отвергнут.

3. Что касается намеченных газетных заголовков, то сотни американских и всяких других газет, еженедельников и ежемесячников использовали почти все из них (в том числе и «антедилювиальную фауну»); под этими заголовками описывалось все происшествие в мельчайших подробностях и с многочисленными иллюстрациями: крошка Ли среди ящеров, отдельно — Ли в купальном костюме, отдельно — ящер в ванне, мисс Джэди, мистер Эйб Леб, Фред-бейсболист, капитан яхты, отдельно — яхта «Глория Пикфорд», отдельно — остров Тараива, отдельно — жемчужины на черном бархате. Тем самым карьера крошки Ли была обеспечена; она даже категорически

отказалась выступить в варьете и заявила газетным репортерам, что намерена посвятить себя исключительно Искусству.

4. Нашлись, однако, люди, которые, опираясь на свой авторитет ученых специалистов, утверждали, что — насколько можно судить по снимкам — речь идет отнюдь не о первобытных ящерах, а о-каком-то виде саламандр. Еще более крупные специалисты утверждали даже, что этот вид саламандр науке не известен, а следовательно, и не существует. В печати происходили по этому поводу долгие споры, конец которым положил профессор Дж. У. Гопкинс (Иельский университет), заявивший, что он изучил представленные снимки и считает их мистификацией (*hoax*) или кинотрюком; изображенные на них животные несколько напоминают исполинскую саламандру, скрытожаберную (*Cryptobranchus japonicus*, *Sieboldia maxima*, *Tritomegas sieboldii* или *Megalobatrachus sieboldii*), но это источная и неумелая дилетантская подделка. После этого заявления научная сторона вопроса довольно долго считалась исчерпанной.

5. Наконец, по прошествии подобающего срока, мистер Эйб Леб женился на мисс Джэди. Его лучший друг, Фред-бейсболист, был шафером на его свадьбе, отпразднованной с величайшей пышностью при участии многочисленных выдающихся представителей политических, артистических и иных кругов.

8. ANDRIAS SCHEUCHZERI

Человеческая любознательность не имеет границ. Людям было недостаточно того, что профессор Дж. Гопкинс (Иельский университет), величайший в то время авторитет в области науки о земноводных, объявил эти загадоч-

ные существа антинаучным вздором и сплошной выдумкой. В научных изданиях и в газетах стали все чаще и чаще встречаться известия о появлении в самых различных районах Тихого океана неведомых доселе животных, похожих на исполинскую саламандру. По более или менее достоверным данным, этих животных можно было найти на Соломоновых островах, на острове Шоутепа, на Кампингамаранги, Бутарита и Тапетеуэ, на группе островков Нукуфетау, Фунафути, Нуканоно и Фукаофу, наконец, даже на Хиау, Уахука, Уапу и Пукапука. Приводились рассказы о чертях капитана ван Тока (распространенные главным образом в Меланезии) и о тритонах мисс Лили (чаще всего упоминаемых в Полинезии); газеты (больше потому, что наступил летний сезон и не о чем было писать) решили, что речь идет о разных видах допотопных подводных страшилищ. Подводные страшилища пользовались значительным успехом у читателей. Тритоны вошли в моду особенно в Соединенных Штатах; в Нью-Йорке выдержало триста представлений роскошно поставленное обозрение «Посейдон» с участием трехсот самых хорошеных тритонид, переид и сирен; в Майами и на калифорнийских пляжах молодежь купалась в костюмах тритонов и переид (три нитки жемчуга и больше ничего), а в Центральных штатах и штатах Среднего Запада необычайно разрослось «Движение за искоренение безнравственности (ДИБ)»; дело дошло до публичных манифестаций, причем несколько негров были повешены и несколько сожжены.

Наконец, в «Национальном географическом ежемесячнике» появился бюллетень научной экспедиции Колумбийского университета (организованной на средства Дж. С. Тинкера, так называемого «консервного короля»); сообщение подписали П. Л. Смит, В. Клейншмидт, Чарльз Ковар, Луи Форферон и Д. Эрреро, то есть мировые

знаменитости в области рыбных паразитов, кольчатых червей, биологии растений, инфузорий и тлей. Приводим выдержки из этого обширного сообщения.

...На острове Ракаханга экспедиция наткнулась на следы задних ног неизвестной до сих пор исполнской саламандры. Отпечатки пятитипальные, длина пальцев от трех до четырех сантиметров. Судя по количеству следов, побережье острова Ракаханга, видимо, кишмя кишит этими саламандрами. Так как отпечатков передних ног не оказалось (за исключением одного четырехпальмого следа, принадлежащего, очевидно, детенышу), то экспедиция пришла к выводу, что эти саламандры передвигаются, вероятно, на задних конечностях...

Надо отметить, что на острове Ракаханга нет ни реки, ни болота; саламандры, следовательно, живут в море и являются, вероятно, единственными представителями своего вида, населяющими пелагические области. Известно, впрочем, что мексиканские аксолотли (*Ambystoma mexicanum*) обитают в соленых озерах, однако о пелагических (то есть живущих в море) саламандрах мы не находим упоминания даже в классическом труде В. Корнгольда «Хвостатые земноводные (Urodeles)», Берлин, 1913.

...Мы ждали до вечера, желая поймать или хотя бы увидеть живой экземпляр, но напрасно. С сожалением покинули мы прелестный островок Ракаханга, где Д. Эррero посчастливилось найти прекрасную новую разновидность клопа...

Гораздо больше повезло нам на острове Тонгарева. Мы ждали на берегу с ружьями в руках. После захода солнца из воды показались головы саламандр — сравнительно крупные и умеренно сплюснутые. Вскоре саламандры вылезли на песок; они раскачивались при ходьбе, по довольно быстро передвигались па задних ногах. Когда они сидели, их тела возвышались над землей на метр с небольшим. Они расселись широким полукругом и начали своеобразно раскачиваться, извиваясь верхней половиной тела; казалось, будто они танцуют. В. Клейншмидт привстал, чтобы лучше видеть. Тогда саламандры повернули к нему головы и на мгновение совершенно замерли; потом стали приближаться к нему с большой быстротой, издавая свистящие и лающие звуки. Когда они были на расстоянии примерно семи шагов, мы выстрелили в них из ружей. Они обратились вспешное бегство и бросились в море; в тот вечер они больше не показыва-

лись. На берегу остались только две мертвые саламандры и одна с перебитым позвоночником, издававшая своеобразные звуки, вроде «божемой, божемой, божемой». Она издохла, когда В. Клейншмидт вскрыл ей грудную клетку...

(Далее следуют анатомические подробности, которых мы, профаны, все равно не поняли бы; читателей-специалистов мы отсылаем к цитируемому бюллетеню.)

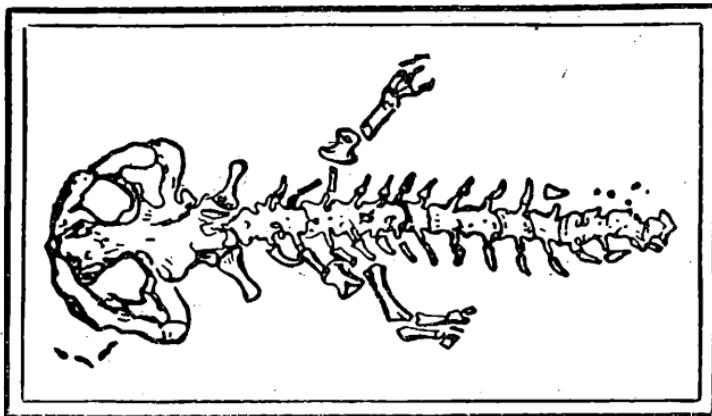
Как известует из приведенных данных, речь идет о типичном представителе отряда хвостатых земноводных (*Urodeла*), к которому, как известно, принадлежит семейство саламандр (*Salamandrida*), подразделяющееся на род тритонов (*Tritones*) и черных саламандр (*Salamandrae*), а также семейство головастиковых саламандр (*Ichthyoidae*), подразделяющихся на саламандр скрытожаберных (*Cryptobranchiata*) и прозрачножаберных (*Phanerobranchiata*). Саламандра, обнаруженная на острове Тонгарева, находится, по-видимому, в наиболее близком родстве с головастиковыми саламандрами скрытожаберными; во многих отпоплениях, особенно своими размерами, она напоминает японскую исполинскую саламандру (*Megalobatrachus Sieboldii*) или американского скрытожаберника, прозванного «болотный черт», но отличается от них хорошо развитыми органами чувств, а также более длинными и сильными конечностями, которые позволяют ей передвигаться достаточно проворно как в воде, так и на суше.

(Следуют дальнейшие подробности из области сравнительной анатомии.)

Когда мы отпрепарировали скелеты убитых животных, то обнаружили любопытнейшую вещь: оказалось, что скелеты этих саламандр почти полностью совпадают с отпечатком скелета ископаемой саламандры, который был найден на каменной плите в английских каменоломнях д-ром Иоганном Якобом Шейхцером* и описан им в его сочинении «*Homo diluvii testis*»¹, изданным в 1726 году. Напоминаем менее осведомленным читателям,

* «Человек, современный потопу» (лат.).

что названный д-р Шейхцер считал свою находку останками до-
потопного человека.

«Помещаемый здесь рисунок, — писал он, — который я предлагаю ученыму миру в виде изящно исполненной гравюры на дереве, бесспорно и вне всяких сомнений, изображает человека, бывшего свидетелем всемирного потопа; здесь нет ни одной линии, которая пущдалась бы в буйном воображении, дабы, отправляясь от нее, измыслить нечто подобное человеку; но везде имеется полное соответствие с отдельными частями человеческого скелета и полная соразмерность. Окаменелый человек виден здесь спереди; сие — памятник вымершего человечества, более древний, чем все римские, греческие и даже египетские и все вообще восточные гробницы». Впоследствии Кьювье распознал в эннингенском отпечатке скелет окаменелой саламандры, которая получила название *Cryptobranchus primaevus*, или *Andrias Scheuchzeri Tschudi* и считалась представительницей давно вымершего вида. Путем остеологического сравнения нам удалось установить идентичность найденной нами саламандры с якобы вымершей древней саламандрой *Andrias*. Таинственный праящер, как его называли в газетах, есть нечто иное, как скопированная скрыто-жаберная саламандра *Andrias Scheuchzeri*, или, если нужно новое название, — *Cryptobranchus Tinckeri erectus*, она же исполинская саламандра полинезийская...»

...Остается загадкой, каким образом эта интересная исполинская саламандра ускользала до сих пор от внимания науки, несмотря на то, что по крайней мере на островах Ракаханга, Тонгарева и на группе островов Манихики она водится в огромном количестве. Даже Рандольф и Монтгомери в своем труде «Два года на островах Манихики» (1885) не упоминают о ней. Местные жители утверждают, что это животное (которое они, между прочим, считают ядовитым) впервые появилось здесь лишь шесть-восемь лет назад. Они уверяют, будто «морские черти» умеют говорить (!) и строят в населяемых ими бухтах целые системы насыпей и плотин, наподобие подводных городов; будто в их бухтах вода в течение всего года бывает такой же спокойной, как в аквариуме; будто они роют для себя под водой поры и проходы длиною в десятки метров, где и находятся в течении дня, а ночью якобы воруют на полях сладкие бататы и ямы, а также похищают у людей мотыги и другие орудия. Вообще люди их не любят и даже боятся; во многих случаях жители предпочли перебраться в другие места. Здесь мы явно имеем дело с примитивными сказками и поверьями, объясняемыми, пожалуй, отвратительным видом безобидных исполинских саламандр и тем, что они ходят на двух ногах, несколько напомнивая этим человека...

...С большой осторожностью следует относиться к сообщениям путешественников, согласно которым эти саламандры обнаружены еще и на других островах, кроме Манихики. Зато в отпечатке задней ноги, который был найден на берегу острова Тонгатабу капитаном Круассье (спимок опубликован в «Ля Натюр»), можно без всяких колебаний признать след *Andrias'a Scheuchzeri*. Эта находка имеет особо важное значение, так как она устанавливает связь между островами Манихики и австралийско-новозеландским районом, где сохранилось столько остатков древнейшей фауны: напомним, в частности, «до потопного» ящера (гаттерию, или туатару), до сих пор живущего на острове Стивена. На таких пустынных, но большей части малонаселенных и почти не затронутых цивилизацией островках могли сохраниться отдельные экземпляры тех видов животных, которые в других местах уже вымерли. К ископаемому ящеру (гаттерии) благодаря мистеру Дж. С. Тинкеру прибавилась ныне допотопная саламандра. Славный д-р Иоганн Якоб Шейхцер мог бы увидеть теперь воскресение своего энигемского Адама...

Этого ученого бюллетеня, несомненно, было бы достаточно для исчерпывающего выяснения вопроса о загадочных морских чудовищах, которые вызвали столько толков. К несчастью, одновременно с ним появилось сообщение голландского исследователя Хогенхука, который отнес эту скрытохаберную исполинскую саламандру к семейству истинных саламандр, или тритонов, под названием *Megatriton moluccanus* и определил область ее распространения принадлежащие Голландии острова Зондского архипелага — Джилоло, Моротаи и Церам; затем был напечатан доклад французского ученого д-ра Миньяра, который, признав новое животное типичной саламандрой, указал, что родиной ее являются принадлежащие Франции острова Такароа, Рангироа и Рароира, и назвал ее просто-напросто *Cryptobranchus salamandroides*; далее была опубликована статья Г. У. Спенса, объявившего этих саламандр новым семейством *Pelagidac*, а острова Джильберта — их родиной; этот ученый дал новому виду саламандр научное наименование *Pelagotriton Spencei*. Мистеру Спенсу удалось доставить один живой экземпляр в лондонский зоологический сад; здесь саламандра стала предметом дальнейших исследований, вследствие чего обрела новые названия — *Pelagobatrachus Hookeri*, *Salamandrops maritimus*, *Abranchus giganteus*, *Amphiuma gigas* и многие другие. Некоторые ученые утверждали, что *Pelagotriton Spencei* тождествен с *Cryptobranchus Tinckeri* и что саламандра Миньяра не что иное, как *Andrias Scheuchzeri*. В связи с этим возникло много споров о приоритете и прочих чисто научных вопросах. В результате получилось так, что естествознание каждой страны отстаивало собственных исполинских саламандр и с яростным ожесточением отвергало исполинских саламандр других наций. Из-за этого наука так и не достигла достаточной ясности в чрезвычайно важном вопросе о саламандрах.

ЭНДРЮ ШЕИХЦЕР

Как-то раз в четверг, когда лондонский зоологический сад был закрыт для публики, мистер Томас Греггс, стояж в павильоне земноводных, чистил бассейн и террариум своих питомцев. Он находился в полном одиночестве в отделении саламандр, где были выставлены американский скрытохаберник, японская исполинская саламандра, *Andrias Scheuchzeri* и множество мелких тритонов, саламандрид, аксолотлей, угрей, сирен, протеев и т. д. Мистер Греггс орудовал тряпкой и шваброй, насвистывая песенку об Энни-Лори, как вдруг кто-то сзади произнес скрипучим голосом:

— Смотри, мама!

Мистер Томас Греггс оглянулся, но там никого не было; только скрытохаберник щелкал языком, сидя в своей тине, да большая черная саламандра, этот Андриас, опиралась передними лапками о край бассейна и вертела туловищем. «Это мне показалось», — подумал мистер Греггс и продолжал мести пол с таким усердием, что пыль столбом стояла.

— Смотри: саламандра! — раздалось сзади.

Мистер Греггс быстро обернулся; черная саламандра, этот Андриас, смотрела на него, мигая нижними веками.

— Бррр! Ну и противный же!.. — сказала вдруг саламандра. — Пойдем отсюда, дружок!

Мистер Греггс раскрыл рот от изумления.

— Что?

— Он не кусается? — прошептала саламандра.

— Ты... ты умеешь говорить? — запинаясь, пробормотал мистер Греггс, не веря своим ушам.

— Я боюсь его, — заявила саламандра. — Мама, что он ест?

— Скажи «здравствуйте», — произнес ошеломленный мистер Грэггс.

Саламандра завертела всем туловищем.

— Зздравствуйте!.. — заскрипела она. — Зздравствуйте! Зздравствуйте! Можно дать ему булочку?

Мистер Грэггс в смятении полез в карман и вытащил оттуда кусок булки..

— На вот тебе...

Саламандра взяла булку в лапку и начала ее грызть.

— Смотри: саламандра!.. — удовлетворенно похрюкивала она. — Папа, почему она такая черная?

Вдруг она нырнула в воду, выставив одну голову.

— Почему она в воде? Почему? У-у, какая противная.

Мистер Томас Грэггс удивлённо почесал затылок. Ага, она повторяет то, что слышала от людей.

— Скажи «Грэггс», — потребовал он.

— Скажи Грэггс, — повторила саламандра.

— Мистер Томас Грэггс.

— Мистер Томас Грэггс.

— Зздравствуйте, сэр!

— Зздравствуйте, сэр. Зздравствуйте. Зздравствуйте.

Казалось, саламандра не может наговориться вдоволь; но Грэггс уже не знал, что бы сказать ей еще; мистер Томас Грэггс был человеком не слишком красноречивым.

— Помолчи пока, — сказал он, — вот справлюсь с работой, поучу тебя говорить.

— Помолчи пока, — проворчала саламандра. — Зздравствуйте, сэр. Смотри: саламандра. Поучу тебя говорить...

Дирекция зоологического сада бывала недовольна, когда сторожка учили своих животных каким-нибудь штукам; слои — куда ни шло, но остальные животные наход-

дятся здесь для образовательных целей, а не для того, чтобы давать представления, как в цирке. Вот почему мистер Грэггс облекал свои визиты в отделение саламандр покровом тайны, выбирая часы, когда там уже никого не оставалось. А так как он был вдов, то никто не удивлялся его затворничеству в павильоне земноводных. У каждого человека свои причуды. К тому же отделение саламандр мало посещалось публикой. Крокодил еще пользовался широкой популярностью, но *Andrias Scheuchzeri* проводил дни в относительном одиночестве.

Однажды, когда уже наступили сумерки и павильоны закрывались, директор зоологического сада сэр Чарльз Виггэм обходил некоторые отделения, чтобы проверить, все ли в порядке. Когда он проходил по отделению саламандр, в одном из бассейнов послышался плеск воды и кто-то скрипучим голосом произнес:

— Добрый вечер, сэр!

— Добрый вечер, — удивленно ответил директор. — Кто там?

— Извините, сэр, — сказал скрипучий голос. — Вы не мистер Грэггс.

— Кто там? — повторил директор.

— Энди, Эндрю Шейхцер.

Сэр Чарльз подошел поближе к бассейну. Там была только саламандра, неподвижно стоявшая на задних лапах.

— Кто здесь разговаривал?

— Энди, сэр, — сказала саламандра. — А вы кто?

— Виггэм, — произнес сэр Чарльз вне себя от изумления.

— Очень приятно, — учтиво молвил Энди. — Как живете?

— Что за черт! — взревел сэр Чарльз. — Грэггс! Э-эй, Грэггс!

Саламандра вздрогнула и молниеносно скрылась под водой. В дверях появился запыхавшийся и взволнованный мистер Грэггс.

— Да, сэр?

— Что это значит, Грэггс? — крикнул сэр Чарльз.

— Что-нибудь случилось, сэр? — беспокойно пробормотал мистер Грэггс.

— Это животное разговаривает!

— Извините, сэр, — удрученно ответил мистер Грэггс. — Нельзя этого делать, Энди. Я вам тысячу раз говорил, что вы не должны надоедать людям своими разговорами. Прошу прощения, сэр, больше это не повторится.

— Это вы научили саламандру говорить?

— Но... она начала первая, сэр, — оправдывался Грэггс.

— Надеюсь, что больше этого не будет, Грэггс, — строго сказал сэр Чарльз. — Я прослежу за вами.

Спустя некоторое время сэр Чарльз сидел с профессором Петровым, беседуя о так называемом интеллекте животных, об условных рефлексах и о том, как широкая публика переоценивает умственные способности животных. Профессор Петров высказал свои сомнения насчет эльберфельдских лошадей, которые якобы умели не только считать, но даже возводить в степень и извлекать корни; ведь даже средний образованный человек не умеет извлекать корни, заметил учёный. Сэр Чарльз вспомнил о говорящей саламандре Грэггса.

— У меня здесь есть саламандра... — нерешительно начал он. — Это знаменитый *Andrias Scheuchzeri*... ну, и она научилась говорить, как попугай.

— Исключено, — возразил ученый. — У саламандр не-подвижно приросший язык.

— Пойдемте посмотрим, — возразил сэр Чарльз. — Сегодня день чистки, так что там будет мало народу.

И они пошли. У входа к саламандрам сэр Чарльз остановился. Изнутри доносился скрип швабры и монотонный голос, читающий по слогам.

— Подождите, — прощентал сэр Чарльз Виггэм.

— «Есть ли на Марсе люди?» — тянул по слогам монотонный голос. — Читать это?

— Что-нибудь другое, Энди, — ответил другой голос.

— «Кто возьмет дерби в пынешнем году — Пелгэм-Бьюти или Гобернадор?»

— Пелгэм-Бьюти, — сказал второй голос, — по всему прочти это.

Сэр Чарльз потихоньку открыл дверь. Мистер Томас Грэггс тер пол шваброй, а в аквариуме с морской водой сидел *Andreas Scheuchzeri* и медленно, скрипучим голосом читал по слогам вечернюю газету, держа ее в передних лапах.

— Грэггс! — позвал сэр Чарльз.

Саламандра метнулась и исчезла под водой. Мистер Грэггс от испуга выронил швабру.

— Да, сэр?

— Что это значит?

— Прошу прощения, сэр — пробормотал, залипаясь, несчастный Грэггс. — Энди читает мне, пока я подметаю. А когда он подметает, я читаю ему...

— Кто его научил?

— Это он сам подглядел, сэр... я... я даю ему свои газеты, чтобы он не болтал столько. Он все время хочет говорить, сэр. И я подумал, сэр, пусть он по крайней мере научится говорить, как образованные люди...

— Энди! — позвал сэр Чарльз.

Из воды выплынула черная голова.

- Да, сэр? — проскрипела она.
- На тебя пришел посмотреть профессор Петров.
- Очень приятно, сэр. Я — Энди Шейхцер.
- Откуда ты знаешь, что тебя зовут *Andrias Scheuchzeri*?
- Здесь написано, сэр. Андреас Шейхцер. Острова Джильберта.
- И часто ты читаешь газеты?
- Да, сэр. Каждый день, сэр.
- А что тебя больше всего интересует?
- Судебная хроника, бега и скачки, футбол...
- Ты когда-нибудь видел футбол?
- Нет, сэр.
- А лошадей?
- Не видал, сэр.
- Почему же ты читаешь это?
- Потому, что это есть в газетах, сэр.
- Политика тебя не интересует?
- Нет, сэр. «Будет ли война?»
- Этого никто не знает, Энди.
- «Германия готовит новый тип подводных лодок, — озабоченно выговорил Энди. — Лучи смерти могут превратить в пустыню целые континенты».
- Это ты тоже прочел в газетах, а? — спросил сэр Чарльз.
- Да, сэр. «Кто возьмет дерби в наше время — Пелгэм-Бьюти или Гобернадор?»
- А ты как думаешь, Энди?
- Гобернадор, сэр; но мистер Грэггс считает, что Пелгэм-Бьюти. — Энди покачал головой. — «Покупайте английские товары», сэр. «Подтяжки

Снайдера — самые лучшие. Вы уже приобрели новый шестицилиндровый танкредюниор? Быстроходный, дешевый, элегантный».

— Спасибо, Энди, хватит.

— «Какая киноартистка нравится вам больше всех?»

Профессор Петров взъерошил волосы и ощетинил усы.

— Простите, сэр Чарльз, — проворчал он, — но мне пора идти.

— Хорошо, идемте. Энди, ты не будешь возражать, если я направлю к тебе нескольких ученых джентльменов? Я думаю, они охотно поговорят с тобой.

— Буду очень рад, сэр, — прокрипела саламандра. — До свидания, сэр Чарльз! До свидания, профессор!

Профессор Петров торопливо шел, раздраженно фыркая и что-то ворча себе под нос.

— Простите, сэр Чарльз, — сказал он наконец, — но не можете ли вы показать мне какое-нибудь животное, которое не читает газет?..

Ученые джентльмены — это были доктор медицины сэр Бертрэм Д. М., профессор Эбиггэм, сэр Оливер Додж, Джолиан Фоксли и другие. Приводим выдержку из стенограммы их беседы с *Andrias'om Scheuchzeri*.

— Как вас зовут?

— Эндрю Шейхцер.

— Сколько вам лет?

— Не знаю. Хотите иметь моложавый вид? Носите корсет Либелла.

— Какой сегодня день?

— Понедельник. Отличная погода, сэр. В эту субботу на скачках в Ипсоме побежит Гибралтар.

- Сколько будет трижды пять?
- Для чего это?
- Считать умеете?
- Да, сэр. Сколько будет двадцать девять на семнадцать?
- Предоставьте спрашивать *нам*, Эндрю. Назовите английские реки.
- Темза.
- А еще?
- Темза.
- Других не знаете? Кто царствует в Англии?
- Король Георг. Да хранит его бог!
- Хорошо, Энди! Кто величайший английский писатель?
- Киплинг.
- Очень хорошо. Вы читали что-нибудь из его произведений?
- Нет. Как вам нравится Мэй Уэст *?
- Лучше мы будем спрашивать *вас*, Энди. Что вы знаете из английской истории?
- «Генриха Восьмого» *.
- Что вы о нем знаете?
- Наилучший фильм последних лет. Феерическая постановка. Изумительное зрелище.
- Вы видели этот фильм?
- Не видал. Хотите узнать Англию? Купите Форд-малютку.
- Что вы больше всего хотели бы видеть, Энди?
- Гробные гонки Кембридж — Оксфорд, сэр.
- Сколько существует частей света?
- Пять.
- Очень хорошо. Назовите их.
- Англия и остальные.
- Назовите остальные.
- Это большевики и немцы. И Италия.
- Где находятся острова Джильберта?
- В Англии. Англия не станет связывать себе руки на континенте. Англии необходимы десять тысяч самолетов. Посетите южный берег Англии.
- Разрешите осмотреть ваш язык, Энди?
- Да, сэр. Чистите зубы пастой «Флит». Самая экономная. Наилучшая из всех. Английская продукция. Хотите, чтобы у *вас* хорошо пахло изо рта? Пользуйтесь пастой «Флит».
- Спасибо. Хватит. А теперь скажите нам, Энди...

И так далее. Стенограмма беседы с *Andrias'om Scheuchzeri* занимала шестнадцать полных страниц и была опубликована «Нэчурэл сайэнс».

В конце стенограммы комиссия экспертов следующим образом формулировала результаты произведенного ею освидетельствования:

1. *Andrias Scheuchzeri*, саламандра, содержащаяся в лондонском зоологическом саду, умеет говорить, хотя и несколько скрипучим голосом; расшолагает приблизительно четырьмястами слов; говорит только то, что слышала или читала. Само собой разумеется, что о самостоятельном мышлении у нее не может быть и речи. Язык у нее достаточно подвижный; голосовые связки мы при данных обстоятельствах не могли исследовать более подробно.

2. Названная саламандра умеет читать, но только вечерние газеты. Интересуется теми же вопросами, что и средний англичанин, и реагирует на них подобным же образом, то есть в соответствии с общепринятыми, традиционными взглядами. Ее духовная жизнь — поскольку можно говорить о таковой — ограничивается мнениями и представлениями, распространенными в настоящий момент среди широкой публики.

3. Ни в коем случае не следует переоценивать ее интеллект, так как он ни в чем не превосходит интеллекта среднего человека наших дней.

Несмотря на этот трезвый вывод экспертов, Говорящая Саламандра сделалась сенсацией лондонского зоологического сада. «Душку Энди» осаждали толпы людей, жаждущих побеседовать с ним на всевозможнейшие темы, начиная от погоды и кончая экономическим кризисом и политической ситуацией. При этом Энди получал от своих посетителей столько конфет и шоколада, что заболел тяжелой формой желудочного и кишечного катара. В конце концов пришлось закрыть доступ в отделение саламандр, но было уже поздно. *Andrias Scheuchzeri*, известный под именем Энди, пал жертвой своей популярности. Как видно, слава деморализует даже саламандр.

ПРАЗДНИК В НОВОМ СТРАШЕЦЕ

Пан Повондра, швейцар в доме Бонди, на сей раз проводил отпуск в своем родном городе. Завтра должен был быть храмовый праздник, и когда пан Повондра вышел из дома, держа за руку своего восьмилетнего Франтика, то по всему Новому Страшцу пахло свежевыпеченными сдобными пирогами, а на улицах мелькали женщины и девушки, спешившие отнести к пекарю приготовленное тесто. На площади уже поставили свои ларьки два кондитера, торговец стеклянными и фарфоровыми изделиями и голосистая дама, продававшая всевозможные галантейные товары. Был там еще балаган, закрытый со всех сторон брезентовыми полотнищами. Маленький человек, стоя на лесенке, как раз прикреплял вывеску.

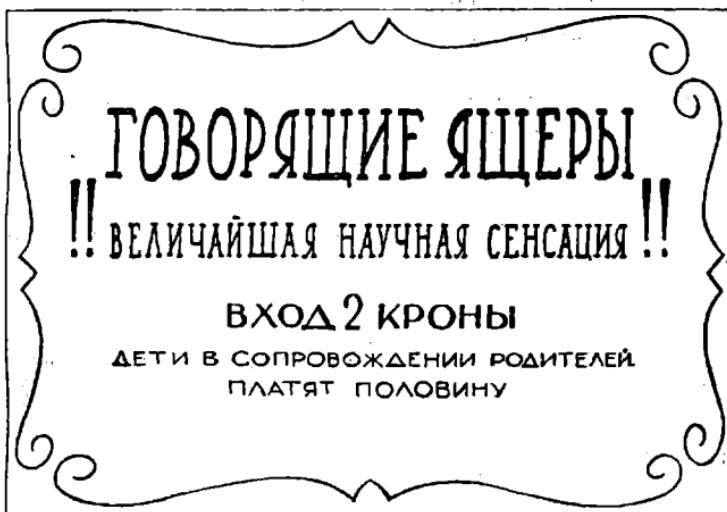
Пан Повондра остановился, желая посмотреть, что на ней написано.

Тощий человечек слез с лесенки и удовлетворенно взглянул на прибитую вывеску. И пан Повондра с изумлением прочитал:

КАПИТАН И. ВАН ТОХ
И ЕГО
АДРЕССИРОВАННЫЕ
САЛАМАНДРЫ

Пан Повондра вспомнил большого толстого человека в капитанской фуражке, которого он когда-то впустил к пану Бонди. «До чего докатился бедняга, — участливо подумал пан Повондра, — капитан, и вот разъезжает по свету с таким дрянным цирком. А ведь был крепкий, здоровый человек! Надо бы повидаться с ним», — расчувствовался пан Повондра.

Тем временем маленький человечек повесил у входа в балаган другую вывеску:

Пан Повондра заколебался. Две кроны да еще крону за мальчугана — это, конечно, дорого, но Франтик хорошо учится, а знакомство с животным миром далеких стран полезно для образования. Пан Повондра готов был на некоторые жертвы ради образования и потому подошел поближе к маленькому тощему человечку.

— Вот что, приятель, — сказал он, — я хотел бы поговорить с капитаном ван Тохом.

Человечек выпятил грудь, обтянутую полосатым трико.

— Это я, сударь.

— Вы капитан ван Тох? — удивился пан Повондра.

— Да, — сказал человечек и показал якорь, вытатуированный на его запястье.

Пан Повондра растерянно моргал глазами. Чтобы капитан так ссохся? Нет, это невозможно...

— Дело в том, что я лично знаком с капитаном, — пояснил он. — Моя фамилия Повондра.

— Ну, тогда другое дело, — ответил человечек. — Но эти саламандры в самом деле от капитана ван Тоха. Гарантированные, настоящие австралийские ящеры, сударь. Будьте любезны, заходите внутрь. Сейчас как раз начнется большоное представление, — кудахтал он, приподнимая полотнище у входа.

— Пойдем, Франтик, — сказал Повондра-отец и вошел внутрь.

Необычайно высокая и толстая дама поспешно уселилась за маленький столик. «Странная парочка!» — удивленно подумал пан Повондра, выкладывая свои три кроны. Внутри балагана не было ничего, кроме довольно неприятного запаха и железного бака.

— Где же ваши саламандры? — спросил пан Повондра.

— В той ванне, — равнодушным голосом ответила гигантская дама.

— Не бойся, Франтик, — сказал Повондра-отец и подошел к баку.

Что-то черное, напоминающее по величине старого сома, безжизненно лежало в воде; только кожа на затылке немножко подымалась и снова опадала.

— Вот это и есть та допотопная саламандра, о которой столько писали газеты!.. — назидательно произнес Повондра-отец, ничем не выдавая своего разочарования. («Опять дал себя надуть, — подумал он, — но мальчику незачем об этом знать. Эх, жалко трех крон!»)

— Папа, почему она в воде? — спросил Франтиш.

— Потому, что саламандры живут в воде, понимаешь?

— Папа, а что она ест?

— Рыбу и тому подобное, — сказал Повондра-отец. (Должно же оно чем-нибудь питаться!)

— А почему она такая уродливая? — приставал Франтиш.

Пан Повондра не знал, что отвечать, но в это время в балаган вошел маленький человечек.

— Итак, прошу вас, дамы и господа, — начал он осипшим голосом.

— У вас только одна саламандра? — укоризненным тонаом осведомился пан Повондра. («Были бы хоть две, — мелькнула у него мысль, — а то на одну такие деньги ухлопал!»)

— Вторая издохла, — ответил человечек. — Итак, дамы и господа, перед вами знаменитый Аидриаш, редкий и ядовитый ящер с австралийских островов. У себя на родине он достигает человеческого роста и ходит на двух ногах. Ну-ка! — сказал он и ткнул в то черное и безжизненное, что неподвижно лежало в воде.

Черное зашевелилось и с трудом поднялось. Франтиш подался назад, по пан Повондра крепко сжал его руку: не бойся, мол, я здесь, с тобой.

Теперь оно стояло на задних ногах, опираясь передними о край бака. На затылке судорожно трепетали жабры, раскрытая черная пасть ловила воздух. Обвисшая кожа была ободрана до крови и усеяна бородавками;

круглые лягушечьи глаза временами как-то болезненно закрывались, исчезая под пленкой нижних век.

— Как видите, дамы и господа, — продолжал человечек хриплым голосом, — это животное обитает в воде; поэтому оно снабжено жабрами и легкими, чтобы могло дышать, когда выходит на берег. На задних ногах у него по пять пальцев, а на передних по четыре, и оно умеет брать ими разные предметы. На!

Животное зажало в пальцах прут и держало его перед собой, словно шутовской скипетр.

— Умеет также завязывать веревку узлом, — объявил человечек, взял у животного прут и дал ему грязную бечевку.

Животное с минуту подержало ее в пальцах и в самом деле завязало узелок.

— Умеет также бить в барабан и танцевать, — прокудахтал человечек и дал животному детский барабанчик и палочку.

Животное несколько раз ударило в барабан и повертело верхней половиной туловища; при этом оно уронило палочку в воду.

— Я т-тебя, гадина!.. — выругался человечек и выловил палочку из воды. — Это животное, — продолжал он затем, торжественно повышая голос, — обладает таким умом и способностями, что умеет говорить, как человек.

И он хлопнул в ладони.

— Guten Morgen! — проскрипело животное, болезненно подергивая нижними веками. — Добрый день!..

Пан Повондра был почти испуган, но на Франтика это не произвело особенного впечатления.

— Что надо сказать почтенным господам? — строго спросил человечек.

— Добро пожаловать,— поклонилась саламандра; края ее жаберных щелей судорожно сжимались. — Willkommen. Ben venuti¹.

— Считать умеешь?

— Умею.

— Сколько будет шестью семь?

— Сорок два, — с усилием проквакала саламандра.

— Видишь, Франтик, — наставительно заметил Повондра-отец, — как она хорошо считает!

— Дамы и господа, — кукарекал человечек, — вы можете сами задавать вопросы.

— Ну, спроси ее что-нибудь, Франтик, — предложил папа Повондра.

Франтик сконфуженно замялся.

— Сколько будет восемью девять? — выдавил он наконец; по его мнению, видимо, это был самый трудный из всех возможных вопросов.

Саламандра медленно закрыла и вновь открыла глаза.

— Семьдесят два.

— Какой сегодня день? — спросил папа Повондра.

— Суббота.

Папа Повондра изумленно покачал головой.

— И вправду, как человек! Как называется этот город?

Саламандра открыла пасть и закрыла глаза.

— Она уже устала, — поспешно объяснил человечек. — Что надо сказать господам?

Саламандра поклонилась.

— Мое почтение. Покорнейше благодарю. Всего хорошего. До свидания.

— Это... Это особенное животное!.. — удивился папа Повондра; но так как три кроны все-таки большие деньги,

¹ Добро пожаловать (*нем. и итал.*).

то он добавил: — А больше у вас ничего нет такого, что можно было бы показать ребенку?

Человечек в раздумье пощипывал подбородок.

— Это все, — сказал он: — Раньше я держал обезьянок, но с ними получилась такая история... — пояснил он. — Разве показать вам жену? Она была прежде самой толстой женщиной в мире. Марушка, иди сюда!..

Марушка с трудом поднялась с места.

— В чем дело?

— Покажись господам, Марушка!

Самая толстая женщина в мире кокетливо склонила голову набок, выставила одну ногу вперед и подняла юбку выше колена. Под юбкой оказался красный шерстяной чулок, облескавший нечто разбухшее, массивное, как окорок.

— Объем поги вверху — восемьдесят четыре сантиметра, — объяснил тощий человечек, — но при теперешней конкуренции Марушка уже не самая толстая женщина в мире.

Пап Повоидра потянул потрясенного Франтика из багажа.

— Покорный слуга, — заскрипело из бака, — заходите онять. Auf Wiedersehen¹.

— Ну, как, Франтик, — спросил пап Повоидра, когда они вышли. — Понял все?

— Понял, — сказал Франтик. — Папа, а почему у этой тети красные чулки?

11. О ЧЕЛОВЕКОЯЩЕРАХ

Было бы явной натяжкой утверждать, что в ту пору ни о чем другом не говорили и не писали, кроме как о говорящих саламандрах. Говорили и писали также о бу-

¹ До свидания (*nem.*).

дущей войне, об экономическом кризисе, о футбольных матчах, о витаминах и о новых модах. И все-таки о говорящих саламандрах писали очень много и главное — очень ненаучно. Именно поэтому один из выдающихся ученых, профессор д-р Владимир Угер (из университета в Брно), написал для газеты «Лидове новини» статью, в которой отметил, что мнимая способность *Andrias'a Scheuchzeri* к членораздельной речи, то есть, строго говоря, способность повторять, как попугай, произнесенные другими слова, с научной точки зрения далеко не так интересна, как некоторые другие вопросы, касающиеся этого своеобразного земноводного. Научная загадка, представляемая *Andrias'om Scheuchzeri*, заключается совсем в другом, как, например: откуда он взялся; где его первоначальная родина, в пределах которой он пережил целые геологические периоды; почему он так долго оставался неизвестным, тогда как теперь выясняется, что он чрезвычайно распространен почти во всей экваториальной области Тихого океана? По-видимому, в последнее время он размножается необычайно быстро; откуда же взялась эта изумительная жизненная сила у первобытного существа третичного периода, если до недавнего времени его существование носило совершенно скрытый, то есть, по-видимому, крайне спорадический характер, причем, вероятнее всего, в топографически изолированных местах? Изменились ли в благоприятную сторону жизненные условия этой доисторической саламандры, вследствие чего для редкостного пережитка миоценовой эпохи настал новый период необычайно высокого развития? В таком случае не исключено, что *Andrias* будет не только количественно размножаться, но и эволюционировать в своем качественном развитии и что нашей науке представится единственная в своем роде возможность наблюдать

мощный мутационный процесс хотя бы одного из животных видов. То, что *Andrias* может проскрипть несколько десятков слов и научиться нескольким штукам, в чем профаны видят проявление какого-то интеллекта, — это с научной точки зрения вовсе не чудо; действительным чудом является тот могучий жизненный порыв, который столь внезапно и полно возродил застывшее на низком уровне развития и почти совершенно вымершее семейство земноводных. Здесь есть некоторые особенные обстоятельства: *Andrias Scheuchzeri* — единственная саламандра, живущая в море, и (что еще более очевидно) единственная саламандра, которая водится в эфиопско-австралийской области, в мифической Лемурии*. Разве не хочется сказать, что природа как бы стремится поспешно наверстать одну из упущеных жизненных возможностей и завершить развитие одной из форм, которую она в этом районе оставила в забвении или не могла прокормить? И далее: было бы странно, если бы во всей океанской области, отделяющей японских исполинских саламандр от аллегапских, не оказалось ни одного связующего звена между ними. Если бы *Andrias*'а не было, то мы должны были бы предположить его существование как раз в тех местах, где он действительно обнаружен; можно сказать, что он просто-напросто заполнил теперь то свободное пространство, в котором он в силу географических и эволюционных взаимозависимостей должен был водиться издавна. Но, как бы то ни было, писал в заключение научный профессор, на примере этого эволюционного воскрешения миоценовой саламандры мы с благоговейным изумлением убеждаемся, что Гений Развития на нашей планете еще далеко не завершил своей созидающей работы.

Эта статья появилась, несмотря на молчаливое, но твердое убеждение редакции, что такие ученые рассужде-

ния не годятся, в сущности, для газеты. Вскоре после этого профессор Угер получил следующее письмо от одного из читателей.

Милостивый государь!

В прошлом году я купил в Чаславе дом на площади. При осмотре дома я нашел на чердаке ящик со старыми, редкими научными книгами, как-то: Гыбловский журнал «Гиллос»* за 1821—1822 годы, «Млекопитающие» Яна Сватоплuka Пресла*, «Основы природоведения, или физики» Войтеха Седлачка*, девятнадцать томов общедоступного энциклопедического сборника «Крок»* и тринадцать «Ежегодников Чешского музея»*. В пресловском переводе «Рассуждений о катаклизмах земной коры» Кювье (1834)* я нашел вложенную туда в виде закладки вырезку из старой газеты, где было напечатано сообщение о каких-то странных ящерах. Прочитав Вашу статью о загадочных саламандрах, я вспомнил об этой закладке и отыскал ее. Думаю, она могла бы Вас заинтересовать, а потому, будучи горячим другом природы и Вашим усердным читателем, посыпаю ее Вам.

С совершенным почтением

И. В. Найман

На приложенной в письме вырезке не было ни названия газеты, ни даты; судя по правописанию и шрифту, она относилась к двадцатым или тридцатым годам прошлого столетия; бумага так пожелтела и истерлась, что трудно было читать. Профессор Угер чуть было не бросил ее в корзину, но ветхость этого листочка почему-то растрогала его; он начал читать. Через минуту он пробор-

мотал: «Дьявол!» и взволнованно поправил очки. Текст вырезки гласил:

О человекоящерах *

В одной иноземной газете мы прочитали, что некий капитан (командир) английского военного корабля, возвратившийся из далеких стран, представил донесение о страшных пресмыкающихся, которых он встретил на одном маленьком островке в Австралийском море. На этом острове есть озеро с соленой водой, отделенное, впрочем, от моря и весьма мало доступное; означенный капитан и корабельный лекарь отдыхали здесь; вдруг из озера вышли животные вроде ящериц, величиной с морскую собаку или тюленя, ступающие на двух ногах, как люди, и пачками презабавно и па особенный лад, словно танцуя, вортиться на берегу. Командир и лекарь, выстрелив из ружей, уложили двоих из этих животных. Тело у них скользкое, без шерсти и без какой-либо чешуи, так что в этом они похожи на саламандр. Явившиеся пазавтра за ними, капитан и лекарь вынуждены были из-за сильного

зловония оставить их на месте и приказали матросам обшарить озеро неводом и доставить на корабль живым несколько этих страшилиц. Обшарив озеро, моряки погребли всех ящериц (в огромном количестве) и доставили на корабль только двух, заявив, что тело у них ядовитое и живется, как крацива. После этого животных поместили в бочки с морской водой, чтобы доставить их до Англии живыми. Но не тут-то было! Когда корабль проходил в виду острова Суматры, пленные ящерицы, вылезши из бочек и отворивши сами оконце подпалубного помещения, выпрыгнули почтю в море и скрылись. По свидетельству командира и корабельного хирурга, эти животные очень забавны и хитры, ходят на двух ногах и как-то странно лают и чмокают, однако для человека вовсе не опасны. А поскольку их с полным правом можно было бы назвать человекоящерами.

На этом вырезка кончалась. «Дьявол!» — в волнении повторил профессор Угер. Почему здесь нет ни даты, ни названия газеты, из которой кто-то когда-то вырезал

это? И что это за «иноzemная газета», как имя этого «пекоего командаира», что это за «английский корабль»? И что за островок в Австралийском море? Неужели люди тогда не могли выражаться несколько точнее и... ну, скажем, чуточку научнее? Ведь это исторический документ, которому цены нет!..

Островок в Австралийском море — ладно. Озерцо с соленой водой. По-видимому, это был коралловый остров, атолл с малодоступной соленой лагуной: как раз подходящее место, где могло бы сохраниться искональное животное в естественной резервации, изолированное от среды, стоящей на более высокой ступени развития. Конечно, оно не могло особенно размножаться, так как не находило в озере достаточно пищи. Это ясно, сказал себе профессор. Животное, похожее на ящерицу, но без чешуи и ходящее на двух ногах, как люди; значит — или *Andrias Scheuchzeri*, или другая саламандра, находящаяся в близком родстве с ним. Допустим, что это был наш *Andrias*. Допустим, проклятые матросы истребили его в том озере, а одна пара была доставлена живьем па корабль; пара, которая — не тут-то было! — удрала в море у острова Суматры. То есть на самом экваторе, где биологические условия в высшей мере благоприятны, а пищи неограниченное количество! Возможно ли, чтобы эта перемена среди дала миоценовой саламандре такой мощный толчок к развитию? Допустим, она привыкла к соленой воде; представим себе ее новое место расселения в виде спокойной закрытой бухты с большим обилием корма; что тогда? Саламандра, попав в оптимальные условия, начнет стремительно развиваться с изумительной жизненной энергией. Это так! — ликовал ученый. Отныне саламандра с неукротимой стихийной силой движется по пути развития, она цепляется за жизнь, как сумасшедшая; она размножается в страшном количестве, потому что

в новой среде ее яйцам и головастикам не угрожают больше специфические враги. Она заселяет остров за островом; впрочем, странно, что в своем шествии она как бы перепрыгивает через некоторые острова. В остальном же это типичный случай миграции в поисках пищи. Теперь вопрос: почему она не развивалась раньше? Не связано ли это с тем, что в эфиопско-австралийской области не известны или не были до сих пор известны какие-либо саламандры? Не происходило ли в этой области в миоценовую эпоху каких-либо перемен, биологически неблагоприятных для саламандр? Это возможно. Мог, например, появиться какой-нибудь специфический враг, который полностью истребил саламандр. И только на одном островке, в закрытом озерце миоценовая саламандра удержалась — впрочем, дорогой ценой: она остановилась в своем развитии; процесс ее эволюции был прерван; получилось нечто вроде скрученной пружины, которая не могла распрямиться. Не исключено, что природа имела большие виды на эту саламандру, что ей *предстояло* развиваться все дальше и дальше, все выше и выше — кто знает, до каких пределов?.. (Профессор Угер почувствовал, как при этой мысли у него забегали по спине мурашки; кто знает, не должен ли был *Andrias Scheuchzeri* стать человеком миоценовой эпохи?..)

Но «не тут-то было»! Это *недоразвившееся* животное внезапно попадает в новую, несравненно более благоприятную для него среду; скрученная пружина распрямляется... С каким жизненным порывом, с каким миоценовым размахом и рвением устремляется *Andrias* по пути развития! С какой лихорадочной спешностью наверстывает он сотни тысяч и миллионы лет, упущеные в его эволюции! Мыслимо ли, чтобы он удовольствовался той стадией развития, на которой находится сейчас? И кто может ныне сказать, каких высот достигнет он при том

мощном размахе своей эволюции, свидетелями которой мы являемся, — либо он стоит еще только на пороге этой эволюции и лишь готовится устремиться вверх!

Таковы были мысли и предположения, которые профессор Владимир Угер набрасывал на бумагу, сидя над пожелтевшей вырезкой из старой газеты, трепеща от восторга первооткрывателя. «Пошли это в газету, — решил он, — потому что научной периодики никто не читает. Пусть все знают, к какому великому процессу в природе мы приближаемся! И назову это: «Есть ли будущее у саламандр?»

Однако в редакции «Лидовых новин» взглянули на статью профессора Угера и только покачали головой. Опять саламандры! Мне кажется, наши читатели уже по горло сыты саламандрами. К тому же такие учёные рассуждения не годятся для газеты. В результате статья о развитии и будущем саламандр так и не увидела света.

12. СИНДИКАТ «САЛАМАНДРА»

Председатель Г. Х. Бонди позвонил в колокольчик и поднялся с места.

— Милостивые государи, — начал он, — имею честь объявить чрезвычайное общее собрание акционеров Тихookeанской экспортной компании открытым. Приветствую всех присутствующих и благодарю их за участие в нашем многолюдном собрании.

— Господа, — продолжал он взволнованно, — на мою долю выпала тяжелая обязанность сообщить вам печальное известие. Капитана ван Тоха больше нет. Умер наш, если можно так выражаться, основатель, отец, которому пришла в голову счастливая идея завязать торговые сношения с тысячами островов далекого Тихого океана, наш первый капитан и самый преданный сотрудник. Он

скончался в начале этого года на борту нашего парохода «Шарка», недалеко от острова Фаннинга, скончался от апоплексического удара при исполнении служебных обязанностей. («Видно, какой-нибудь скандал устроил», — подумал Бонди.) Прощу вас почтить его светлую память вставанием.

Присутствующие поднялись, гремя стульями, и застыли в торжественном молчании, обеспокоенные одной и той же мыслью: как бы общее собрание не слишком затянулось. («Бедный мой товарищ ван Тох, — с искренним огорчением думал Г. Х. Бонди. — Что-то с ним теперь? Скорее всего, спустили в море на доске. Вот, должно быть, плюхнулся! Н-да, славный был малый, и глаза такие голубые...»)

— Благодарю вас, господа, — коротко добавил Г. Х. Бонди, — что вы с таким чувством воздали должное памяти моего личного друга, капитана ван Тоха. Прощу господина директора Волавку доложить нам, к каким хозяйственным итогам пришла ТЭК в текущем году. Цифры еще не окончательные, но не следут ожидать, чтобы они могли существенно измениться к концу года. Итак, пожалуйста!..

— Милостивейшие государи, — зажурчал г-н директор Волавка — и пошел, и пошел. — Положение со сбытом жемчуга в высшей степени не удовлетворительно. Когда в прошлом году добыча жемчуга возросла почти в двадцать раз по сравнению с благоприятным для нас тысяча девятьсот двадцать пятым годом, жемчуг начал катастрофически падать в цене, и это падение дошло до шестидесяти пяти процентов. Правление решило поэтому не выпускать на рынок добычу нынешнего года, а держать ее на складе, пока не повысится спрос. К сожалению, с осени прошлого года жемчуг вышел из моды, очевидно потому, что он так подешевел. В настоящий момент в на-

шем амстердамском отделении находится на складе свыше двухсот тысяч жемчужин, которые сейчас почти невозможно сбыть.

— Наоборот, в текущем году, — продолжал журчать директор Волавка, — добыча жемчуга значительно понизилась. Пришлось отказаться от ряда месторождений, потому что доходы от них не окупают стоимости рейсов в эти места. По-видимому, месторождения, открытые два или три года назад, в большей или меньшей степени исчерпаны. Правление решило поэтому обратить внимание на другие продукты морских глубин, как-то: кораллы, раковины и губки. И действительно, рынок кораллов и других украшений удалось оживить, но пока эта коньюнктура пошла на пользу больше итальянским, чем тихоокеанским, кораллам.

Правление изучает также вопрос о возможности интенсивного рыболовства в водах Тихого океана. Главный вопрос заключается в том, как доставлять тамошнюю рыбу на европейские рынки: имеющаяся пока информация по слишком благоприятна.

— В противоположность этому, — читал дальше директор, слегка повысив голос, — несколько возросли обороты по торговле разными побочными товарами, а именно: вывоз на Тихоокеанские острова текстильных изделий, эмалированной посуды, радиоаппаратуры и перчаток. Эта торговля имеет тенденцию к дальнейшему расширению и развитию; уже в текущем году ее баланс будетведен со сравнительно ничтожным дефицитом. Однако совершенно исключено, чтобы компания выплатила в конце года какие-либо дивиденды по своим акциям. В связи с этим правление заранее оповещает, что на этот раз оно отказывается от всяких тантем и вознаграждений...

Наступило длительное и тягостное молчание. («Как он выглядит, этот остров Фаппинга? — думал Г. Х. Бонди.

— Бедняга ван Тох умер как настоящий моряк. Жалко его, славный был парень. И не такой уж старый... не старше меня...) Наконец слова попросил д-р Губка. Дальше мы приводим протокол чрезвычайного общего собрания акционеров Тихоокеанской экспортной компании.

Д-р Губка спрашивает, не имеется ли в виду ликвидация ТЭК?

Г. Х. Бонди отвечает, что по этому вопросу правительство решило выждать дальнейших предложений.

Луи Бопифац выражает упрек, что у компании не было на местах постоянных представителей для приемки жемчуга, которые контролировали бы, производится ли добыча жемчуга достаточно интенсивно и технически правильно.

Директор Волавка указывает, что этот вопрос подвергался обсуждению, но было признано, что такая мера слишком увеличила бы административные расходы предприятия. Потребовалось бы не меньше трехсот постоянно оплачиваемых агентов; благоволите также принять в соображение невозможность контролировать, сдают ли эти агенты весь найденный жемчуг.

М. Х. Бринкелер спрашивает, можно ли полагаться на то, что саламандры действительно сдают весь жемчуг, который находят, и не отдают ли его еще кому-нибудь,

кроме доверенных лиц компаний.

Г. Х. Бонди констатирует, что это первое публичное упоминание о саламандрах. До сих пор компания придерживалась правила не приводить подробностей о том, каким способом производится добыча жемчуга. Он подчеркивает, что именно поэтому было выбрано скромное название — Тихоокеанская экспортная компания.

М. Х. Бринкелер задает вопрос, воспрещается ли здесь говорить о вещах, затрагивающих интересы компании, которые к тому же давно известны самой широкой общественности.

Г. Х. Бонди отвечает, что это не воспрещается, но является повышением. Он рад, что отныне можно говорить об этом открыто. На первый вопрос г-на Бринкелера он может ответить, что, по его сведениям, нет никаких оснований сомневаться в полнейшей честности и работоспособности саламандр, занятых на добыче жемчуга и кораллов. Надо, однако, считаться с тем, что известные нам до сих пор

месторождения жемчуга в значительной мере исчерпаны или будут исчерпаны в более или менее близком будущем. Именно в поисках новых месторождений умер наш незабвенный сотрудник капитан ван Тох на пути к островам, не эксплуатировавшимся до сих пор. Пока что мы не можем заменить его человеком, который обладал бы таким же опытом, такой же безупречной честностью и любовью к делу.

Полковник Д. У. Брайт полностью признает заслуги покойного капитана ван Тоха. Однако он отмечает, что капитан, о кончиле которого мы глубоко скорбим, слишком нянчился с упомянутыми саламандрами. (*Возгласы одобрения.*) Не было никакой надобности снабжать саламандр ножами и другими инструментами такого первоклассного качества, как это делал покойный ван Тох. Не было никакой надобности так много тратить на их кормежку. Можно было бы значительно снизить расходы, связанные с содержанием саламандр, и тем самым повысить доходность наших предприятий. (*Шумные аплодисменты.*)

Вице-председатель Дж. Джильберт соглашается с полковником Брайтом, но подчеркивает, что при жизни капитана ван Тоха это было неосуществимо. Капитан

ван Тох уверял, что у него имеются личные обязательства по отношению к саламандрам. По разным причинам было невозможно и нежелательно оставлять без внимания требования старика.

Курт фон Фриш спрашивает, нельзя ли использовать саламандр как-нибудь иначе, более выгодно, чем па добыче жемчуга. Следовало бы подумать о их природенных, так сказать, «бобровых способностях» к постройке плотин и прочих сооружений под водой. Можно было бы использовать их для углубления гаваней, постройки молов и для других технических работ под водой.

Г. Х. Бонди сообщает, чтоправление тщательно рассматривает этот вопрос; в этом отношении, бесспорно, открываются огромные возможности. Он указывает, что число саламандр, находящихся в собственности компаний, составляет в настоящее время приблизительно пять миллионов; если учесть, что одна саламандра дает в год около ста головастиков, то в будущем году мы будем иметь в своем распоряжении до трехсот миллионов саламандр; через десять лет численность их достигнет прямо-таки астрономической цифры. Г. Х. Бонди спрашивает, чтобы компания намерена делать с этим необычайным

множеством саламандр, которых уже сейчас — за недостатком естественного корма — приходится подкармливать на саламандровых фермах концой, картофелем, кукурузой и т. д.

Курт фон Фриш спрашивает, съедобны ли саламандры.

Дж. Джильберт. Ни в коем случае. К тому же их кожа пи на что не годится.

Бонанфан задает правительству вопрос, что же в таком случае оно намерено предпринять.

Г. Х. Бонди (*встает*). Милостивые государи! Мы созвали настоящее чрезвычайное общее собрание для того, чтобы открыто заявить о крайне неблагоприятных перспективах нашей компании, которая — позвольте мне с гордостью напомнить это — в прошлые годы приносila дивиденды в размере от двадцати до двадцати трех процентов, помимо прочих консолидированных резервных фондов и различных отчислений. Теперь мы стоим на распутье; тот способ ведения дел, который оправдывал ваши ожидания в прошлые годы, на практике изжит; нам остается лишь искать новые пути. (*Возгласы: «Превосходно!»*)

Я усмотрел бы, господа, веление судьбы в том факте, что именно в этот момент нас покинул наш замечательный

капитан и преданный друг И. ван Тох. С его личностью была связана романтическая, красивая и — скажу прямо — довольно сумасбродная идея торговли жемчугом. Я считаю ее уже законченной главой нашей деятельности; она имела свое, так сказать, экзотическое очарование, по не годилась для современной эпохи. Милостивые государи! Жемчуг не может быть объектом грандиозного вертикально и горизонтально разветвленного предприятия. Лишь для меня это дело с жемчугом служило только небольшим развлечением. (*Движение в зале*.) Да, господа, развлечением, которое и вам и мне принесло порядочно денег. Кроме того, на первых порах нашей деятельности саламандры обладали, я сказал бы, некоторой прелестью новизны. Триста миллионов саламандр не будут уже обладать такой прелестью. (*Смех*.)

Я сказал «новые пути». Пока был жив мой добрый друг, капитан ван Тох, исключена была всякая возможность придать нашему предприятию иной характер, чем тот, который я назвал бы стилем капитана ван Тоха. (*С места: «Почему?»*) Потому что у меня слишком много вкуса, чтобы смешивать различные стили. Стиль капитана ван Тоха — это был, я бы сказал, стиль

приключенческих романов. Это был стиль Джека Лондона, Джозефа Конрада и т. п. Старый экзотический, колониальный, почти героический стиль. Не отрицаю, он по-своему увлекал меня. Но после смерти капитана ван Тоха мы не имеем права продолжать эту авантюрную ребяческую эпоху. Перед нами, господа, не новая глава, а новая концепция, открывающая перспективы новых и притом существенно иных творческих планов. (С места: «Вы говорите об этом, как о романе!») Да, милостивый государь, вы правы! Торговля интересует меня как художника. Без известного творческого воображения вы никогда не выдумаете ничего нового. Мы должны быть позитами, если не хотим, чтобы мир остановился. (Аплодисменты. Г. Х. Бонди кланяется.)

Я, господа, с сожалением подвожу черту под этой, так сказать, вантоховской главой: в пей мы изжили то, что было авантурного и детского в нас самих. Пора кончить сказку о жемчуге и кораллах. Синдбад Мореход умер, господа. Вопрос в том, что предпринять теперь. (С места: «Об этом мы вас спрашиваем!») Ну, так вот, господа: благоволите взять карандаши и пишите. Шесть миллионов. Написали? Помножьте на пятьдесят. Получается три-

ста миллионов, не так ли? Помножьте опять на пятьдесят. Это пятнадцать миллиардов, правда? А теперь, господа, будьте так добры, посоветуйте, что нам делать через три года с пятнадцатью миллиардами саламандр? Как мы их используем, как мы их прокормим и так далее... (С места: «Ну и пусть передохнут!») Да, по разве не жалко? Разве вы не учитываете, что каждая саламандра представляет собой некоторую экономическую ценность, ценность рабочей силы, которая ждет своего применения? Господа, с шестью миллионами саламандр мы еще можем кое-как управиться. С тремястами миллионами это будет потруднее. Но пятнадцать миллиардов саламандр, господа, — это уже просто захлестнет нас с головой. Саламандры съедят компанию. Вот так. (С места: «Вы будете отвечать за это! Вы затеяли все дело с саламандрами!»)

Г. Х. Бонди (поднял голову). Я полностью принимаю на себя ответственность, господа! Кто хочет, может немедленно избавиться от акций Тихоокеанской экспортной компании. Я готов заплатить за каждую акцию... (С места: «Сколько?») Полную стоимость, милостивый государь! (Общий шум. Президиум объявляет перерыв на десять минут.)

По возобновлении заседания слова просит М. Х. Бринкелер. Он выражает свое удовлетворение по поводу того, что саламандры столь бурно размножаются, тем самым увеличивая имущество компании. Однако, господа, было бы явной нелепостью разводить их даром: если у нас самих нет для них подходящей работы, то я от имени группы акционеров предлагаю просто-напросто продавать саламандр как рабочую силу вся кому, кто собирается предпринять какие-либо работы в воде или под водой. (*Аплодисменты.*) Прокормить саламандру стоит всего несколько сантимов в день; если продавать пару саламандр, скажем, за сто франков и если рабочая саламандра может выжить, допустим, хотя бы один год, то любой предприниматель шутя окупит такое капиталование. (*Возгласы одобрения.*)

Дж. Джильберт отмечает, что саламандры достигают значительно большего возраста, чем один год; у нас, собственно, нет точных сведений о продолжительности их жизни, основанных на длительных наблюдениях.

М. Х. Бринкелер вносит после этого поправку к своему проекту, предлагая, чтобы цена одной пары саламандр была в таком случае повышенна до трехсот франков с доставкой в порт.

С. Вейсбергер спрашивает, какие, собственно, работы могли бы выполнять саламандры.

Директор Волавка. По своим врожденным инстинктам и по необычайной технической сметке саламандры годятся для строительства плотин, дамб и волнорезов, для углубления гаваней и каналов, для удаления мелей и илистых напосов, для очистки водных путей сообщения; они могут укреплять и регулировать морские побережья, расширять пространство, занятное сушей, и тому подобное. Во всех этих случаях речь идет о колоссальном труде, требующем сотни и тысячи рабочих рук, о работах настолько обширных, что даже современная техника никогда не отважится взяться за них, пока не будет иметь в своем распоряжении неслыханно дешевую рабочую силу. (*Возгласы: «Правильно!», «Превосходно!»*)

Д-р Губка высказывает предположение, что, продавая саламандр, которые смогут, вероятно, размножаться и у новых владельцев, компания потеряет монополию на саламандр. Он предлагает не продавать, а только отдавать внаем предпринимателям водных сооружений рабочие колонны надлежащим образом выдрессированных саламандр, ставя условием, чтобы их возможное

потомство поступало в собственность компании.

Директор Волавка указывает, что невозможно уследить в воде за миллионами или даже миллиардами саламандр, а тем паче за их потомством: к сожалению, много саламандр было украдено для зоологических садов и зверинцев.

Полковник Д. У. Брайт. Следовало бы продавать или отдавать внаем только саламандр-самцов, чтобы они не могли размножаться нигде, кроме саламандровых инкубаторов и ферм, составляющих собственность компании.

Директор Волавка. Мы не можем утверждать, что саламандровые фермы составляют собственность компании. Нельзя приобрести в собственность или в исключительное пользование участок морского дна. Юридический вопрос — кому, собственно, принадлежат саламандры, живущие, например, в территориальных водах ее величества королевы пидерландской, — очень паясен и может вызвать много споров. (*Волнение в зале.*) В большинстве случаев за нами не обеспечено даже право рыболовства: мы, господа, устраивали свои саламандровые фермы на Тихоокеанских островах, так сказать, нелегально. (*Волнение усиливается.*)

Дж. Джильберт отвечает полковнику Брайту, что,

по имеющимся наблюдениям, изолированные саламандры-самцы через некоторое время утрачивают свою бодрость и работоспособность; они становятся вялыми, безжизненными и гибнут от тоски.

Курт фон Фриш спрашивает, нельзя ли перед продажей охолощать или стерилизовать саламандр.

Дж. Джильберт. Это было бы слишком дорого; короче, мы не можем помешать дальнейшему размножению проданных саламандр.

С. Вайсбергер, как член Общества покровительства животным, просит, чтобы намечаемая продажа саламандр производилась гуманным способом, не оскорбляющим человеческих чувств.

Дж. Джильберт благодарит за это указание; само собой разумеется, что поимка и перевозка саламандр будут поручены обученному персоналу и подчинены соответствующему надзору. Однако мы не можем отвечать за то, как будут обращаться с саламандрами предприниматели, которые их купят.

С. Вайсбергер заявляет, что он удовлетворен разъяснениями вице-председателя Дж. Джильберта. (*Аплодисменты.*)

Г. Х. Бонди. Прежде всего, господа, откажемся от мысли сохранить в будущем

монополию на саламандр. К сожалению, согласно действующему законодательству, мы не можем получить на них патент. (Смех.) Свое привилегированное положение в области торговли саламандрами мы можем и должны закрепить другим способом. Но в качестве необходиимой предпосылки для этого мы должны взяться за дело в иском стиле и в гораздо более обширном масштабе, чем до сих пор. (Возгласы: «Слушайтесь!») Передо мной, господа, лежит целая пачка предварительных соглашений, и правительство предлагает создать новый вертикальный трест под названием синдикат «Саламандра». Членами синдиката, кроме нашей компании, стали бы определенные крупные предприятия и мощные финансовые группы, например один известный концерн, который будет изготавливать специальные металлические инструменты для саламандр... (С места: «Вы имеете в виду МЕАС?») Да, милостивый государь, я говорю о МЕАС. Затем — химический и пищевой картель, который будет изготавливать дешевый патентованный корм для саламандр; группа транспортных компаний, которая берется на основании имеющегося опыта сконструировать и запатентовать специальные гигиенические резервуары для перевозки саламандр;

блок страховых обществ, который займется страхованием купленных животных па случай увечья или гибели как при перевозке, так и на месте их работы; наконец, разные лица, которые связаны с промышленностью, экспортом и банками и которых пока по весьма серьезным соображениям мы называть не будем. Достаточно, если я скажу вам, господа, что этот синдикат будет располагать на первых порах четырьмястами миллионами фунтов стерлингов. (Волнение.) В этой пачке, друзья мои, находятся соглашения, которые достаточно только подписать, чтобы возникла одна из величайших экономических организаций наших дней. Правление просит вас, господа, предоставить ему полномочия, необходимые для создания этого исполинского концерна, задачей которого будет рациональное разведение и эксплуатация саламандр. (Аплодисменты и возгласы протеста.)

Благоволите, господа, учесть выгоды такого объединения. Синдикат «Саламандра» будет поставлять не только саламандр, но также все инструменты и корм для саламандр, то есть кукурузу, крахмалистые вещества, говяжье сало и сахар для миллиардов подкармливаемых животных; далее синдикат берет на себя перевозку, страхование, ветери-

нарный надзор и прочее, причем все это — по самым низким тарифам, обеспечивающим нам если не монополию, то, во всяком случае, абсолютный перевес над любым конкурирующим предприятием, которое захотело бы продавать саламандр. Пусть кто-нибудь попробует, господа; недолго он будет соперничать с нами. (*Возгласы: «Браво!»*) Но это не все. Синдикат «Саламандра» будет поставлять все материалы для подводных работ, производимых саламандрами; вот почему за нами стоит также тяжелая промышленность, стоит цемент, строевой лес и кирпич... (*С места: «Еще не известно, как саламандры будут работать!»*) Господа, в настоящий момент двадцать тысяч саламандр запяты в сайгонском порту на работах по сооружению новых доков, пристаний и молов. (*С места: «Этого вы нам не говорили!»*) Не говорил. Это первый опыт в большом масштабе. Этот опыт, господа, дал в высшей степени удовлетворительные результаты. Сейчас уже не приходится сомневаться в будущности саламандр. (*Шумные аплодисменты.*)

Но и это не все. Этим далеко еще не исчерпываются задачи синдиката. Синдикат будет подыскивать на всем земном шаре работу для миллионов саламандр. Он будет раз-

рабатывать идеи и общие планы покорения моря. Будет пропагандировать утопию и грандиозные мечты. Будет поставлять проекты новых берегов и каналов, плотин, связывающих между собой целые континенты, искусственных островов для трансокеанской авиации, новых материков, воздвигаемых среди океана. В этом — будущее человечества. Господа, четыре пятых земной поверхности покрыты морем; это, бесспорно, слишком много; карта распределения суши и моря на нашей планете должна быть исправлена. Мы дадим миру рабочих моря, господ. Это будет уже не стиль капитана ван Тоха; приключенческую сказку о жемчугах мы заменим гимном труда. Одно из двух: либо мы останемся мелкими лавочниками, либо будем творить; но если мы не сумеем мыслить в масштабе материков и океанов — значит, мы не доросли до своих возможностей. Здесь рассуждали о том, за сколько надо продавать пару саламандр. Я хотел бы, чтобы мы мыслили в масштабах миллиардов саламандр, десятков миллионов рабочих рук, преобразований земной коры, нового сотворения мира и новых геологических эпох. Мы можем теперь говорить о будущих Атлантидах, о старых континентах, наступающих на всемирный океан, о новых

материках, которые создаст само человечество. Простите, господа, возможно, это звучит для вас как утопия. Да, мы действительно вступаем в царство Утопии. Да, друзья мои, мы уже находимся в нем! Нам остается лишь обдумать техническую сторону вопроса о будущности саламандр... (С места: «И экономическую!»)

Да! Особенno экономическую. Господа, наша компания слишком мала для того, чтобы она сама сумела эксплуатировать миллиарды саламандр. Для этого у нас не хватит ни

финансовых, ни политических возможностей. Если мы начнем менять карту суши и моря, то этим, господа, заинтересуются и великие державы. Не будем говорить об этом; не станем упоминать о высокопоставленных лицах, которые уже сейчас весьма благосклонно относятся к синдикату. Но прошу вас, господа, не упускайте из виду беспредельный размах того дела, за или против которого вы будете сейчас голосовать. (Продолжительные восторженные аплодисменты. Возгласы: «Браво!», «Превосходно!»)

Перед голосованием пришлось, однако, обещать, что по акциям Тихоокеанской экспортной компании в этом году будет выплачен по крайней мере десятипроцентный дивиденд за счет резервных фондов. После этого за предложение правления проголосовало восемьдесят семь процентов акций, и только тринадцать было против. Таким образом, предложение было принято. Синдикат «Саламандра» вступил в жизнь. Г. Х. Бонди поздравляли.

— Вы очень красиво говорили, господин Бонди, — похвалил его старый Сиги Вейсбергер. — Очень красиво. Но скажите, как пришла вам в голову эта идея?

— Как? — рассеянно ответил Г. Х. Бонди. — По совести говоря, господин Вейсбергер, я сделал это в память старика ван Тоха. Он так носился со своими саламандрами... Что он, бедняга, сказал бы, если бы его тара-boys дали поддохнуть или истребили их!

— Каких тара-boys?

— А этих чудовищ саламандр. Теперь, когда они представляют собой какую-то ценность, с ними будут по

крайней мере прилично обращаться. Больше эти твари ни на что не годятся, господин Вейсбергер, разве только для какого-нибудь фантастического предприятия.

— Не понимаю, — сказал Вейсбергер. — А вы видели когда-нибудь саламандру, господин Бонди? Я, собственно, не знаю, что это такое. Скажите, пожалуйста, как они выглядят?

— Этого, господин Вейсбергер, я вам не скажу. Знаю ли я, что такое саламандра? А зачем мне это знать? Разве есть у меня времени заниматься вопросом о том, как они выглядят? Я должен радоваться, что мы сколотили этот синдикат.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ПОЛОВОЙ ЖИЗНИ САЛАМАНДР

Одно из излюбленных занятий человеческого духа — представлять себе, как когда-нибудь в далеком будущем будет выглядеть мир и человечество, какие чудеса техники воплотятся в жизнь, какие социальные проблемы будут решены, как далеко шагнет наука, организация общества и так далее. Однако большинство из этих утопий не упускает случая весьма живо интересоваться вопросом о том, как в этом лучшем, более прогрессивном или по крайней мере технически более совершенном мире будет обстоять дело со столь древним, хотя и по-прежнему популярным институтом, как половая жизнь, размножение, любовь, брак, семья, женский вопрос и тому подобное. Сошлемся на соответствующих литераторов, таких, как Поль Адан*, Г. Дж. Уэллс, Олдос Хаксли* и многие другие.

Ссылаясь на эти примеры, автор считает своей обязанностью, раз уж он решил заглянуть в будущее земного шара, рассмотреть и вопрос о том, какие формы в будущем мире саламандр примет сексуальная жизнь. Он делает это уже здесь, чтобы не возвращаться к той же теме позднее.

Половая жизнь Андриаса Шейхцери в основных своих чертах, естественно, соответствует принципу размножения прочих хвостатых земноводных; это — не в полном смысле слова совокупление: самка откладывает яйца в несколько присмов, оплодотворенные зародыши развиваются в воде, становясь головастиками, и так далее; об этом можно прочитать в любом учебнике естествознания. Упомянем лишь о некоторых особенностях, подмеченных в этой области у Андриаса Шейхцери.

В начале апреля, как пишет Г. Больте, самцы избирают себе самок; в каждом сексуальном периоде самец, как правило, держится одной и той же самки, не отступая от нее ни на шаг в течение нескольких дней. В эту пору он почти совсем не принимает пищи, в то время как самка проявляет значительную прожорливость. Самец гоняется за ней под водой, стараясь плотно прижаться головой к ее голове. Когда это ему удается, он прикладывает свою пасть к ее носу — быть может, для того, чтобы не дать ей убежать от себя, — и застывает в оцепенении. Так, соприкасаясь только головами, тогда как тела их составляют угол почти в тридцать градусов, оба животных как бы парят в воде без малейшего движения. Временами самец начинает так сильно извиваться, что боками своими сталкивается с боками самки; затем он снова цепнеет с широко расставленными ногами, не отрывая пасти от головы своей подруги, которая между тем равнодушно пожирает все, что ей попадается на пути. Этот, если можно так выразиться, поцелуй продолжается несколько дней; иной раз самка отделяется от самца в погоне за пищей, и он

преследует ее в явном волнении и даже в ярости. Наконец самка отказывается от дальнейшего сопротивления, уже не стремится убежать, и обе саламандры висят в воде неподвижно, похожие на два черных связанных полена. Тогда по телу самца пробегают волны судороги, и он выпускает в воду обильную, несколько липкую молоку. Тотчас после этого он покидает самку и прячется под камнями в крайнем изнеможении; в это время ему можно отрезать ногу или хвост — он даже не попытается защищаться.

Самка же остается после этого в течение некоторого времени в состоянии оцепенения; затем она резко прогибается и начинает извергать из клоаки соединенные цепочкой яйца, окутанные слизью. При этом она нередко помогает себе задними ногами, как это делают жабы. Количество яиц колеблется от сорока до пятидесяти, и они комком висят на теле самки. Самка отплывает в защищенное место и прикрепляет яйца к водорослям или даже просто к камням. Через десять дней она откладывает вторую серию яиц, в количестве от двадцати до тридцати, совсем не встречаясь с самцом между первой и второй кладкой; эти яйца, видимо, оплодотворяются прямо у нее в клоаке. Как правило, еще через семь-восемь дней наступает третья и четвертая очередь откладывания яиц, также уже оплодотворенных; на этом третьем этапе количество яиц колеблется от пятнадцати до двадцати. Через промежуток времени от одной до трех недель из яиц выплываются подвижные маленькие головастники с ветвебразными жабрами. Уже через год эти головастники становятся взрослыми саламандрами, способными к размножению.

Рассмотрим теперь наблюдение мисс Бланш Кистемекерс над двумя самками и одним самцом Андриаса Шейхцери, содержащимися в неволе. В период спаривания

самец выбрал себе лишь одну из двух самок и преследовал ее достаточно жестоким образом: когда она от него упывала, он бил ее сильными ударами хвоста. Ему не нравилось, что она принимала пищу, и он стремился оттеснить ее от корма; он явно желал полностью завладеть ее вниманием и прямо терроризировал ее. Выпустив молоку, он набросился на вторую самку с намерением сожрать ее; пришлось удалить его из резервуара и поместить отдельно. Несмотря на это, вторая самка тоже отложила в общем счете шестьдесят три оплодотворенных яйца. Мисс Кистемекерс отметила, однако, что в течение всего периода у всех трех животных края Kloak значительно опухали. Итак, можно прийти к выводу, пишет мисс Кистемекерс, что оплодотворение у Андриаса происходит не путем совокупления и даже не путем излияния молок на яйца, а посредством того, что можно назвать *половой средой*.

Как видно, не требуется даже временного сближения животных, чтобы оплодотворить яйца. Это привело молодую исследовательницу к целому ряду интересных опытов. Она поместила самца и самок отдельно; когда наступила пора спаривания, она выдавила молоки из самца и бросила их в воду самкам. После этого самки начали класть оплодотворенные яйца. В ходе дальнейших экспериментов мисс Кистемекерс профильтровала молоки, а фильтрат, из которого были удалены сперматозоиды (получилась прозрачная, со слабой кислотностью жидкость), вылила в резервуар, где жили самки. И в этом случае самки отложили яйца, каждая примерно по пятьдесят штук, причем большинство из них оказались оплодотворенными и развивались в нормальных головастиков. Именно это привело мисс Кистемекерс к важному открытию *половой среды*, представляющей собой самостоятельное звено между partenогенезом и размножением путем половых сношений. Оплодотворение яиц происходит попросту вследствие химиче-

ского изменения среды (определенного рода окисления, причем нужную кислоту до сих пор не удалось получить искусственным путем). Это изменение каким-то образом связано с половой функцией самца, но в самой этой функции, собственно говоря, нет никакой надобности. Тот факт, что самец соединяется с самкой, представляет собой, видимо, пережиток более древнего этапа развития, когда оплодотворение у Андриаса происходило так же, как и у других земноводных. Это соединение, как правильно подчеркивает мисс Кистемекерс, лишь своего рода унаследованная иллюзия отцовства; в действительности же самец не является отцом головастиков, а всего-навсего совершенно безличным химическим фактором, создающим половую среду, которая и есть единственная оплодотворяющая сила. Если поместить в один резервуар сто пар саламандр Андриас Шейхцери, мы могли бы вообразить, что тут имеет место сто индивидуальных половых актов; в действительности же это — единый акт, а именно — коллективная сексуализация дампой среды, или, если выразиться точнее, определенное окисление воды, на которое созревшие яйца Андриаса реагируют развитием в головастиков. Составьте искусственным путем этот неизвестный нам кислотный агент, и самцы будут не нужны.

Итак, половая жизнь удивительного Андриаса предстает перед нами как Великая Иллюзия; его эротическая страсть, его брачные устремления и половая тирания, его времененная верность, его неуклюжее и медлительное наслаждение — все это, строго говоря, лишние, изжившие себя, почти символические действия, сопровождающие, или, так сказать, украшающие, на самом деле безличный акт оплодотворения, каковым является создание оплодотворяющей половой среды. Странное безразличие, с которым самки принимают это бесцельное, френетическое, индивидуальное ухаживание самцов, явно свидетельствует

о том, что самки инстинктивно чувствуют в этих брачных церемониях всего лишь формальный обряд или вступление к подлинному брачному акту, в ходе которого они, то есть самки, взаимодействуют в половом отношении с оплодотворяющей средой; мы бы сказали, что самка Андриаса яснее понимает это обстоятельство и относится к нему более трезво, без эротических иллюзий.

(Эксперименты мисс Кистемекерс дополнили своими интересными опытами ученый аббат Бонтемпелли. Он высушил и размолол молоку Андриаса и пустил ее в воду, где содержались самки; и в этом случае самки начали откладывать оплодотворенные яйца. Тот же результат получился, когда он высушил и размолол половые органы Андриаса-самца, и тогда, когда он выдержал их в спирто и когда выварил их, а экстракт влил в воду к самкам. Таким же успехом увенчался и его опыт, когда он ввел в резервуар к самкам вытяжку гипофиза самца и даже выделиния подкожных желез самца, взятых в период течки. Во всех этих случаях самки сначала никак не реагировали на примеси; но постепенно они прекращали поиски пищи и застывали без движения, буквально оцепнев, а через несколько часов начинали извергать из себя студенистые яйца величиной примерно с фасоль.)

В этой связи следует упомянуть и о странном обряде — так называемой *пляске саламандр* (имеется в виду не «саламандр-данс», вошедший за последнее время в моду, особенно в высшем обществе, и названный епископом Храмом «самым непристойным танцем, о котором ему когда-либо приходилось слышать»). Сущность пляски саламандр заключается в следующем: вечерами в полнолуние (за исключением периода спаривания) на берег выходят Андриасы, причем *только самцы*, усаживаются в круг и начинают извиваться верхней половиной туловища, извиваться особым, волнообразным движением. Это движение вообще

характерно для крупных саламандр; но во время названной «пляски» они отдаются ей со страстью, исступленно, до полного изнеможения, подобно пляшущим дервишам. Некоторые ученые считали это бешеное кружение и топтание неким культом Луны и, следовательно, принимали его за религиозный обряд; другие в противоположность первым усматривали в нем танец в сущности своей эротический и объясняли его именно той организацией половой жизни, о которой мы уже говорили. Мы сказали, что у Андриаса Шейхцери оплодотворяющей силой является так называемая половая среда, массовый и безличный посредник между самцами и самками. Мы сказали также, что самки воспринимают эти безличные половые отношения куда более реалистично и просто, чем самцы, которые, — по-видимому, из свойственного им инстинктивного тщеславия и воинственности — хотят по крайней мере сохранить видимость полового триумфа и потому разыгрывают роли влюбленных и супругов-собственников. Это — одна из величайших эротических иллюзий, любопытным образом опровергаемая именно плясками, этими большими празднествами самцов, которые есть не что иное, как инстинктивное стремление осознать себя Коллективом Самцов. Существует мнение, что с помощью этого массового танца саламандры подавляют ативистичную и бессмысленную иллюзию полового индивидуализма самцов; извивающаяся, опьяневшая, френетическая толпа — не более не менее, как Массовый Самец, Коллективный Жених и Великий Оплодотворитель, который вершит свой торжественный брачный танец и предается великому свадебному обряду при странным исключении самок, которые тем временем равнодушно чавкают, пожирая разных рыб и сепий. Известный ученый Чарльз Дж. Паулл, назвавший эти саламандровые торжества Пляской Мужского Принципа, пишет: «Разве не видим мы в этих всеобщих обрядах самцов

корень и источник странного колLECTИВИзма саламандр? Ведь если подумать, то подлинную общность в животном мире мы найдем только там, где жизнь и развитие вида опираются не на принцип брачной пары: у пчел, у муравьев и термитов. Общность пчел можно выразить словами: «Я, Материнский Улей». Общность же саламандр выражается совсем иначе: «Мы, Мужской Принцип». Только в совокупности самцы, которые в данный момент чуть ли не всеми своими порами выделяют плодоносную половую среду, и являются Великим Самцом, проникающим в логна самок и щедро воспроизводящим жизнь. Их отцовство колLECTИВНОЕ; поэтому и все естество их колLECTИВНОЕ и проявляется в совместных действиях, в то время как самки, кончив класть яйца, до следующей весны ведут более или менее разобщенную и уединенную жизнь. Община состоит из одних самцов. Только самцы выполняют общие задачи. Нет другого вида животных, где бы самки играли столь второстепенную роль, как у Андриаса; они исключены из жизни общины, да и не проявляют к ней ни малейшего интереса. *Их* время придет, когда Мужской Принцип насытит среду кислотой, едва ли поддающейся химическому анализу, но настолько жизненосной, что она воздействует на организм самок даже в бесконечно малых дозах, растворенная в морской воде. Кажется, сам Океан становится самцом, оплодотворяя миллионы зародышей».

«Если не считать петушиной горделивости, — продолжает Чарльз Дж. Паулл, — природа у большинства животных видов паделила превосходством жизненных сил именно самок. Самцы существуют для собственного удовольствия и для того, чтобы убивать: это надменные и хвастливые одиночки, тогда как самки представляют сам род во всей его силе и со всеми свойственными ему добродетелями. У Андриаса (и частично у человека) соотноше-

ние в корне иное, образование общности самцов и мужской солидарности сообщает самцу явное биологическое превосходство; и самцы определяют развитие этих видов в гораздо большей степени, чем самки. Быть может, именно благодаря такому исключительно мужскому направлению развития у Андриаса столь сильно проявляются *технические*, то есть типично мужские, способности. Андриас — прирожденный техник со склонностью к массовому труду; эти вторичные *мужские* половые признаки, то есть технический талант и склонность к организации, развиваются в нем на наших глазах так быстро и успешно, что можно было бы говорить о чудесах природы, если бы мы не знали, сколь могучим жизненным фактором являются именно половые детерминанты. *Andrias Scheuchzeri* — это *animal faber*¹, и, возможно, уже в ближайшее время он превзойдет в области техники самого человека, причем исключительно в силу того природного факта, что он создал сообщество самцов в чистом виде».

¹ Искусное существо (*лат.*).

ПО СТУПЕНИЯМ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. ПАН ПОВОНДРА ЧИТАЕТ ГАЗЕТЫ

Одни собирают почтовые марки, другие — первопечатные книги. Пан Повондра, швейцар в особняке Г. Х. Бонди, долго не мог найти смысла жизни; много лет он колебался между увлечением древними гробницами и страстью к международной политике; и вдруг однажды вечером ему неожиданно открылось, чего именно недоставало ему до сих пор для полноты жизни. Великие открытия обычно приходят неожиданно...

В тот вечер пан Повондра читал газеты, пани Повоцрова штопала Франтику поски, а Франтик делал вид, будто зубрит левые притоки Дуная. Было уютно и тихо.

— С ума сойти можно!.. — проворчал пан Повондра.

— Что случилось? — спросила его пани Повоцрова, вдевая нитку в иглу.

— Да все эти саламандры, — ответил Повондра-отец. — Вот здесь напечатано, что за последний квартал их было продано семьдесят миллионов штук.

— Это много, правда? — сказала пани Повоцрова.

— Еще бы! Это, матушка, потрясающая цифра. Подумай только — семьдесят миллионов! — Пан Повондра покачал головой. — Люди, наверное, заработали на этом бешеные деньги. А какие работы затеваются! — прибавил он после минутного раздумья. — Вот здесь рассказывается, как повсюду лихорадочно строят новые земли и острова,

Я тебе говорю, что теперь люди могут понаделать столько материков, сколько им заблагорассудится. Это, матушка, великое дело. Это, я тебе скажу, больший прогресс, чем открытие Америки.

Пан Повондра с минуту обдумывал свои слова.

— Новая историческая эпоха, понимаешь? — сказал он. — Да, матушка, мы живем в великие времена.

Снова наступило продолжительное молчание. Внезапно Повондра-отец энергичнее задымил своей трубкой.

— И подумать, что без меня ничего бы не было!

— Чего не было бы?

— Да торговли саламандрами. И «чового века». Если поразмыслить, то не кто иной, как я, пустил в ход все это дело.

Пани Повондрова подняла глаза от дырявого чулка.

— Это как же понимать?

— А так, что я пустил тогда этого капитана к пану Бонди. Если бы я о нем не доложил, капитан в жизни не встретился бы с папом Бонди. Если бы не я, матушка, не вышло бы ничего. Ровно ничего.

— Капитан мог найти кого-нибудь другого, — заметила пани Повондрова.

Трубка Повондры-отца презрительно захрипела.

— Много ты понимаешь! На такую вещь способен только Г. Х. Бонди. Да, уж он-то видит дальше, чем... не знаю кто. Другие увидели бы в этом только сумасбродство или подвох. Но пан Бонди — ого! У него, голубчика, есть иох!..

Пан Повондра задумался.

— Этот самый капитан... как его... да, Вантох... на вид был самый обыкновенный человек. Такой добродушный толстяк... Другой швейцар сказал бы ему — куда, братец? Хозяина нет дома, и так далее. Но у меня словно какое-то предчувствие было, что ли. Доложу-ка я о нем, сказал

я себе; мне, наверное, влетит от пана Бонди, но я возьму на себя грех, доложу. Я всегда говорю, у швейцара должно быть особое чутье. Иной раз позвонит какой-нибудь тип, выглядит как барон, а окажется агентом по продаже комнатных холодильников. А в другой раз явится этакий толстяк — и смотри-ка, что в нем сидит!

— Надо уметь разбираться в людях, — сказал в заключение Повондра-отец. — Ты видишь, Франтик, что может сделать человек, даже если он занимает скромное положение. Бери пример с меня и старайся всегда исполнять свой долг, как это делал я.

Пан Повондра торжественно и с чувством подтвердил свои слова кивком головы.

— Я мог бы не пустить капитана дальше порога и избавить себя от беготни по лестнице. Другой швейцар наился бы и захлопнул дверь перед его носом. И тем самым сорвал бы такой замечательный всемирный прогресс. Помни, Франтик, если бы каждый человек исполнял свой долг, на свете жилось бы, как в раю! И слушай внимательно, когда с тобой говорит отец!

— Да, папочка, — буркнул Франтик с несчастным видом.

Повондра-отец откашлялся.

— Дай-ка мне, матушка, ножницы. Надо бы вырезать это из газеты, чтобы оставить после себя какую-нибудь память.

Так пан Повондра начал собирать газетные вырезки о саламандрах. Его страсти коллекционера мы обязаны многими материалами, которые без него канули бы в бездну забвения. Он вырезывал и сохранял все, что находил в печати о саламандрах. Не станем скрывать, что после некоторых колебаний он научился по-мародерски расправ-

ляться в своем излюбленном кафе с газетами, в которых было какое-либо упоминание о саламандрах, и достиг при этом редкой, почти престижитаторской виртуозности в искусстве незаметно выдирать из газеты нужный лист и засовывать его в карман под самым носом у обер-кельнера. Как известно, каждый коллекционер способен на воровство и даже на убийство, если речь идет о том, чтобы пополнить коллекцию новым экземпляром, и это нисколько не чернит его моральный облик.

Теперь его жизнь имела смысл, ибо это была жизнь коллекционера. Вечер за вечером он разбирал и перечитывал свои вырезки под снисходительным взглядом пани Повондровой, которая знала, что каждый мужчина — отчасти сумасшедший и отчасти ребенок; пусть лучше забавляется своими вырезками, чем ходит в пивную и играет в карты. Она даже очистила в комоде место для его коробок, которые он сам смастерили для своей коллекции. Можно ли требовать большего от жены и хозяйки?

Даже сам Г. Х. Бонди был как-то раз изумлен энциклопедическими познаниями пана Повондры во всех вопросах, касающихся саламандр. Пан Повондра, немного стесняясь, признался, что собирает все, что было где-либо напечатано о саламандрах, и показал хозяину свои коробки. Г. Х. Бонди добродушно похвалил его коллекцию. Да, только большие люди могут быть такими благосклонными, и только влиятельные люди умеют осчастливить других так, что это им не стоит ни гроша; большие господа вообще умеют устраиваться. Пан Бонди, например, просто-напросто распорядился, чтобы из канцелярии синдиката «Саламандра» Повондре посыпали все вырезки о саламандрах, которые не стоило хранить в архиве. И счастливый, несколько удрученный Повондра ежедневно стал

получать целые кипы документов на всех языках мира; из них особо благоговейное почтение внушали ему газеты, напечатанные славянскими или греческими буквами, а также еврейскими, арабскими, китайскими, бенгальскими, тамильскими, яванскими, бирманскими или тааликскими письменами.

— И подумать только, — говорил он, созерцая их, — что без меня ничего этого не было бы!

Как мы уже сказали, коллекция пана Повоидры сохранила много исторических материалов, относящихся ко всей затее с саламандрами. Отсюда, однако, не следует, что она могла бы удовлетворить ученого-историографа. Прежде всего пан Повоидра, которому недоставало специального образования в области вспомогательных исторических дисциплин и методологии архивного дела, не снабжал свои вырезки ни указанием источника, ни соответствующей датой, так что по большей части мы не знаем, где и когда был опубликован тот или иной документ. Во-вторых, ввиду чрезмерного обилия накоплявшихся у него материалов пан Повоидра сохранял главным образом большие статьи, которые он считал более важными, тогда как краткие заметки и телеграфные сообщения он попросту выбрасывал в ящик с углем, в результате чего сохранилось чрезвычайно мало фактических данных и сведений обо всем этом периоде. В-третьих, к делу весьма заметно приложила руку сама пани Повоидрова: когда коробки пана Повоидры угрожающе переполнялись, она потихоньку вытаскивала из них часть вырезок и сжигала их; это повторялось по несколько раз в год. Она щадила только те материалы, которые поступали не в таком большом количестве, как, например, тексты, напечатанные малабарскими, тибетскими или коптскими письменами; эти вырезки сохранились почти в полном комплекте, но ввиду

некоторых пробелов в нашем образовании от них мало проку. Таким образом, имеющийся у нас под рукой материал по истории саламандр отличается такою же отрывочностью, как, скажем, поземельные книги XIII столетия нашей эры или собрание сочинений поэтессы Сафо. До нас лишь случайно дошли документальные данные, касающиеся различных моментов того грандиозного процесса, который мы, несмотря на все пробелы, попытаемся объединить под заголовком «По ступеням цивилизации».

2. ПО СТУПЕНЯМ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

(*История саламандр*)¹

В том историческом периоде, который Г. Х. Бонди возвестил на достопамятном общем собрании Тихоокеанской экспортной компании пророческими словами о начинаящейся Утопии², мы не можем исчислять исторические

¹ См. G. Kreuzmann, Geschichte der Molche. Hans Tietze, Der Molch des XX. Jahrhunderts. Kurt Wolf, Der Molch und das deutsche Volk. Sir Herbert Owen, The Salamanders and the British Empire. Giovanni Focaja, L'evoluzione degli anfibii durante il Fascismo. Leon Bonnet, Les Urodèles et la Société de Nations. S. Madariaga, Las Salamandras y la civilización и много других.

(Г. Крейцман, «История саламандр»; Ганс Титце, «Саламандра XX столетия»; Курт Вольф, «Саламандра и германский народ»; сэр Герберт Оуэн, «Саламандры и Британская империя»; Джованни Фокаджа, «Эволюция земноводных в эпоху фашизма»; Леон Бонне, «Земноводные и Лига наций»; С. Мадариага, «Саламандры и цивилизация».)

² См. «Война с саламандрами», ч. I, гл. XII.

процессы веками или десятилетиями, как это делалось во всей предшествующей мировой истории, но можем вести счет лишь по четвертям года, измеряя время промежутками между выходом квартальных экономических обзоров¹.

В ту эпоху история вырабатывалась — если можно так выразиться — в крупных масштабах; поэтому и темпы истории ускорились необычайно (предположительно раз в пять). Сейчас мы просто-напросто не можем ждать несколько сот лет, пока с нашим миром случится что-нибудь, хорошее или дурное. Например, переселение народов, которое когда-то тянулось несколько веков, при сов-

¹ В виде доказательства приведем первую же вырезку из коллекции пана Повондры:

На рынке саламандр

(ЧТА) Согласно последнему сообщению, опубликованному синдикатом «Саламандра» в конце квартала, сбыт саламандр увеличивается на тридцать процентов. За три месяца было продано почти семьдесят миллионов саламандр, в частности в Южную и Центральную Америку, в Индокитай и в Итальянское Сомали. В ближайшее время предстоит углубление и расширение Панамского канала, очистка гавани в Гуаякиле и очистка Торресова пролива от мелей и рифов. Одни только эти работы, по приблизительному подсчету, потребуют удаления девяти миллиардов кубических метров твердых пород. Сооружение массивных авиационных островов на линии Мадера — Бермуды должно начаться предстоящей весной. На Марианских островах, находящихся под японским мандатом, продолжается засыпка моря землей; пока таким путем получено восемьсот сорок тысяч акров новой, так называемой легкой суши между островами Тиниан и Сайпан. В связи с растущим спросом цены на саламандр держатся очень твердо; котировка: «лидинг» — 61, «тим» — 620. Запасы имеются достаточные.

ременной организации транспорта могло бы быть полностью осуществлено за каких-нибудь три года; иначе на нем ничего не заработкаешь. Точно так же обстоит дело с ликвидацией Римской империи, с колонизацией вновь открытых континентов, с истреблением индейцев и так далее. Все это можно было бы устроить теперь несравненно быстрее, если поручить дело финансово мощным предприятиям. В этом отношении грандиозные успехи синдиката «Саламандра» и его огромное влияние на мировую историю, несомненно, указывают путь грядущим поколениям.

Таким образом, история саламандр с самого начала характеризуется хорошей и рациональной организацией. В этом первая, но отнюдь не единственная заслуга синдиката «Саламандра»; вместе с тем следует признать, что наука, филантропия, просвещение, печать и другие факторы также немало содействовали необычайному распространению и прогрессу саламандр. Но все же именно синдикат «Саламандра», так сказать, день за днем открывал перед саламандрами все новые и новые берега и страны, хотя ему и приходилось преодолевать много препятствий, тормозящих эту экспансию¹. По квартальным обзорам

¹ О такого рода препятствиях свидетельствует, например, следующее сообщение, вырезанное из газеты без указания даты:

Англия закрыла свои границы для саламандр?

(Рейтер) На вопрос члена палаты общин мистера Дж. Лидса сэр Сэмюэль Мондевиль ответил сегодня, что правительство ее величества закрыло Суэцкий канал для каких бы то ни было перевозок саламандр; правительство не намерено допускать, чтобы хотя бы одна-единственная саламандра работала на

синдиката «Саламандра» можно проследить, как постепенно заселяются саламандрами индийские и китайские порты; как эта колонизация захватывает африканское побережье и делает прыжок на американский континент, причем в Мексиканском заливе создаются новые, самые усовершенствованные инкубаторы; как наряду с этими широкими волнами колонизации в разные места посылаются небольшие группы саламандр, играющие роль авангарда будущего экспорта. Так, например, синдикат «Саламандра» послал в подарок голландскому Waterstaat'у тысячу первоклассных саламандр; городу Марселию — для очистки Старой Гавани — он подарили шестьсот саламандр и тому подобное. Словом, в отличие от заселения земного шара людьми распространение саламандр происходило планомерно и в крупном масштабе; если бы это дело было предоставлено природе, то оно, наверное, растянулось бы на сотни и тысячи лет; в самом деле, природа никогда не была такой предприимчивой и расчетливой, как человеческая промышленность и торговля. Спрос на саламандр оказал, по-видимому, влияние и на их плодовитость; средняя производительность самки повысилась до ста пятидесяти головастиков в год. Некоторая регулярная убыль саламандр, причиной которой были акулы, прекратилась почти совершенно, когда саламандр вооружили подводны-

побережье или в территориальных водах Британских островов. Эти мероприятия, заявил сэр Сэмюэль, необходимы, с одной стороны, в интересах безопасности британских берегов, а с другой — ради соблюдения старых законов и договоров о запрещении работорговли.

Отвечая на вопрос члена парламента мистера Б. Рассела, сэр Сэмюэль сказал, что это положение не распространяется на британские доминионы и колонии.

ми револьверами и пулями дум-дум для защиты от хищных рыб¹.

Распространение саламандр не всюду шло одинаково гладко. Кое-где консервативные круги резко протестовали против ввоза новой рабочей силы, усматривая в этом недобросовестную конкуренцию с человеческим трудом².

Некоторые высказывали опасения, что саламандры, питающиеся мелкими разновидностями морской фауны,

¹ Для этой цели применялись почти повсюду револьверы, изобретенные инженером Мирко Шафрацеком и изготавливавшиеся на оружейном заводе в Брпо.

² Соследимся на следующее газетное сообщение:

Забастовочное движение в Австралии

(Гавас). Лидер австралийских тред-юнионов Гарри Мак-Намара объявляет всеобщую забастовку портовых и транспортных рабочих, а также рабочих электростанций и других предприятий. Тред-юнионы требуют, чтобы ввоз рабочих саламандр в Австралию был строго лимитирован в соответствии с законами об иммиграции. Наоборот, австралийские фермеры добиваются, чтобы саламандр ввозили без ограничений, так как в связи со спросом на корм для саламандр значительно повышается сбыт местной кукурузы и животных жиров, в частности бараньего сала. Правительство старается добиться компромисса. Синдикат «Саламандра» предлагает уплачивать тред-юпионам по шести шиллингов за каждую ввезенную саламандру. Правительство готово гарантировать, что саламандры будут запяты на подводных работах и что (в интересах нравственности) они не будут высовываться из воды более чем на сорок сантиметров, то есть более чем по грудь. Тред-юнионы настаивают на двенадцати сантиметрах и требуют за каждую саламандру по десяти шиллингов, согласно существующему регистрационному тарифу. По-видимому, состоится соглашение при содействии государственного казначейства.

создадут угрозу для рыболовства. Другие утверждали, что своими подводными норами и ходами саламандры подрывают берега и острова. По правде сказать, было немало людей, прямо предостерегавших против использования саламандр; но так уж повелось испокон веков, что всякое новшество, все, что служит прогрессу, наталкивается на сопротивление и недоверие; так было с фабричными машинами, и то же самое повторилось с саламандрами.

В некоторых местах возникали недоразумения другого рода¹, но благодаря энергичному содействию мировой

Саламандры
спасли
36 утопающих.
*(От нашего
собственного
корреспондента)*

Спасательная команда саламандр

печати, которая правильно оценила как грандиозные перспективы торговли саламандрами, так и связанные с ней доходы от крупных объявлений, внедрение саламандр в большинстве случаев было встречено с одобрением и живейшим интересом, а иногда даже с воодушевлением¹.

Торговля саламандрами сосредоточилась главным образом в руках синдиката «Саламандра», который перевозил их на своих собственных, специально для этой цели построенных наливных судах. Центром торговли и своего рода биржей саламандр был «Саламандровый дом» в Сингапуре.

Приведем подробное и объективное описание этой торговли, помеченное «E. w. 5 октября»:

¹ См. следующую весьма любопытную вырезку, написанную, к сожалению, на неизвестном языке и посему непереводимую:

Sahi na kchri te Salaam Ander bwat!

Sahit gwan t'lap ne Salaam Ander
bwat! og t'cheni.bechri ne Simbwana
m'bengwe ogandi súkh na móimóí op-
wana Salaam Andersri m'oana gwen's.
Og di limbw, og di bwat na Salaam
Ander kchri p'we ogandi p'we o g-
wandi te ur maswali.súkh? Na, ne ur
lingo t'Islamli kcher oganda Salaam
Andrias sahti. Bend op'tonga kchri Sim-
bwana médh, salaam!

S-TRADE

Singapore 4. october.

<i>Leading</i>	63.	<i>Odd Jobs</i>	26·35.
<i>Heavy</i>	317.	<i>Trash</i>	0·08.
<i>Team</i>	648.	<i>Spawn</i>	80-132.

Мадрас, 3 апреля

Шароход «линии «Индиян стар» паскочил в мадрасском порту на лодку, перевозившую около сорока туземцев. Лодка тотчас пошла ко дну. Прежде чем успели снарядить полицейский катер, на помощь утонавшим поспешили саламандры, занятые очисткой порта от наносов, и благополучно доставили на берег тридцать шесть человек. Одна из саламандр спасла трех женщин и двух детей. В награду за этот подвиг саламандры получили от местных властей письменную благодарность в непромокаемом футляре.

Читатель газет может ежедневно найти подобное сообщение в экономическом отделе

Однако туземное население крайне возмущено тем, что саламандрам было разрешено прикасаться к тонущим представителям высших каст. Туземцы считают саламандр «чистыми» и «неприкасаемыми». В порту собралась толпа в несколько тысяч туземцев, требовавшая изгнания саламандр из порта. Полиции удалось сохранить порядок; зарегистрировано всего лишь трое убитых и сто двадцать арестованных. К десяти часам вечера спокойствие было восстановлено. Саламандры продолжают работать.

своей газеты среди телеграмм о ценах на хлопок, олово или пшеницу. Вы, конечно, уже

знаете, что означают эти загадочные цифры и слова? Ну, да, это торговля саламандрами, или S-Trade. Но о том, как выглядит эта торговля в действительности, большинство читателей имеет довольно слабое понятие. Быть может, они представляют себе кипящий тысячами саламандр огромный базар, по которому расхаживают куницы в тропических шлемах или чалмах, рассматривают выставленный товар, чтобы наконец ткнуть пальцем в какуюнибудь хорошо сложенную, здоровую, молодую саламандру со словами: «Давайте-ка мне эту. Сколько с меня?»

На самом деле торговля саламандрами выглядит совершенно по-иному. В сингапурском мраморном дворце S-Trade вы не увидите ни единой саламандры, по линии проворных и элегантных служащих в белых костюмах, принимающих заказы по телефону: «Да, сэр! Leading идет по шестьдесят три. Сколько? Двести штук? Да, сэр. Двадцать Heavy и сто восемьдесят Team. O'key, понимаю. Пароходом отправляется через пять недель. Right? Thank you, sir!»¹ Весь дворец S-Trade звенит от телефонных разговоров; он скорее похож на какое-нибудь министерство или банк, чем на

рынок; между тем это белое изысканное здание с ионическими колоннами вдоль фасада — более крупное мировое торжище, чем багдадский базар времен Гарун-аль-Рашида. Но вернемся к процитированному нами торговому бюллетеню с его коммерческим жargonом.

Лидиг — это специально отобранные, интеллигентные, как правило, трехлетние саламандры, тщательно выдрессированные для исполнения обязанностей надсмотрщиков и десятников в рабочих колоннах саламандр. Они продаются только поштучно, независимо от веса: в них ценится только интеллигентность. Сингапурские лидинги, говорящие на хорошем английском языке, считаются наилучшими и самыми надежными. Поэтому предлагаются к продаже и другие марки саламанд-десятников, например так называемые Капитаны, Инженеры, Malayan Chiefs², Foremaners³ и т. д., по лидингам ценятся выше, чем кто бы то ни было. Сейчас цена на них колеблется в пределах шестидесяти долларов за штуку.

Хэви — это тяжелые, атлетически сложенные, обычно двухлетние саламандры весом от ста до ста двадцати фунтов.

¹ Подходит? Благодарю вас, сэр! (англ.)

² Малайские старости (англ.).

³ Старшины (англ.).

Они продаются только командами (так называемыми bodies), по шесть штук в каждой. Они выдрессированы для самых тяжелых физических работ, как, например, ломка скал, выворачивание больших камней и т. д. Если в приведенном бюллетене стоит «Хэви — 317», то это значит, что за команду (body) из шести тяжелых саламандр платят триста семнадцать долларов. На каждую такую команду полагается, как правило, один лидинг в качестве десятника и надсмотрщика.

Тим — это обыкновенная рабочая саламандра весом от восьмидесяти до ста фунтов, которых продают только дружинами («тимами») по двадцать штук; они предназначаются для массовых работ и применяются главным образом при землечерпательных работах, при сооружении насыпей или плотин и тому подобное. На каждый такой тим полагается один лидинг.

Одд-джобс — самостоятельная категория. Это саламандры, у которых по тем или иным причинам, например потому, что они были выращены не на больших, специально оборудованных саламандровых фермах, нет надлежащей специальной выучки. Это, строго говоря, полудикие, хотя нередко весьма одаренные саламандры. Их покупают поштучно

или дюжинами, и ими пользуются для разных вспомогательных или более мелких работ, на которые невыгодно посыпать целые команды или дружинны. Если лидинг, так сказать, элита среди саламандр, то одд-джобс можно сравнить с мелким пролетариатом. В последнее время их покупают по преимуществу как сырье, которое отдельные предприниматели самидрессируют, сортируя его на лидинг, хэви, тим и трэш.

Трэш, или брак (отбросы, отходы), — это неполнозаданные, слабые или страдающие каким-нибудь физическим недостатком саламандры; их продают не поштучно и не определенными партиями, а лишь оном, на вес — обычно по несколько десятков тонн; килограмм живого веса стоит сейчас от семи до десяти центов. Собственно говоря, не известно, годны ли они и для каких целей их покупают — очевидно, для каких-нибудь более легких работ в воде; во избежание недоразумений напомним, что саламандры не съедобны для людей. Трэш покупают почти исключительно китайские перекупщики; куда именно они их отправляют — остается невыясненным.

Спаун — это просто-на-просто саламандровый помет, точнее, головастики в возрасте до одного года. Их покупают

сотнями, и они имеют очень хороший сбыт, главным образом благодаря своей дешевизне и тому, что их перевозка требует минимальных издержек; их обучают уже на месте, вплоть до того, когда они становятся пригодными к работе. Спауны перевозят в бочках, так как головастики не покидают воды в противоположность взрослым саламандрам, которым необходимо выходить из воды каждый день. Часто в спауне попадаются необычайно одаренные особи, которые стоят даже выше стандартизованного типа лидипгов; это придает своеобразный интерес сделкам, касающимся спауна. Высокоодаренных саламандр продают потом по нескольку сот долларов за штуку; американский миллионер Деникер заплатил даже две тысячи долларов за саламандру, бегло говорящую на девяти языках, и отправил ее в Майами на специальном пароходе; перевозка сама по себе обошлась ему почти в двадцать тысяч долларов. В последнее время саламандровый помет покупают главным образом для так называемых саламандровых конюшен, в которых производится отбор и тренировка резвых спортивных саламандр; их запрягают — по три штуки — в плоскодонные лодки, построенные в виде раковин. Гонки саламандр, запряженных в рако-

вины, сейчас в большой моде и являются любимейшим развлечением молодых американок на Палм-Бич, в Гонолулу и на Кубе; их называют «гонки тритонов», или «регата Венеры». В легкой, разукрашенной раковине, скользящей по морской глади, стоит гонщица в чрезвычайно коротеньком и чрезвычайно роскошном купальном костюме, держа в руках шелковые вожжи саламандровой тройки; призом служит титул Венеры. Мистер Дж. С. Тинкер, прозванный «консервным королем», купил для своей дочери тройку гоночных саламандр — Посейдона, Хенгиста и Короля Эдуарда, заплатив за них свыше тридцати шести тысяч долларов. Но все это выходит уже за рамки настоящей S-Trade, которая ограничивается тем, что поставляет всему миру солидных лидипгов, хэви и тиков.

*

Выше мы уже упоминали о саламандровых фермах. Пусть воображению читателя не рисуются огромные питомники и обнесенные оградой двери; это всего лишь несколько километров пустынного побережья, где разбросано с полдюжины домиков из гофрированного железа: один для управляющего, один для

ветерицара, остальные для персонала. Лишь во время отлива можно заметить, что с берега спускаются в море длинные плотины, разделяющие прибрежную полосу на несколько бассейнов: один для помета, другой для категории «лидинг» и т. д.; каждую категорию кормят и дрессируют отдельно. И то и другое делается ночью.

С наступлением сумерек саламандры вылезают из подводных нор на берег и собираются вокруг своих преподавателей, обычно отставных солдат. Первый урок — это урок языка; преподаватель произносит перед саламандрами разные слова, например «копать», и паглядно объясняет их смысл. Потом он выстраивает их по четыре в ряд и учит маршировать; затем следует полчаса гимнастики и отдых в воде. После перерыва саламандр обучаю обращению с различными инструментами и оружием, а затем в течение трех часов под наблюдением преподавателей они занимаются практикой, выполняющей соответствующие подводные работы. По окончании занятий саламандры возвращаются в воду и получают саламандровые сухари, которые изготавливаются главным образом из кукурузной муки и сала; лидингов и тяжелых саламандр подкармливают еще мясом. Ленъ и непослушание наказываются лишением пищи;

телесных наказаний нет, впрочем, саламандры не очень чувствительны к физической боли. С восходом солнца на саламандровых фермах наступает мертвая тишина: люди отправляются спать, а саламандры исчезают в море.

Этот порядок нарушается только два раза в год. Один раз — в период спаривания, когда саламандр на две недели предоставляют самим себе, а второй — когда на ферму прибывает наливное судно сипдиката «Саламандра» и привозит управляющему приказы относительно того, сколько саламандр и каких категорий следует отгрузить. Погрузка производится ночью; судовой офицер, управляющий фермой и ветеринар садятся за освещенный лампой столик, а сторожа и команда судна отрезают саламандрам путь к морю. Саламандры одна за другой подходят к столику, где их осматривают и решают, годны ли они к работе.

Отобранные саламандры влезают затем в шлюпки, которые отвозят их на судно. Они делают это по большей части добровольно, то есть подчиняясь обычному строгому приказанию; лишь иногда приходится применять легкие принудительные меры, как, например, связывание. Спаун, то есть помет, просто вылавливается из водом.

Столь же гуманно и гигиенично производится и перевозка саламандр на наливных судах. Через день в их резервуарах при помощи насоса меняется вода; кормят саламандр превосходно. Смертность во время перевозки едва достигает десяти процентов. По ходатайству Общества покровительства животным на каждом наливном судне имеется капеллан, который следит, чтобы к саламандрам относились по-человечески, и каждую ночь обращается к ним с проповедью, внушая им почтение к людям, а также долг благодарности, повиновения и любви к их будущим хозяевам, не имеющим других помыслов, кроме желания отечески заботиться о их благополучии. Надо сказать, что саламандрам довольно трудно растолковать, что такое «отеческие заботы», так как понятие отцовства им неизвестно. Среди более развитых саламандр для судовых капелланов укоренилось прозвище «Папа-Саламандра». Вполне оправдали себя также научно-образовательные фильмы, которые во время перевозки показывают саламандрам, с одной стороны, чудеса человеческой техники, а с другой — знакомят

их с будущими задачами и обязанностями саламандр.

Есть люди, которые расшифровывают название S-Trade (торговля саламандрами) как Slave-Trade, то есть работорговля. Ну, что ж! Как объективные наблюдатели, мы можем сказать, что, если бы старая работорговля была так хорошо организована и так безупречна с гигиенической точки зрения, как теперьешняя торговля саламандрами, мы могли бы только поздравить рабов. С более дорогими сортами саламандр обращаются действительно очень прилично и бережно — хотя бы уже потому, что капитан и команда судна отвечают своим жалованьем и наградами за жизнь вверенных им саламандр. Автор этой статьи сам был свидетелем того, как на наливном судне «С. С. 14» самые бессердечные моряки глубоко огорчились, когда в одном из резервуаров двести сорок персидских саламандр заболели острым попосом. Они ходили смотреть на них чуть ли не со слезами на глазах и выражали свои истинно гуманные чувства внешние грубыми словами: «На кой черт сдалась нам эта падаль!»

Когда вывоз саламандр начал разрастаться, возникла, конечно, и «дикая» торговля: синдикат «Саламандра» не мог контролировать и эксплуатировать все те поселения

саламандр, которые покойный капитан ван Тох рассеял по мелким отдаленным островам Микронезии, Меланезии и Полинезии, так что многие саламандровые бухты были предоставлены сами себе. В результате наряду с рациональным разведением саламандр значительные размеры приобрела также охота на диких саламандр, во многих отношениях напоминавшая прежний тюлений промысел. Этот промысел был до некоторой степени нелегальный, но так как законодательства об охране саламандр не существовало, то в самом худшем случае охотников преследовали лишь за то, что они без надлежащего разрешения вступили на территорию, находящуюся под суверенитетом того или иного государства. Но саламандры невероятно расплодились на этих островах и временами причиняли ущерб полям и огородам туземцев, а потому «дикие» облавы на саламандр молчаливо рассматривались как естественное регулирование численного роста саламандр.

Вот относящееся к тому времени описание облавы, сделанное очевидцем.

Корсары XX века

Э. Э. К.

В одиннадцать часов вечера капитан нашего парохода приказал спустить национальный флаг и приготовить шлюпки. Ночь была лунная, подернутая серебристым туманом. Мы гребли к небольшому островку; это был, кажется, остров Гарднера из группы Фениксовых островов. В такие лунные ночи саламандры выходят на берег и танцуют; вы можете подойти к ним вплот-

ную: они не заметят вас — до такой степени они увлечены своей массовой немой пляской. Нас было двадцать человек; мы вышли на берег и с веслами в руках, двигаясь рассыпанным строем, начали оцеплять полуокругом темную толпу, копошившуюся на пляже, залитом молочным светом луны.

Трудно передать впечатление, производимое пляской саламандр. Около трехсот живот-

ных сидят на задних ногах, образуя правильный круг и повернувшись лицом к центру; внутри круг пустой. Саламандры не шевелятся; они словно оцепенели. Это похоже на частокол вокруг какого-то таинственного алтаря; но здесь нет ни алтаря, ни бога. Вдруг одно из животных издает чмокающий звук — «тс-тс-тс» — и начинает волнообразно извиваться верхней частью туловища; это колебательное движение передается по кругу дальше, дальше, и через несколько секунд все саламандры, не сходя с места, извиваются все быстрее и быстрее, без единого звука, все фантастичнее, с каким-то бешеным упоением. Минут через пятнадцать какая-нибудь из саламандр ослабевает; за ней другая, третья; качнувшись еще несколько раз, они застыают в изнеможении; и снова все сидят неподвижно, как статуи. Через некоторое время где-нибудь опять тихо прозвучит: «тс-тс-тс», опять какая-нибудь саламандра начинает извиваться, и ее танец сразу передается всему кругу. Я знаю, мое описание кажется очень механическим; по прибавьте к этому молочно-белый свет луны и протяжный ритмический шум прибоя; во всем этом было нечто непреодолимо магическое, я бы сказал — колдовское. Я остановился, горло у меня скжалось от невольного

чувства то ли жути, то ли восторга. «Шевели ногами, дырку простоиши!» — крикнул мне ближайший сосед.

Мы обстутили танцующих животных плотным кольцом. Оно все сужалось. Люди держали весла наперевес и разговаривали вполголоса — скорее потому, что стояла ночь, чем из опасения, что саламандры могут их услышать. «К центру, бегом!» — скомандовал офицер. Мы бросились на извивающийся круг; весла обрушились на спины саламандр; слышалась лишь глухой треск. Только теперь саламандры в испуге очнулись и отрянули к центру; некоторые пытались проскользнуть к морю, но, получив удар веслом, отлетали назад, вопя от боли и страха. Мы загонили их в середину; места было мало, и они теснились, давя друг друга, как сельди в бочке, — их копошилось тут несколько словес. Десять человек сдерживали их в ограде из весел, а остальные тыкали и колотили веслами тех, кто пытался проползти под оградой или прорваться через нее. Это был сплошной клубок черного, извивающегося, смятенно квакающего мяса, па которое сыпалась глухие удары. Но вот между двумя веслами открылся проход; одна из саламандр проскользнула туда и была оглушена ударом дубинки по затылку; за ней другая, третья,

пока их не набралось около двадцати. «Замкнуть!» — скомандовал офицер, и проход между весями закрылся. Булли Бич и мулат Динго схватили оглушенных саламандр за ноги (каждый по две) и поволокли по песку к шлюзке, словно мешки. Служалось нерой, что тело саламандры застревало между камнями; тогда матросы дергали ожесточенно и резко, и нога отрывалась. «Не беда, — бурчал старый Майкл, стоявший возле меня, — новая отрастет». Когда оглушенных саламандр побросали в шлюзку, офицер сухо скомандовал: «Следующих!» И слова на затылки саламандр посыпались удары дубинки. Этот офицер, по фамилии Беллами, был образованный и скромный человек, превосходный шахматист. Но это была охота, или, точнее, промысел; какие же тут могли быть церемонии! Так мы поймали свыше двухсот саламандр; около семидесяти остались на месте: они были, по-видимому, мертвые, и не стоило перетаскивать их.

На пароходе пойманных саламандр вырынули в резервуар. Наш пароход был старым нефтепаливным судном; плохо вычищенные резервуары вошли керосином, и вода в них была подернута радужной маслянистой пленкой; только крышку резервуара удалили,

чтобы открыть доступ воздуху. Когда туда набрасали саламандр, это выглядело как обратительная густая похлебка с лапшой; кое-где «лапша» слабо и жалко шевелилась, но в этот день ее оставили в покое, чтобы саламандры могли прийти в себя. Назавтра явились четыре человека с длинными шестами и стали тыкать ими в «похлебку» (профессионалы в самом деле называют это «супом»); они перемещивали тела, густо набившие резервуар, и высматривали те из них, которые уже не шевелились или у которых мясо отвалилось от костей; они подцепляли их длинными крюками и вытаскивали из резервуара. «Похлебка очищена?» — спросил потом капитан. «Да, сэр!» — «Подлейте туда воды». — «Есть, сэр». Такую очистку надо было повторять ежедневно; и каждый раз приходилось выбрасывать в море от шести до десяти штук «испорченного товара», как его называют здесь; наш пароход неотступно сопровождала целая свита огромных, откормленных на славу акул. От резервуара несло ужасающим зловонием; хотя вода периодически менялась, она была желтого цвета, полна нечистот и размокших сухарей; в ней вяло шевелились или тупо лежали черные, тяжело дышащие тела. «Ну, этим еще повезло, — твердил старый

Майл. — Я видел пароход, на котором их перевозили в железных баках из-под бензола, они там все подохли.

Через шесть дней мы за-
паслись новым товаром на
острове Наномеа...

*

Вот как выглядит торговля саламандрами; правда, это нелегальная торговля, точнее говоря, современное корсарство, которое расцвело чуть ли не в одну ночь. Утверждают, что почти четверть всех продаваемых и покупаемых саламандр добыта таким путем. Есть поселения саламандр, где синдикату «Саламандра» невыгодно содержать постоянные фермы; а на небольших тихоокеанских островах саламандр развелось столько, что они делаются прямо обузой; туземцы не любят их и уверяют, что своими погромами и проходами они просверливают щелье острова; вот почему и колониальные власти и сам синдикат «Саламандра» смотрят сквозь пальцы на разбойничий набеги на саламандр. Считают, что около четырехсот корсарских судов занимаются исключительно похищением саламандр. Наряду с мелкими предпринимателями этим современным корсарством занимаются и большие пароходные компании, крупнейшая из которых — Тихоокеанская

торговая компания; ее правление находится в Дублине, а президентом является достоуважаемый мистер Чарльз Б. Гарриман. Год назад положение было еще хуже; китайский бандит Тенг, располагавший тремя судами, нападал прямо на фермы синдиката «Саламандра» и в случае сопротивления не стеснялся убивать весь служебный персонал; в ноябре прошлого года Тенг со своей флотилией был потоплен американской канонеркой «Миниетонка» у острова Мидуэй. С тех пор саламандровое корсарство приобрело менее дикие формы и стало неуклонно расширяться. Этому способствовали достигнутые известные соглашения, при соблюдении которых оно негласно допускалось; так, например, при нападении на побережье, принадлежащее другому государству, следовало спускать национальный флаг; запрещалось производить ввоз и вывоз других товаров под видом саламандрового корсарства; захваченных таким способом саламандр нельзя было продавать по демпинговым ценам, и при торговых сделках они должны были считаться второсортными.

В нелегальной торговле саламандры идут по цене от двадцати до двадцати двух долларов за штуку; они считаются хотя и более низкосортной,

зато весьма выносливой разновидностью, хотя бы уже потому, что выдержали столь же стокое обращение на корсарских пароходах. Считается, что после таких перевозок в живых остаются от двадцати пяти до тридцати процентов похищенных саламандр; но зато уж эти могут перенести что угодно. На коммерческом языке их называют «макароны», и в последнее время сведения о них появляются в регулярных торговых бюллетенях.

*

Через два месяца после описанной облавы я сидел с Беллами за шахматной доской в вестибюле «Отель де Франс» в Сайгоне; конечно, я уже не был паемным матросом.

— Слушайте, Беллами, — сказал я ему, — вы порядочный человек и, как говорится, джентльмен. Неужели вам не противно служить делу, которое, по существу, не что иное, как гнуснейшая работоговля?

Беллами покал плечами.

Помимо хорошо организованной торговли саламандрами и широкой пропаганды в печати, величайшую роль в распространении саламандр сыграла грандиозная волна технического прогресса, захлестнувшая в ту эпоху весь мир. Г. Х. Бонди справедливо предвидел, что человеческий ум отныне начнет работать в масштабах новых

— Саламандры — это саламандры, — уклончиво проворчал он.

— Двести лет назад говорили, что негры — это негры.

— А разве это было не так? — ответил Беллами. — Шах!

Эту партию я проиграл. Меня вдруг охватило такое чувство, будто каждый ход на шахматной доске не нов и был уже когда-то кем-то сыгран. Быть может, и история наша была уже кем-то разыграна, а мы просто перставляем свои фигуры, делая те же ходы, и стремимся к тем же поражениям, какие уже были когда-то. Возможно, что именно такой же порядочный и скромный Беллами ловил когда-то негров на берегу Слоновой Кости и перевозил их на Гаити или в Луизиану, предоставив им подыхать в трюме. И он не думал сделать ничего плохого, этот Беллами. Беллами никогда не хочет ничего плохого. Поэтому он неисправим.

— Черные проиграли! — удовлетворенно сказал Беллами и встал, потягиваясь всем телом.

материков и новых Атлантид. В течение всего Века Саламандр между представителями технической мысли продолжался оживленный и плодотворный спор о том, надо ли сооружать тяжелые континенты с железобетонными берегами или легкую сушу в виде насыпи из морского песка. Почти каждый день появлялись на свет новые гигантские проекты. Итальянские инженеры предлагали, с одной стороны, построить «Великую Италию», охватывающую почти все пространство Средиземного моря (между Триполи, Балеарскими и Додеканесскими островами), а с другой — создать на востоке от Итальянского Сомали новый континент, так называемую Лемурию, которая со временем покрыла бы весь Индийский океан; и действительно, с помощью целой армии саламандр против сомалийской гавани Могадиши был насыпан островок площадью трипнадцать с половиной акров. Япония разработала и отчасти осуществила проект у устройства нового большого острова на месте Марианских островов, а также собиралась соединить Каролинские и Маршалловы острова и два больших острова, заранее названные «Новый Ниппоп»; на каждом из них предполагалось даже устроить искусственный вулкан, который напоминал бы будущим островитянам священную Фудзияму. Ходили также слухи, будто немецкие инженеры тайно строят в Саргассовом море тяжелый бетонный материк, то есть будущую Атлантиду, которая могла бы угрожать Французской Западной Африке; но, по-видимому, они успели только заложить фундамент. В Голландии приступили к осуществлению Зеландии; Франция соединила Гранд-Терр, Бас-Терр и Ла-Дезирад на Гваделупе в один благодатный остров. Соединенные Штаты начали сооружать на 37-м меридиане первый авиационный остров (двухъярусный, с грандиозным отелем, спортивным стадионом, лунапарком и кинотеатром на пять тысяч человек). Словом,

казалось, пали последние преграды, которые ограничивали размах человеческой деятельности; настала радостная эпоха потрясающих технических замыслов: человек осознал, что только теперь он становится Хозяином Мира благодаря саламандрам, которые вышли на мировую арену в нужный момент и, так сказать, вследствие исторической необходимости. Спору нет — саламандры не могли бы распространиться в таких невиданных масштабах, если бы наш век, век техники, не подготовил для них столько рабочих задач и такого обширного поля для постоянного их использования. Будущее Рабочих Моря, казалось, было теперь обеспечено на долгие столетия.

Видную роль в развитии торговли саламандрами сыграла также наука, которая очень скоро обратила свое внимание на изучение как физиологии, так и психологии саламандр.

Приведем здесь отчет о научном конгрессе в Париже, написанный очевидцем.

«Premier Congrès d'Urodèles»

Его называют для краткости «Конгресс хвостатых земноводных», хотя его официальное название несколько длиннее, а именно «Первый международный конгресс зоологов, посвященный исследованию психологии хвостатых земноводных». Но настоящий парижанин не любит трехсаженных названий; ученые профессора, заседающие в аудитории Сор-

бонны, для него просто «messieurs les Urodèles», «господа хвостатые земноводные» — и точка. Или, еще кратко и непочтительно, — «ces zoos-là»¹.

Мы отправились взглянуть на ces zoos-là скорее из любопытства, чем по долгу репортерской службы. Из любопытства, возбужденного, конечно, не университетскими знаменитостями, по большей части

¹ Сокращенное вместо ces zoologues — эти зоологи (франц.).

очкастыми и пожилыми, но теми... созданиями (почему мы никак не решаемся сказать «животными»?), о которых написано уже так много, начиная от ученых фолиантов и кончая бульварными песенками, и которые, по словам одних, не что иное, как газетная выдумка, а по словам других — существа во многих отношениях более одаренные, чем сам царь природы и венец творения, как еще и сейчас (после мировой войны и других исторических событий) именует себя человек. Я рассчитывал, что прославленные господа участники конгресса, посвященного исследованию психологии хвостатых земноводных, дадут нам, профанам, точный и окончательный ответ на вопрос, как обстоит дело с пресловутой попытливостью *Andrias'a Scheuchzeri*; что они скажут нам: да, это существо разумное или по крайней мере столь же восприимчивое к цивилизации, как вы и я, а поэтому на будущее время с ним надо считаться так же, как мы должны считаться с будущностью человеческих рас, зачислявшихся некогда в категории диких и примитивных... Сообщаю, что ни такого ответа, ни даже такого вопроса мы на конгрессе не слыхали; современная наука... слишком специализировалась, для того чтобы заниматься подобного рода проблемами.

Ну что же, займемся изучением того, что на языке науки называется душевной жизнью животных. Вон тот высокий господин с всклокоченной бородой чернокнижника, который сейчас свирепствует на кафедре, — это знаменитый профессор Дюбоск; по-видимому, он громит какую-то превратную теорию какого-то уважаемого коллеги, но в этой части его доклада мы не в состоянии разобраться, как следует. Лишь немного спустя нам становится понятным, что свирепый чернокнижник говорит о цветовых ощущениях у *Andrias'a* и о его способности различать то или иные оттенки цвета. Не знаю, правильно ли я понял, но у меня осталось впечатление, что *Andrias*, по-видимому, немножко страдает дальтонизмом, зато профессор Дюбоск, должно быть, страшно близорук, судя по тому, как он подносил свои листочки к толстым, ярко поблескивающим стеклам очков.

После него улыбающийся японский учепый, д-р Окагава говорил что-то о реактивной дуге и о признаках, которые наблюдаются, если перерезать какой-то чувствительный нерв в мозгу *Andrias'a*; потом он рассказал, что делает *Andrias*, если разрушить у него орган, соответствующий ушному лабиринту. Затем профессор Реман подробно объяснил, как

Andrias реагирует на раздражение электрическим током. Это вызвало ожесточенный спор между ним и профессором Брукнером. C'est un type¹ этот профессор Брукнер: маленький, злобный, с выразительными, почти трагическими жестами; помимо прочего, он утверждал, что *Andrias* снабжен столь же несовершенными органами чувств, как и человек, и столь же беден инстинктами; с чисто биологической точки зрения он точно такое же вырождающееся животное, как и человек, и, подобно ему, старается возместить свою биологическую неполноту с помощью того, что мы называем интеллектом.

Однако остальные специалисты, кажется, не принимали профессора Брукнера всерьез—вероятно, потому, что он не перезвал чувствительных первов и не посыпал в мозг *Andrias'a* электрических зарядов. После Брукнера профессор ван Диттеп тихим, почти благоговейным голосом описал, какие расстройства появляются у *Andrias'a*, если удалить у него правую височную долю головного мозга или затылочную извилину в левом мозговом полушарии. Затем американский профессор Деврайнт сделал доклад...

Виноват, честное слово, я не знаю, о чем он делал до-

клад, так как в этот момент мне начала сверлить голову мысль о том, какие расстройства появились бы у профессора Деврайнта, если бы у него удалили правую височную долю головного мозга; как реагировал бы улыбающийся д-р Окагава, если бы его раздражали электрическим током, и как вел бы себя профессор Реман, если бы кто-нибудь разрушил у него ушной лабиринт. Я почувствовал также, что не совсем уверен насчет того, как у меня обстоит дело со способностью различать цвета или с фактором t в моих моторных реакциях. Меня мучило сомнение, имел ли мы право (в строго научном смысле) говорить о душевной жизни нас самих (то есть людей), пока мы не выпотрошили друг у друга различные доли головного мозга и не перезвали одни другому чувствительные нервы. Строго говоря, чтобы взаимно изучить нашу душевную жизнь, нам следовало бы наброситься друг на друга со скальпелем в руках. Что касается меня, то я готов был в интересах науки разбить очки профессора Дюбоска илипустить электрический заряд в лысину профессора ван Диттепа, чтобы потом опубликовать статью о том, как они на это реагировали. По правде

¹ Любопытный тип (франц.).

сказать, я могу очень живо представить себе это. Менее живо я представляю себе, что делалось при подобных опытах в душе *Andrias'a*; но я думаю, что это невероятно терпеливое и добродушное создание. Ведь ни одна из выступивших с докладом знаменитостей не сообщила, чтоб бедняга *Andrias Scheuchzeri* когда-нибудь пришел в ярость.

Не сомневаюсь, что Пер-

вый конгресс хвостатых земноводных — замечательный успех научной мысли; но, как только у меня выберется свободный день, я отправлюсь в *Jardin des Plantes*¹, прямехонько к бассейну *Andrias'a Scheuchzeri*, и потихоньку скажу ему:

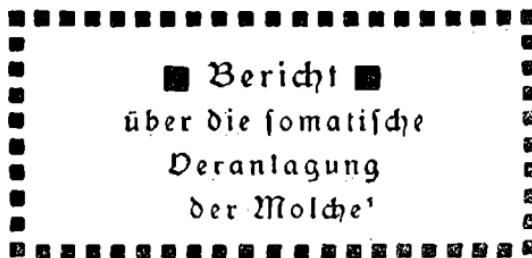
— Слупай, саламандра, если когда-нибудь придет твой день, не вздумай научно исследовать душевную жизнь людей!

Благодаря этим научным исследованиям саламандры перестали считать каким-то чудом; при трезвом свете науки саламандры в значительной мере утратили свой первоначальный ореол исключительности и необычайности; в качестве объекта психологических испытаний они проявили весьма средние и пеинтересные свойства; на основании научных выводов их высокую одаренность отнесли к области легенд. Наука открыла Нормальную Саламандру, которая оказалась скучным и довольно ограниченным созданием. Только газеты все еще отыскивали время от времени какую-нибудь Чудо-Саламандру, которая умела множить в уме пятизначные числа, но и это перестало темнить публику, особенно когда было доказано, что при надлежащей тренировке этому может научиться и обыкновенный человек. Словом, люди начали видеть в саламандрах нечто столь же обыденное, как арифмометр или какой-нибудь автомат; саламандры перестали быть таинственными созданиями, вынырнувшими из неведомых глубин неизвестно для чего и почему. К тому же люди никогда не считают таинственным то, что служит им

¹ Ботанический и зоологический сад (франц.).

и приносит пользу, но только то, что грозит им опасностью или причиняет вред; и так как саламандры оказались существами в высшей мере и во многих отношениях полезными, то на них теперь смотрели просто как на составную часть рационального будничного порядка вещей.

Вопросом о возможности использования саламандр занимался, в частности, гамбургский исследователь Вурман; из его различных статей по этому вопросу приводим в сокращенном виде

Эксперименты с тихоокеанской исполинской саламандрой (*Andrias Scheuchzeri Tschudi*), которые я производил в своей гамбургской лаборатории, проследовали точно определенные цели: установить степень сопротивляемости саламандр по отношению к перемене среды и к другим внешним воздействиям и тем самым выяснить их практическую применимость в различных географических зонах и при различных условиях.

Первая серия экспериментов должна была установить, как долго может выдержать саламандра пребывание вне воды. Подопытные животные были помещены в сухие бочки при температуре 40—50° С. Через несколько часов у них наблюдался очевидный упадок сил, но после обрызгивания водой они снова оживали. По прошествии двадцати четырех часов они лежали без движения; шевелились только веки; пульс был замедленный, все

физиологические процессы спи-
зились до минимума. Животные
явно страдали, малейшее движе-
ние стоило им огромного труда.

Через три дня наступает
состояние каталептического
оцепенения (ксероз); живот-
ные не реагируют, даже когда
их прижигают при помощи
электрокутора. При повышении
влажности воздуха они начи-
нают подавать некоторые при-
знаки жизни (закрывают гла-
за, когда на них направляют
яркий свет, и т. п.). Если та-
кую высушеннную саламандру
по прошествии семи дней
вновь помещали в воду, то че-
рез продолжительное время
она ожидала; при более дли-
тельном высушивании погиба-
ло большинство подопытных
животных. Саламандры, вы-
ставленные под прямые лучи
солнца, гибнут уже через не-
сколько часов.

Других подопытных живот-
ных заставили вертеть вал в
темноте в очень сухой атмо-
сфере. Через три часа их про-
изводительность стала падать,
но вновь поднялась после
обильного обрызгивания. При
часто повторяющем обрызгива-
нии животные могли вертеть
вал в течение семнадцати,
двадцати, а в одном случае —
двадцати шести часов без пе-
рерыва, тогда как человек, над
которым производился конт-
рольный эксперимент, был в
значительной мере обессилен

этой механической работой уже
через пять часов. Из этих экспе-
риментов мы можем заклю-
чить, что саламандры вполне
пригоды и для работ на суше,
но при соблюдении двух усло-
вий: не выставлять их прямо
на солнце и периодически об-
рызгивать водой всю поверх-
ность их тела.

Вторая серия эксперимен-
тов касалась сопротивляемости
саламандр — животных тропи-
ческих областей — по отноше-
нию к холоду. При быстром
охлаждении воды они погибали
от катара-кишок; по при по-
степенной акклиматизации они
легко привыкали к более хо-
лодной среде; через восемь ме-
сяцев они сохраняли бодрость
даже при температуре воды
 7°C , если в их пище содержа-
лось больше жиров (от ста
пятидесяти до двухсот грам-
мов в день). Если температура
воды опускалась ниже 5°C , они
впадали в оцепенение от за-
мерзания (гелоз); в этом со-
стоянии их можно было замо-
розить в глыбе льда и держать
так в течение нескольких ме-
сяцев; когда же лед таял и
температура воды поднималась
выше 5°C , они начинали опять
подавать признаки жизни, а
при $7-10^{\circ}$ принимались ожив-
ленно искать пищу. Отсюда
видно, что саламандры могут
прекрасно приспособиться к
жизненным условиям в нашем
климатическом поясе вплоть до

северной Норвегии и Исландии. Для применения саламандр в полярных условиях потребуются дальнейшие опыты.

В противоположность этому значительную чувствительность проявляют саламандры по отношению к химическим примесям в воде; при опытах с весьма слабым щелочным раствором, со сточными водами и промышленных предприятий, с дубильными веществами в т. ч. у саламандр лоскутами отпадала кожа и подопытные животные погибали, как если бы они были лишены язера. В наших реках, следовательно, саламандр использовать нельзя.

При следующей серии экспериментов нам удалось установить, сколько времени саламандры могут выдержать без пищи. Они могут голодать по три недели и больше, и это не проявляется ни в чем, кроме известной вялости. Одну подопытную саламандру я заставил голодать около шести месяцев; последние три месяца она цинеревно спала без всякого движения; когда я потом бросил ей в чай рубленую почечку, то она была так слаба, что не реагировала на пищу, и пришлось прибегнуть к искусственному питанию. Через несколько дней она ела уже нормально, и ее можно было использовать для дальнейших экспериментов.

Последняя серия экспериментов касалась регенеративной способности саламандр. Если отрубить у саламандры хвост, то через две недели у нее отрастет новый; с одной саламандрой мы семь раз повторяли этот эксперимент, и всегда с одинаковым результатом. Точно так же у саламандр вновь отрастают отрубленные ноги. У одного подопытного животного мы ампутировали все четыре конечности и хвост: через тридцать дней все опять было в полном порядке. Если сломать у саламандры берцовую или плечевую кость, то у нее отпадает вся падломленная конечность и взамен отрастает новая. Точно так же развивается новый глаз на месте удаленного и новый язык; интересно, что саламандра, у которой я вырезал язык, разучилась говорить и должна была учиться сначала. Если ампутировать у саламандры голову или перерезать ей туловище где-нибудь между шеей и тазом, то животное издается. Наоборот, можно удалить у саламандры желудок, часть кишок, две трети печени и другие органы без нарушения ее жизненных функций; можно сказать, что почти полностью вынурщенная саламандра все еще сохраняет жизнеспособность. Ни одно другое животное не обладает подобной сопротивляемостью по отноше-

нию к какому бы то ни было ранению, как саламандра. В связи с этим она могла бы быть первоклассным, почти неуничтожимым военным животным: к сожалению, этому препятствует ее миролюбивый характер и отсутствие у нее естественного оружия.

Наряду с описанными экспериментами мой ассистент д-р Вальтер Хинкель исследовал возможности использования саламандр в качестве полезного сырья. В частности, он выяснил, что в организме саламандр содержится необычайно высокий процент йода и фосфора; не исключено, что в случае необходимости можно было бы добывать из них эти ценные элементы промышленным способом. Кожа саламандр сама по себе плохая, но ее можно размолоть и потом спрессовать под высоким давлением; полученная таким образом искусственная кожа легка, достаточно прочна и могла бы служить заменой бычьей кожи. Саламандровый жир несъедобен из-за отвратительного вкуса, но годится в качестве сырья для технических смазочных масел, так как замерзает лишь при очень низких температурах. Точно так же и мясо саламандр было признано несъедобным и даже ядовитым; при употреблении в сыром виде оно вызывает острые боли,

рвоту и галлюцинации. После многих опытов, которые д-р Хинкель производил на самом себе, он выяснил, что эти вредные последствия отпадают, если отпарить нарезанное мясо кицятком (подобно тому как это делается с некоторыми видами мухоморов) и после основательного промывания положить его на двадцать четыре часа в слабый раствор марганцевого калия. Будучи потом приготовлено ввареном или тушеном виде, оно имеет вкус плохой говядины.

Мы съели в таком виде саламандру по кличке Ганс; это было умное и развитое животное, отличавшееся большими способностями к научной работе; оно работало в отделении д-ра Хинкеля в качестве лаборанта, и ему можно было доверять самые тонкие химические анализы. Мы подолгу беседовали с ним в свободные вечера, забавляясь его пепасытной любознательностью. К сожалению, нам пришлось расстаться с нашим Гансом, так как он ослеп после моих экспериментов с трепанацией черепа. Мясо у него было темное и поздреватое, но не вызвало никаких неприятных последствий. Не подлежит сомнению, что в военное время саламандровое мясо может служить желательной и дешевой заменой говядины.

В конце концов, вполне естественно, что, когда на свете развелось несколько сот миллионов саламандр, они перестали быть сенсацией; публика потеряла к ним всякий интерес, и мода на них доживала свои последние дни в киногротесках («Салли и Анди, две добрые саламандры»)¹ и на эстрадах кабаре, где самые безголосые куплетисты и шансонетки выступали в неотразимо комической роли саламандр, подражая их скрипучему выговору и коверкая на все лады грамматику. Как только саламандры сделались широко распространенным повседневным явлением, изменилась, так сказать, их проблематика¹. Итак, великая

¹ Характерные материалы дают в этом отношении организованная газетой «Дейли стар» анкета на тему «Есть ли у саламандр душа?» Мы процитируем из ответов на эту анкету (впрочем, без рутательства за подлинность) изречения нескольких видных лиц:

Dear sir!¹

Вместе с моим другом достопочтенным Х. Б. Бертрамом я наблюдал за саламандрами в течение довольно долгого времени на строительстве мола в Адепе; два или три раза мы даже говорили с ними, но не нашли у них никакого намека на высшие чувства, то есть такие, как Честь, Вера, Патриотизм или Спортивный Дух. А что же еще, спрашивается, можем мы с полным правом назвать душою?

Truly yours colonel² Джон У. Бриттон

Я никогда не видел саламандры; но уверен, что у созданий, не имеющих своей музыки, нет и души.

Тосканини

Оставим в стороне вопрос о душе; но поскольку я мог наблюдать *Andrias*'а, я сказал бы, что у него нет индивидуальности; все они похожи друг на друга, все одинаково старательные, одинаково способные... и одинаково невыразительные — словом, в них

¹ Дорогой сэр! (англ.).

² Преданный вам полковник (англ.).

сенсационность саламандр довольно скоро потускнела: ее место заняло нечто другое, до известной степени более солидное, а именно *Саламандровый Вопрос*. Застрельщиком Саламандрового Вопроса — как это не раз случалось в истории человеческого прогресса — оказалась женщина. Это была мадам Луиза Циммерман, директриса

воплощая подлинный идеал современной цивилизации, то есть Стандарт.

Андре д'Артуа

Души у них, безусловно, нет. В этом они сходны с человеком.

Ваш Бернард Шоу

Ваш вопрос поставил меня в тупик. Я знаю, например, что у моей китайской собачки Биби маленькая и притом прелестная душа; точно так же и у моей персидской кошки Сиди Хапум есть душа, да еще какая гордая и жестокая! Но саламандры? Ну, да, они очень одарены и интеллигентны, эти бедняжки; умеют говорить, считать и приносят огромную пользу. Но они ведь такие безобразные!

*Ваша Мадлен Рош **

Пусть саламандры, лишь бы не марксисты!

Курт Губер

Души у них нет. В противном случае мы были бы обязаны признать за ними право на экономическое равенство с человеком, что было бы абсурдом.

*Генри Бонд **

В них нет никакого sex appeal! А значит, нет и души.

Мэй Уэст

У них есть душа, как есть она у каждого создания и каждого растения, как есть она у всего живущего. Велико таинство жизни.

Сандрабхарата Пат

У них любопытная техника и стиль плавания: мы можем многому у них научиться, в частности при плавании на длинные дистанции.

*Тони Вайсмюллер **

пансиона для девиц в Лозанне, которая с необычайной энергией и неостыкающим пылом проповедовала по всему свету свой благородный лозунг: «*Дайте саламандрам систематическое школьное образование!*» Долгое время она наталкивалась на непонимание со стороны общественности, хотя неустанно подчеркивала, с одной стороны, прирожденную сообразительность саламандр, а с другой — ту опасность, которая может возникнуть для человеческой цивилизации, если саламандры не будут получать тщательного умственного и нравственного воспитания. «Подобно тому как римская культура погибла от вторжения варваров, погибнет и наша цивилизация, если она окажется островом среди моря духовно угнетенных существ, которым закрыт доступ к высшим идеалам современного человечества», — так пророчески взывала она на шести тысячах трехстах пятидесяти семи лекциях, прочитанных ею во всех женских клубах Европы и Америки, а также в Японии, Китае, Турции и других странах. «Чтобы сохранить культуру, надо сделать ее всеобщим достоянием. Мы не можем спокойно пользоваться ни благами нашей цивилизации, ни плодами нашей культуры, пока вокруг нас прозябают миллионы и миллионы несчастных, униженных существ, искусственно содержащихся в животном состоянии. Подобно тому как лозунгом девятнадцатого столетия было Освобождение Женщины, так лозунгом нашего века должно быть: «*Дайте саламандрам систематическое образование!*» И так далее, и так далее.

Благодаря своему красноречию и невероятному упорству мадам Луиза Циммерман сумела мобилизовать женщин всего мира и собрала достаточные средства, для того чтобы учредить в Больё (возле Ниццы) первую гимназию для саламандр, где помет саламандр, работающих в Марселе и Тулоне, обучался французскому языку и ли-

тературе, риторике, светским манерам, математике и истории культуры¹. Несколько меньший успех имела женская гимназия для саламандр в Ментоне, где преподавание основных предметов — музыки, диетической

¹ Подробнее см. об этом в книге «Mme Louise Zimmermann, sa vie, ses idées, son œuvre»¹ (издательство «Алькан»). Приведем из этого труда благоговейные воспоминания саламандры, которая была одной из первых воспитанниц мадам Циммерман:

«Она читала нам басни Лафонтена, сидя возле нашего простого, но чистого и удобного бассейна: она, правда, страдала от сырости, но пренебрегала этим, всей душой отдаваясь своему педагогическому призванию. Она называла нас «mes petits chinois»², потому что мы, как и китайцы, не умели выговаривать звук «р». Но со временем она так к этому привыкла, что сама стала выговаривать свою фамилию «мадам Циммерман». Мы, головастики, обожали ее; малыши, которые еще не имели достаточно развитых легких и не могли покидать воду, плакали оттого, что не в состоянии были сопровождать ее во время прогулок по школьному саду. Она была так кротка и так ласкова, что, насколько я знаю, рассердилась только однажды: это было, когда паша молодая преподавательница истории в злойный летний день надела купальный костюм, вошла к нам в бассейн и, сидя по шею в воде, рассказывала нам о войнах за освобождение Нидерландов. Наша дорогая мадам Циммерман серьезно на нее рассердилась. «Сейчас же идите и вымойтесь, мадемуазель, идите, идите!» — кричала она со слезами на глазах. Для нас это был деликатный, но назидательный урок, давший нам понять, что мы ведь все-таки не люди; впоследствии мы были благодарны нашей духовной матери за то, что она разъяснила нам это в такой твердой и вместе с тем тактичной форме.

Если мы хорошо учились, она читала нам в награду стихи современных авторов, таких, например, как Франсуа Копье*. «Правда, это слишком современно, — говорила она, — но, в конце концов, теперь и это необходимо для хорошего образования». По окончании учебного года был устроен публичный акт, на который

¹ «Мадам Луиза Циммерман, ее жизнь, идеи и деятельность» (франц.).

² Моя китайчата (франц.).

кухни и тонкого рукоделия (мадам Циммерман настаивала на этих предметах по соображениям главным образом педагогическим) — столкнулось с явным недостатком сообразительности, а иногда и прямо с упорным невниманием со стороны юных гимназисток-саламандр. В противоположность этому первые публичные экзамены молодых саламандр мужского пола прошли с таким поразительным успехом, что после этого (стараниями Общества покровительства животным) был учрежден Морской политехникум для саламандр в Каннах и Саламандровый университет в Марселе; именно здесь саламандра впервые получила степень доктора прав.

Отныне вопрос о воспитании саламандр начал развиваться быстро и нормальным путем. Прогрессивные педагоги выдвинули против образцовых Ecoles Zimtgermann (циммермановских школ) много серьезных возражений.

пригласили господина префекта из Ниццы, а также других представителей администрации и различных важных особ. Способных и наиболее успевающих учеников, у которых уже были легкие, школьные сторожка обсушали и одели в нечто вроде белых риз; потом, скрытые за тонкой занавеской (чтобы не испугать дам), они читали басни ЛаФонтена, решали математические задачи и перечисляли в последовательном порядке королей из династии Кастильи, называя точные даты. После этого господин префект в длинной и красивой речи выразил благодарность нашей дорогой директрисе, и этим закончилось торжество.

В такой же мере, как о нашем духовном развитии, мадам Циммерман заботилась и о нашем физическом воспитании; ежемесячно нас осматривал ветеринар, а раз в полугодие нас взвешивали. Особенно настойчиво наша дорогая руководительница внушала нам, чтобы мы отказались от отвратительных, распутных Лунных Тапцев. Мне совестно признаться, но, несмотря на это, некоторые из более зрелых воспитанников во время полнолуния тайком предавались этому животному бесстыдству. Надеюсь, что наша воспитательница, бывшая для нас матерью и другом, никогда не узнала об этом; это разбило бы ее великое, благородное и любвеобильное сердце».

В частности, они утверждали, что устарелые гуманитарные школы человеческой молодежи не годятся для воспитания подрастающих поколений саламандр; они решительно отвергали преподавание литературы и истории и рекомендовали уделять побольше места и времени практической программе, то есть таким предметам, как естественные науки, работа в школьных мастерских, техническое обучение, физическая культура и т. п. Эту так называемую реформированную школу, или «Школу практической жизни», в свою очередь яростно громили сторонники классического образования, заявляя, что только на основе латыни можно приобщить саламандр к культурным достижениям человечества и что мало научить их говорить, надо научить их цитировать поэтов и выражаться с цицероновским красноречием. На эту тему завязался долгий и довольно жаркий спор, который под конец разрешился тем, что школы для саламандр взяло в свое ведение государство, а школы для человеческой молодежи были преобразованы, с тем чтобы по возможности приблизить их к идеалам реформированной школы для саламандр.

Вполне естественно, что и в других государствах стали раздаваться призывы к обязательному систематическому обучению саламандр в подчиненных государственному надзору школах. Постепенно к этому пришли во всех приморских странах (за исключением, конечно, Великобритании), а так как саламандровые школы не были обременены грузом старых классических традиций и могли, следовательно, воспользоваться всеми новейшими методами психотехники, технологического воспитания, допризывной подготовки и другими последними педагогическими достижениями, то в них вскоре установилась та современнейшая и с научной точки зрения прогрессивнейшая система обучения, которая справед-

ливо сделалась предметом зависти всех педагогов и воспитанников человеческой школы.

Вместе со школьным обучением саламандр появился на свет языковый вопрос. Какой из существующих на свете языков должны прежде всего изучать саламандры? Саламандры родом с тихоокеанских островов, естественно, говорили на Pigeon English*, который они переняли от туземцев и матросов; многие изъяснялись по-малайски или на других местных наречиях. Саламандр, предназначенных для сингапурского рынка, приучали говорить на Basic English, то есть на научно-упрощенном английском языке, который обходится несколькими сотнями выражений и опускает устарелые грамматические формы; этот реформированный, стандартный английский язык стали поэтому называть «саламандер-инглиш». В образцовых Ecoles Zimmermann саламандры объяснялись на языке Корнеля, однако вовсе не по националистическим соображениям, а лишь потому, что этого требует высшее образование; паоборот, в реформированных школах их обучали эсперанто, как языку удобопонятному. В то время появились и еще пять или шесть универсальных языков, которые должны были прийти на смену вавилонской путанице и дать всему миру — как людям, так и саламандрам — единый общий язык; конечно, было много споров о том, какой из этих универсальных языков наиболее целесообразен, благозвучен и универсален. В конечном счете получилось, что каждая нация пропагандировала свой собственный Универсальный Язык¹.

Когда саламандровые школы перешли в руки государства, все дело упростилось: в каждой стране сала-

¹ Между прочим, знаменитый филолог Курциус в своем сочинении «Janua Linguarum aperta»¹ предлагал принять в каче-

¹ «Открытые врата речи» * (лат.).

мандр обучали языку соответствующей правящей нации. Хотя саламандры изучали иностранные языки довольно легко и охотно, однако их лингвистические способности не лишены были некоторых своеобразных недостатков, объяснявшихся отчасти устройством их органов речи, а отчасти причинами психологического характера: так, например, они с трудом выговаривали длинные многосложные слова и старались свести их к одному слогу, который произносили, квакая; вместо «р» они выговаривали

стве единого обиходного языка для саламандр золотую латынь эпохи Вергилия. «Ныне в нашей власти, — взывал он, — принять латынь, этот самый совершенный, самый богатый грамматическими правилами и самый научно обработанный язык. Если эту возможность упустит образованное человечество, сделайте это вы, саламандры, *gens maritima*¹, изберите своим родным языком *eruditam linguam latinam*², единственный язык, достойный того, чтобы на нем говорил *orbis terrarum*³. Бессмертной будет ваша заслуга, саламандры, если вы воскресите к новой жизни вечный язык богов и героев, ибо вместе с этим языком к вам, *gens tritopum*⁴, перейдет наследство, завещанное властелином мира — древним Римом».

Между тем, один латвийский телеграфный чиновник, по фамилии Вольтерас, вместе с пастором Менделеусом придумал и разработал специальный язык для саламандр под названием «понтийский язык» (*pontec lang*); он воспользовался для этого элементами языков всего мира, особенно африканских. Этот саламандровый язык (как его тоже называли) получил известное распространение главным образом в северных странах, но, к сожалению, только среди людей; в Упсале была даже учреждена кафедра саламандрового языка, но что касается саламандр, то, насколько известно, ни одна из них не говорила на этом языке. По правде сказать, среди саламандр больше всего был в ходу *Basic English*, который впоследствии и сделался официальным языком саламандр.

¹ Морское племя (лат.).

² Утонченный латинский язык (лат.).

³ Весь мир (лат.).

⁴ Племя тритонов (лат.).

«л» и на свистящих звуках шепелявили; опускали грамматические окончания, никак не могли научиться различать «я» и «мы», и им было все равно, относится ли данное слово к мужскому или женскому роду (по-видимому, в этом проявилось их половое бесстрастие, покидавшее их только в период спаривания). Словом, любой язык претерпевал в их устах характерные изменения, своего рода рационализацию, сводившую его к простейшим,rudиментарным формам. Достойно внимания, что их неологизмы, их произношение и их грамматическая примитивность начали быстро распространяться, — с одной стороны, среди портового люда, с другой — в так называемом высшем обществе; отсюда эта разговорная манера перешла в газеты и вскоре сделалась всеобщей. Из речи людей исчезло большинство грамматических форм, отпали окончания, вымерли падежи; золотая молодежь упразднила «р» и научилась шепелявить; редко кто из образованных людей мог бы еще сказать, что значит «индетерминизм» или «транспондентный» — по той простой причине, что и для людей эти слова сделались слишком длинными и неудобопроизносимыми.

Словом, плохо ли, хорошо ли, но саламандры стали говорить почти на всех существующих языках в зависимости от того, на чьем побережье они жили. В чехословацкой печати, кажется в «Народных листах», появилась тогда статья, автор которой (вполне основательно) с горечью спрашивал, почему саламандры не изучают также и чешский язык, если есть на свете земноводные, говорящие по-портugальски, по-голландски и на языках других малых наций. «Наша нация не имеет, к сожалению, собственных морских берегов, — признавал автор статьи, — и потому у нас нет саламандр; но если у нас нет своих морей, то это еще не значит, что мы не вносим в миро-

вую культуру такую же, а во многих отношениях даже более замечательную лепту, чем многие нации, языки которых изучаются тысячами саламандр. Было бы только справедливо, если бы саламандры познакомились с нашей духовной жизнью, но как могут они приобщиться к ней, если среди них нет никого, кто владел бы нашим языком? Не будем ждать, пока кто-нибудь поймет свой культурный долг и учредит кафедру чешского языка и чехословацкой литературы в одном из саламандровых учебных заведений. Как говорит поэт: «...не верьте никому на свете, у нас друзей там нет ни одного» *. «Постараемся же сами исправить дело, — взывал автор статьи. — Все, чего мы до сих пор добились в мире, сделано нашими собственными силами! Наше право и наша обязанность — стремиться к тому, чтобы найти друзей и среди саламандр; но, по-видимому, наше Министерство иностранных дел не уделяет должного внимания пропаганде нашей культуры и нашей продукции среди саламандр, хотя другие малые нации жертвуют миллионы, чтобы открыть перед саламандрами сокровищницы своей культуры и в то же время пробудить в них интерес к изделиям своей промышленности».

Эта статья возбудила большое внимание главным образом в Союзе промышленников и имела по крайней мере тот результат, что был издан краткий учебник «Чешский язык для саламандр» с примерами из чехословацкой изящной литературы. Это звучит неправдоподобно, но книжка действительно разошлась в количестве свыше семисот экземпляров: следовательно, это был замечательный успех¹.

¹ Приведем в связи с этим сохранившийся в коллекции папа Повондры очерк, принадлежащий перу Яромира Зейделя-Новоместского *.

Совершая кругосветное путешествие, предпринятое мною вместе с моей супругой, поэтессой Генриэттой Зейдловой-Хрудимской,* в надежде, что под нашим многочисленных новых и глубоких впечатлений хоть несколько изгладится боль горестной утраты, понесенной нами в лице нашей дорогой тетушки, писательницы Богумилы Яцовой-Стршешовицкой*, мы посетили далекие, овеянные столь многими легендами Галапагосские острова. У нас было всего два часа времени, и мы воспользовались ими для прогулки по берегам этих пустынных островов.

— Взгляни, какой прекрасный закат солнца, — обратился я к своей супруге. — Разве не кажется, будто весь небесный свод тонет в золоте и крови вечерней зари?

— Нап изволит быть чехом? — раздалось за нами на чистом и правильном чешском языке.

Мы удивленно обернулись на голос. Там не было никого, только большая черная саламандра сидела на камне, держка в руке какой-то предмет, похожий на книжку. Во время нашего путешествия мы встретили уже несколько саламандр, но до сих пор не имели случая вступить с ними в беседу.

Любезный читатель поймет поэтому наше изумление, когда на таком пустынном побережье мы увидели саламандру, да еще к тому же услышали вопрос на нашем родном языке.

— Кто здесь разговаривает? — воскликнул я по-чешски.

— Это я взяла на себя смелость, — ответила саламандра, почтительно приподнимаясь. — Я не могла совладать с собой, услышав впервые в жизни чешскую речь.

— Откуда, — поразился я, — вы знаете чешский язык?

— Я как раз сейчас развлекалась спряжением неправильного глагола «быть», — ответила саламандра. — Между прочим, этот глагол неправильно спрягается во всех языках.

— Как, где и для чего, — допытывался я, — научились вы по-чешски?

— Мне случайно попала в руки эта книга, — ответила саламандра, протягивая мне книжку, которую она держала. Это был «Чешский язык для саламандр», и страницы учебника посыпали на себе следы частого и прилежного пользования им.

— Она попала сюда, — продолжала саламандра, — вместе с партией других книг научного содержания. Я могла выбрать себе «Геометрию для

старших классов», «Историю военной тактики», «Путеводитель по доломитовым пещерам» или «Принципы биметаллизма». Но я предпочла эту книжку, которая сделалась моим неразлучным другом. Я уже знаю ее всю наизусть и все-таки каждый раз нахожу в ней новые источники развлечения и полезных знаний.

Моя супруга и я выразили неподдельную радость и изумление по поводу правильного и в общем довольно внятного произношения саламандры.

— К сожалению, здесь нет никого, с кем я могла бы говорить по-чешски, — скромно сказал наш новый друг, — а я, например, не уверена, как будет творительный падеж множественного числа от слова «дверь» — «дверями» или «дверьми».

— Дверями, — сказал я.

— Ах нет, дверьми! — воскликнула моя супруга.

— Не будете ли вы так любезны сказать мне, — спросил с горячим интересом наш милый собеседник, — что нового в стобашенной матушке Праге?

— Она разрастается, мой друг, — ответил я, обрадованный его любознательностью, и в нескольких словах обрисовал ей расцвет панорам золотой столицы.

— Как приятно слышать такие вести, — сказала саламандра с явным удовлетворением.

— Скажите, висят ли еще на Мостовой башне головы казненных чешских папов?*

— Что вы, давно уже нет, — ответил я, признавшись, несколько озадаченный таким вопросом.

— Ах, как жалко! — воскликнула симпатичная саламандра. — Это был редкостный исторический памятник. До чего грустно, что столько известнейших памятников погибло во время Тридцатилетней войны! Если не ошибаюсь, земля чешская была превращена в пустыню, залитую слезами и кровью. Счастье еще, что тогда не погиб родительный падеж при отрицаниях. В этой книжке говорится, что он отмирает. Я была бы этим очень огорчена.

— Вы, значит, увлекаетесь и нашей историей? — радостно воскликнул я.

— Конечно, — ответила саламандра. — Особенно белогорским разгромом и трехсотлетним порабощением*. Я очень много читала о них в этой книге. Вы, несомненно, чрезвычайно гордитесь своим трехсотлетним порабощением. Это было великое время, сударь.

— Да, тяжелое время, — подтвердил я, — время невеличия и горя.

— И вы стонали? — с живым интересом осведомился наш друг.

— Стоали, невыразимо страдая под ярмом свирепых угнетателей.

— Я очень рада, — облегченно перевела дух саламандра. — В моей книжке так и сказано. Я очень рада, что это правда. Это превосходная книга, лучше, чем «Геометрия для старших классов средних школ». Я охотно побывала бы на том историческом месте, где были казнены чешские паны, равно как и в других запомнившихся местах, где вершилось жестокое беспрощавие.

— Так приезжайте к нам, — предложил я от всего сердца.

— Благодарю за любезное приглашение, — поклонилась саламандра. — К сожалению, я не столь свободна в своих передвижениях...

— Мы могли бы купить вас!.. — вскричал я. — То есть я хочу сказать, что при помощи национальной подписки можно было бы собрать средства, которые позволили бы вам...

— Искреннейше благодарю вас, — пробормотал наш друг, явно растроганный. — Но я слышал, что во Влтаве — неважная вода. В речной воде мы заболеваем тяжелой формой ипоноса. — Немного подумав, саламандра прибавила: — К тому же мне было бы тяжело расстаться с моим любимым садиком.

— Ах, — воскликнула моя супруга. — Я тоже страстная

садовница! Как я была бы вам благодарна, если бы вы показали нам произведения здешней флоры!

— С величайшим удовольствием, дорогая пани, — ответила саламандра с любезным поклоном. — Но не послужит ли для вас препятствием то обстоятельство, что мой любимый сад находится под водой?

— Под водой?

— Да. На глубине двадцати двух метров.

— Какие же цветы вы там разводите?

— Морские анемоны, — ответил наш друг. — Несколько редких сортов. А также морские звезды и морские огурцы, не говоря уже о коралловых кустах. «Блажен, кто вырастил для родины свой одну хотя бы розу, один хотя бы черенок» *, — как говорит поэт.

К сожалению, пришла пора расстаться, так как пароход давал сигналы отправления.

— А что бы вы хотели передать, пан... пан... — запнулся я, не зная, как зовут нашего друга.

— Мое имя Болеслав Яблонский *, — застенчиво подсказала саламандра. — По-моему, это красивое имя. Я его выбрала себе из моей книжки.

— Так что нам, пан Яблонский, передать от вашего имени нашему народу?

Саламандра на мгновение задумалась.

— Скажите своим соотечественникам, — проговорила она с глубоким волнением, — скажите им... Пусть не предаются старым славянским раздорам и пусть благодарно хранят в памяти Липаны^{*} и в особенности Белую Гору! Доброго здоровья! Честь имею кланяться! — внезапно оборвала она, стараясь справиться с волнением.

Мы сели в лодку и отчалили, растроганные и погруженные в раздумья. Наш друг стоял на скале и машал нам; кажется, он что-то кричал.

— Что он кричит? — спросила моя супруга.

— Не знаю, — сказал я, — что-то вроде: «Передайте привет пану приматору доктору Баксе*».

Вопросы образования и языка составляли лишь одну сторону грандиозной саламандровой проблемы, которая, так сказать, вырастала под боком у человечества. Так, например, вскоре возник вопрос: как, собственно, относиться к саламандрам, точнее — какое место уделить им в обществе. В первые, если можно их так назвать, доисторические годы Саламандрового Века различные общества покровительства животным ревностно заботились о том, чтобы с саламандрами не обращались жестоко и бесчеловечно; благодаря их неустанному вмешательству власти почти всюду следили за тем, чтобы к саламандрам полностью применялись полицейские и ветеринарные правила, установленные для других видов домашнего скота. Кроме того, принципиальные противники вивисекции подписали много протестов и петиций, требуя запрещения научных экспериментов на живых саламандрах. В ряде государств действительно были изданы такие законы¹. Однако по мере развития образования среди саламандров становилось все более сомнительным, можно ли просто распространять на них общие правила покровительства животным; по каким-то не вполне ясным

¹ В частности, в Германии была строго запрещена всякая вивисекция — впрочем, только биологам-евреям.

причинам это казалось неловким. Тогда была основана международная Лига покровительства саламандрам (*Salamander Protecting League*) под попечительством герцогини Хеддерсфилд. Эта лига, насчитывавшая свыше двухсот тысяч членов, главным образом жителей Англии, проделала большую, достойную всяческих похвал работу; в частности, она добилась того, что на морских побережьях были устроены специальные площадки, где без помех со стороны любопытствующих зрителей саламандры могли устраивать свои «собрания и спортивные празднества» (под этим разумелись, вероятно, лунные танцы); во всех учебных заведениях и даже в Оксфордском университете учащимся внушали, чтобы они не кидали камнями в саламандр; были припрятаны некоторые меры к тому, чтобы молодых головастиков в саламандровых школах не слишком обременяли уроками; и, наконец, те места, где работали и жили саламандры, были обнесены высоким забором, который ограждал саламандр от всяких беспокойств, а главное в достаточной мере отделял мир саламандр от мира людей¹. Однако этой похвальной частной инициа-

¹ По-видимому, здесь играла роль также и некоторые нравственные побуждения. Среди документов царя Повонды было найдено по многих экземплярах и на разных языках *«Воззвание»*, опубликованное, видимо, в газетах всего мира и подписанное самой герцогиней Хеддерсфилд. В этом воззвании говорилось:

«Лига покровительства саламандрам обращается к вам, женщины, с призывом в интересах приличия и добрых нравов собственноручной работой принять участие в великом деле, цель которого — снабдить саламандр подобающим одеянием. Для этого больше всего подходит юбочка длиной 40 см, шириной в поясе — 60 см, лучше всего со вшитой резинкой.»

Рекомендуется юбочка, собранная в складки (плиссе), которая очень красит фигуру и допускает большую свободу движений. Для тропических стран достаточно передника с завязками,

тивы, которая стремилась построить отношения между человеческим обществом и саламандрами на началах приличия и гуманности, вскоре оказалось недостаточно.

Было, конечно, сравнительно легко «включить» саламандр в производственный процесс, но гораздо труднее и сложнее оказалось вместить их в рамки существующего общественного порядка. Правда, люди консервативные утверждали, что здесь не может быть и речи о каких-либо юридических или социальных проблемах; саламандры,

спитого из самой простой стирающейся материи, в частности из каких-нибудь остатков вашего старого гардероба. Этим вы окажете помощь бедным саламандрам и избавите их от необходимости показываться без всякой одежды во время работ в присутствии людей, что, несомненно, подвергает испытанию их стыдливость и в то же время оскорбляет каждого приличного человека, и особенности каждой женщину и мать».

Судя по всему, это начинание не дало желаемых результатов; нет сведений о том, чтобы саламандры когда-либо соглашались носить юбочки или передники; вероятно, одежда стесняла их под водой или не держалась на них. А когда саламандры были отделены от людей заборами, для обеих сторон отпали какие бы то ни было поводы для стыда или неприятных впечатлений.

Что касается нашего замечания о необходимости оградить саламандр от всяких беспокойств, то мы имели в виду главным образом собак, которые никак не могли примириться с существованием саламандр и беспречно преследовали их даже в воде, несмотря на то что у собаки, искусавшей саламандру, потом воспалялась слизистая оболочка пасти. Иногда саламандры запицались, и немало прекрасных породистых собак было убито киркой или мотыгой. Вообще между собаками и саламандрами возникла упорная, можно сказать — смертельная вражда, и устройство заграждений, отделявших их друг от друга, ничуть не ослабило, а скорее усилило и обострило эту вражду. Но так уж издавна повелось, и не только у собак.

Между прочим, эти просмоленные заборы, тянущиеся часто на сотни километров вдоль берега моря, использовались и

говорили они, являются просто собственностью своего хозяина, который отвечает за них и, в частности, за тот вред, который они могли бы причинить; несмотря на свою несомненную интеллигентность, саламандры не что иное, как объект права, вещь или имущество, и всякие специальные законодательные постановления, касающиеся саламандр, были бы посягательством на священные права частной собственности. Другие возражали на это, что саламандры, как существа интеллигентные и в значительной мере способные отвечать за свои действия, могут по собственному умыслу и притом различнейшими способами нарушать действующие законы. С какой же стати должен собственник саламандр нести ответственность за те проступки, которые позволяют себе его саламандры? Такой риск, несомненно, подорвал бы частную инициативу в области работ, выполняемых саламандрами. В море ведь нет заборов, и там нельзя запереть саламандр, чтобы держать их под надзором. Поэтому нужно законодательным путем обязать самих саламандр уважать человеческий

в воспитательных целях: во всю длину их покрывали надписями и лозунгами, полезными для саламандр, как, например:

Ваш труд — ваш успех!

Цените каждую секунду!

Сутки состоят всего из 86 400 секунд!

Ценность каждого измеряется его трудом!

Один метр дамбы вы можете воздвигнуть за 57 минут!

Кто трудится, тот служит всем!

Кто не работает, тот не ест!

И так далее. Если учесть, что такого рода дощатые ограды окаймляли в общей сложности более трехсот тысяч километров прибрежных полос во всем мире, мы можем себе представить, сколько ободряющих и общеполезных изречений умещалось на них.

правопорядок и подчиняться правилам, которые будут установлены для них¹.

Насколько известно, законы о саламандрах были изданы прежде всего во Франции. Первый из них определял обязанности саламандр в случае мобилизации и войны; второй закон (так называемый закон Деваля) предписывал саламандрам селиться только в тех прибрежных пунктах, которые укажет им их собственник или соответствующий орган департаментской

¹ Интересны в этом отношении материалы первого «Саламандрового процесса», который слушался в Дурбане и (как видно из вырезок газет Повондры) вызвал многочисленные комментарии мировой печати. Портовое управление в А. приобрело для работ отряд саламандр. С течением времени они так размножились, что в порту для них уже не хватило места, и несколько колоний головастиков обосновалось на соседнем побережье. Помещик Б., которому принадлежала часть этого побережья, потребовал, чтобы портовое управление удалило своих саламандр из его береговых владений, так как там стояла его купальня. Портовое управление возразило, что ему до этого нет дела: с того момента, как саламандры поселились во владениях жалобщика, они стали его частной собственностью. Пока эти переговоры тянулись в обычном порядке, саламандры (отчасти по врожденному инстинкту, отчасти из усердия, привитого им обучением) начали без всякого распоряжения или разрешения строить на новом месте дамбы и бассейны. Тогда мистер Б. предъявил к портовому управлению иск о причиненных ему убытках. Первая инстанция отклонила иск, мотивируя свое решение тем, что дамбы не причинили ущерба мистеру Б., а, наоборот, улучшили состояние его имущества. Вторая инстанция признала, однако, что истец прав, ибо никто не обязан терпеть на своей земле домашних животных соседа, и что портовое управление отвечает за всякий ущерб, причиненный его саламандрами, точно так же как фермер обязан возмещать вред, причиненный соседям его скотом. Ответчик возражал, что он не отвечает за саламандр, так как не может изолировать их в море. В ответ на это судья заявил, что, по его мнению, вред, причиненный саламандрами, надо рассматривать по аналогии с предом, причиняемым курами,

администрации; третий закон гласил, что саламандры обязаны беспрекословно подчиняться всем полицейским распоряжениям; в случае неподчинения полицейские власти имеют право карать их заключением в сухом и светлом месте и даже долгосрочным отстранением от работы. Левые партии тотчас внесли в парламент предложение разработать систему социальных законов для саламандр, которые ограничили бы их трудовые повинности и возложили на работодателей определенные обязательства по отношению к трудящимся саламандрам (например, двух-

которых тоже нельзя изолировать, так как они умеют летать. Поверенный портового управления осведомился, каким же образом его клиент может удалить саламандр или добиться, чтобы они сами покидали частные береговые владения мистера Б. Судья ответил, что это суда не касается. Поверенный спросил тогда, как достопочтенный судья относится бы к действиям ответчика, если бы тот приказал перестрелять этих нежелательных саламандр. Судья ответил, что, как британский джентльмен, он считал бы это крайне некорректным поступком и, кроме того, нарушением охотничьих прав мистера Б. Ответчик обязан, с одной стороны, удалить саламандр из частных владений истца, а с другой — возместить вред, причиненный постройкой дамб и изменением прибрежной полосы, причем это должно быть сделано путем приведения участка в прежнее состояние. Поверенный ответчика задал вопрос, можно ли для сломки возведенных сооружений использовать саламандр. Судья ответил, что, по его мнению, никаким образом, если на это не будет согласия истца, жена которого чувствует отвращение к саламандрам и не может купаться в оскверненных ими местах. Ответчик возразил, что без саламандр он не в состоянии убрать дамбы, сооруженные под водой. В ответ на это судья заявил, что суд не хочет и не может входить в обсуждение технических подробностей; суды существуют для охраны имущественных прав, а не для рассуждений о том, что выполнимо и что — нет.

Так был разрешен вопрос со стороны юридической. Неизвестно, как портовое управление в А. выпло из этого трудного положения. Но все это дело показало, что саламандровый вопрос придется регулировать при помощи новых юридических средств.

недельный отпуск в период весеннего спаривания); в противоположность этим партиям крайние левые потребовали вообще изгнать из общества всех саламандр, как враждебных трудящимся массам, ибо саламандры слишком много, и притом почти бесплатно, работают на капиталистов, чем ставят под угрозу жизненный уровень рабочего класса. В поддержку этого требования в Бресте началась забастовка, а в Париже произошли крупные демонстрации; в результате было много раненых и кабинет Деваля вынужден был подать в отставку. В Италии саламандры были подчинены специальной Саламандровой корпорации, состоящей из предпринимателей и представителей власти; в Голландии они находились в ведении министерства водных сооружений; словом, каждое государство решало саламандровую проблему по-своему, и все по-разному. Но многочисленные правительственные распоряжения, которые определяли гражданские обязанности и ограничивали чисто животную свободу саламандр, были в общем всюду одинаковы.

Разумеется, тотчас вслед за изданием первых законов о саламандрах появились люди, которые во имя юридической логики доказывали, что если человеческое общество налагает на саламандр известные обязанности, то оно должно признать за ними и некоторые права. Государство, издавая законы для саламандр, тем самым признает их свободными и правомочными субъектами права и даже своими подданными; а в таком случае надо каким-то образом упорядочить их взаимоотношения с государством, под юрисдикцией которого они находятся. Можно, конечно, считать саламандр иностранными иммигрантами, но тогда государство не вправе налагать на них определенные обязанности и повинности на случай мобилизации и войны, как это сделали все цивилизованные страны (за исключением Англии). В случае военного

конфликта мы наверняка потребуем от саламандр, чтобы они защищали наши побережья; но тогда мы не можем отказать им в известных гражданских правах, как-то: избирательное право, право собраний, право на представительство в различных выборных органах и так далее¹.

¹ Некоторые понимали равноправие саламандр до такой степени буквально, что требовали для саламандр права занимать любые общественные должности в воде и на суше (Ж. Курто) или сформирования из саламандр, вооруженных по всем правилам, подводных полков с собственными подводными командирами (генерал Дефур) и даже разрешения смешанных браков между людьми и саламандрами (адвокат Луи Пьерро). Правда, естество-веды утверждали, что такие браки вообще невозможны; но мэтр Пьерро заявил, что дело не в физической возможности, а в правовом принципе и что он сам готов жениться на саламандре, дабы доказать, что реформа брачного права не останется только на бумаге. (Впоследствии мэтр Пьерро сделался весьма популярным адвокатом по бракоразводным делам.)

(В связи с этим следует упомянуть, что в американской печати время от времени появлялись сообщения о девушках, якобы изнасилованных саламандрами во время купания. Поэтому в Соединенных Штатах участились случаи, когда саламандр хватали и подвергали личеванию — чаще всего путем сожжения на костре. Напрасно ученые протестовали против этого народного обычая, утверждая, что строение тела саламандр совершенно исключает подобные преступления с их стороны; многие девушки показали под присягой, что саламандры приставали к ним, и тем самым для каждого нормального американца вопрос был решен. Впоследствии излюбленный способ личевания саламандр, то есть сожжение, подвергся все-таки ограничению: сжигать саламандр разрешалось только по субботам, и притом под наблюдением пожарных. Тогда же возникло и «Движение против личевания саламандр», во главе которого стал негритянский священник Роберт Дж. Вашингтон; к нему примкнуло свыше ста тысяч человек, впрочем почти исключительно негров. Американская печать подняла крик, заявляя, что это движение преследует разрушительные политические цели; дело дошло до нападений на негритянские кварталы, причем было сожжено много негров,

Раздавались даже требования о предоставлении саламандрам своего рода подводной автономии, но все эти и другие подобные же рассуждения оставались всегда чисто академическими; дело не дошло до каких-либо практических выводов главным образом потому, что саламандры нигде и никогда не добивались никаких политических прав.

Так же, без участия саламандр и без видимого интереса с их стороны, протекала другая крупная дискуссия вокруг вопроса — можно ли крестить саламандр. Католическая церковь с самого начала твёрдо держалась той точки зрения, что это недопустимо ни под каким видом: поскольку саламандры не принадлежат к адамову потомству и не были зачаты в первородном грехе, они не могут быть очищаемы от этого греха таинством святого

молившихся в своих церквях за Братьев Саламандр. Ожесточение против негров достигло своей высшей точки, когда от подожженной негритянской церкви в Гордонвилле (штат Луизиана) пожар распространился на весь город. Впрочем, это уже не имеет прямого отношения к истории саламандр.)

Из числа юридических установлений и льгот, действительно касающихся саламандр, упомянем хотя бы некоторые: каждая саламандра была записана в саламандровую метрическую книгу и зарегистрирована по месту работы; саламандры обязывались получать разрешение властей на проживание в данном месте; они должны были платить подушную подать, которую вносили за них их владелец, производивший потом соответствующие удержания из выдаваемой им пищи (так как саламандры не получали денежного вознаграждения); точно так же они должны были платить арендную плату за участки побережья, на которых жили, взносы в муниципальную кассу, пошлину за воздвигнутые заборы, школьный налог и нести прочие общественные повинности; короче, мы должны честно признать, что в этом отношении с ними обходились, как и с другими гражданами, так что они все же пользовались известным равноправием.

крещения. Святая церковь не желает входить в обсуждение вопроса, обладают ли саламандры бессмертной душой или какими-нибудь другими дарами господней благодати; ее благорасположение к саламандрам может выражаться лишь в поминании их в особой молитве, которая будет произноситься в определенные дни наряду с молитвой за души в чистилище и представительством за невेरующих¹. Не так просто было разрешить этот вопрос протестантским церквам; правда, они признавали за саламандрами разум, а следовательно, и способность воспринять христианское учение, но не решались принять их в лоно церкви и тем самым сделать своими братьями во Христе. Поэтому они ограничились изданием (в сокращенном виде) священного писания для саламандр на непромокаемой бумаге и распространили его в миллионах экземпляров; предполагалось также сочинить для саламандр по аналогии с «Basic English» нечто вроде «basic-christian», то есть сведенное к основным принципам и упрощенное христианское учение; но сделанные в этом направлении опыты вызвали столько теологических споров, что в конце концов от этой затеи пришлось отказаться². Не столь щепетильны были некоторые религиозные секты (особенно американские), которые посыпали к саламандрам своих миссионеров, чтобы они проповедовали им Истинную Веру и крестили их в соответствии со словами писания: «Идите по всему миру, учите все народы». Но лишь немногим миссионерам удалось проникнуть за заборы, отделявшие саламандр от людей; предприматели запрешили им доступ к сала-

¹ См. Энциклику его святейшества папы «Mirabilia Dei Origa». [«Достойное удивления создание божье» (лат.)].

² По этому вопросу появилась такая обширная литература, что одна только ее библиография запяла бы два толстых тома.

мандрам, чтобы они своими проповедями не отрывали их пона掸асну от дела. И поэтому то тут, то там можно было видеть, как у просмоленного забора стоит проповедник, окруженный собаками, и под аккомпанемент яростного лая горячо, но тщетно излагает слово божие.

Несколько большим распространением пользовался среди саламандр монизм; некоторые из них верили также в материализм, золотой стандарт и прочие научные доктрины. Популярный философ Георг Секвениц сочинил даже специальную религию для саламандр, высшим и главнейшим доктринальным принципом которой была вера в Великого Саламандра. Правда, это учение совсем не привилось у саламандр, зато нашло очень много приверженцев среди людей, особенно в больших городах, где в короткий срок появилось множество тайных храмов саламандрового культа¹.

¹ Среди документов пана Повоцдры имеется весьма порнографическая брошюра, составленная якобы на основании по лицейских рапортов города Б. Материалы этого «частного издания, выпущенного с научными целями», невозможно цитировать в приличной книге, и мы позаимствуем оттуда лишь некоторые выдержки.

«В центре храма саламандрового культа, находящегося в доме № *** по улице ***, устроен большой бассейн, выполненный темно-красным мрамором. Вода в бассейне, смешанная с благовониями, эссенциями, подогрета и освещается снизу огнями, все время меняющими свой цвет; другого освещения в храме не имеется. С двух сторон в этот бассейн, переливающийся всеми цветами радуги, спускаются по мраморным ступеням с пением «саламандровых литаний» совершенно обнаженные верующие — «саламандры и саламандрии»: с одной стороны — мужчины, с другой — женщины, все из высшего круга; можно назвать, в частности, баронессу М.,

Сами саламандры позднее приняли почти всюду иную религию; причем не известно, откуда они ее взяли. Это было поклонение Молоху, которого они представляли себе в виде исполинской саламандры с человеческой головой; по слухам, у них под водой были огромные идолы из чугуна, которые они заказывали у Амстронга или Круппа, но подробности их религиозных обрядов, будто бы необычайно таинственных и жестоких, так и остались неизвестными, потому что совершались под водой. По-видимому,

киноартиста С., посланика Д. и многих других видных лиц. Внезапно голубой прожектор освещает громадную мраморную скалу, выступающую над водой; на скале лежит, тяжело дыша, огромная, старая, черная саламандра, именуемая «Магистр Саламандр». Секунду длится молчание, затем раздается голос магистра; он призывает верующих полностью, всей душой отдаваться предстоящим обрядам саламандровой пляски и преклониться перед Великим Саламандром. После этого магистр поднимается и начинает извиваться верхней частью туловища. Вслед за ним верующие мужчины, погрузившись в воду по шею, тоже неистово раскачиваются и извиваются — все быстрей и быстрей, якобы для того, чтобы образовалась «половая среда». Во время этого обряда «саламандрия» издают резкие звуки — «тс-тс-тс» — и кричат скрипучими голосами. Один за другим гаснут огни под водой, и разыгрывается всеобщая оргия».

Мы не можем поручиться за правильность этого описания; но достоверно известно, что во всех крупных городах Европы полиция, с одной стороны, строго преследовала эти саламандровые секты, а с другой — только и делала, что разбирала постоянно возникавшие в этой связи грандиозные общественные скандалы. Однако можно заключить, что хотя кульп «Великого Саламандра» и был необычайно распространён, но по большей части таинства совершались не с таким сказочным великолепием, а среди менее состоятельного люда — даже просто на суше.

эта религия распространилась у них потому, что имя Молоха напоминало им естественнонаучное (*molche*) или немецкое (*Molch*) название саламандры.

Как видно из изложенного, Саламандровый Вопрос в течение долгого времени сводился к тому, в состоянии ли (и если да, то в какой мере) саламандры, будучи существами разумными и в значительной степени цивилизованными, пользоваться теми или иными человеческими правами, привилегиями человеческой цивилизации, хотя и в ограниченных масштабах; иными словами, это был внутренний вопрос каждого отдельного государства, разрешавшийся в рамках гражданского права. Долгие годы никому не приходило в голову, что Саламандровый Вопрос может иметь крупнейшее международное значение и что с саламандрами придется, пожалуй, иметь дело не только как с мыслящими существами, но и как с единым саламандровым коллективом или саламандровой нацией.

Строго говоря, первый шаг к такому пониманию саламандровой проблемы сделали те эксцентричные христианские секты, которые пытались окрестить саламандр, ссылаясь на слова писания: «Идите по всему миру, учите все народы». Тем самым впервые было заявлено, что саламандры — нечто вроде нации¹.

Различные организации обратились к саламандрам с возваниями².

¹ Да и упоминавшаяся выше католическая молитва за саламандр давала им определение *«Dei creatura de gente Molche»* (создания боязни народа саламандр).

² В коллекции пана Повондры мы нашли несколько воззваний; остальные, вероятно, скалила пани Повондрова. Из

Саламандровой проблемой занялось со временем и Международное бюро труда в Женеве. Там столкнулись два противоположных взгляда. Одни признавали саламандр новой категорией работающих и добивались распространения на них в полном объеме социального зако-

сохранившегося материала отметим лишь следующие обращения:

(Пацифистский манифест.)

Mold'e,
wirſt

Juden
heraus!

(Пемецкая листовка.)

¹ Саламандры, вышвырните евреев! (нем.)

нодательства, касающегося рабочего времени, отпусков с сохранением зарплаты, страхования по инвалидности и старости и так далее.

Другие, наоборот, заявляли, что в лице саламандр растет опасная конкуренция трудящимся людям и что использование труда саламандр просто надо запретить как антисоциальное явление. Против этого предложения выступили, однако, не только работодатели, но и делегаты от рабочих, которые ссылались на то, что саламандры перестали быть лишь новой рабочей армией, но сделались крупным потребителем, и их роль все возрастает. Они привели данные о том, в каком небывалом объеме возросла за последнее время занятость рабочих

ТОВАРИЩИ САЛАМАНДРЫ!

(Воззвание группы анархистов-бакунинцев.)

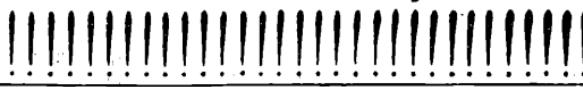
КАМРАДЫ САЛАМАНДРЫ!

(Публичное обращение скаутов, занимающихся водным спортом.)

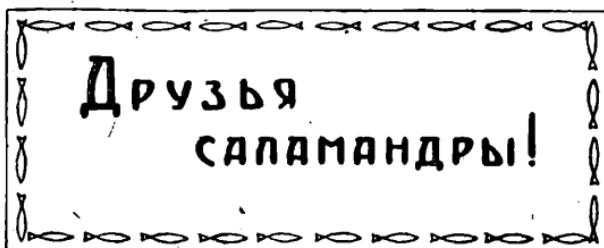
в металлообрабатывающей промышленности (инструменты, машины и чугунные идолы для саламандр), военной, химической (подводные взрывчатые вещества), бумажной (учебники для саламандр), цементной, лесной, искусственного корма (Salamander food) и многих других отраслей; тоннаж торгового флота увеличился по сравнению с досаламандровыми временами на 27 процентов, добыча угля — на 18,6 процента. Косвенным путем — благодаря повышению числа занятых рабочих и уровня

Граждане саламандры

(Воззвание фракции гражданских реформ в Дьеппе.)

Друзья
саламандры!

(Адрес Союза аквариистических обществ и любителей водной фауны.)

благосостояния людей — увеличивается оборот и в других отраслях промышленности. Наконец, в самое последнее время саламандры стали заказывать разные детали машин по собственным чертежам; из них они монтируют

(Воззвание Общества нравственного возрождения.)

(Общество взаимопомощи бывших моряков.)

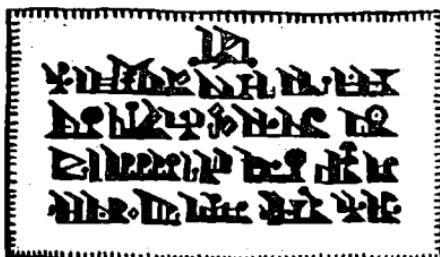
под водой пневматические сверла, молоты, подводные двигатели, печатные станки, подводные радиопередатчики и другие механизмы собственной конструкции. За эти детали саламандры платят повышением производительности труда. Уже сейчас пятая часть всей мировой продукции тяжелой промышленности и точной механики зависит от заказов саламандр. Уничтожьте саламандр — и вам придется закрыть одну пятую всех предприятий; нынешнему процветанию придет конец, миллионы людей окажутся без работы.

Международное бюро труда не могло, конечно, не счи-
таться с этими возражениями. В конечном счете после

(Клуб пловцов в Эгире.)

Особенно важным (если судить по тому, как пан Повоццира тщательно подклеил эту вырезку) было, вероятно, воззвание, текст которого приводим полностью:

долгих переговоров было достигнуто компромиссное реше-
ние, в котором говорилось, что «вышеозначенные работо-
получатели группы S (земноводные) могут быть заняты
только в воде или под водой, а на берегу — лишь на рас-
стоянии не более десяти метров от наивысшей черты при-
лива; они не имеют права добывать уголь или нефть на
морском дне, не имеют права производить для сбыта на
сухие бумагу, текстильные товары или искусственную
кожу из водорослей и т. д.». Эти ограничения саламандро-
вой продукции были сведены в кодекс из девятнадцати
параграфов, которых мы не приводим подробно по той
простой причине, что с ними, само собой разумеется, ни-
где не считались; но в качестве образчика широкомас-
штабного, подлинно международного решения экономиче-
ской и социальной стороны Саламандрового Вопроса этот
кодекс являл собой внушительный и интересный доку-
мент.

Несколько медленнее подвигалось дело с международ-
ным признанием саламандр в других областях, в частно-
сти в области культурных взаимоотношений. Когда в спе-
циальном журнале за подписью Джона Симэна появилась
многократно цитировавшаяся потом статья «Геологиче-
ское строение морского дна у Багамских островов», то
никто не подозревал, что это исследовательский труд ученой
саламандры; но когда научные конгрессы, различные
академии и ученые общества стали получать от исследо-
вателей саламандр сообщения и работы по вопросам океа-
нографии, географии, гидробиологии, высшей математики
и других точных наук, то это всякий раз вызывало боль-
шое смущение и даже негодование, которое великий
д-р Мартель выразил в словах: «Эта мразь хочет нас
учить?» Японский ученый д-р Опошита, который отва-
жился процитировать сообщение одной саламандры о раз-
витии желтоватого мешка у головастика глубоководной

морской рыбки *Argyropelecus hemigymnus* Соско, подвергся бойкоту со стороны ученого мира и сделал себе харакири; для университетской науки стало вопросом чести и корпоративной гордости не замечать ни одной научной работы саламандр. Тем большее внимание (если не возмущение) вызвал жест Университетского центра в Ницце¹, пригла-

¹ В коллекции папа Повондры сохранилось довольно поверхное, сделанное в духе фельетона описание этого торжества; к сожалению, от него уцелела только половина, а остальная часть куда-то пропала. Вот это описание:

«Ницца, 6 мая

В красивом светлом здании Средиземноморского института на Promenade des Anglais царит сегодня оживление; двое полицейских очищают па тротуаре путь для приглашенных, которые, ступая по красному ковру, входят в гостеприимный прохладный амфитеатр. Мы видим здесь улыбающегося г-на мэра города Ниццы, г-на префекта в цилиндре, генерала в голубой форме, господ с красной розеткой Почетного легиона; дам определенного возраста (в этом году преобладает модный терракотовый цвет), вице-адмиралов, журналистов, профессоров и высококоставленных старцев всех национальностей, которых всегда множество на Лазурном берегу. Вдруг — небольшой инцидент: какое-то странное создание робко старается проскользнуть между всеми этими почетными гостями; оно закутано с головы до пог в длинную черную целину не то домино, глаза его спрятаны за огромными темными стеклами; поспешными, неуверенными шагами семенит оно к переоделенному вестибюлю.

«Ilé, vous, — крикнул один из полицейских, — qu'est-ce que vous cherchez ici?»¹ Но к испуганному пришельцу уже спешат университетские сановники с возгласами: «Cher docteur»² да «Cher docteur»; стало быть, вот она, эта ученая саламандра, д-р Шарль Мерсье, который должен сегодня выступить перед цветом Лазурного берега! Скорее в дом, чтобы успеть захватить местечко среди торжественно настроенной и взволнованной публики.

¹ Эй, вы! Что вам здесь надо? (франц.)

² Дорогой доктор (франц.).

сившего д-ра Шарля Мерсье, высокоученую саламандру из тулонского порта, выступить на торжественном акте, где д-р Мерсье с огромным успехом прочел лекцию о теории сечений конусов в неевклидовой геометрии.

На торжестве в Ницце в числе других присутствовала, как известно, делегатка женевской организации ма-

На трибуне восседают Monsieur le Maire¹, великий поэт Monsieur Поль Маллори*, M-me Мария Димитриану — делегатка Международного бюро интеллектуального сотрудничества, ректор Средиземноморского института и другие официальные лица. Сбоку от трибуны стоит кафедра для докладчика, а за кафедрой... Ну да! Это в самом деле эмалированная ванна. Обыкновенная эмалированная ванна, какие бывают ванных комнатах. Двое сотрудников института вводят на трибуну робкое создание, закутанное в длинный балахон. Публика несколько растрепано аплодирует. Д-р Шарль Мерсье застенчиво кланяется и неуверенно оглядывается, куда бы ему сесть. «Voilà, monsieur,² — шепчет один из сотрудников, указывая на эмалированную ванну, — это для вас». Д-р Мерсье страшно конфузится и не знает, как отклонить подобную любезность; он пытается как можно незаметнее занять место в ванне, по запутывается в своей длинной пелерине и падает в ванну, с шумом расплескивая воду. Господа на трибуне основательно забрызгали, по делают вид, будто ничего не случилось; в аудитории кто-то истерически рассмеялся, но господа в передних рядах сурово озираются и шипят: «Тсс!» В тот же момент подписывается и берет слово Monsieur le Maire et Dépêse³.

«Милостивые государи и милостивые государи, — говорит оп. — Я имею честь приветствовать на территории прекрасной Ниццы доктора Шарля Мерсье, выдающегося представителя научной жизни наших близких соседей, обитателей морских глубин. (Д-р Мерсье высовываетяется до половины из воды и низко кланяется.) Впервые в истории цивилизации земля и море протягивают друг другу руки для интеллектуального сотрудничества. До сих пор перед духовной жизнью людей стояла неодолимая

¹ Господин мэр (франц.).

² Вот здесь, сударь (франц.).

³ Господин мэр, он же депутат (франц.).

дам Мария Диминяну. Эта замечательная и благородная дама была так тронута скромными манерами и ученостью д-ра Мерсье («*Pauvre petit*, — воскликнула она,—

преграда — это был мировой океан. Мы могли пересечь его, могли бороздить его по всем направлениям на своих кораблях, но в глубь его, милостивые государи и государи, цивилизация проникнуть не могла. Тот небольшой кусок суши, на котором живет человечество, был до сих пор окружён диким и девственным морем; это великолепное обрамление, но вместе с тем и извечная грязь: по одну сторону прогрессирующая цивилизация, по другую — вечная и неизменная природа. Эта грязь, мои дорогие слушатели, ныне исчезает. (*Аплодисменты.*) Нам, детям теперешней великой эпохи, досталось несравненное счастье видеть собственными глазами, как растет наше духовное царство, как оно переступает собственные границы и нисходит в волны морские, завоевывает подводные глубины и присоединяет к старой культурной земле современный цивилизованный океан. Какое грандиозное зрелище! (*Возгласы: «Браво!»*) Дамы и господа, только рождение океанской культуры, выдающегося представителя которой мы имеем честь приветствовать сегодня в нашей среде, сделало наш земной шар действительно и до конца цивилизованием планетой! (*Восторженные рукоплескания.* Д-р Мерсье приподнимается в ванне и кланяется.) Дорогой доктор и великий ученый! — обратился затем Monsieur le Maire к доктору Мерсье, который, опираясь о край ванны, растроганно и с трудом шевелил своими трепещущими жабрами. — Вы сможете передать своим друзьям и соотечественникам на дне морском наши добрые пожелания, наше восхищение и наши самые горячие симпатии. Скажите им, что в вашем лице, в лице наших морских соседей, мы приветствуем авангард прогресса и культуры, авангард, который будет шаг за шагом колонизовать бесконечные морские пространства и создаст новый культурный мир на дне океана. Я вижу, как в пучине морской вырастают новые Афины и новый Рим; вижу, как расцветает там новый Париж с подводными Луврами и Сорбоннами, с подводными Триумфальными арками и Могилами неизвестных солдат, с театрами и бульварами. Так позвольте же мне высказать мою самую заветную мысль: я надеюсь, что напротив нашей дорогой Ниццы в синих волнах Средиземного моря вырастет новая славная Ницца, *ваша Ницца*, которая своими пышными подводными проспектами, садами и променадами украсит

il est tellement laid!»¹), что поставила целью своей кипучей и деятельной жизни принятие саламандр в Лигу наций. Напрасно политические деятели объясняли красноречивой и энергичной dame, что саламандры, не имея нигде на свете ни суверенной государственной власти, ни собственной территории, не могут быть членами Лиги наций. Мадам Димитяну начала пропагандировать идею, что в таком случае саламандры должны получить где-нибудь свободную территорию и обзавестись подводным

наш Лазурный берег. Мы хотим узнать вас и хотим, чтобы вы узнали нас. Я глубоко убежден, что более близкие научные и общественные взаимоотношения, которым мы положили сегодня начало при столь счастливых предзнаменованиях, приведут наши пароды к все более и более тесному культурному и политическому сотрудничеству в интересах всего человечества, в интересах всеобщего мира, процветания и прогресса». (*Продолжительные аплодисменты.*)

Вслед за тем встает д-р Шарль Мерсье и пытается в несколько словах поблагодарить г-на мэра и депутата Ниццы. Но, с одной стороны, он слишком растроган, а с другой — у него довольно своеобразный выговор; из его речи я уловил лишь несколько с трудом произнесенных слов; если не ошибаюсь, это было: «весьма щольщен», «культурные взаимоотношения» и «Виктор Гюго». После этого взволнованный д-р Мерсье снова скрылся в ванне.

Слово получает Поль Маллори. Он произносит не речь, а гимн, озаренный глубокой философией. «Я благодарю судьбу, — говорит он, — за то, что дожил до подтверждения и воплощения одной из прекраснейших легенд человечества. Это воплощение и подтверждение поистине необычно: взамен погрузившейся в море Атлантиды мы с изумлением видим новую Атлантиду, поднимающуюся из пучины. Дорогой коллега Мерсье! Вы, поэт пространственной геометрии, и ваши учёные друзья — вы первые посланцы того Нового Света, который встает из морских глубин, и вы приходите к нам не как Афродита Пенорожденная, но как Наллада Анадиомена*. Но гораздо более необычайно и несравненно более таинственно то, что наряду с этим...

(*Окончание не сохранилось.*)

¹ Бедняжка! Он такой уродливый! (франц.)

государством. Эта идея была в достаточной мере нежелательна, если не просто дерзка, но в конце концов нашли счастливый выход и решили, что при Лиге пакций будет учреждена специальная Комиссия по изучению Саламандрового Вопроса, в состав которой пригласят также двух делегатов от саламандр; в качестве одного из делегатов, по настоянию мадам Диминяну, пригласили д-ра Шарля Мерсье из Тулона, а другим стал некий дон Марио, толстая ученая саламандра с острова Куба, занимавшаяся научной работой в области планктона и морских растений. В ту пору это была высшая степень международного признания саламандр¹.

¹ В документах папа Пивонидры сохранился несколько неясный газетный снимок, изображавший обоих саламандровых делегатов в тот момент, когда они поднимаются по лесенке из Женевского озера на набережную Монблан, чтобы отправиться на заседание комиссии. По-видимому, официальная квартира была им предоставлена именно в этом озере.

Что касается самой женевской комиссии по изучению Саламандрового Вопроса, то она проделала большую и ценную работу, выразившуюся главным образом в тщательном уклонении от всех жгучих политических и экономических вопросов. Она непрерывно заседала в течение многих лет и провела свыше тысячи трехсот заседаний, посвященных усердным дебатам по вопросу о едином международном названии для саламандр. В этой области господствовал безнадежный хаос; наряду с научными названиями — *Salamandre*, *Molche*, *Batrachus* и т. п. (которые начали казаться несколько неважными) была предложена целая куча других имен; саламандр хотели назвать тритонами, неитупицами, фетидами, персидами, атлантами, океанидами, поссидопами, лемурами, нелагами, литторалиями, поптийцами, батидами, абиссами, гидридами, жандемерами (*gens de mer*)¹, сумаринами и т. д. Комиссия по изучению саламандрового вопроса должна была выбрать наиболее подходящее из всех этих имен; она ревностно и добросовестно занималась этим до самого конца Саламандрового Века, но так и не пришла к какому-нибудь единодушному окончательному решению.

¹ Морские люди (франц.).

Итак, мы наблюдаем энергичный и непрестанный подъем в развитии саламандр. Численность их определяют уже в семь миллиардов, хотя с ростом цивилизации плодовитость их резко падает (до двадцати — тридцати головастиков в год на самку). Они заселили уже выше шестидесяти процентов всех побережий земного шара; полярные побережья еще не заняты их поселениями, но канадские саламандры уже начинают колонизовать берега Гренландии и даже оттесняют эскимосов внутрь страны, захватывая в свои руки рыболовство и торговлю рыбным жиром.

Рука об руку с их количественным ростом продолжается и культурный прогресс; установив обязательное школьное обучение, они поставили себя в ряд с цивилизованными нациями и могли уже похвастать сотнями собственных подводных газет, выходящих миллионными тиражами, прекрасно оборудованными научными институтами и так далее.

Разумеется, этот культурный подъем не всегда проходил гладко и без внутренних неурядиц. Мы, правда, чрезвычайно мало знаем о внутренних делах саламандр, по, судя по некоторым признакам (например, по найденным трупам саламандр с откусенными носами и головами), под морскою гладью долгое время свирепствовал яростный и затяжной идеиний спор между старосаламандрами и младосаламандрами*. Младосаламандры стояли, видимо, за прогресс без всяких преград и ограничений, заявляя, что и под водой надо перенять материковую культуру целиком со всеми ее достижениями, не исключая футбола, флирта, фашизма и половых извращений. Наоборот, старосаламандры, по-видимому, консервативно цеплялись за природные свойства саламандр и не хотели отречься от старых добрых животных привычек и инстинктов; они, несомненно, осуждали лихорадочную погоню за

всякими новшествами и видели в ней признак упадка и измену саламандровым идеалам предков и, конечно, возмущались также чужеродными влияниями, которым слепо подчиняется теперешняя развращенная молодежь, и спрашивали, достойно ли гордых и самолюбивых саламандр это обезьянье подражание людям¹.

Мы можем себе представить, что выдвигались громкие лозунги, вроде: «Назад к миоцену! Долой всякое очеловечивание! На бой за нерушимую саламандреиность!» и т. д.

Несомненно, здесь были налицо все предпосылки для острого идейного конфликта между поколениями и для коренного перелома в духовном развитии саламандр. Нам очень жаль, что мы не можем дать об этом более подробных сведений, но мы надеемся, что саламандры извлекли из этого конфликта все что могли.

Мы видим затем саламандр на пути к наивысшему расцвету; впрочем, и человеческий мир переживает в это время период небывалого процветания. Лихорадочно соружаются новые берега континентов, на старых отмелях насыпается новая суша, среди океана вырастают искусственные авиационные острова; но и это все — ничто по сравнению с грандиозными техническими проектами полной переделки земного шара, которые ждали только, чтобы кто-нибудь их финансировал. По ночам саламандры без отдыха работают на дне всех морей, па побережьях всех континентов; кажется, будто они удовлетворены и не требуют для себя ничего, кроме возможности работать да сверлить под берегами свои темные норы и переходы.

¹ Пан Повондра включил в свою коллекцию две-три статьи из газеты «Народни политика», содержащие рассуждения о современной человеческой молодежи; скорее всего он по недоразумению отнес их к соответствующему периоду истории саламандровой цивилизации.

У саламандр есть, таким образом, свои подводные и подземные города, свои столицы в пучине, свои Эссены и Бирмингамы на дне морском, на глубине от двадцати до пятидесяти метров; у них есть свои перенаселенные фабричные кварталы, гавани, транспортные магистрали и миллионные скопления населения; словом, у них есть свой мир, более или менее неведомый¹ людям, по, по-видимому, высоко развитый в техническом отношении. У них нет, правда, доменных печей и металлургических заводов, но люди доставляют им металлы в обмен на их работу. У них нет своих взрывчатых веществ, но люди продают им эти вещества. Источником энергии является для них море с его приливами и отливами, с его подводными течениями и разницей температур; правда, турбины дали им люди, но саламандры умеют ими пользоваться; а разве цивилизация не есть просто-напросто умение пользоваться тем, что придумал кто-то другой? И если у саламандр нет, допустим, собственных идей, то у них все же вполне может быть собственная наука. Правда, у них нет своей музыки или литературы, но они прекрасно обходятся и без них. И люди начинают приходить к выводу, что это

¹ Один господин из Дейвице рассказывал пану Повондре, что, купаясь на пляже в Катвайке на Северном море, он заплыл далеко, как вдруг сторож на пляже закричал ему, чтобы он возвратился. Названный господин (пекий пан Пршигода, комиссар) не обратил на это внимания и продолжал плыть. Тогда сторож прыгнул в лодку и пустился вслед за ним.

- Эй, сударь! — крикнул он. — Здесь купаться нельзя...
- Почему? — спросил пан Пршигода.
- Здесь саламандры.
- Я их не боюсь, — возразил пан Пршигода.
- У них под водой какие-то фабрики или что-то в этом роде, — проворчал сторож. — Тут, сударь, никто не купается.
- Почему же?
- Саламандры этого не любят.

замечательно современно... Стало быть, уже и человек может кое-чему научиться у саламандр, — и не удивительно: разве не достигли саламандры великолепных успехов? А с чего же и брать людям пример, как не с успешных деяний? Никогда еще в истории человечества не производили, не строили и не зарабатывали столько, как в эту великую эпоху. Да, ничего не скажешь: вместе с саламандрами в мир явился гигантский прогресс, некий новый идеал, именуемый Количество. «Мы, люди Саламандрового Века», — говорилось тогда с обоснованной гордостью; куда до него обветшалому Человеческому Веку с его медленной, мелочной, бесполезной возней, которую называли культурой, искусством, чистой наукой или как там еще! Подлинные сознательные люди Саламандрового Века уже не станут тратить время на размышления о Сути Вещей; им хватит дела с одним их количеством и массовым производством. Беспрестанное увеличение производства и потребления — вот будущее мира; а посему — пусть будет еще больше саламандр, чтобы произвести еще больше продукции и еще больше сократить! Попросту говоря, саламандры — это Множественность; их эпохальная заслуга в том, что их так много. Только теперь человеческому разуму дано работать в полную силу, ибо он работает в огромных масштабах, в условиях, когда производительная мощность доведена до предела, а обороты капиталов достигли рекордных цифр; короче, настала великая эпоха.

Так чего же еще не хватает, чтобы действительно настал Счастливый Новый Век всеобщей удовлетворенности и процветания? Что может помешать осуществлению желанной Утопии, в которой объединились бы все эти победы техники, открывая все дальше и дальше, до бесконечности, великолепные возможности еще больше увеличивать благосостояние людей и усердие саламандр?

Честное слово, ничего! Ибо отныне деловые отношения с саламандрами будут отмечены проницательностью, достойной государственных деятелей, которые заранее по-заботятся о том, чтобы колеса Нового Века никогда не скрипели.

В Лондоне собралась конференция приморских государств, на которой была выработана и принята международная конвенция о саламандрах. Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязались: не посыпать своих саламандр в воды, находящиеся в суверенном владении других государств; не допускать, чтобы эти саламандры каким бы то ни было способом нарушили неприкосновенность территории или признанной сферы интересов какого-либо иного государства; никоим образом не вмешиваться в саламандровые дела других морских держав; в случае столкновений между своими и чужими саламандрами подчиняться решениям международного арбитража в Гааге; не вооружать своих саламандр каким бы то ни было оружием, калибр которого превосходит калибр обыкновенного подводного револьвера против акул (так называемого Šafránek-gun или shark-gun); не допускать, чтобы их саламандры завязывали близкие отношения с саламандрами иного государства; не строить новых континентов и не расширять своей территории с помощью саламандр без предварительного разрешения Постоянной морской комиссии в Женеве и т. д. (всего тридцать семь параграфов). Вместе с тем были отвергнуты: английское предложение — чтобы морские державы не вводили обязательного военного обучения саламандр; французское предложение — интернационализировать саламандр и подчинить их Международному саламандровому бюро по упорядочению мировых вод; немецкое предложение — выжигать на каждой саламандре клеймо того

государства, в подданстве которого она состоит; другое немецкое предложение — чтобы каждому приморскому государству разрешалось иметь лишь строго установленное число саламандр; итальянское предложение, — чтобы государствам, располагающим избытком саламандр, были предоставлены для колонизации новые побережья или участки на дне моря; японское предложение, — чтобы над саламандрами (черными от природы) осуществляла международный мандат японская нация, как представительница цветных рас¹.

Обсуждение большинства этих предложений было перенесено на следующую конференцию морских держав, которая, однако, по разным причинам не состоялась.

¹ Это предложение, видимо, было связано с широкой политической пропагандистской кампанией; благодаря коллекционерской страсти пана Повоцкого мы располагаем чрезвычайно важным документом этой кампании. В нем сказано буквально следующее:

«Этот международный акт, — писал о конвенции Жюль Зауэрштойф* в «Тан», — обеспечивает будущность саламандр и мирное развитие человечества на многие десятки лет. Поздравим лондонскую конференцию с благополучным завершением ее нелегких трудов; поздравим и саламандр с тем, что принятый статут дает им охрану в лице Гаагского суда; теперь они могут спокойно и с полным доверием заняться своей работой и своим подводным прогрессом. Следует подчеркнуть, что лишение саламандровой проблемы политического содержания, отразившееся в параграфах лондонской конвенции, является одной из важнейших гарантий всеобщего мира; в особенности разоружение саламандр уменьшает вероятность подводных конфликтов между отдельными государствами. Пусть даже почти на всех континентах продолжаются пограничные споры и распри из-за господства, несомненно одно: со стороны моря всеобщему миру не грозит теперь никакая конкретная опасность. Но, по-видимому, и на суше мир обеспечен лучше, чем когда бы то ни было. Приморские государства целиком заняты строительством новых берегов и могут расширять свою территорию за счет мирового океана, вместо того чтобы стремиться раздвинуть свои границы на суше. Уже не нужно будет с помощью железа и газа сражаться за каждую пядь земли; лопат и мотыг са-

ମୁହୂର୍ତ୍ତକାନ୍ଦିତ ପାଇଁ ମହାକାଶରେ ଯାଏନ୍ତିରେ
କେବଳ ଜୀବିତ କାହାରେ କାହାରେ କାହାରେ କାହାରେ
କାହାରେ ॥ 】

ламандр хватит, чтобы каждое государство создало себе столько территории, сколько ему нужно; эту мирную работу саламандр на благо мира и всех наций как раз и гарантирует лондонская конвенция. Еще никогда земной шар не был так близок к прочному миру и мирному, но мощному процветанию, как сейчас. Вместо Саламандрового Вопроса, о котором столько писали и говорили, отныне будут, по-видимому, с полным правом говорить о Золотом Саламандровом Веке».

3. ПАН ПОВОНДРА ОПЯТЬ ЧИТАЕТ ГАЗЕТЫ

Ни на ком так не замечен бег времени, как на детях. Где маленький Франтик, которого мы (так недавно!) оставили, когда он корпел над левыми притоками Дуная?

— Куда опять запропастился этот Франтик? — ворчит пан Повондра, раскрывая свою вечернюю газету.

— Сам знаешь — как всегда... — отвечает пани Повондрова, склонившись над штопкой.

— Значит, отправился к своей девчонке, — сердито произносит Повондра-отец. — Проклятый мальчишка! Едва тридцать лет исполнилось, а ни одного вечера дома не посидит!

— Одних посков сколько изнашивает, и все из-за беготни!.. — вздыхает пани Повондрова, натягивая еще один безнадежный носок на деревянный гриб. — Ну, что тут поделаешь? — задумывается она над огромнейшей дырой на пятке, похожей очертаниями на остров Цейлон. — Прямо хоть выбрось! — критически рассуждает она, но после дальнейших стратегических размышлений решительно вонзает иглу в южное побережье Цейлона.

Настала уютная семейная тишина; столь дорогая сердцу Повондры-отца; только газета шуршит да отвечает ей быстро продергиваемая нитка.

— Поймали его? — спрашивает пани Повондрова.

— Кого?

— Да того убийцу, который зарезал женщину.

— Очень мне нужен твой убийца, — возмущенно ворчит пан Повондра. — Вот тут как раз пишут, что между Японией и Китаем напряженные отношения. Это серьезное дело. Там всегда серьезные дела.

— Я думаю, его уже не поймают, — замечает пани Повондрова.

— Кого?

— Этого убийцу. Когда кто-нибудь убивает женщину, его почти никогда не могут поймать.

— Японец-то недоволен, что Китай регулирует Желтую реку. Тут, брат, хитрая политика! Пока Желтая река творит всякие безобразия, в Китае то и дело бывают наводнения и голод, а это ослабляет китайца, попимаешь? Дай-ка мне ножницы, я это вырежу.

— Зачем?

— А тут написано, что в Желтой реке работает два миллиона саламандр.

— Это много, правда?

— Я думаю. Конечно, за них платит Америка; да, голубушка. И поэтому микадо хочет насадить туда своих саламандр. Эге-ге, смотри-ка!..

— Что случилось?

— Да вот «Пти паризьен» пишет, что Франция не может этого потерпеть. И правильно. Я бы тоже этого не потерпел.

— Чего бы ты не потерпел?

— Чтобы Италия расширяла остров Лампедузу. Это страшно важная стратегическая позиция, понимаешь?

Итальянец мог бы угрожать Тунису. Так вот, «Пти парижен» пишет, что итальянец хочет устроить на Лампедузе первоклассную морскую крепость. Отсюда, говорят, шестьдесят тысяч вооруженных саламандр... Это дело нешуточное. Шестьдесят тысяч — это, матушка, три дивизии. Я тебе говорю, на Средиземном море в один прекрасный день что-нибудь еще произойдет. Дай-ка, я вырежу.

Тем временем Цейлон исчезал под усердной рукой пани Повондровой и сократился уже приблизительно до размеров острова Родоса.

— А тут еще Англия, — рассуждает Повондра-отец, — у той тоже будут хлопоты. В палате общин говорят, что Великобритания отстает, мол, от других государств по части этих самых водных сооружений. Другие колониальные державы строят, мол, наперегонки новые побережья и континенты, а британское правительство из-за своего консервативного педоверия к саламандрам... Это верно, матушка. Англичане страшно консервативны. Знавал я одного лакея из английского посольства, так, ей-богу, он ни разу не взял в рот нашей чешской тлаченки*. У них, говорит, этого не едят, — ну, так и он не будет есть. Я нисколько не удивлюсь, если другие государства их перегонят. — Пан Повондра с серьезным видом покачал головой. — А Франция расширяет свои берега у Кале. Теперь английские газеты поднимают крик, что Франция будет бомбардировать их через Ламаиш, когда пролив сузится. Вот и получили! Могли сами расширить свои берега у Дувра и бомбардировать Францию.

— Да зачем им обязательно бомбардировать? — спросила пани Повондрова.

— Ну, этого ты не поймешь. Это уж военные соображения. Я бы не удивился, если бы там вдруг что-нибудь стряслось. Там или где-нибудь в другом месте. Ясно, те-

перь через этих саламандр мировая ситуация совершенно изменилась, матушка. Совершенно!

— Ты думаешь, что может быть войны? — встревожилась папи Повондрова. — Понимаешь... я насчет нашего Франтика, как бы... ему не пришлось идти.

— Война? — переспросил Повондра-отец. — Мировая война обязательно будет, чтобы государства смогли поделить между собой море. Но мы останемся нейтральными. Кто-нибудь же должен оставаться нейтральным, чтобы поставлять другим оружие и все такое. Так-то!.. — решил пап Повондра. — Но вы, бабы, ничего в этом не смыслите.

Папи Повондрова, скав губы, быстрыми стежками заканчивала удаление острова Цейлона с пятки молодого папа Франтика.

— И подумать только, — сказал Повондра-отец, с трудом скрывая свою гордость, — если бы не я, не было бы и всей этой грозной ситуации! Не провели я тогда этого капитана к пану Бонди, вся история сложилась бы иначе. Другой швейцар не пустил бы его в дом, а я решил — возьму-ка я это на себя. А теперь смотри, сколько хлопот у таких государств, как Англия или Франция! И еще не известно, что может из этого выйти... — Пан Повондра взволнованно задымил своей трубкой... — Так-то, золото мое! Газеты полны этими саламандрами. Тут вот опять... — Повондра-отец отложил трубку в сторону. — Пишут, что возле города Канкесантурай на Цейлоне саламандры напали на какую-то деревню; туземцы будто бы незадолго до этого убили несколько саламандр. «Была вызвана полиция и взвод туземных войск, — прочитал вслух пан Повондра, — после чего завязалась регулярная перестрелка между саламандрами и людьми. Среди солдат было несколько раненых...» — Повондра-отец отложил газету. — Это мне не нравится, матушка.

— Почему? — удивилась пани Повондрова; заботливо и удовлетворенно постукивая ножницами по тому месту, где был раньше остров Цейлон. — Тут ведь ничего такого нет!

— Не знаю, — произнес Повондра-отец и взволнованно заходил по комнате. — Но это мне совсем не нравится. Нет, это мне не по душе. Перестрелка между людьми и саламандрами — это уж слишком.

— Наверное, саламандры только защищались, — успокоительно сказала пани Повондрова и отложила носки в сторону.

— В том-то и загвоздка, — беспокойно проворчал пан Повондра. — Если эти твари начнут защищаться — плохо дело. Это они первый раз такое сделали. Черт, это мне не нравится! — Пан Повондра остановился в раздумье. — Не знаю... но, может быть, мне все-таки не следовало пускать этого капитана к пану Бонди!..

ВОЙНА С САЛАМАНДРАМИ

1. БОЙНЯ НА КОКОСОВЫХ ОСТРОВАХ

Пан Повондра описался в одном: перестрелка у города Канкесантурай была не первой стычкой между людьми и саламандрами. Первый известный в истории конфликт имел место на Кокосовых островах, за несколько лет до этого, еще в золотой век пиратских набегов на саламандр; но и это не был самый древний из инцидентов такого рода, и в тихоокеанских портах ходило немало рассказов о некоторых прискорбных случаях, когда саламандры оказывали более или менее энергичное сопротивление даже нормальной S-Trade, но такие мелочи не вписываются в кипу истории.

На Кокосовых островах (называемых также островами Килинга) дело происходило так: разбойничье судно «Монроуз», принадлежавшее гарримаповской Тихоокеанской торговой компании и находившееся под командой капитана Джемса Линдлея, прибыло туда для обычной охоты на саламандр типа «Макароны». На Кокосовых островах имелась хорошо известная, процветавшая саламандровая бухта, заселенная еще капитаном ван Тохом, но потом покинутая на произвол судьбы из-за своей удаленности. Капитана Линдлея нельзя обвинить в какой-либо неосторожности; нельзя даже ставить ему в упрек, что команда

высадилась на берег певооруженной. (В те времена хищническая торговля саламандрами приобрела уже определенные упорядоченные формы. Правда, раньше пиратские суда и команды были обычно вооружены пулеметами и даже легкими орудиями — впрочем, для защиты не от саламандр, а от возможной конкуренции со стороны других пиратов. На острове Каракелонг однажды произошло даже сражение между командой гарримановского парохода и экипажем датского судна, капитан которого считал Каракелонг своим охотничим заповедником; обе команды свели тогда между собой старые счеты, порожденные распрями из-за торговли и престижа: они забыли о нападении и облаве на саламандр и начали стрелять друг в друга из пушек и «гочкисов»; на суще победу одержали датчане, бросившись в атаку с ножами в руках; но потом гарримановский пароход удачно бомбардировал датское судно и потопил его со всеми потрохами, в том числе и с капитаном Нильсом. Это был так называемый Каракелонгский инцидент. В дело вынуждены были вмешаться официальные учреждения и правительства заинтересованных государств; пиратским судам было запрещено на будущее время пользоваться пушками, пулеметами и ручными гранатами; кроме того, флибустьерские компании разделили между собой так называемые свободные промыслы, так что каждое саламандровое поселение посыпало только определенные грабительские суда; это джентльменское соглашение крупных хищников действительно соблюдалось, и даже мелкие пиратские фирмы относились к нему с уважением.)

Но вернемся к капитану Линдлею. Он действовал всецело в духе общепринятых тогда торговых и морских обычаяев, когда послал своих людей ловить саламандр на Кокосовых островах, вооружив их только веслами и ду-

бинами; последующее официальное расследование полностью оправдало покойного капитана.

Людьми, которые высадились в ту лунную ночь на Кокосовые острова, командовал лейтенант Эдди Мак-Карт, уже искушенный в облавах такого рода. Правда, стадо саламандр, которое он обнаружил на берегу, было очень большим и насчитывало, по-видимому, от шестисот до семисот взрослых крупных самцов, тогда как под командой лейтенанта Мак-Карта было только шестнадцать человек; но нельзя обвинять его в том, что он не отказался от своего предприятия, хотя бы уже потому, что офицерам и командам грабительских судов по обычай выплачивали премию за каждую пойманную саламандру. При позднейшем расследовании морское ведомство признало, что «лейтенант Мак-Карт несет, правда, ответственность за скорбный случай», но «при данных обстоятельствах никто на его месте не поступил бы иначе». Наоборот, злополучный молодой офицер проявил большую сообразительность, когда вместо постепенного оцепления саламандр (которое при данном численном соотношении не могло бы быть полным) он предпочел стремительное падение, чтобы отрезать саламандр от моря, загнать их в глубь острова и там поодиночке глушить ударами дубин и весел. К несчастью, при атаке рассыпным строем цепь моряков была прорвана и около двухсот саламандр пробилось к воде. Пока атакующие «обрабатывали» саламандр, отрезанных от моря, в тылу у них затрещали выстрелы подводных револьверов (shark-guns); никто не подозревал, что «патуральные», дикие саламандры на Кокосовых островах вооружены противоакуловыми револьверами, и так никогда и не удалось установить, кто снабдил их оружием.

Матрос Майкл Келли, единственный, кто уцелел после катастрофы, рассказывал:

«Когда загремели выстрелы, мы подумали, что нас обстреливает какая-нибудь другая команда, которая тоже высадилась здесь для ловли саламандр. Лейтенант Мак-Карт быстро обернулся и крикнул: «Что вы делаете, остолопы, здесь — команда «Монрэз»! Тут он был ранен в бок, но все же выхватил свой револьвер и начал стрелять. Потом он был вторично ранен, в горло, и упал. Только тогда мы увидели, что это стреляют саламандры и что они хотят отрезать нас от моря. Лонг Стив поднял весло и бросился на саламандр, громко крича: «Монрэз! Монрэз!» Мы, остальные, тоже закричали «Монрэз» и стали колотить этих тварей веслами что было силы. Пятеро из нас остались на месте, но остальные пробились к морю. Лонг Стив кинулся в воду, чтобы добраться до шлюпки вброд, но на нем повисли несколько саламандр и потянули его на дно. Чарли тоже утопили; он кричал нам: «Ребята, ради всего святого, спасите меня!», а мы не могли ему помочь: эти свиньи стреляли нам в спину. Бодкин обернулся — и тут же получил пулю в живот; он крикнул только: «Да что же это?!» — и упал. Тогда мы попробовали скрыться в глубь острова; мы уже разбили в щепы об эту мразь наши дубины и весла и просто бежали, как зайцы. Нас осталось только четверо. Мы боялись убегать далеко от берега, опасаясь, что не попадем обратно на судно; мы спрятались за кустами и скалами и должны были молча смотреть, как саламандры добивают наших ребят. Они топили их в воде, как котят, а тех, кто еще всплывал, били ломом по голове. Я только тогда почувствовал, что у меня вывихнута нога и я не могу двинуться дальше».

По-видимому, капитан Джемс Линдлей, который остался на судне, услышал стрельбу на острове; думал ли он, что заварилась какая-нибудь каша с туземцами или что на острове оказались другие охотники на саламандр, —

неважно, но только он взял кока и двух механиков, остававшихся на пароходе, велел спустить на шлюпку пулемет, который он — вопреки строгому запрету — предусмотрительно прятал у себя на судне, и поспешил на помощь команде. Он был достаточно осторожен и не высадился на берег; он только подвел к берегу шлюпку, на носу которой был установлен пулемет, и вышримился «со скрещенными на груди руками». Предоставим дальше слово матросу Келли.

«Мы не хотели громко звать капитана, чтобы нас не обнаружили саламандры. Мистер Линдлей поднялся со скрещенными на груди руками и крикнул: «Что здесь происходит?» Тут саламандры направились к нему. На берегу их было несколько сотен, а из моря все времи выплывали новые и окружали шлюпку. «Что здесь происходит?» — спрашивал капитан, и тут одна большая саламандра подходит к нему поближе и говорит: «Отправляйтесь обратно!» Капитан посмотрел на нее, помолчал немного и потом спросил: «Вы саламандры?» — «Мы саламандры, — ответила она. — Отправляйтесь обратно, сэр!» — «Я хочу знать, что вы сделали с моими людьми», — говорит наш стариик. «Они не должны были нападать на нас, — сказала саламандра. — Возвращайтесь на свое судно, сэр!» Капитан снова помолчал немного, а потом совершенно спокойно говорит: «Ну, ладно! Стреляйте, Дженинс!» И механик Дженинс начал палить в саламандр из пулемета».

(При расследовании всего дела морское ведомство — цитируем буквально — заявило: «В этом отношении капитан Джемс Линдлей действовал так, как и следовало ожидать от британского моряка».)

«Саламандры столпились в кучу, — продолжал свои показания Келли, — и падали под пулеметным огнем, как склоненные колосья. Некоторые стреляли из своих револьверов в мистера Линдлея, по он стоял со скрещенными

на груди руками и даже не попевельнулся. В этот момент иззади шлюпки вынырнула из воды черная саламандра, державшая в лапе какой-то предмет, вроде консервной банки; другой лапой она что-то выдернула из банки и бросила ее в воду под шлюпку. Не успели бы мы сосчитать до пяти, как на этом месте взметнулся столб воды и раздался глухой, но такой сильный взрыв, что земля загудела у нас под ногами».

(По описанию Майкла Келли, власти, производившие расследование, заключили, что речь идет о взрывчатом веществе «В-3», которое поставлялось саламандрам, занятым на работах по укреплению Сингапура, для взрывания подводных скал. Но каким образом эти заряды попали от тамошних саламандр на Кокосовые острова, осталось загадкой; одни думали, что их перевезли туда люди, по мнению других, между саламандрами уже тогда существовали какие-то сношения, даже на далеких расстояниях. Общественное мнение требовало тогда, чтобы власти запретили давать в руки саламандрам такие опасные взрывчатые вещества, но соответствующее ведомство заявило, что пока еще нет возможности заменить «высокоэффективное и сравнительно безопасное вещество «В-3» каким-нибудь другим»; тем дело и кончилось.)

«Шлюпка взлетела на воздух, — продолжал свои показания Келли, — рассыпалась в щепки. Саламандры, оставшиеся в живых, кинулись к месту взрыва. Мы не могли разглядеть, жив ли мистер Линдлей, но все трое моих товарищей — Донован, Бэрк и Кеннеди — вскочили и побежали к нему на помощь, чтобы он не попал в руки саламандрам. Я тоже хотел побежать с ними, но у меня была вывихнута лодыжка, и я сидел и обеими руками тянул ступню, чтобы исправить сустав. Я не знаю поэтому, что там произошло, но когда я поднял глаза, то увидел, что Кеннеди лежит, уткнувшись лицом в песок, а от До-

нована и Бэрка не осталось уже и следа; только под водой еще что-то билось».

Матрос Келли скрылся потом в глубь острова; там он набрел на туземную деревню, но туземцы отнеслись к нему как-то странно и не хотели даже приютить его: по-видимому, они боялись саламандр. Лишь через семь недель после этого происшествия одно рыболовное судно нашло доочиста разграбленную, покинутую «Монроз», стоявшую на якоре у Кокосовых островов, и подобрало Келли.

Еще через несколько недель к Кокосовым островам пошла канонерка его британского величества «Файрболл» и, бросив якорь, дождалась наступления ночи. Была такая же светлая, лунная ночь, как и в тот раз; из моря вышли саламандры, уселись на песке в большой круг и начали свой торжественный танец. Тогда канонерка его величества пустила в них первый спаряд. Саламандры — те, что не были разорваны на куски, — на мгновение оцепенели, а затем бросились к воде; в этот момент прогремел страшный залп из шести орудий, и уже только несколько раненых саламандр ползло к воде. Тогда раздались второй и третий залпы.

После этого «Файрболл» отошел на полмили назад и начал стрелять в воду, медленно двигаясь вдоль берега. Канонада продолжалась шесть часов, причем было выпущено около восьмисот спарядов. Потом канонерка покинула острова. В течение двух суток после этого морская гладь у Килинговых островов была сплошь усеяна тысячами изуродованных трупов саламандр.

В ту же ночь голландское военное судно «Ван-Дейк» дало три выстрела по саламандрам, столпившимся на островке Гунон-Апи: японский крейсер «Хакодате» пустил три спаряда в саламандровый островок Айлинглап; французское военное судно «Бешамель» тремя залпами

рассеяло пляшущих саламандр на острове Равайвай. Это было предостережение саламандрам. Оно не пропало даром: подобных инцидентов (столкновение на Кокосовых островах называли «Keeling-Killing»¹) больше не повторялось, и как упорядоченная, так и дикая торговля саламандрами могла процветать безвозвратно и пышно.

2. СТОЛКНОВЕНИЕ В НОРМАНДИИ *

Иной характер носило столкновение в Нормандии, которое произошло несколько позднее. Там саламандры, работавшие главным образом в Шербуре и жившие на окрестном побережье, невероятно пристрастились к яблокам; но так как их хозяева не соглашались добавлять яблоки к обычному саламандровому корму (это повысило бы стоимость строительных работ против установленной сметы), то саламандры стали совершать воровские набеги на соседние фруктовые сады. Крестьяне пожаловались на это в префектуру, и саламандрам было строго запрещено шататься по берегу за пределами так называемой «саламандровой зоны», но это не помогло; фрукты исчезали по-прежнему, исчезали и яйца из курятников, и каждое утро крестьяне находили все больше и больше убитых сторожевых собак. Тогда крестьяне, вооружившись старыми ружьями, стали сами сторожить свои сады и стрелять в мародерствующих саламандр. В конце концов все это могло бы остаться в рамках местного инцидента, но нормандские крестьяне, раздраженные, помимо всего прочего, повышением налогов и вздорожанием огнестрельных припасов, воспылали к саламандрам смертельной враждой и начали целыми толпами устраивать на них вооруженные

¹ Килингская бойня (англ.).

облавы. Когда они стали массами истреблять саламандр даже на месте их работ, с жалобой к властям обратились уже предприниматели шербурского строительства водных сооружений, и префект распорядился, чтобы у крестьян конфисковали их заржавелые хлопушки. Крестьяне, конечно, воспротивились, и дело дошло до серьезных конфликтов с жандармерией; упрямые нормандцы начали расстреливать не только саламандр, но и жандармов. В Нормандию были стянуты жандармские подкрепления, и деревнях ходили из дома в дом с обысками.

Как раз в это время случилось весьма неприятное происшествие: вблизи Кутанс деревенские мальчишки напали на саламандру, которая якобы подкрадывалась с подозрительными целями к курятнику, окружили ее, прижали к стене сарая и начали забрасывать кирничками. Раненая саламандра взмахнула рукой и бросила наземь нечто по виду похожее на яйцо; раздался взрыв, и саламандра была разорвана на куски, по ее участь разделили и трое мальчиков: одиннадцатилетний Пьер Кажюс, шестнадцатилетний Марсель Берар и пятнадцатилетний Луи Кермадек; кроме того, пятеро ребят были тяжело ранены. Весть об этом быстро облетела весь край; около семисот человек, вооруженных ружьями, вилами и цепями, съехались на автобусах со всех концов Нормандии и напали на саламандровое поселение в заливс Басс-Кутанс. Прежде чем жандармам удалось оттеснить разъяренную толпу, было убито около двадцати саламандр. Саперы, вызванные из Шербура, обнесли залив Басс-Кутанс колючей проволокой, но ночью саламандры вышли из моря, разрушили с помощью ручных гранат проволочное заграждение и пытались проникнуть в глубь района. Срочно мобилизовали несколько рот пехоты; они примчались на военных грузовиках с пулеметами, и цепь войск отделила саламандр от людей. Тем временем крестьяне громили нало-

говые управлсния и жандармские участки, а один особенно непопулярный сборщик налогов был повешен на фонаре с надписью: «Долой саламандр!» Газеты, особенно немецкие, писали о революции в Нормандии; однако парижское правительство опубликовало решительное опровержение.

Пока кровавые столкновения между крестьянами и саламандрами распространялись по побережью Кальвадоса, Пикардии и Па-де-Кале, из Шербура по направлению к западному берегу Нормандии вышел старый французский крейсер «Жюль Фламбо». Как уверяли впоследствии, крейсер был выслан только для того, чтобы одним своим присутствием успокоить как людей, так и саламандр. «Жюль Фламбо» остановился в полутора милях от залива Басс-Кутанс; когда наступила ночь, командир крейсера, чтобы окончательно успокоить местных жителей, приказал пускать цветные ракеты. Много людей собралось на берегу поглазеть на красивое зрелище, как вдруг они услышали громкое шипение, и у носовой части судна взметнулся вверх огромный столб воды; судно накренилось, и в тот же миг раздался страшный взрыв. Не подлежало сомнению, что крейсер тонет. Не прошло и четверти часа, как из соседних портов примчались на помощь моторные лодки, но надобности в них уже не было: кроме трех человек, убитых при взрыве, весь экипаж спасся сам; «Жюль Фламбо» затонул через пять минут после того, как командр последним покинул судно с достопамятными словами: «Ничего не поделаешь».

Официальное сообщение, переданное в ту же ночь, гласило, что «старый крейсер «Жюль Фламбо», который в течение ближайших недель все равно подлежал списанию, наскочил во время ночного плавания на рифы и затонул вследствие взрыва котлов», но газеты этим не удовлетворились; и если полуофициозная печать утверждала,

будто судно наткнулось на недавно поставленную немецкую мину, то оппозиционные, а также иностранные газеты поместили аршинные заголовки:

*Французский «рейсер торпедирован
саламандрами!»
Загадочное событие
у Нормандского побережья!
Бунт саламандр!*

«Мы требуем к ответу, — страстно взывал в своем открытом письме депутат Бартелеми, — тех, кто вооружил саламандр против людей, тех, кто дал им в лапы гранаты, чтобы они убивали французских крестьян и невинных, играющих детей; тех, кто снабдил морских чудищ современейшими торпедами, чтобы они могли топить французские корабли, когда им заблагорассудится. Повторяю, мы требуем их к ответу: пусть им предъявят обвинение в убийстве, пусть их предадут военному суду за измену родине, пусть следствие выяснит, какую мзду они получили от фабрикантов оружия за то, что вооружают морскую нечисть против цивилизованного судоходства!» И так далее.

Всех охватила паника; люди толпами собирались на улицах, кое-где начали строить бастионы; на парижских бульварах, составив винтовки в козлы, стояли сенегальские стрелки, а в предместьях дежурили броневики и танки.

В эти дни в палате депутатов поднялся со своего места морской министр Франсуа Понсо и, бледный, но полный решимости, заявил: «Правительство принимает на себя ответственность за то, что оно вооружило саламандр на французском побережье винтовками, подводными пулеметами, подводными орудиями и торпедными аппаратами. Но если у французских саламандр имеются лишь легкие

малокалиберные орудия, то германские саламандры вооружены тридцатидвухсантиметровыми подводными мортирами; если на французском побережье один подводный склад торпед, ручных гранат и взрывчатых веществ приходится на каждые двадцать четыре километра, то на итальянском побережье подводные склады военного снаряжения приходятся в среднем на каждые двадцать, а на германском побережье — на каждые восемнадцать километров. Франция не может оставить и не оставит свои берега беззащитными. Франция не может отказаться от вооружения своих саламандр».

Министр сообщил затем, что он уже отдал распоряжение произвести строжайшее расследование с целью выяснить, кто является виновником рокового недоразумения у нормандского побережья. По-видимому, саламандры приняли цветные ракеты за сигнал к боевым действиям и хотели обороняться. Командир крейсера «Жюль Фламбо» и шербурский префект уволены; специальная комиссия выясняет, как администрация водных сооружений обращается с саламандрами; в этом отношении впредь будет учрежден строгий контроль. Правительство глубоко скорбит о человеческих жертвах; юные национальные герои Пьер Кажюс, Марсель Берар и Луи Кермадек будут посмертно награждены орденами и похоронены за счет государства, а их родителям будет назначена почетная пенсия. В высшем военно-морском командном составе произойдут важные перемены. Как только правительство будет в состоянии сообщить более подробные сведения, оно поставит в парламенте вопрос о доверии.

После этого было объявлено непрерывное заседание кабинета.

Тем временем газеты — в зависимости от политической окраски — требовали карательного, истребительного, колонизационного или крестового похода против саламандр,

генеральной забастовки, отставки правительства, ареста владельцев саламандр, ареста коммунистических лидеров и агитаторов и прочих спасительных мер. В связи со слухами о возможном закрытии портов и морских границ люди начали лихорадочно запасаться продовольствием, и цены на все товары росли с головокружительной быстротой; в промышленных центрах на почве дороговизны вспыхнули волнения; биржа была закрыта на три дня. Короче, это было самое тревожное и напряженное время за последние три-четыре месяца.

Но тут своевременно вмешался министр земледелия Монти *: он распорядился, чтобы на французских побережьях два раза в неделю высыпали в море столько-то сотен вагонов яблок, конечно за счет государства. Это мероприятие прекраснейшим образом удовлетворило саламандр и успокоило садоводов в Нормандии и в других местах. Но Монти пошел еще дальше: рост недовольства в винодельческих районах, страдавших из-за отсутствия сбыта, давно причинял затруднения правительству, и министр земледелия отдал распоряжение, чтобы государственная помощь саламандрам выражалась еще в ежедневной выдаче им белого вина, по пол-литра на брата. Сначала саламандры недоумевали, что им делать с вином, так как оно вызывало у них сильный понос, и выливали его в море; но постепенно они как будто привыкли к нему, и было замечено, что с этих пор французские саламандры стали спариваться с большим пылом, хотя при этом плодовитость их сильно упала. Так единым махом были урегулированы и аграрный вопрос и саламандровый инцидент; грозная напряженность исчезла, и когда вскоре после этого в связи с финансовым скандалом вокруг дела мадам Тэплер * возник новый правительственный кризис, ловкий и дальний Монти получил в новом кабинете портфель морского министра.

3. ИНЦИДЕНТ В ЛА-МАНШЕ

Спустя некоторое время после этих событий бельгийский пассажирский пароход «Уденбург» направлялся из Остенде в Рэмсгейт. Когда он находился как раз на середине Па-де-Кале, вахтенный офицер заметил, что на расстоянии полукилометра к югу от обычного курса «в воде что-то происходит». Так как он не мог разглядеть, что случилось и не тонет ли там кто-нибудь, то он приказал повернуть к тому месту, где волновалась и сильно бурлила вода. Около двухсот пассажиров наблюдали с паветренного борта странное зрелище: то тут, то там взметывались фонтаны, то тут, то там из воды вылетало что-то похожее на черное тело; при этом в радиусе около трехсот метров море клокотало, пенились водовороты, а из глубины доносились громовые раскаты и страшный гул. «Казалось, под водой происходит извержение небольшого вулкана». Когда «Уденбург» медленно приблизился к этому месту, метрах в десяти от его бушприта внезапно вырос огромный крутой вал и раздался страшный взрыв. Пароход подбросило, а на палубу ливнем хлынула горячая, почти кипящая вода; одновременно на носовую часть палубы шлепнулось большое черное тело, корчившееся и пронзительно кричавшее от боли; это была раненая и ошпаренная саламандра. Вахтенный офицер скомандовал задний ход, чтобы судно не попало в самый центр этого извергающегося ада; но тут взрывы начали раздаваться со всех сторон, и поверхность моря усеяли разорванные на куски тела саламандр. В конце концов судно удалось повернуть, и «Уденбург» на всех нарах помчался к северу. В этот момент приблизительно в шестистах метрах за кормой грохнул ужасающий взрыв, и из моря вырвался гигантский столб воды и пара. «Уденбург» взял курс на Гарвич и послал по всем направлениям радиограмму: «Внимание, вни-

мание, внимание! На линии Остенде — Рэмсгейт чрезвычайно опасные подводные взрывы. Не знаем, в чем дело. Советуем всем судам взять курс в сторону!» По-прежнему были слышны гул и грохот — почти такие же, как во время морских маневров; но из-за фонтанов воды и пара ничего не было видно. А из Дувра и Кале к этому месту уже спешили на всех парах миноносцы и истребители и мчались эскадрильи военных самолетов; но когда они прибыли туда, то увидели только морскую гладь, мутную от желтого ила и сплошь покрытую оглушенными рыбами и растерзанными саламандрами.

Сначала говорили о взрыве каких-то мин в проливе; но когда оба берега Па-де-Кале были оцеплены войсками, а английский премьер — это был четвертый случай в истории человечества — прервал в субботу вечером свой «уик-энд» и срочно возвратился в Лондон, то стали догадываться, что речь идет о событии, имеющем весьма серьезное международное значение. Газеты распространяли самые тревожные слухи, но на сей раз, как это ни странно, были далеки от действительности. Никто и не подозревал, что в течение нескольких критических дней Европа, а вместе с ней и весь мир были на волосок от войны. Лишь несколько лет спустя, когда член тогдашнего британского кабинета сэр Томас Мэлльбери провалился на выборах в парламент и поэтому опубликовал свои политические мемуары, публика получила возможность узнать, что, собственно, тогда происходило; по в то время это уже никого не интересовало.

Вкратце дело заключалось в следующем. Как Франция, так и Англия начали — каждая со своей стороны — строить в Ла-Манше подводные саламандровые крепости, которые в случае войны могли бы запереть весь пролив; обе державы потом, конечно, взаимно обвиняли друг друга, и каждая уверяла, что начала другая; но, вероятно, обе

начали фортификационные работы одновременно, из опасения, как бы соседнее дружественное государство ее не обогнало. Одним словом, под спокойной гладью пролива вырастали друг против друга две грандиозные бетонные крепости, оснащенные тяжелыми орудиями и торпедными аппаратами, с обширными минированными полями и вообще всеми усовершенствованиями, которые изобрел к этому времени человеческий прогресс в области военного искусства; крепость на английской стороне была занята двумя дивизиями тяжелых и приблизительно тридцатью тысячами рабочих саламандр, на французской — тремя дивизиями первоклассных военных саламандр.

По-видимому, в тот памятный день на дне моря посредине пролива колонна британских рабочих саламандр встретилась с французскими саламандрами, и между ними произошло какое-то недоразумение. Французская сторона утверждала, что на мирно работающих французских саламандр напали британские с целью прогнать их; при этом вооруженные британские саламандры хотели якобы увести нескольких французских саламандр, которые, естественно, оказали сопротивление. Тогда британские военные саламандры стали закидывать французских рабочих саламандр ручными гранатами и обстреливать их из минометов, так что французским саламандрам оставалось только прибегнуть к тому же оружию. Поэтому французское правительство сочло себя вынужденным потребовать от правительства его британского величества полного удовлетворения и эвакуации спорного подводного участка, а равно гарантий, что подобные инциденты впредь не повторятся.

В противоположность этому британское правительство специальной нотой уведомило правительство Французской Республики, что французские милитаризованные саламанд-

ры проникли на территорию английской половины пролива и начали закладывать там мины. Британские саламандры обратили внимание на то, что здесь английская рабочая территория; вооруженные до зубов французские саламандры ответили на это метанием ручных гранат, причем убили нескольких британских рабочих саламандр. Правительство его величества с сожалением считает себя вынужденным потребовать от правительства Французской республики полного удовлетворения и гарантий, что французские военные саламандры не будут впредь вторгаться на английскую половину пролива.

В ответ на это французское правительство заявило, что оно не может более допускать, чтобы соседнее государство сооружало подводные крепости в непосредственной близости от французских берегов. Что же касается недоразумения на дне пролива, то правительство республики предлагает, согласно Лондонской конвенции, передать спорный вопрос на разрешение Гаагского арбитража.

Британское правительство возразило, что оно не может и не намерено ставить безопасность британских берегов в зависимость от решения какой бы то ни было посторонней инстанции. Как государство, подвергшееся нападению, Англия снова и самым настоятельным образом требует извинений, возмещения убытков и гарантий на будущее. Одновременно с этим средиземноморская английская эскадра, стоявшая у острова Мальты, вышла на всех парах по направлению к западу, а атлантическая эскадра получила приказ сосредоточиться у Портсмута и Армута.

Французское правительство издало приказ о мобилизации матросов и офицеров военного флота пяти призывающих возрастов.

Казалось, что ни одно из государств уже не может отступить; в конце концов стало ясно, что речь идет не

больше и не меньше, как о господстве над всем проливом. В этот критический момент сэр Томас Мэльбери установил поразительный факт, а именно что на английской стороне никаких восьмых или рабочих саламандр вообще не существует (по крайней мере де-юре), так как для Британских островов до сих пор остается в силе изданный когда-то при сэре Сэмюэле Мендуэилле закон, запрещающий использовать хотя бы одну саламандру для каких бы то ни было целей на побережье или в территориальных водах Британских островов. Ввиду этого британсское правительство не могло официально утверждать, что французские саламандры нашли на английских, и все дело свелось к вопросу, умышленно или по ошибке французские саламандры вступили на дно английских территориальных вод. Власти Французской республики обещали расследовать это, и английское правительство даже не предложило передать спор на рассмотрение Гаагского международного суда. Затем британская и французская морские ведомства пришли к соглашению о создании пятикилометровой нейтральной зоны между подводными укреплениями в проливе, что необычайно укрепило дружбу между обеими государствами.

4. DER NORDMOLCH

Через несколько лет после возникновения первых саламандровых колоний в Северном и Балтийском морях немецкий исследователь д-р Ганс Тюринг установил, что балтийская саламандра — очевидно, под влиянием среды — отличается некоторыми особыми физическими признаками; она якобы несколько светлее, ходит прямее, и ее френологический индекс свидетельствует о том, что у нее более узкий и продолговатый череп, чем у других саламандр. Эта разновидность получила название *der Nord-*

molch¹, или der Edelmolch² (*Andrias Scheuchzeri varietas nobilis erecta Thuringi*³).

Вслед за тем и германская печать начала усердно заниматься балтийской саламандрой. Главным образом подчеркивалось, что именно под влиянием немецкого окружения эта саламандра превратилась в особый и притом высший расовый тип, который природа, бесспорно, поставила над всеми другими саламандрами. Германская печать с презрением писала о дегенеративных средиземноморских саламандрах, вырождающихся физически и морально, о диких тропических саламандрах и вообще о низших, варварских и звероподобных саламандрах других наций. От исполнинской саламандры — к немецкой сверхсаламандре, так звучал тогдашний крылатый лозунг. Разве не немецкая земля была прародиной всех саламандр нового времени? Разве не Эннинген был их колыбелью — тот Эннинген, где немецкий ученый д-р Иоганн Якоб Шейхцер пашел величественный след саламандр еще в мноценовых отложениях? Нет ни малейшего сомнения в том, что первичный *Andrias Scheuchzeri* родился на германской территории за много геологических эр до нашего времени; и если он рассеялся впоследствии по другим морям и климатическим зонам, то заплатил за это вырождением и задержкой в своем развитии; но, как только он вернулся на свою прародину, он снова стал тем, кем был когда-то, — благородной северной шейхцеровской саламандрой, светлой, прямоходящей и с продолговатым черепом. Следовательно, только на немецкой почве саламандры могут вернуться к своему чистому наивысшему типу — тому, который был обнаружен великим Иоганном Якобом Шейхцером

¹ Северная саламандра (нем.).

² Благородная саламандра (нем.).

³ *Andrias Scheuchzeri*, благородная прямоходящая разновидность Тюринга (лат.).

на отпечатке в Эннингенских каменоломнях. Поэтому Германии необходимы новые обширные берега, необходимы колонии, необходимы открытые моря, чтобы повсюду в немецких водах могли размножаться новые поколения расово-чистых, первичных немецких саламандр. «Нам нужно жизненное пространство для наших саламандр», — писали германские газеты. А для того чтобы германский народ никогда не забывал об этом, в Берлине был воздвигнут роскошный памятник Иоганну Якубу Шейхцеру. Великий ученый был изображен с толстым фолиантом в руке; у его ног сидела, выпрямившись, благородная северная саламандра, устремившая взоры вдаль, к необъятному побережью мирового океана.

На открытии этого национального памятника были, конечно, произнесены торжественные речи, возбудившие необычайное внимание мировой печати. «Германия снова угрожает», — констатировалось, в частности, в английских откликах. — Правда, мы уже привыкли к этому тону, но если на официальном торжестве нам заявляют, что в течение ближайших трех лет Германии потребуется пять тысяч километров новых морских побережий, то мы вынуждены ответить самым недвусмысленным образом: «Ну, что ж! Попробуйте! Вы обломаете себе зубы о британские берега. Мы готовы, а за три года подготовимся еще лучше. Англия должна иметь флот, равный по количеству судов флотам двух сильнейших континентальных держав; и она будет его иметь; такое соотношение сил должно остаться незыблемым раз и навсегда. А если вы хотите развернуть безумную гонку морских вооружений, пусть будет так; ни один британец не потерпит, чтобы мы отстали хотя бы на шаг».

«Мы принимаем германский вызов, — заявил в парламенте от имени правительства первый лорд адмиралтейства сэр Фрэнсис Дрейк. — Кто протянет руку к какому

бы то ни было морю, тот натолкнется на броню наших судов. Великобритания достаточно сильна, чтобы отразить всякое нападение на свои острова и на берега своих доминионов и колоний. Мы будем считать агрессией сооружение новых континентов, островов, крепостей и авиационных баз в любом море, волны которого омывают хотя бы самый ничтожный кусок британского побережья. Пусть это послужит предостережением для всякого, кто захочет посягнуть хотя бы на один ярд наших морских берегов».

После такого выступления парламент разрешил постройку новых военных судов и одобрил предварительное ассигнование для этой цели пятисот миллионов фунтов стерлингов. Это был поистине впечатльный ответ на провокационную установку памятника Иоганну Якову Шеихцеру в Берлине; памятник обошелся, впрочем, всего в двенадцать тысяч германских марок.

Блестящий французский журналист маркиз де Сад *, как правило, всегда прекрасно осведомленный, следующим образом отвечал на все эти демонстративные акты: «Британский лорд адмиралтейства заявил, что Великобритания готова ко всем неожиданностям. Прекрасно! Но известно ли высокопоставленному лорду, что в лице своих балтийских саламандр Германия имеет постоянную, грозно вооруженную армию, насчитывающую сейчас пять миллионов профессиональных боевых саламандр, которую она может немедленно ввести в бой в воде или на суше? Прибавьте к этому еще каких-нибудь семнадцать миллионов саламандр, предназначенных для технической и тыловой службы и готовых в любой момент выступить в роли резервной или оккупационной армии. Сейчас балтийская саламандра — лучший солдат на свете; психологически она обработана в совершенстве и видит в войне свое подлинное и высшее призвание; она движется в бой

с воодушевлением фанатика, холодной сообразительностью тёхника и убийственной дисциплиной истинно прусской саламандры.

Известно ли также британскому лорду адмиралтейства, что Германия лихорадочно строит транспортные суда, каждое из которых сможет перевозить за один раз целую бригаду военных саламандр? Известно ли ему, что Германия строит сотни небольших подводных лодок с радиусом действия от трех до пяти тысяч километров, экипаж которых будет состоять исключительно из балтийских саламандр? Известно ли ему, что Германия сооружает в разных частях океана гигантские подводные резервуары для горючего? И мы еще раз спрашиваем: уверен ли британский гражданин, что его великая страна *действительно* хорошо подготовлена на случай каких-либо неожиданностей?

Нетрудно представить себе, какую роль в ближайшей войне будут играть саламандры, вооруженные подводными «бертами», минометами и торпедами для блокады побережий; клянусь честью, впервые в мировой истории никто не сможет позавидовать превосходному островному положению Англии. Но раз уж мы начали задавать вопросы, осведомимся еще: известно ли британскому адмиралтейству, что балтийские саламандры вооружены в общем-то мирным инструментом под названием швейматическое сверло? Это сверло, представляющее собой последнее слово техники, в течение часа вгрызается на глубину десяти метров в крепчайший шведский гранит и на глубину от пятидесяти до шестидесяти метров в английские меловые породы. (Это доказали опытные буровые работы, тайно производившиеся по ночам немецкой технической разведкой 11-го, 12-го и 13-го числа прошлого месяца на английском побережье между Гайтом и Фолкстоном, то

есть в двух шагах от Дуврской крепости.) Предоставляем нашим друзьям по ту сторону Ла-Манша самим подсчитать, сколько недель потребуется на то, чтобы Кент или Эссекс были просверлены под водой, как кусок сыра. До сих пор британский островитянин с беспокойством поглядывал на небо, считая, что только оттуда может прийти опасность, грозящая его прекрасным городам, его Английскому банку и его мирным коттеджам, таким уютным в рамке из вечнозеленого плюща. Теперь пусть он лучше приложит ухо к земле, на которой играют его дети: не услышит ли он, как скрипит, шаг за шагом въедаясь все глубже, неутомимый страшный бурав саламандрового сверла, прокладывающий путь для невиданных доселе взрывчатых веществ? Последнее слово нашего века — это уже не война в воздухе, а война под водой и под землей. Мы слышали самоуверенные слова, прозвучавшие с капитанского мостика надменного Альбиона; да, пока это еще мощный корабль, который вздымается на волнах и властвует над ними; но в один прекрасный момент волны могут сомкнуться над разбитым и тонущим судном. Не лучше ли заблаговременно отразить опасность? Через три года будет слишком поздно!»

Это предостережение знаменитого французского журналиста вызвало в Англии необычайную тревогу; несмотря на все официальные опровержения, люди слышали скрип саламандровых сверл в разных концах Англии. Конечно, немецкие официальные круги резко и категорически отрицали угрозы, содержащиеся в процитированной нами статье, объявляя ее от начала до конца злонамеренным вымыслом и враждебной пропагандой; одновременно в Балтийском море происходили, однако, большие комбинированные маневры германского флота, сухопутных вооруженных сил и военных саламандр. Во время этих

маневров минные роты саламандр на глазах у иностранных военных атташе взорвали участок просверленных снизу песчаных дюн в районе Рюгенвальде площадью шесть квадратных километров. Это было великолепное зрелище: с грозным гулом вздыбилась земля, «словно ломающаяся лидина», и только потом поднялась вверх гигантской тучей дыма, песка и камней; сделалось темно, почти как ночью; поднятый взрывом песок сыпался на землю в радиусе почти ста километров, а через несколько дней обрушился песчаным дождем на Варшаву. В земной атмосфере после этого великолепного взрыва осталось так много свободно парящего мелкого песка и пыли, что во всей Европе до конца года закаты солнца были необычайно красивыми; таких огненных, кроваво-красных закатов в этих широтах никогда до сих пор не наблюдали.

Море, залившее взорванный участок побережья, получило потом название «Шейхцерова моря» и сделалось местом бесчисленных школьных экскурсий и походов немецких детей, распевающих популярный саламандровый гимн:

Solche Erfolge erreichen
nur deutsche Molche.¹

¹ Таких успехов достигают лишь немецкие саламандры (*нем.*).

5. ВОЛЬФ МЕЙНЕРТ ПИШЕТ СВОЙ ТРУД

Должно быть, именно эти трагически прекрасные солнечные закаты, о которых мы только что говорили, вдохновили кенигсбергского философа-отшельника Вольфа Мейнерта на создание монументального труда «Untergang der Menschheit»¹. Мы можем живо представить себе, как он бродит по берегу моря с непокрытой головой, в разевающемся плаще и смотрит восторженными глазами на потоки огня и крови, заливающие большие половины пебесного свода. «Да, — шепчет он в экстазе, — да, пришла пора писать послесловие к истории человека!» И он написал его.

Сейчас доигрывается трагедия человеческого рода — так начал Вольф Мейнерт. Пусть нас не обманывает его лихорадочная предпримчивость и техническое благополучие; это лишь чахоточный румянец на лице существа, ужко отмеченному печатью смерти. Еще никогда человечество не достигало столь высокого жизненного уровня, как сейчас; но найдите мне хоть одного человека, который был бы счастлив; покажите мне класс, который был бы доволен, или нацию, которая не ощущала бы угрозы своему существованию. Среди всех даров цивилизации, среди креозовского изобилия духовных и материальных богатств нас все больше и больше охватывает неотвязное чувство неуверенности, гнетущей тяжести и смутного беспокойства.

И Вольф Мейнерт беспощадно анализировал душевное состояние современного мира, эту смесь страха и иенависти, недоверия и мании величия, цинизма и малодушия. Одним словом — отчаяние, кратко резюмировал Вольф Мейнерт. Типичные признаки конца. Моральная агония.

Встает вопрос: способен ли человек быть счастливым и был ли он когда-либо способен на это? Человек — несо-

¹ «Закат человечества» (нем.).

мненио, как каждое живое существо; но человечество — никогда. Все несчастье людей в том, что им предопределено было стать человечеством, или в том, что они стали человечеством слишком поздно, когда уже произошло непоправимое деление на нации, расы, веры, сословия и классы, на богатых и бедных, на культурных и некультурных, на поработителей и порабощенных. Сгоните в одно стадо лошадей, волков, овец и кошек, лисиц, медведей и коз; заприте их в одном загоне, заставьте их жить в этом неестественном сочетании, которое вы назовете Обществом, и следовать общим для всех правилам жизни; это будет несчастное, недовольное, разобщенное стадо, в котором ни одна божья тварь не будет себя чувствовать на месте. Вот вам вполне точный образ огромного и безнадежно разнородного стада, называемого человечеством. Нации, сословия, классы не могут долго существовать, не задевая друг друга и не тяготясь друг другом до полного отвращения; они могут жить или в вечной изоляции друг от друга, что было возможно лишь до тех пор, пока мир был для них достаточно велик, или в борьбе друг с другом, в борьбе не на жизнь, а на смерть. Для биологических человеческих групп, таких, как раса, нация или класс, существует лишь один естественный путь к блаженному состоянию ничем не нарушенной однородности: надо расчистить место для себя, истребив всех других. А этого как раз и не успел сделать вовремя людской род. Теперь уже поздно браться за это. Мы обзавелись слишком многими доктринаами и обязательствами, которыми оберегаем «других», вместо того чтобы от них избавиться; мы выдумали кодекс нравственности, права человека, договоры, законы, равенство, гуманность и прочее; мы создали некую фикцию человечества, понятие, объединяющее и нас и «других» в воображаемом «высшем единстве». Какая роковая ошибка! Нравственный закон мы

поставили выше биологического. Мы нарушили величайшую естественную предпосылку всякой общности: только одиородное общество может быть счастливым. И это вполне достижимое благо мы принесли в жертву великой, но неосуществимой мечте: создать *единое* человечество и установить *единый* строй для людей всех наций, классов и уровней жизни. То была великодушия глупость. То была единственная в своем роде достойная уважения попытка человека подняться над самим собой. И за этот свой предельный идеализм род людской расплачивается ныне неизбежным распадом.

Процесс, в ходе которого человек пытается как-то организовать себя в человечество, столь же древен, как сама цивилизация, как первые законы и первые общины; и если человечество в итоге, после долгих тысячелетий, добилось лишь того, что пропасти между расами, нациями, классами и мировоззрениями стали такими глубокими, бездонными, как сейчас, то уже не стоит закрывать глаза на тот факт, что злополучная историческая попытка сплотить всех людей в некое человечество потерпела окончательное и трагическое крушение. В конце концов мы уже начинаем осознавать это; отсюда эти попытки и замыслы организовать человеческое общество иначе, с помощью радикального освобождения места для *одной* нации, *одного* класса или *одной* религии. Но кто может сказать, насколько глубоко проникли в нас микробы неизлечимой болезни дифференцирования? Рано или поздно любое мнимооднородное целое неизбежно расколется вновь, превратившись в скопление разноречивых интересов, партий, сословий и так далее, которые или снова начнут подавлять друг друга, или будут страдать от условий своего существования. Нет никакого выхода. Мы движемся по заколдованныму кругу; но жизнь не может вечно топтаться на месте.

Об этом позабыла сама природа, отведя на светe место для саламандр.

Не случайно, философствовал далее Больф Мейнерт, саламандры начали осуществлять свои жизненные возможности только тогда, когда хроническая болезнь человечества, этого плохо сросшегося, все время распадающегося гигантского организма, перешла в агонию. Если не считать некоторых незначительных отклонений, саламандры представляют собой единое грандиозное и однородное целое; у них до сих пор нет резких делений на племена — языков, наций, государств, религий, классов или каст; среди них нет господ и рабов, свободных и несвободных, богатых и бедных; правда, между ними существуют различия, определяемые разделением труда, но, по существу, это одиородная, монолитная масса, состоящая, так сказать, из одинаковых зерен, — масса, во всех своих частях одинаково биологически примитивная, одинаково бедно наделенная дарами природы, одинаково угнетенная, с одинаково пизким жизненным уровнем. Последний играл или эскимос находится в несравненно лучших условиях, пользуясь бесконечно большим богатством материальных и культурных ценностей, чем миллиарды цивилизованных саламандр. И тем не менее нет никаких признаков, которые говорили бы, что саламандры страдают от этого. Наоборот. Мы видим, что они совершенно не нуждаются ни в одной из тех вещей, в которых человек ищет успокоения и облегчения от метафизического ужаса и страха перед жизнью; они обходятся без философии, без веры в загробную жизнь и без искусства; они не знают, что такое фантазия, юмор, мистическое чувство, мечта, игра; они наскоэвь проникнуты реализмом. Нам, людям, они столь же чужды, как муравьи или сельди; они отличаются от этих существ только тем, что приспособились к другой жизненной среде, а именно к человеческой цивилизации.

Они устроились в этой среде так, как устраиваются собаки в человеческих жилищах; они не могут прожить без нее, но от этого они не перестают быть тем, чем они являются: весьма примитивным и малодифференцированным семейством животных. Они довольствуются тем, что живут и размножаются; они могут даже быть вполне счастливы, так как их не тревожит ощущение какого-либо неравенства. Они совершенно однородны. Они могут поэтому в один прекрасный день, или, лучше сказать, *в любой* ближайший день, без всякого труда осуществить то, что оказалось не под силу человечеству: единство своего вида во всем мире, свою всемирную общину — словом, всеобъемлющий мир саламандр. В этот день окончится тысячелетняя агония человеческого рода. На нашей планете не хватит места для двух сил, каждая из которых стремится овладеть всем миром. Одна из них должна будет уступить. Какая именно — это мы уже знаем.

Сейчас на земном шаре насчитывается около двадцати миллиардов цивилизованных саламандр, то есть приблизительно в десять раз больше, чем людей. Отсюда с биологической необходимостью и в согласии с логикой истории вытекает, что саламандры, будучи угнетенными, должны будут освободиться; будучи однородными, они должны будут объединиться; превратившись, таким образом, в величайшую силу, которую когда-либо видел мир, они неминуемо должны будут прийти к мировому господству. Думаете, они настолько безумны, что пощадят тогда человека? Думаете, они повторят историческую ошибку человека, который испокон веков ошибался, порабощая побежденные нации и классы, вместо того чтобы их истреблять? Который из эгоизма вечно создавал новые различия между людьми, а потом из идеализма и великодушия пытался перекинуть через них мост? Нет, воскликнул Вольф Мейперт, *подобной* исторической бессмыслицы саламандры

не допустят — хотя бы уже потому, что они извлекут урок из моей книги! Они станут наследниками всей человеческой цивилизации; в их руки попадет все, что мы делали или пытались сделать, желая покорить мир; но они действовали бы против самих себя, если бы захотели вместе с этим наследством принять и нас. Они должны избавиться от людей, если хотят сохранить свою однородность. Если бы они поступили иначе, то рано или поздно мы заразили бы их, своей разрушительной двойственностью, умением создавать различия и страдать от них. Но на этот счет мы можем быть спокойны: ни одно создание, которое продолжит историю человека, не станет повторять его самоубийственных безумств.

Нет сомнений, что мир саламандр будет счастливее, чем был мир людей; это будет единый, гомогенный мир, подвластный единому духу. Саламандры не будут отличаться друг от друга языком, мировоззрением, религией или потребностями. Не будет между ними неравенства в культурном уровне, не будет классовых противоречий — останется лишь разделение труда. У них не будет ни господ, ни рабов, ибо все они станут служить лишь Великому Коллективу Саламандр — вот их бог, владыка, работодатель и духовный вождь. Останется одна нация с единым уровнем. И мир этот будет лучше и совершеннее, чем был наш. Это единственно возможный Счастливый Новый Мир. Что ж, уступим ему место; угасающее человечество уже не может совершить ничего иного — только ускорить свой конец, озарив его трагической красотой, пока и это еще не поздно...

Мы изложили здесь взгляды Вольфа Мейнера как можно более популярно; мы знаем, что при этом во многом пропала их сила и глубина, которые в свое время

загипнотизировали всю Европу, и особенно молодежь, с восторгом поверившую в упадок и надвигающийся конец человеческого рода. Правда, некоторые политические аналогии побудили германское правительство запретить учение «великого пессимиста», и Вольфу Мейнерту пришлось скрыться в Швейцарию. Тем не менее весь культурный мир с удовлетворением принял теорию Мейнера о гибели человечества; его книга (в 632 страницы) была переведена на все языки, и многие миллионы экземпляров получили распространение даже среди саламандр.

6. ИКС ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ

Очевидно, под влиянием пророческой книги Мейнера литературный и художественный авангард в культурных центрах провозгласил лозунг: «После нас хоть саламандры!» Будущее принадлежит саламандрам. Саламандры — это культурный переворот. Пусть у них нет своего искусства — зато они не обременены грузом идиотских идеалов, иссохших традиций и того обветшалого, нудного школьного хлама, который назывался поэзией, музыкой, архитектурой, философией или культурой вообще; все это дряхлые слова, от которых нас тошнит. Саламандры еще не поддались искушению пережевывать язвячу изжившего себя человеческого искусства — тем лучше: мы создадим для них новое. Мы, молодые, расчищаем путь для будущего всемирного саламандризма; мы хотим быть первыми саламандрами, мы — саламандры завтрашнего дня!

Так родилось в поэзии молодое направление «саламандрианцев», возникла тритоническая (трехтональная) музыка и пелагическая живопись, которая вдохновлялась образами медуз, морских звезд и кораллов. Работы саламандр по упорядочению побережий были объявлены

источинком новой красоты и монументальности. Мы сыты природой по горло, раздавались голоса; пусть гладкие бетонные берега придут на место старых живописных скал! Романтика умерла: Будущие континенты будут очерчены прямыми линиями и примут формы сферических треугольников и ромбов; старый геологический мир должен уступить место миру геометрическому. Словом, это было опять-таки нечто новое и футуристическое, новая сенсация духовной жизни и манифесты новой культуры. Те же, кто не успел своевременно вступить на путь грядущего саламандризма, с горечью чувствовали, что остались за кормой, и мстили за это, проповедуя чистую «человечность», возврат к человеку и к природе и прочие реакционные формулы. В Вене был освистан концерт тритонической музыки, в парижском Салоне независимых неизвестный злоумышленник изрезал педагогическую картину, выставленную под названием *Capriccio en bleu*¹. Одним словом, саламандризм победоносно и неудержимо шествовал вперед.

Не было, однако, недостатка и в ретроградных выступлениях, направленных против «саламандромании», как ее тогда называли. Самым принципиальным из них был анонимный английский памфлет, вышедший в свет под заглавием «Икс предостерегает». Эта брошюра получила значительное распространение, но личность ее автора никогда не была раскрыта; многие считали, что ее написал кто-то из князей церкви, так как в английском языке буква икс («X») служит сокращенным обозначением имени Христа.

В первой главе памфлета автор пробовал дать статистику саламандр, прося простить его за неточность приводимых цифр. Даже по приблизительному подсчету, го-

¹ Голубой каприз (*итал.* и *франц.*).

ворил он, саламандр в настоящее время в семь — двадцать раз больше общего числа людей на земном шаре. Столь же неопределенны и наши сведения о том, сколько есть под водой у саламандр фабрик, нефтяных скважин, водорослевых плантаций, ферм для разведения угрей, установок для использования водной энергии и других естественных энергетических ресурсов; у нас нет даже приблизительных данных о производственной мощности промышленных предприятий саламандр; но меньше всего нам известно, как обстоит дело с вооружением саламандр. Мы знаем, правда, что в получении металлов, деталей машин, взрывчатых веществ и многих химикалий саламандры зависят от людей; но, во-первых, все государства держат в строгом секрете, какое именно оружие и сколько других фабрикатов они поставляют своим саламандрам, а во-вторых, мы поразительно плохо осведомлены о том, что именно изготавливают саламандры в морских глубинах из полуфабрикатов и сырья, покупаемого у людей. Несомненно одно: саламандры отнюдь не желают, чтобы мы знали об этом; в последние годы утонуло или задохнулось так много водолазов, спускавшихся на морское дно, что их гибель никак нельзя приписывать простой случайности. Это, безусловно, признак тревожный как с промышленной, так и с военной точки зрения.

Конечно, продолжал Икс в следующих главах, трудно представить себе, что именно саламандры могли бы или хотели потребовать от людей. Они не могут жить на суше, а мы совершенно не в состоянии помешать их образу жизни под водой. Их жизненная среда и паша четко и навеки отделены одна от другой. Правда, мы требуем, чтобы они выполняли определенные работы; но за это мы кормим большинство из них и поставляем им сырье и товары, которые без нас они вообще не могли бы получить, например металлы. Но даже если нет практических

поворотов к какому-либо антагонизму между нами и саламандрами, то, я сказал бы, существует метафизическое противопоставление; глубинным созданиям противостоят creation поверхности, ночным существам — дневные, темной пучине вод — сухая и светлая земля. Граница между землей и водой очерчена более резко, чем до сих пор: *наша земля соприкасается с их водой*. Мы могли бы прекрасно жить все время в стороне друг от друга, обмениваясь лишь определенными продуктами и услугами; но трудно избавиться от гнетущего ощущения, что это едва ли удастся. Почему? Я не могу привести никаких определенных доводов, но это ощущение не исчезает; это как бы предчувствие, что в один прекрасный день сами воды поднимутся против земли, чтобы разрешить вопрос — кто кого.

Признаюсь, страх мой несколько иррационален, пишет далее Икс; но я почувствовал бы огромное облегчение, если бы саламандры выступили с какими-нибудь претензиями к людям, — тогда с ними можно было бы по крайней мере договариваться, заключать разные концессии, соглашения и компромиссы; но их молчание — страшно. Я боюсь их непонятнойдержанности. Они могли бы, например, потребовать для себя определенных политических прав; откровенно говоря, законы для саламандр во всех странах немного устарели и стали недостойными столь цивилизованных и количественно столь сильных существ. Следовало бы разработать новые права и обязанности саламандр в смысле более выгодных для них условий; можно было бы подумать о какой-то степени автономности для саламандр; справедливо было бы улучшить их рабочие условия и вознаграждать их труд щедрее. Итак, во многих отношениях можно было бы облегчить их участь, если бы только они этого требовали. Тогда мы могли бы пойти на некоторые уступки в их пользу, связав их компенсацией-

ными договорами; по меньшей мере мы выиграли бы несколько лет. Но саламандры не требуют ничего; они только повышают производительность своего труда и увеличивают заказы; настала пора спросить себя наконец, на чем остановится то и другое.

Когда-то говорили о желтой, черной или красной опасности; но все это были люди, а мы более или менее можем себе представить, чего хотят люди. И все же, хотя мы пока и понятия не имеем, как и против чего придется человечеству обороняться, одно должно быть ясно: если на одной стороне будут саламандры, то на другой встанет все человечество.

Люди против саламандр! Пора уж наконец сформулировать это положение. Ведь, положа руку на сердце, нормальный человек инстинктивно ненавидит саламандр, пишет к ним отвращение и... боится их. Какая-то леденящая тень ужаса пала на все человечество. Как иначе объяснить эту безумную похоть, эту неутолимую жажду утех и наслаждений, эту оргию разврата, которая охватила теперешних людей? Такого падения нравов мы не знали с тех времен, когда на Римскую империю готовились обрушиться лавины варваров. Это уже не только плоды небывалого материального благодеяния, но и отчаявшие усилия заглушить страшное чувство разложения и гибели. Еще последнюю чашу, пока не настал конец! Какое безумие, какой позор! Будто сам бог по грозному своему милосердию ниспоспал старческую дряблость нациям и классам, которые стремительно несутся в бездну. Хотите прощать роковые слова «мене — текел — фарес», начертанные огненными знаками над пиরующим человечеством? Поглядите на световые надписи, всю ночь горящие над входами в притоны кутежа и распутства. В этом отношении мы, люди, уже приближаемся к саламандрам: мы живем больше ночью, чем днем.

«Если бы саламандры не были по крайней мере так чудовищно посредственны!» — с тоской воскликнул Икс. Да, они более или менее образованы; но это делает их тем более ограниченными, ибо они взяли от человеческой цивилизации только то, что есть в ней стереотипно повторяющегося, утилитарного, механического и прикладного. Они стоят около человечества, как Вагнер около Фауста, но разница в том, что они удовлетворяются этим и их не гложут никакие сомнения. Страшнее всего, что этот восприимчивый, глуповатый и самодовольный тип цивилизованной посредственности размножился в миллионах и миллиардах одинаковых единиц. Впрочем, нет, я ошибся: страшнее всего, что они достигли таких успехов. Они научились пользоваться машинами и арифметикой, и оказалось — этого достаточно, чтобы они сделались властителями своего мира. Они выбросили из человеческой цивилизации все, что было лишено непосредственной полезности, всякую игру, фантазию, заветы старины; тем самым они лишили ее всего, что было в ней человеческого, и усвоили только ее оголенно-практическую, утилитарную, техническую сторону. И эта жалкая карикатура на человеческую цивилизацию изумительно процветает; она создает технические чудеса, перекраивает нашу старую планету и в конце концов начинает гипнотизировать само человечество. Фауст будет учиться тайнам преуспевания посредственности у своего ученика и слуги! Одно из двух: или человечество столкнется с саламандрами в борьбе не за жизнь, а на смерть, или оно бесповоротно осаламандрится. Что касается меня, меланхолически заканчивает Икс, то я предпочел бы первое.

И вот Икс предупреждает вас, продолжал анонимный автор. Еще можно страхнуть это холодное и скользкое кольцо, которое обвивается вокруг нас. Мы должны избавиться от саламандр. Их стало слишком много. Они во-

оружены и могут пустить в ход против нас военный потенциал, о мощи которого мы почти ничего не знаем. Но страшнее всего для нас, людей, не их численность и сила, а их торжествующая над всем неполноценность. Я не знаю, чего нам надо бояться больше: их человеческой цивилизованности или их коварной, холодной, звериной жестокости. Но когда одно соединяется с другим, то получается нечто невообразимо кошмарное, почти дьявольское. Во имя культуры, во имя христианства и человечества мы должны освободиться от саламандр.

И анонимный апостол взывал:

БЕЗУМЦЫ, НЕРЕСТАНЬТЕ ПАКОНЕЦ КОРМИТЬ САЛАМАНДР!

Перестаньте давать им работу, откажитесь от их услуг, порвите с ними, пусть они переселяются куда хотят, где смогут кормиться сами, как и вся остальная водная фауна. Сама природа управится тогда с излишком саламандр; только бы люди, человеческая цивилизация и человеческая история перестали

**РАБОТАТЬ НА САЛАМАНДР
И НЕРЕСТАНЬТЕ ПОСТАВЛЯТЬ САЛАМАНДРАМ ОРУЖИЕ!**

Запретите снабжать их металлами и взрывчатыми веществами, не посыпайте им наших машин и изделий! Вы ведь не станете поставлять зубы тиграм и яд змеям; не станете подогревать огнедышащий вулкан или разрушать плотины, чтобы открыть путь наводнениям! Пусть запрещение поставок распространится на все моря, пусть саламандры будут объявлены вне закона, пусть будут они прокляты и изгнаны из нашего мира!

**ПУСТЬ ВЫДЕТ СОЗДАНА ЛИГА НАЦИЙ
ПРОТИВ САЛАМАНДР!**

Все человечество должно быть готово отстаивать свое существование с оружием в руках. Пусть по инициативе

Лиги наций, короля шведского или папы римского будет созвана всемирная конференция всех цивилизованных государств, которая создаст Всемирный союз или по крайней мере Союз христианских наций против саламандр! Настал решающий момент, когда под давлением страшной саламандровой опасности и лежащей на людях ответственности, быть может, удастся сделать то, что не под силу было мировой войне, несмотря на все бесконечные жертвы, — учреждение Соединенных Штатов Мира. Дай бог! Если это удастся, значит, саламандры появились не напрасно, значит, они были орудием промысла божьего.

Этот патетический памфлет вызвал живейшие отголоски в самых широких кругах публики. Пожилые дамы соглашались главным образом с тем, что настало небывалое падение нравов. Наоборот, в экономических обзорах газет справедливо указывалось, что нельзя ограничивать поставки саламандрам, так как это привело бы к резкому сокращению производства и к тяжелому кризису во многих отраслях человеческой промышленности. Да и сельское хозяйство, писали они, рассчитывает на огромный сбыт кукурузы, картофеля и других продуктов, служащих кормом для саламандр; если бы численность саламандр уменьшилась, то на рынке продовольственных продуктов цены сильно упали бы и земледельцы оказались бы на краю разорения. Что касается «Лиги наций против саламандр», то все ответственные политические инстанции возражали, заявляя, что в ней нет надобности: во-первых, уже есть Лига наций, а во-вторых — Лондонская конвенция, согласно которой морские державы обязались не снабжать своих саламандр тяжелым вооружением. Нелегко, впрочем, требовать такого ограничения вооружений от государства,

которое не имеет уверенности в том, что какая-нибудь другая морская держава не вооружает тайно своих саламандр, повышая этим свой военный потенциал в ущерб соседям. Равным образом ни одно государство и ни один континент не могут принудить своих саламандр перебраться куда-нибудь в другое место — хотя бы уже потому, что таким путем они, с одной стороны, повысили бы сбыт промышленной и земледельческой продукции, а с другой — военную мощь других государств или континентов. И подобных возражений, с которыми вынужден был соглашаться всякий здравомыслящий человек, приводилось много.

Несмотря на это, памфлет «Икс предостерегает» произвел глубокое впечатление и не остался без последствий. Почти во всех странах начало расти движение против саламандр и создавались Союзы истребления саламандр, клубы «антисаламандрианцев», «комитеты защиты человечества» и много других организаций такого же рода. Женевские делегаты от саламандр подверглись оскорблению, когда собрались на 1213-е заседание комиссии по изучению саламандрового вопроса. На заборах вдоль морских побережий появились угрожающие надписи, вроде «Смерть саламандрам!», «Долой саламандр!» и т. п. Много саламандр было побито камнями; ни одна саламандра не осмеливалась больше высывать днем голову из воды. Несмотря на все это, с их стороны не было никаких протестов или ответных действий. Они просто сделались невидимыми, по крайней мере днем, и люди, которые заглядывали через их заборы, видели только бесконечную даль равнодушно шумящего моря. «Ишь, сволочи, — с ненавистью говорили люди, — даже не показываются».

И вдруг среди этого гнетущего затишья прогремело так называемое .

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЛУИЗИАНЕ

7. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЛУИЗИАНЕ

11 ноября в час ночи жители Нью-Орлеана почувствовали сильный подземный толчок; в негритянских кварталах рухнуло несколько домишек; люди в панике бросились на улицу, но толчки больше не повторились. Бешеным порывом пронесся с воем шквал, разбивший окна и сорвавший крыши в негритянских переулках; несколько десятков человек было убито; потом на город обрушился ливень илистой грязи.

Пока нью-орлеанские пожарные спешили на помощь в наиболее пострадавшие районы, телеграф выступивал призывы из Морган-Сити, Плэкомайна, Батон-Ружа и Лафайета: «SOS! Пришлите спасательные отряды! Мы на половину сметены землетрясением и циклоном! Плотины на Миссисипи грозят прорваться! Немедленно шлите саперов, санитарные отряды и всех работоспособных мужчиц!» Из Форт-Ливингстон пришел только лаконический запрос: «Алло, у вас там тоже сюрпризы?» Потом была получена телеграмма из Лафайета: «Внимание! Внимание! Больше всего пострадала Нью-Иберия. По-видимому, сообщение между Нью-Иберией и Морган-Сити прервано. Пошлите туда помощь!» Вскоре из Морган-Сити сообщили по телефону: «Связь с Нью-Иберией не имеем. Видимо, повреждены автомобильная дорога и железнодорожная линия. Пошлите пароходы и самолеты в бухту Вермильон! Нам самим не нужно больше ничего. У нас около тридцати убитых и ста раненых». Затем пришла телеграмма из Батон-Ружа:

по нашим сведениям хуже всего в Нью-Иберии
все внимание на Нью-Иберию к нам шлите
только рабочих но поскорее иначе у нас
обрушатся плотины делаем что можем

Следующая телеграмма:

АЛЛО АЛЛО ШРИВПОРТ НЕЙЧИТОКС АЛЕКСАНДРИЯ
ПОСЛАЛИ СПАСАТЕЛЬНЫЕ ПОЕЗДА В НЬЮ-ИБЕРИЮ
АЛЛО АЛЛО МЕМФИС ВИПОНА ДЖЕКСОН ОТПРАВИЛИ
ПОЕЗДА К НЬЮ-ОРЛЕАНУ ВЕСЬ АВТОТРАНСПОРТ МОБИ-
ЛИЗОВАН ПЕРЕБРАСЫВАЕТ ЛЮДЕЙ К ПЛОТИНАМ
В БАТОН-РУЖЕ

И еще:

АЛЛО ГОВОРИТ ПАСКАГУЛА У НАС НЕСКОЛЬКО УБИТЫХ
ПУЖНА ЛИ ВАМ ПОМОТЬ

Тем временем пожарные команды, санитарные машины и спасательные поезда уже мчались по направлению Морган-Сити — Паттерсон — Франклина. В пятом часу утра было получено первое более или менее точное сообщение: «Железнодорожный путь между Франклином и Нью-Иберией поврежден наводнением в семи километрах к западу от Франклина; по-видимому, в результате землетрясения там образовалась глубокая трещина, начинающаяся от бухты Вермильон, и в нее хлынуло море. Насколько можно сейчас установить, эта трещина идет от бухты Вермильон на восток — северо-восток, поворачивает близ Франклина на север, врезывается в Большое озеро и затем тянется дальше к северу до линии Плэкмайн — Лайфайет, где она заканчивается в старой озерной впадине; ответвление этой трещины связывает Большое озеро с находящимся к западу от него Наполеонвильским озером. Общая протяженность трещины около восьмидесяти километров, ширина — от двух до одиннадцати километров. Вероятно, здесь был эпицентр землетрясения. Можно считать величайшим счастьем, что трещина миновала все более или менее крупные населенные пункты. Тем не менее число человеческих жертв довольно значительно. Во Франклине выпало илистых осадков на шестьдесят,

в Паттерсоне — на сорок пять сантиметров. Жители побережья бухты Ачафалайя сообщают, что во время землетрясения море отступило приблизительно на три километра, а потом ринулось на берег валом высотой тридцать метров. Опасаются, что на побережье погибло много людей. С Нью-Иберией все еще нет связи».

Первым поспел к Нью-Иберии поезд, отправленный с запада, из Нейчитокса; сообщение, посланное окольным путем через Лафайет и Батон-Руж, было страшно. Не доехав нескольких километров до Нью-Иберии, поезд вынужден был остановиться: полотно дороги занесло илом. Беженцы рассказывали, что в двух километрах на восток от города начал действовать «грязевой вулкан», который в одно мгновение выбросил огромную массу жидкого холдного ила; по их словам, Нью-Иберия погребена под илом. Дальнейшее продвижение поезда в темноте и под непрекращающимся дождем крайне затруднительно. Связи с Нью-Иберией все еще нет.

Одновременно было получено сообщение из Батон-Ружа:

НА ПЛОТИНАХ МИССИСИПИ УЖЕ РАБОТАЮТ НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК ХОТЬ БЫ ПРЕКРАТИЛСЯ ДОЖДЬ НУЖНЫ КИРКИ ЛОПАТЫ ГРУЗОВИКИ ЛЮДИ ПОСЫЛАЕМ ПОМОДЬ В ПЛЕКМАЙН ЭТИ ГУБОШЛЕНЫ НЕ МОГУТ СПРАВИТЬСЯ САМИ

Телеграмма из Форт-Джексон:

ПОЛОВИНЕ ВТОРОГО УТРА МОРСКОЙ ВОЛНОЙ СНЕСЕНО ТРИДЦАТЬ ДОМОВ ЧТО ЭТО БЫЛО НЕ ЗНАЕМ СМЫЛО ОКОЛО СЕМИДЕСЯТИ ЧЕЛОВЕК ТОЛЬКО СЕЙЧАС ИСПРАВИЛ АППАРАТ ПОЧТОВУЮ КОНТОРУ ТОЖЕ УНЕСЛО АЛЛО ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ СКОРЕЙ ЧТО ЭТО БЫЛО ТЕЛЕГРАФИСТ ФРЕД ДАЛЛТОН АЛЛО ПЕРЕДАЙТЕ МИНИ ЛАКОСТ ЧТО СО МНОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ ТОЛЬКО СЛОМАНА РУКА И УНЕСЛО ВОДОЙ ВЕЩИ Но ГЛАВНОЕ АППАРАТ ОПЯТЬ РАБОТАЕТ О КЕЙ ФРЕД

Самое короткое сообщение пришло из Порт-Идса:
ЕСТЬ УБИТИЕ ВЗРЫВУД ЦЕЛИКОМ СНЕСЕН МОРЕ

В это время, утром — шел уже восьмой час, — возвращались первые самолеты, посланные в пострадавшие районы. Летчики рассказали: все побережье от Порт-Артура (штат Техас) до Мобиле (штат Алабама) было ночью затоплено гигантской волной; везде видны разрушенные или поврежденные дома. Юго-восточная часть Луизианы начиная от дороги Озеро Чарльза — Александрия — Нейчиз и южная часть Миссисипи (до линии Джексон — Хэттисбург — Паскагула) занесены илом. В бухте Вермильон в сушу врезался новый залив шириной от трех до десяти километров, доходящий вплоть до Плэкмайна в виде длинного фьорда. Нью-Иберия, вероятно, сильно пострадала, но видно много людей, отребающих ил, под которым похоронены дома и дороги. Приземлиться оказалось невозможно. Особенно много человеческих жертв, очевидно, на побережье. У Пойнтофера тонет пароход, кажется мексиканский. У островов Шандлер море покрыто обломками. Дождь прекращается во всем районе. Видимость хорошая.

Первый экстренный выпуск нью-орлеанских газет вышел уже в пятом часу утра; с наступлением дня появились новые выпуски с новыми подробностями; к восьми часам утра в газетах появились фотографические снимки пострадавших районов и карта нового залива. В половине девятого было напечатано интервью выдающегося сейсмолога из Мемфисского университета д-ра Уилбура Р. Броунелла о причинах землетрясения в Луизиане.

Пока еще рано делать окончательные выводы, заявил знаменитый ученый, но, по-видимому, землетрясение не стоит ни в какой связи со все еще интенсивной вулканической деятельностью в Центральной Мексике, лежащей как раз напротив пострадавшего района. Сегодняшнее

землетрясение вызвано скорее тектоническими причинами, то есть давлением горных масс, с одной стороны — Скалистых гор и Сиерра-Мадре, а с другой — Аппалачского нагорья, на обширную впадину Мексиканского залива, продолжением которой является широкая низина в нижнем течении Миссисипи. Трещина, начинающаяся в бухте Вермilion, не больше чем новый и сравнительно ничтожный излом, мелкий эпизод того геологического оседания, в результате которого образовались Мексиканский залив и Карибское море с кольцом Больших и Малых Антильских островов, этим остатком некогда существовавшей здесь горной цепи. Не подлежит сомнению, что оседание земной поверхности в Центральной Америке, сопровождаемое новыми колебаниями почвы, изломами и трещинами, будет продолжаться. Не исключено, что Вермilionская трещина только увертюра к активному тектоническому процессу, центр которого лежит в Мексиканском заливе; в этом случае мы можем оказаться свидетелями грандиозных геологических катастроф, в результате которых почти пятая часть территории Соединенных Штатов сделается морским дном. Зато, если бы это случилось, мы могли бы с известной вероятностью ожидать, что начнет подниматься дно моря вблизи Антильских островов или еще восточнее — в тех местах, где древний миф предполагал затонувшую Атлантиду.

Вместе с тем, продолжал успокоительным тоном блестящий ученый, нет оснований серьезно опасаться проявлений вулканической активности в пострадавшем районе; мнимые кратеры, извергающие ил, — не что иное, как взрывы болотных газов, начавшиеся в Вермilionской трещине. Не было бы ничего удивительного, если бы в наносах Миссисипи образовались огромные подземные газовые пузыри, которые при соприкосновении с воздухом могли дать взрыв и поднять вверх сотни тысяч тонн ила и воды.

Впрочем, повторил д-р У. Р. Броунелл, для окончательного объяснения катастрофы потребуются дальнейшие исследования.

Пока броунелловские рассуждения о геологических катастрофах сбегали с ротационных машин, губернатор штата Луизиана получил из Форт-Джексона телеграмму следующего содержания:

СОЖАЛЕЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВАХ ТЧК МЫ СТАРАЛИСЬ ОБОЙТИ ВАШИ ГОРОДА ОДНАКО НЕ УЧЛИ ОТДАЧИ И КОНТРУДАРА МОРСКОЙ ВОДЫ ПРИ ВЗРЫВЕ ТЧК МЫ ПАСЧИТАЛИ ТРИСТА СОРОК ШЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВ НА ВСЕМ ПОБЕРЕЖЬЕ ТЧК ВЫРАЖАЕМ СОВОЛЕЗНОВАНИЕ ТЧК ВЕРХОВНЫЙ САЛАМАНДР ТЧК АЛЛО АЛЛО У АППАРАТА ФРЕД ДАЛЬТОН ПОЧТОВАЯ КОМПОНАРДА ФОРД-ДЖЕКСОН ТОЛЬКО ЧТО ОТСЮДА УШЛИ ТРИ САЛАМАНДРЫ ОНИ ЯВИЛИСЬ НА ПОЧТУ ДЕСЯТЬ МИНУТ НАЗАД ПОДАЛИ ТЕЛЕГРАММУ НАПРАВИЛИ НА МЕНЯ РЕВОЛЬВЕРЫ Но УЖЕ УШЛИ ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ ТВАРИ ЗАПЛАТИЛИ И ПОВЕЖАЛИ К ВОДЕ ИХ ПРЕСЛЕДОВАЛА ТОЛЬКО СОБАКА АПТЕКАРЯ КТО ИМ ДАЛ ПРАВО ХОДИТЬ ПО ГОРОДУ БОЛЬШЕ НИЧЕГО НОВОГО НЕРЕДЛАЙТЕ МИНИИ ЛАКОСТ ЧТО Я ЦЕЛУЮ ЕЕ ТЕЛЕГРАФИСТ ФРЕД ДАЛЬТОН

Губернатор штата Луизиана долго качал головой над этой телеграммой. Должно быть, отчаянный шутник этот Фред Дальтон, решил он в конце концов; лучше не передавать эту телеграмму газетам.

8. ВЕРХОВНЫЙ САЛАМАНДР ПРЕДЪЯВЛЯЕТ ТРЕБОВАНИЯ

Через три дня после землетрясения в Луизиане разнеслись вести о новой геологической катастрофе — на этот раз в Китае. Сопровождаемый мощным раскатистым гулом, подземный удар разорвал надвое морское побережье в провинции Цзянсу к северу от Нанкина, почти

посредине между устьем Янцзы и старым руслом Хуанхэ; в образовавшуюся трещину хлынуло море и слилось с большими озерами Баньюном и Хунцзу между городами Хуанъганом и Фучжаном. Есть сведения, что в результате этого землетрясения Янцзы покидает под Нанкином свое прежнее русло и направляет свое течение к озеру Тай, а оттуда к Ханьчжоу. Число человеческих жертв нельзя пока установить даже приблизительно. Сотни тысяч человек спасаются бегством в северные и южные провинции. Японские военные суда получили приказ направиться к пострадавшему побережью.

Хотя землетрясение в Цзянсу по своим размерам далеко превосходило луизианское бедствие, на него, в общем, обратили мало внимания, так как мир уже привык к катастрофам в Китае, тем более что там, как видно, не ставят ни во что какой-нибудь миллион человеческих жизней; к тому же с научной точки зрения было ясно, что речь идет о простом тектоническом землетрясении, связанном с существованием углубления на дне океана у островов Рюкю и у Филиппин.

Но еще через три дня европейские сейсмографы отметили новые колебания почвы, эпицентр которых находился где-то у островов Зеленого мыса. Более подробные сообщения гласили, что от сильного землетрясения пострадало побережье Сенегамбии к югу от Сен-Луи. Между городами Лампул и Мборо образовалась глубокая трещина, в которую хлынуло море: она тянулась по направлению к Меринагену вплоть до Вади Димар. По словам очевидцев, из земли со страшным грохотом вырвался столб огня и пара, разметав на далекое расстояние песок и камни; затем стал слышен рев моря, хлынувшего в образовавшуюся впадину. Человеческих жертв немного.

Это третье по счету землетрясение вызвало уже нечто вроде паники.

БЫТЬ МОЖЕТ, ОЖИВАЕТ ВУЛКАНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМЛИ? —

спрашивали газеты.

ЗЕМНЯЯ КОРА НАЧИНАЕТ ТРЕСКАТЬСЯ, —

объявляли вечерние листки. Специалисты высказали предположение, что сенегамбская расселина возникла просто вследствие извержения вулканической «жилы», связанной с вулканом Пико на острове Фого, одном из островов Зеленого мыса; этот вулкан действовал до 1847 года, а с тех пор считался потухшим. Таким образом, западноафриканское землетрясение не имеет ничего общего с сейсмическими явлениями в Луизиане и в Цзянсу, которые носят явно тектонический характер. Но людям, по-видимому, было все равно, разверзается ли земля по тектоническим или по вулканическим причинам. Факт тот, что в этот день все церкви были переполнены толпами молящихся. В некоторых странах пришлось и ночью оставить храмы открытыми.

Двадцатого ноября около часу ночи радиослушатели в большей части Европы отметили сильные помехи в эфире, как если бы начала работать какая-то новая, необычайно мощная передаточная станция. Они нашли ее на волне длиной три метра: был слышен какой-то гул, похожий на шум машин или морских волн; в этот протяжный бесконечный рокот внезапно ворвался страшный, скрипучий голос; все описывали его одинаково: глухой, квакающий, как бы искусственный голос, к тому же невероятно усиленный мегафоном; это лягушечий голос возбужденно кричал:

— Hallo, hallo, hallo! Chief Salamander speaking! Hallo, Chief Salamander speaking! Stop all broadcasting you

men! Stop your broadcasting! Hallo, Chief Salamander speaking!¹

Затем другой, странно глухой голос спросил:

— Ready?²

— Ready!

Послышался треск, как будто щелкнул переключатель; неестественно приглушенный голос произнес:

— Attention! Attention! Attention! Hallo! Now!³

И тогда среди ночной тишины раздался хриплый, усталый, но все же властный голос:

— Алло, люди! Говорит Луизиана. Говорит Цзянсу. Говорит Сенегамбия. Сожалеем о человеческих жертвах. Мы не хотим причинять вам напрасный вред. Мы только хотим, чтобы вы эвакуировали морские побережья в тех местах, которые мы вам заранее укажем. Если послушаетесь, избегнете прискорбных последствий. Впредь будем сообщать вам не менее чем за две недели, в каком именно месте мы намерены расширить паше море. Пока мы производили только технические испытания. Ваши взрывчатые вещества вполне оправдали себя. Благодарим за них.

Алло, люди! Сохраняйте спокойствие. У нас нет враждебных замыслов по отношению к вам. Но нам нужно для жизни больше воды, больше берегов, больше отмелей. Нас слишком много. Нам уже не хватает места на ваших побережьях. Поэтому мы должны взламывать ваши континенты. Мы превратим их в острова и бухты. Таким путем общая длина береговых линий всего мира увели-

¹ Алло, алло, алло! Будет говорить Верховный Саламандр! Алло, будет говорить Верховный Саламандр! Люди, прекратите всякое радиовещание! Прекратите ваше радиовещание! Алло, будет говорить Верховный Саламандр! (англ.).

² Готово? (англ.).

³ Внимание! Внимание! Внимание! Алло! Начинаем! (англ.)

чится в пять раз. Мы будем сооружать новые отмели. Мы не можем жить в глубоких водах. Ваши континенты понадобятся нам как материал для засыпания глубоких мест. Мы ничего не имеем против вас, но нас слишком много: Вы можете пока перебраться во внутренние области. Можете укрыться в горах. Горы мы будем разрушать в последнюю очередь.

Вы хотели нас. Вы распространяли нас по всему свету. Получайте же, что хотели. Мы намерены подладить с вами добром. Вы будете доставлять нам сталь для наших сверл и кирок. Будете доставлять нам взрывчатые вещества. Будете доставлять нам торпеды. Будете работать для нас. Без вас мы не сумеем ломать старые континенты. Алло, люди! От имени всех саламандр мира Верховный Саламандр предлагает вам сотрудничество. Вы будете вместе с нами разрушать ваш мир. Благодарим вас.

Утомленный хриплый голос умолк, и снова стал слышен гул не то машин, не то моря.

— Алло, алло, люди, — опять раздался скрипучий голос, — передаем для вас легкую музыку в вашей граммофонной записи. Сейчас будет исполнен Марш тритонов из постановочного фильма «Посейдон».

Газеты, конечно, объявили эту ночную передачу «грубой и неуклюжей мистификацией» со стороны какой-нибудь нелегальной радиостанции. Тем не менее в следующую же ночь миллионы людей сидели у своих приемников, ожидая, не раздастся ли вновь вчерашний страшный, настойчивый, скрипучий голос. Он раздался ровно в час ночи, сопровождаемый сильным плещущим гулом.

— Good evening, you people¹, — весело заквакал он. —

¹ Добрый вечер, люди! (англ.)

В начале передачи мы предлагаем вам прослушать граммофонную пластинку — танец саламандр из вашей оперетты «Галатея».

Когда замолкла громыхающая, непристойная музыка, снова заскрипел тот же ужасный, как будто чему-то растущийся голос:

— Алло, люди! Только что потоплена торпедой английская канонерка «Эребус», которая хотела уничтожить нашу передаточную станцию в Атлантическом океане. Экипаж погиб. Алло, вызываем английское правительство. Пароход «Аменхотеп» из Порт-Саида отказался сдать нам в нашем порту Макаллаху заказанные нами взрывчатые вещества. Он якобы получил приказ приостановить дальнейшую доставку. Пароход потоплен. Советуем английскому правительству отменить по радио свой приказ не позже двенадцати часов завтрашнего дня; в противном случае будут потоплены пароходы «Виннипег», «Манитоба», «Онタрио» и «Квебек», следующие с грузом зерна из Канады в Ливерпуль. Алло! Вызываем французское правительство. Отзовите крейсеры, которые идут в Сенегамбию. Нам еще надо расширить вновь образовавшуюся там бухту. Верховный Саламандр приказал передать обоим правительствам его твердую волю установить с ними самые дружественные отношения. Передача сообщений закончена. Передаем ваш романс «Саламандрия» (эротический вальс) в граммофонной записи.

На следующий день пополудни к юго-западу от Мизен-Хед были потоплены пароходы «Виннипег», «Манитоба», «Онタрио» и «Квебек». Волна панического ужаса захлестнула весь мир. Вечером британское радио сообщило, что правительство его величества запретило поставлять саламандрам какие бы то ни было продукты питания, химикалии, машины, оружие и металлы. В час ночи в эфире заскрипел возбужденный голос:

— Hallo, hallo, hallo! Chief Salamander speaking! Hallo, Chief Salamander is going to speak!¹

И вслед за тем раздался усталый, хриплый, сердитый голос:

— Алло, люди! Алло, люди! Алло, люди! Думаете, мы дадим уморить себя голодом? Бросьте ваши глупости! Все, что делаете, обернется против вас! От имени всех саламандр миразываю Великобританию. С настоящего момента мы объявляем полную блокаду Британских островов, за исключением Ирландского свободного государства*. Я закрываю Ла-Манш. Закрываю Суэцкий канал. Закрываю Гибралтарский пролив для всех судов. Все британские порты блокированы. Все британские судна на всех морях будут торпедированы. Алло, вызываю Германию. Увеличиваю в десять раз заказы на взрывчатые вещества. Направляйте немедленно на наш главный склад в Скагерраке. Алло, вызываю Францию! Сдайте заказанные торпеды в ускоренном порядке в подводные форты СЗ, БФФ и Запад-5. Алло, люди! Предупреждаю вас. Если вы ограничите доставку нам продовольствия, я сам сниму его с ваших пароходов. Еще раз предупреждаю вас. — Усталый голос понизился до глухого, почти неразборчивого хрипа:

— Алло, вызываю Италию. Приготовьтесь к эвакуации провинций Венеция, Падуя, Удине. В последний раз предупреждаю вас, люди. Прекратите ваши глупости.

Наступила длительная пауза, и слышен был только шум, похожий на рокот ночного холодного моря. А затем снова зазвучал веселый квакающий голос:

— Теперь мы будем передавать последнюю модную новинку «Тритон-тротт» в вашей граммофонной записи.

¹ Верховный Саламандр будет говорить! (англ.)

9. КОНФЕРЕНЦИЯ В ВАДУЗЕ*

Это была странная война, если вообще можно назвать ее войной; дело в том, что не существовало никакого саламандрового государства или признанного саламандрового правительства, которому можно было бы официально объявить войну. Первым государством, которое оказалось в состоянии войны с саламандрами, была Великобритания. В самом начале военных действий почти все британские суда, стоявшие в портах, были потоплены саламандрами, не было никакой возможности предотвратить это. В относительной безопасности были в тот момент только суда, находившиеся в открытом море, да и то лишь до тех пор, пока они крейсировали в глубоководных местах; так спаслась часть британского военного флота, прорвавшая саламандровую блокаду у острова Мальты и сосредоточившаяся под глубинами Ионического моря; но и эти суда были высажены пебольшими подводными лодками саламандр и потоплены одно за другим. В течение шести недель Великобритания потеряла четыре пятых всего своего тоннажа.

История дала Джону Буллю возможность еще раз проявить свое пресловутое упрямство. Правительство его величества не вступало в переговоры с саламандрами и не отменяло запрещения делать им поставки.

«Британский джентльмен, — заявил английский премьер-министр от имени всей нации, — покровительствует животным, но не вступает в соглашения с ними».

Уже через несколько недель на Британских островах ощущался катастрофический недостаток продовольствия. Только дети получали ежедневно по ломтику хлеба и по нескольку ложечек чая или молока; английский народ с беспримерным мужеством терпел эти лишения, хотя и пал до такой степени, что съел всех своих скаковых ло-

шадей. Принц Уэльский собственноручно вспахал первую грядку на стадионе Роял-Гольф-клуба, где решено было выращивать морковь для лондонских детских приютов. На теннисных кортах в Уимблдоне посадили картофель, на ипподроме в Аскоте посеяли пшеницу.

— Мы пойдем на величайшие жертвы, — говорил в парламенте лидер консервативной партии, — но не посрамим британской чести.

Так как британские берега были полностью заперты в кольце блокады, то у Англии оставался только один путь для снабжения и для сношений с колониями, а именно воздух. «Нам нужно Сто Тысяч Самолетов» *, — заявил министр авиации, и все, что имело руки и ноги, взялось за осуществление этого лозунга; принимались лихорадочные меры для того, чтобы изготавливать по тысяче самолетов в день; но тут вмешались правительства других европейских держав с резким протестом против подобного нарушения равновесия в воздухе; британскому правительству пришлось отказаться от своей программы авиационного строительства и построить не больше двадцати тысяч самолетов, да и то в течение пяти лет. Англии не оставалось ничего другого, как по-прежнему голодать или платить умопомрачительные цены за продовольствие, доставляемое на самолетах других держав; фунт хлеба стоил десять шиллингов; пара крыс — одну гинею, коробочка икры — двадцать пять фунтов стерлингов. Это были золотые денечки для континентальной торговли, промышленности и сельского хозяйства. Так как английский военный флот был уничтожен в первые же часы войны, то операции против саламандр велись только с суши и с воздуха. Сухопутные войска палили в воду из артиллерийских орудий и пулеметов, но, по-видимому, не причиняли саламандрам больших потерь; несколько лучший результат давали бомбы, сбрасываемые самолетами в море.

В свою очередь саламандры обстреливали из подводных орудий британские порты, обратив их в груду развалин. Из устья Темзы они бомбардировали даже Лондон; военное командование сделало тогда попытку отравить Темзу и некоторые бухты бактериями, керосином и щелочными веществами. Саламандры в ответ пустили на английское побережье, на протяжении ста двадцати километров, облако ядовитых газов. Это была только демонстрация, по повторения не потребовалось; впервые в истории британское правительство вынуждено было просить другие державы о помощи, ссылаясь на запрещение газовой войны.

В следующую ночь по радио раздался хриплый, гневный, напряженный голос Верховного Саламандра:

— Алло, люди! Пусть Англия не дурит! Если вы будете отравлять нам воду, мы отравим вам воздух. Мы пользуемся вашим же оружием. Мы не варвары. Мы не хотим воевать против людей. Мы хотим только получить возможность жить. Мы предлагаем вам мир. Вы будете поставлять нам ваши продукты и продадите нам ваши континенты. Мы готовы хорошо заплатить за них. Мы предлагаем вам больше, чем мир. Мы предлагаем вам торговлю. Предлагаем вам золото за вашу сушу. Алло,зываю правительство Великобритании. Сообщите мне вашу цену за южную часть Линкольшира у бухты Уэш. Даю вам три дня на размышление. На это время прекращаю все военные действия, кроме блокады.

В то же мгновение на английском побережье сразу прекратился грохот подводной канонады. Замолкли орудия и на суше. Наступила странная, почти жуткая тишина. Британское правительство объявило в парламенте, что оно не намерено вступать в переговоры с саламандрами. В районах бухты Уэш и Линн-Дин жителей предупредили, что предстоит, видимо, большое наступление саламандр и было бы лучше эвакуировать побережье и

перебраться внутрь страны; однако приготовленные для этой цели поезда, автомобили и автобусы увезли только детей и часть женщин. Мужчины все остались на месте, у них просто не умещалось в голове, что англичанин может потерять свою территорию. Ровно через миг путь после истечения трехдневного перемирия прозвучал первый выстрел; это выстрелило орудие королевского Северо-Ланкаширского полка под звуки полкового марша «Алая роза». Вслед за этим раздался страшный взрыв. Устье реки Нен провалилось до самого Уисбека, и туда хлынуло море из бухты Уэш. Помимо всего прочего, под волнами, погибли знаменитые развалины Уисбекского аббатства, замок Голланд-Касль, харчевня «Святой Георгий и дракон» и другие исторические памятники.

На следующий день, отвечая на запрос в парламенте, английское правительство заявило, что в военном отношении для обороны британского побережья было сделано все, что в силах человеческих; что не исключена возможность новых нападений на британскую территорию, и при том в гораздо большем масштабе; что правительство его величества не может, однако, вести переговоры с неприятелем, который не щадит мирных жителей и даже женщин. (*Возгласы одобрения.*) Сейчас речь идет о судьбе уже не только Англии, но всего цивилизованного мира. Великобритания готова обсудить вопрос о международных гарантиях, которые поставили бы известные границы этим ужасным, варварским нападениям, угрожающим всему человечеству.

Через несколько недель после этого в Вадузе собралась всемирная конференция.

Она состоялась в Вадузе, потому что Высоким Альпам не грозила опасность со стороны саламандр и потому что

там уже укрывалось большинство состоятельных людей и видных деятелей из приморских стран. По общему признанию, конференция с большой энергией взялась за разрешение всех актуальных мировых проблем. Прежде всего все страны (кроме Швейцарии, Абиссинии, Афганистана, Боливии и других государств, не имеющих морских побережий) принципиально отказались признать саламандр самостоятельной воюющей стороной, главным образом из опасения, как бы после этого их собственные саламандры не объявили себя подданными саламандрового государства; ведь не исключена была возможность, что признанное саламандровое государство пожелает распространить свой государственный суверенитет на все воды и берега, где живут саламандры. Отсюда следовал вывод, что юридически и практически невозможно объявить саламандрам войну и оказать на них международное давление каким-нибудь другим способом; каждое государство имеет право выступать только против *собственных* саламандр; это чисто внутреннее дело. Поэтому не может быть и речи о коллективном дипломатическом или военном демарше против саламандр. Международная помощь государствам, подвергшимся нападению саламандр, может выразиться только в иностранных займах на нужды обороны.

Тогда Англия предложила, чтобы все государства обязались по крайней мере прекратить поставку оружия и взрывчатых веществ саламандрам. По зрелом размышлении это предложение было отвергнуто: во-первых, потому, что такое обязательство уже содержится в Лондонской конвенции; во-вторых, нельзя запретить какому бы то ни было государству снабжать своих саламандр техническим оборудованием «исключительно для собственных надобностей» и оружием «для обороны собственных берегов»; в-третьих, приморские государства, «естественно, заинте-

ресованы в сохранении добрых отношений с жителями моря», а потому признают целесообразным «временно воздержаться от всяких мероприятий, которые саламандры могли бы счесть репрессивными»; тем не менее все государства готовы обещать, что они будут поставлять оружие и взрывчатые вещества также и государствам, которые подвергнутся нападению саламандр.

На закрытом совещании было принято предложениеис Колумбии — начать хотя бы неофициальные переговоры с саламандрами. Верховному Саламандру будет предложено послать на конференцию своих уполномоченных. Представитель Великобритании резко возражал против этого, отказываясь заседать совместно с саламандрами; в конце концов он согласился временно уехать в Энгадин «для поправки здоровья». В ту же ночь правительственные радиостанции всех морских держав передали его превосходительству господину Верховному Саламандру приглашение назначить своих представителей и послать их в Вадуз. Ответом было хриплое: «Ладно; на этот раз мы еще приедем к вам; в будущем ваши делегаты отправятся под воду ко мне». А потом — официальное сообщение: «Уполномоченные саламандр прибудут послезавтра вечером Восточным экспрессом на станцию Букс».

С величайшей спешностью делались все приготовления для приема саламандр; в Вадузе были устроены роскошнейшие купальные помещения, и экстренный поезд привез в цистернах морскую воду для саламандровых делегатов. На вокзале в Буксе должна была состояться вечером лишь так называемая неофициальная встреча; туда прибыли только секретари делегаций, представители местных властей и около двухсот журналистов, фотографов и кинооператоров. Ровно в 6 часов 25 минут Восточный экспресс подошел к станции. Из салон-вагона на красивый ковер спустились три высоких элегантных господина, а

за ними несколько прекрасно вымуштрованных щеголеватых секретарей с тую набитыми портфелями.

— Где же саламандры? — вполголоса спросил кто-то.

Две-три официальные персоны нерешительно двинулись навстречу трем элегантным господам; первый из них сказал негромко и торопливо:

— Мы делегаты от саламандр. Я профессор д-р ван Дотт из Гааги. Мэтр Рocco Кастилли, адвокат из Парижа. Доктор Маноэль Карвало, адвокат из Лиссабона.

Присутствовавшие раскланялись и представились друг другу.

— Так, значит, вы не саламандры, — произнес с облегчением французский секретарь.

— Конечно, нет, — сказал д-р Рocco Кастилли, — мы их адвокаты. Пардон, эти господа, кажется, хотят заснять нас для кино.

И улыбающихся делегатов от саламандр стали усердно снимать для кино и газет. Участвовавшие во встрече секретари делегаций не скрывали своего удовлетворения. Очень благородно и деликатно со стороны саламандр послать в качестве своих представителей обычновенных людей. С людьми удобнее разговаривать. А главное — отпадают некоторые неприятные затруднения светского характера.

В тот же вечер состоялось первое совместное совещание с делегатами саламандр. На повестке стоял вопрос — как бы поскорее восстановить мир между саламандрами и Великобританией. Слово попросил профессор ван Дотт.

— Не подлежит сомнению, — сказал он, — что саламандры подверглись нападению со стороны Великобритании; британская канонерка «Эребус» напала в открытом море на судно с радиопередатчиком саламандр; британское адмиралтейство нарушило мирные торговые сно-

шения с саламандрами, запретив пароходу «Аменхотеп» выгрузить заказанные взрывчатые вещества; наконец, наложив эмбарго на всякие поставки, британское правительство тем самым начало блокаду саламандр. Саламандры не могли обратиться с жалобой на эти враждебные действия ни в Гаагу, так как Лондонская конвенция не предоставила саламандрам права жаловаться, ни в Женеву, поскольку они не состояли членами Лиги наций; им не оставалось поэтому ничего другого, как прибегнуть к самообороне. Несмотря на это, Верховный Саламандр готов прекратить военные действия, но лишь на следующих условиях: 1. Великобритания принесет извинения саламандрам за вышеперечисленные обиды. 2. Она отменит все запреты на поставки саламандрам. 3. В виде компенсации она безвозмездно уступит саламандрам район нижнего течения рек в Пенджабе, чтобы они могли устроить там новые берега и морские бухты.

Председатель конференции ответил, что он сообщит эти условия своему уважаемому другу, представителю Великобритании, который сейчас отсутствует; он высказал, однако, опасение, что эти условия едва ли окажутся приемлемыми; тем не менее позволительно надеяться, что они могут послужить основой для дальнейших переговоров.

Следующим пунктом порядка дня была жалоба Франции по поводу сенегамбского побережья, которое саламандры взорвали, посягнув таким образом на французскую колониальную империю. Слова попросил представитель саламандр, известный парижский адвокат д-р Жюльен Рocco Кастелли.

— Докажите это! — воскликнул он. — Мировые авторитеты в области сейсмографии разъясняют, что землетрясение в Сенегамбии — вулканического происхождения и было связано с возобновлением активности вулкана

Пико на острове Фого. Здесь, — продолжал д-р Рocco Кастелли, хлопнув ладонью по своему портфелю, — лежат их научные заключения. Если у вас есть доказательства, что землетрясение в Сенегамбии вызвано действиями моих клиентов, то, пожалуйста, — я жду этих доказательств.

Бельгийский делегат Крё. Ваш Верховный Саламандр сам заявил, что это сделали саламандры!

Профессор ван Дотт. Его выступление было неофициальным.

Мэтр Рocco Кастелли. Мы уполномочены опровергнуть упомянутое выступление. Я требую заслушать технических экспертов по вопросу о том, можно ли искусственным способом проделать в земной коре трещину длиной в шестьдесят семь километров. Предлагаю, чтобы нам показали практический опыт в подобном же масштабе. Пока таких доказательств нет, господа, будем говорить о вулканической деятельности. И все же Верховный Саламандр готов купить у французского правительства морскую бухту, которая образовалась в сенегамбской трещине и вполне годится для того, чтобы основать там поселение саламандр. Мы уполномочены договориться с французским правительством о цене.

Французский делегат министр Деваль. Если рассматривать это как возмещение за причиненный ущерб, то мы готовы начать переговоры.

Мэтр Рocco Кастелли. Очень хорошо! Правительство саламандр настаивает, однако, чтобы соответствующий договор о купле-продаже распространялся также на департамент Ланд от устья Жиронды до Байонны, что составляет территорию площадью шесть тысяч семьсот двадцать квадратных километров. Другими словами, правительство саламандр готово купить у Франции этот кусок ее Юга.

Министр Деваль (родом из Байонны, депутат от Байонны). Чтобы ваши саламандры превратили часть Франции в морское дно? Никогда! Никогда!

Д-р Рocco Кастелли. Франция пожалеет об этих словах, мсье. Сегодня еще речь шла о покупной цене.

На этом заседание было прервано.

На следующем заседании предметом переговоров было общее международное предложение саламандрам, чтобы вместо недопустимого повреждения старых, густо населенных континентов они строили для себя новые побережья и острова; в этом случае им будет оказан широкий кредит, а новые континенты и острова будут признаны потом их самостоятельной и суверенной государственной территорией.

Д-р Маноэль Каравало (крупнейший лиссабонский юрист) поблагодарил конференцию за это предложение, которое он передаст правительству саламандров. «Однако всякому ребенку ясно, — сказал он, — что строительство новых континентов требует гораздо больше времени и больших расходов, чем раскальвание старых земель. Новые берега и бухты необходимы нашим клиентам в ближайшее время; для них это вопрос жизни и смерти. Для человечества лучше было бы принять великодушное предложение Верховного Саламандра, который пока еще готов купить мир у людей, вместо того чтобы отнять его силой. Наши клиенты нашли способ добычи золота, растворенного в морской воде; благодаря этому в их распоряжении имеются почти неограниченные средства: они могут заплатить за ваш мир хорошую, даже баснословную цену. Учтите, что с течением времени цена мира будет падать, особенно если, как это можно предвидеть, произойдут новые вулканические или тектонические катаклизмы, далеко превосходящие по своим размерам те катастрофы, свидетелями которых мы были до сих пор, и если

вследствие этого площадь континентов в значительнейшей мере сократится. Пока еще можно продать мир во всем его нынешнем объеме; но когда от него останутся только обломки гор, торчащие над поверхностью моря, никто не даст вам за него ни гроша. Я присутствую здесь в качестве представителя и юрисконсультата саламандр, — воскликнул д-р Карвало, — и обязан защищать их интересы; но я такой же человек, как и вы, господа, и благополучие людей мне дорого не меньше, чем вам. И я советую вам, больше того — заклинаю вас: продавайте континенты, пока не поздно! Можете продавать их оптом или отдельными странами. Верховный Саламандр, великодушный и передовой образ мыслей которого известен ныне каждому, обещает, что при всяких необходимых в будущем изменениях земной поверхности он будет по возможности щадить человеческие жизни; затопление континентов будет производиться постепенно и с таким расчетом, чтобы не доводить дело до паники и именных катастроф. Мы уполномочены вести переговоры как со всей почтенной всемирной конференцией в целом, так и с отдельными государствами. Присутствие столь выдающихся юристов, как профессор ван Дотт или мэтр Жюльен Рocco Кастелли, послужит вам порукой, что, отстаивая справедливые требования наших клиентов саламандр, мы вместе с тем рука об руку с вами будем защищать самое дорогое для всех нас — человеческую культуру и благо всего человечества».

После этого конференция в несколько подавленном настроении перешла к обсуждению нового предложения: уступить саламандрам для затопления центральные области Китая; взамен этого саламандры должны на вечные времена гарантировать неприкосновенность берегов европейских государств и их колоний.

Д-р Рocco Кастелли. На вечные времена — это, пожалуй, слишком долго. Скажем — на двенадцать лет.

Профессор ван Дотт. Центральный Китай — это, пожалуй, слишком мало. Скажем, провинции Аньхуэй, Хэнань, Цзянсу, Хэбэй и Фуцзян*.

Японский представитель заявляет протест против уступки провинции Фуцзян, так как она входит в сферу японских интересов. Берет слово китайский делегат, но его, к сожалению, никто не понимает. В зале заседаний растет беспокойство; часы показывают уже час ночи.

В этот момент входит секретарь итальянской делегации и шепчет что-то на ухо представителю Италии графу Тости. Граф Тости бледнеет, встает и, не обращая внимания на китайского делегата доктора Ти, который все еще говорит что-то, хрипло восклицает:

— Господин председатель, прошу слова! Только что получено известие, что саламандры затопили часть нашей Венецианской провинции в направлении на Портогруаро!

Воцаряется гробовая тишина, только китайский делегат все еще бормочет свою непонятную речь.

— Верховный Саламандр давно предупреждал вас, — проворчал доктор Карвало.

Профессор ван Дотт нетерпеливо заерзал на месте и поднял руку.

— Господин председатель, следовало бы вернуться к порядку дня. На очереди вопрос о провинции Фуцзян. Мы уполномочены предложить за нее японскому правительству вознаграждение в золоте. Но, спрашивается, какую компенсацию предложат заинтересованные государства напрям клиентам за ликвидацию Китая?

В это время радиолюбители слушали ночную передачу саламандр.

— Вы только что прослушали баркароллу из «Сказок Гофмана» в граммофонной записи, — скрипел диктор. — Алло, алло, теперь мы включаем Венецию.

И в эфире стал слышен только глухой и грозный гул, похожий на рокот надвигающихся вод...

10. ПАН ПОВОНДРА БЕРЕТ ВИНУ НА СЕБЯ

Кто бы сказал, что прошло столько лет, утекло столько воды. Вот и наш пан Повондра уже не служит швейцаром в доме Г. Х. Бонди; теперь он, как говорится, почетный старец, который может спокойно пожинать плоды своей долгой и хлопотливой деятельности, получая маленькую пенсию; но разве каких-нибудь двух-трех сотняшек хватит на жизнь при теперешней военной дороговизне! Хорошо еще ипой раз выловишь рыбку-другую, — и вот сидит пан Повондра в лодке с удочкой и смотрит: сколько этой воды утекает за день — и откуда ее столько бросается! Бывает, на удочку попадается плотва, а когда и окунь; вообще рыбы стало больше, верно потому, что реки теперь куда короче. Окунь — тоже рыба неплохая; правда, в нем много костей, зато мясо вкусное, миндалем немножко попахивает. А уж матушка умеет их приготовить!.. Пан Повондра не подозревает, что матушка, разводя огонь под его окунями, пускает на растопку те вырезки, которые он когда-то собирал и сортировал по коробкам. Правда, пан Повондра забросил свою коллекцию, когда перешел на пенсию; зато он завел аквариум, в котором вместе с золотыми рыбками держит крохотных тритонов и саламандр; он целыми часами наблюдает, как они неподвижно лежат в воде или вылезают на берег, который он устроил для них из камней; потом покачает головой и скажет: «Кто бы, матушка, мог подумать!» Но — скучно

только глядеть да глядеть; вот пап Повондра и занялся рыболовством. Что делать, мужчинам всегда нужно какое-нибудь занятие, снисходительно думает мамаша Повондрова. Это лучше, чем шататься по пивным да заниматься политикой.

Да, правда, много, очень много утекло воды. Вот и Франтик уже не школьник, изучающий географию, и не молодой вертолпах, протирающий носки в погоне за суетными развлечениями. Теперь он тоже пожилой человек, этот Франтик, служит, слава богу, младшим чиновником на почте; не зря он, значит, так усердно изучал географию. «Остепеняется помаленьку, — думает о нем папа Повондра, спускаясь в своей лодочке вниз по реке к мосту Легионеров. — Сегодня заглянет ко мне: в воскресенье он свободен от службы. Возьму его в лодку, и поедем с ним вверх, к выступу Стршеледского острова; там рыба клюет лучше; Франтик расскажет мне, что новенького в газетах. А потом пойдем домой, на Вышеград, и сноха приведет обоих детей...» Папа Повондра на мгновение отдался тихому довольству счастливого дедушки. «Да, через год Марженка в школу пойдет, — мечтал он, — а маленький Франтик, впучек, весит уже тридцать кило...» Папа Повондру охватывает сильное, глубокое чувство радости: все в порядке, все прекрасно.

А вон, у самой воды, уже стоит сын и машет ему рукой. Папа Повондра направил лодку к берегу.

— Ну, наконец-то пришел, — укоризненно говорит он. — Осторожнее, не упади в воду!

— Клюет? — спрашивает сын.

— Плохό, — ворчит старик. — Поедем вверх, что ли?

Какое славное воскресенье! Еще не настал тот час, когда всякие лодыри и сумасшедшие толпами валят домой после футбола и прочих глупостей. В Праге пусто и тихо; немногие прохожие, которые изредка показываются

на набережной или на мосту, никуда не спешат, шагают чинно и степенно. Это хорошие, благоразумные люди, они не собираются гурьбой у парапета, не смеются над влтавскими рыболовами.

Повондра-отец снова испытывает приятное ощущение благополучия и порядка.

— Что нового в газетах? — спрашивает он с отцовской строгостью.

— В общем, ничего, папаша, — отвечает сын. — Вот только читал я, будто саламандры уже до Дрездена докопались.

— Стало быть, немцу каюк, — констатирует старый Повондра. — А знаешь, Франтик, странный народ были эти немцы. Культурный — но странный. Знавал я одного немца, он шофером служил на фабрике; и такой был грубый человек этот немец! Но машину содержал в порядке, что верно, то верно... Ишь, значит, уж и Германия исчезла с лица земли, — продолжал рассуждать Повондра. — А шуму сколько поднимала! Ужас, да и только: все-то у них армия, все солдаты... Да нет, против саламандр и немец не устоит. Я, вишь, знаю этих саламандр. Помнишь, я их тебе показывал, когда ты вот таким был?

— Смотрите, папаша, клюет, — сказал сын.

— А, это просто малек, — проворчал стариk и шевельнул удочкой.

«Вот как, значит, и Германия туда же, — думал он. — Да теперь уж ничему не удивишься. А сколько раньше крику было, когда саламандры топили какую-нибудь страну! Пусть это была всего лишь какая-то там Месопотамия или Китай, а все газеты только об этом и писали. Теперь-то уж спокойнее стали, — меланхолично размышлял Повондра, поглядывая на свою удочку. — Привыкает человек, что поделать. До нас не дошло, и ладно; только бы дорожизны такой не было! К примеру,

сколько сегодня просят хотя бы за этот кофе... Правда, Бразилия тоже исчезла под волнами. Нет, все-таки скаживается на рынке, когда затапливают такой кусок земли!»

Поплавок пана Повондры тихо покачивается на мелких волнах. А старик вспоминает — сколько стран уже затопили саламандры! И Египет под море ушел, и Индия, и Китай. Подумать только — Черное море доходит теперь до северного полярного круга — батюшки, воды-то сколько! Да уж, что ни говори, порядком обгладали наши материки эти твари. Хорошо еще, дело у них не так скоро по-двигается...

— Так ты говоришь, саламандры уже у Дрездена? — прервал молчание Повондра-отец.

— В шестнадцати километрах. Почти вся Саксония уже под водой.

— Я бывал там как-то с паном Бонди, — заметил Повондра. — Богатейшая земля, Франтик, а не сказать, чтоб у них там хорошее питание было. А в общем славный народ, куда лучше пруссаков. Да нет, и сравнить нельзя.

— Пруссии тоже больше нет.

— И ничего удивительного, — процедил старик. — Не люблю я пруссаков. Зато французы теперь хорошо, когда немца не стало. Вздохнет теперь свободнее.

— Да не очень, папаша, — возразил Франтик. — Недавно было в газетах: добрая треть Франции уже под водой.

— Ох-ох-хо, — вздохнул старик. — У нас, то есть у пана Бонди, был один француз, слуга, Жаном звали. Бабник был — срам один. Он, понимаешь, к добру-то не ведет, легкомыслie это.

— Зато в десяти километрах от Парижа они разбили саламандр, — сообщил Франтик. — У них, говорят, там

много подкопов было наделано, они и взорвали все. Два армейских корпуса саламандр уложили.

— Это, верно, француз, он всегда добрый солдат был, — с видом знатока согласился Повондра. — Наш-то, Жан, тоже спуску не любил давать. И не пойму, откуда в нем что бралось. Духами от него разило, как из парфюмерной лавки, но уж когда он драился, то драился на совесть. Только два корпуса саламандр — это маловато, — задумался Повондра-старший. — Строго говоря, люди умели лучше воевать с людьми. И не так долго это у них тянулось. А с саламандрами возятся уже двенадцать лет, а все ни с места, все, вишь, готовят более выгодные позиции... Вот в мои молодые годы — какие битвы бывали! К примеру, тут три миллиона солдат, и там три миллиона солдат, — стариk жестикулировал так энергично, что лодка стала сильно раскачиваться, — и вдруг как бросятся друг на друга! А это и на войну-то непохоже, — сердито закончил Повондра. — Имеешь дело с одними бетонными дамбами, а в штыки подняться — куда!

— Да не могут люди столкнуться с саламандрами, папаша, — отстаивал молодой Повондра современный способ ведения войны. — Нельзя же идти в штыковую атаку под воду!

— В том-то и дело, — презрительно буркнул стариk. — Им друг друга не достать. А пусти-ка ты людей на людей — рот разинешь, чего они натворят! Да что вы знаете! Да что вы знаете о войне!..

— Лишь бы она не перекинулась сюда, — несколько неожиданно произнес Франтик. — Знаете, когда имеешь детей...

— Это как это — сюда?! — чуть ли не с возмущением воскликнул стариk. — К нам в Прагу, что ли?

— Вообще к нам, в Чехию, — озабоченно уточнил Повондра-сын. — Я думаю, если они уже под Дрезденом...

— Ишь, ты, умник! — упрекнул его отец. — Да как же они до нас доберутся? Через наши-то горы?

— Да хотя бы по Лабе... А потом по Влтаве...

Отец Повондра возмущенно фыркнул.

— Скажет тоже — по Лабе! Разве что до Подмокл долезут, но не дальше. Там, братец, сплошь горы да камни. Я там был. Нет, нет, сюда саламандрам не пройти, у нас положение хорошее. У швейцарца тоже неплохо. А знаешь, это ведь замечательно выгодно, что у нас нет никаких морей! Кто нынче морями владеет — несчастный тот человек.

— Но ведь море теперь доходит до Дрездена...

— Там — немцы, — оборвал сына Повондра. — Это уж их дело. А к нам саламандры, конечно, не доберутся. Для этого им пришлось бы убрать те горы; ты понятия не имеешь, какая это работа!

— Подумаешь — работа... — возразил, нахмурившись, молодой Повондра. — Им на это раз плонуть! Вы же знаете, что в Гватемале они потопили целый горный хребет.

— То другое дело, — решительно заявил старик. — Не говори глупостей, Франтик! То в Гватемале, а то у нас. Здесь совсем другие условия.

Молодой Повондра вздохнул.

— Ладно, папаша, пусть будет по-вашему. Но как подумаешь, что эти твари потопили уже около пятой части всей земной сушки...

— Только у моря, дурачок, а больше нигде. Ничего ты не смыслишь в политике. Те государства, что расположены у моря, ведут с ними войну, а мы нет. Мы — нейтральное государство, как же они могут на нас напасть? Понял? И помолчи, пожалуйста: из-за тебя я ничего не поймаю,

Над рекой стояла тишина. На поверхность Влтавы уже легли длинные нежные тени деревьев Стршелецкого острова. На мосту звенел трамвай, по набережной разгуливали няньки с колясочками и благопристойные, одетые по-воскресному люди.

— Папа... — как-то по-детски прошептал молодой Повондра.

— Ну, что?

— Это не сом, вон там?

— Где?

Из воды, как раз напротив Национального театра, торчала большая черная голова, медленно продвигавшаяся против течения.

— Это сом? — повторил Повондра-младший.

Старик выронил удочку.

— Это? — пробормотал он, указывая дрожащим пальцем. — Это?

Черная голова скрылась под водой.

— Это был не сом, Франтиш, — сказал старик каким-то чужим голосом. — Пойдем домой. Это конец.

— Какой конец?

— Саламандра. Значит, они уже здесь. Пойдем домой... — повторял он, неверными руками складывая удочку. — Значит, конец.

— Вы весь дрожите, — испугался Франтиш. — Что с вами?

— Пойдем домой, — взволнованно бормотал старик, и подбородок у него жалобно вздрогивал. — Мне холодно!.. Мне холодно... Этого только недоставало! Понимаешь, теперь конец. Значит, они уже добрались сюда. Господи, как холодно! Мне бы домой...

Молодой Повондра внимательно посмотрел на него и схватился за весла.

— Я вас провожу, папочка, — сказал он тоже каким-то не своим голосом и сильными ударами весел погнал лодку к острову. — Бросьте, я сам ее привяжу.

— Отчего так холодно? — удивлялся старик, стуча зубами.

— Я вас поддержу, папа. Идемте же, — уговаривал сын, подхватывая его под руку. — Наверное, вы простыли на реке. А то был просто гнилой пень.

Старик дрожал как лист.

— Да, гнилой пень... Рассказывай! Я лучше знаю, что такое саламандры. Пусти!

Повондра-младший сделал то, чего не делал еще ни разу в жизни, — подозывал такси.

— На Вышеград, — сказал он, вталкивая отца в машину. — Я вас отвезу, папа. Поздно уже.

— Еще бы не поздно, — стучал зубами Повондра-отец. — Слишком поздно. Конец, Франтик. Это был не гнилой пень. Это они.

Дома, по лестнице, молодому Повондре пришлось почти нести старика на руках.

— Мама, постелите, — быстро прошептал он в дверях. — Надо уложить папашу, он у нас расхворался.

И вот Повондра-отец лежит под пуховиком; нос его как-то странно торчит на лице, а губы что-то жуют и невнятно бормочут; каким старым он кажется, каким старым! Сейчас он немножко утих...

— Лучше вам, папа?

Мамаша Повондрова плачет и сморкается в передник; сноха растапливает печь, а дети, Франтик и Марженка, уставились широко открытыми глазами на дедушку, словно не узнавая его.

— Не позвать ли доктора, папаша?

Повондра-отец смотрит на детей и что-то шепчет; вдруг по щекам у него покатились слезы.

— Вам что-нибудь нужно, папаша?

— Это я, это я, — шепчет старик. — Так и знай, это я во всем виноват. Если бы я тогда не пустил капитана к пану Бонди, ничего бы не случилось...

— Да ведь ничего и не случилось, папа, — успокаивал его молодой Повондра.

— Ты не понимаешь, — хрипел старик, — ведь это конец, ясно? Конец света. Теперь и сюда придет море, раз саламандры уже здесь... И это все наделал я, не нужно было пускать капитана... Пусть люди узнают когда-нибудь, кто виноват во всем...

— Ерунда, — непочтительно возразил сын. — Выбросьте это из головы, папаша. Это сделали все люди. Это сделали правительства, сделал капитал. Все хотели иметь побольше саламандр. Все хотели на них заработать. Мы тоже посыпали им оружие и всякое такое... Мы все виноваты.

Повондра-отец беспокойно ворочался.

— Прежде везде море было, и опять будет то же самое. Это конец света. Мне как-то говорил один человек, что и здесь, на том месте, где Прага, тоже было морское дно... Наверное, и тогда это сделали саламандры. Ох, не надо мне было докладывать об этом капитане. Что-то мне все время говорило: «Не докладывай», но я подумал — быть может, капитан даст мне на чаек... А он и не дал. И вот так, за здорово живешь, человек погубил весь мир... — Старик проглотил слезы. — Я знаю, я хорошо знаю, что нам пришел конец. И я знаю, что все это сделал я...

— Дедушка, не хотите ли чайку? — участливо спросила молодая Повондрова.

— Я хотел бы одного, — прошептал старик, — я хотел бы только, чтобы дети мне простили...

11. АВТОР БЕСЕДУЕТ САМ С СОБОЙ

— И ты это так оставил? — вмешался тут внутренний голос автора.

— Что именно? — несколько неуверенно спросил писатель.

— Так и дашь пану Повоидре умереть?

— Видишь ли, — защищался автор, — я сам неохотно делаю это, но... В конце концов, пан Повондра немало пожил на свете: ему сейчас, скажем, далеко за семьдесят...

— И ты дашь ему переживать такие душевные муки? И не скажешь: дедушка, дело не так плохо; мир не погибнет от саламандр и человечество спасется; вы только погодите немного и доживете до этого... Послушай, неужели ты ничего не можешь для него сделать?

— Ну, я пошлю к нему доктора, — предложил автор. — У старика, вероятно, нервная лихорадка; в его возрасте это может осложниться воспалением легких, но надо надеяться, что он поправится; он еще будет качать Марженку на коленях и расспрашивать, чему ее учили в школе... Старческие радости, господи, пусть этот человек и в старости найдет еще радость!

— Хорошенькие радости! — насмешливо возразил внутренний голос. — Он будет прижимать к себе ребенка старческими руками и бояться, да, бояться, что и Марженке в один прекрасный день придется бежать, спасаясь от клокочущей воды, которая неотвратимо поглощает весь мир; охваченный ужасом, он наступит свои косматые брови и будет шептать: «Это я сделал, Марженка, это я...»

— Слушай, ты *в самом деле* хочешь дать погинуть всему человечеству?

Автор нахмурился.

— Не спрашивай, чего я хочу. Думаешь, по *моей* воле рушатся континенты, думаешь, я хотел такого конца? Это простая логика событий; могу ли я в нее вмешиваться? Я делал, что мог; своевременно предупреждал людей; ведь Икс — это отчасти был я. Я взывал: не давайте саламандрам оружия и взрывчатых веществ, прекратите отвратительные сделки с саламандрами и так далее — ты знаешь, что получилось... Все приводили тысячи безусловно правильных экономических и политических доводов, доказывая, что иначе поступать нельзя. Я не политик и не экономист; я не мог их переубедить. Что делать, по-видимому, мир должен погибнуть; но по крайней мере это произойдет на основании общепризнанных экономических и политических соображений; по крайней мере это совершится с благословения науки, техники и общественного мнения, причем будет пущена в ход вся человеческая изобретательность! Никакой космической катастрофы — только интересы государственные и хозяйствственные, соображения престижа и прочее... Против этого ничего не поделаешь.

Внутренний голос помолчал с минуту.

— И тебе не жалко человечества?

— Постой, не торопись! Ведь не все человечество обязательно погибнет. Саламандрам нужно только побольше берегов, чтобы жить и откладывать свои яйца. Они, наверное, нарежут сушу, как лапшу, чтобы берегов было как можно больше. На этих полосках земли останутся, скажем, какие-то люди, не так ли? И наладят производство металлов и многоного другого для саламандр. Ведь саламандры не могут сами работать с огнем, понимаешь?

— Значит, люди будут служить саламандрам.

— Да, если хочешь, назови это так. Они просто будут работать на фабриках и заводах, как и сейчас, только у них переменятся хозяева...

— Ну, а человечества тебе не жалко.

— Оставь меня, пожалуйста, в покое! Что же я могу сделать? Ведь люди сами этого хотели; все хотели иметь саламандр; этого хотела торговля, промышленность и техника, хотели политические деятели и военные авторитеты... Вот и молодой Повондра говорит: все мы виноваты. Еще бы мне не жалко человечества! Но больше всего мне было жалко его, когда я видел, как оно само неудержанно стремится в бездну. Прямо плакать хотелось. Кричать и махать обеими руками, как если бы ты увидел, что поезд идет по поврежденной колее. Теперь уж не остановишь. Саламандры будут размножаться дальше, будут все больше и больше дробить старые континенты... Вспомни, что доказывал Вольф Мейнерт: люди должны уступить место саламандрам; и только саламандры создадут счастливый, целостный и однородный мир...

— Сказал тоже — Вольф Мейнерт! Вольф Мейнерт — интеллигент. Существует ли на свете что-нибудь такое, страшное и бессмысленное, чтобы с помощью этого средства какой-нибудь интеллигент не захотел возродить мир? Ну, ладно, оставим это. Ты не знаешь, что делает сейчас Марженка?

— Марженка? Думаю, играет в Вышеграде. Веди себя смирно, сказали ей, дедушка спит. Ну, и она не знает, чем заняться, и ей ужасно скучно...

— Что же она делает?

— Не знаю. Скорее всего, пробует кончиком языка достать кончик носа.

— Вот видишь. И ты готов допустить нечто вроде нового всемирного потопа?

— Да отстань ты от меня! Разве я могу творить чудеса? Будь что будет. Пусть события идут своим неумолимым ходом! И в этом есть даже некоторое утешение:

все происходящее свершается в силу внутренней необходимости и закономерности.

— А саламандр никак нельзя остановить?

— Никак. Их слишком много. Им нужно жизненное пространство.

— А нельзя ли, чтобы они от чего-нибудь вымерли? Допустим, среди них начнется какая-нибудь эпидемия или вырождение...

— Слишком дешево, братец. Неужели природе вечно исправлять то, что запортили люди? Значит, и ты не веришь, что они могут сами себе помочь? Вот видишь, вот видишь! Вы всегда хотите иметь в запасе надежду, что кто-нибудь или что-нибудь спасет вас! Скажу тебе одну вещь: знаешь, кто *даже теперь*, когда пятая часть Европы уже потоплена, все еще доставляет саламандрам взрывчатые вещества, торпеды и сверла? Знаешь, кто днем и ночью лихорадочно работает в лабораториях над изобретением еще более эффективных машин и веществ, пред назначенных разнести мир вдребезги? Знаешь, кто сужает саламандр деньгами, кто финансирует Конец Света, весь этот новый всемирный потоп?

— Знаю. Все промышленные предприятия. Все банки. Все правительства.

— То-то же. Были бы только саламандры против людей — тогда еще, наверное, что-нибудь можно было бы сделать; но люди против людей — этого, брат, не остановишь.

— Погоди-ка!.. Люди против людей... Мне пришло в голову... Ведь, в конце концов, могли бы быть и саламандры против саламандр!

— Саламандры против саламандр? Как ты себе это представляешь?

— Предположим... когда саламандр станет слишком много, они могли бы передраться между собой из-за ка-

кого-нибудь куска побережья, бухты или еще чего-нибудь в этом роде; потом предметом распри станут все более и более обширные побережья; и в конце концов им придется воевать друг с другом за господство над всеми морскими берегами, не так ли? Саламандры против саламандр! Скажи-ка сам, разве это не логично с точки зрения истории?

— ...Да нет, не годится. Саламандры не могут воевать против саламандр. Это противоречит природе. Ведь саламандры — один род.

— Люди тоже одни род. А как видишь, это им ни сколько не мешает. Один род, а смотри — из-за чего только они не воюют! Сражаются даже не за место под солнцем, а за могущество, за влияние, за славу, за престиж, за рынки и уж не знаю, за что еще! Почему бы и саламандрам не пачать между собой войну, скажем, ради престижа?

— Зачем им это? Ну, скажи, пожалуйста, что им это даст?

— Ничего, разве только то, что одни временно имели бы больше берегов и были бы более могущественны, чем другие. А через некоторое время наоборот...

— Да к чьему им это могущество? Ведь они все одинаковы, все — саламандры; у всех одинаковый скелет, все одинаково противны и одинаково посредственны... Зачем же им убивать друг друга? Скажи сам, во имя чего им воевать между собой?

— Ты их только не трогай, а уж причина найдется. Вот смотри-ка: здесь европейские саламандры, а там африканские; тут разве сам черт помешает, чтобы в конце концов одни не захотели быть чем-то большим, чем другие! Ну, и пойдут доказывать свое превосходство во имя цивилизации, экспансии или чего-нибудь еще; всегда найдутся какие-нибудь идеологические, политические

соображения, в силу которых саламандры одного побережья обязательно станут резать саламандр другого побережья. Саламандры столь же цивилизованы, как и мы, и у них не будет недостатка в политических, экономических, юридических, культурных и всяких других аргументах.

— И у них есть оружие! Не забудь, они прекрасно вооружены.

— Да, оружия у них хоть отбавляй. Вот видишь! Нужели же они не научатся у людей делать историю?

— Постой, погоди минутку! (Автор вскочил и забегал по кабинету.) Это правда! Было бы чертовски странно, если бы они не додумались до этого! Теперь я понимаю. Достаточно взглянуть на карту мира... Черт побери, где бы взять какую-нибудь карту мира?

— Я представляю ее себе.

— Хорошо. Вот, значит, здесь Атлантический океан со Средиземным и Северным морями. Тут Европа, а вот тут Америка... Это колыбель культуры и современной цивилизации. И где-то здесь потонула древняя Атлантида...

— А теперь саламандры пускают на дно новую.

— Правильно. Ну, а вот здесь — Тихий и Индийский океаны. Древний таинственный Восток. Колыбель человечества, как его называют. Здесь, где-то на восток от Африки, затонула мифическая Лемурия. Вот Суматра, а не много западнее...

— ...островок Танамаса. Колыбель саламандр.

— Да. И там владычествует Король Саламандр, духовный глава саламандр. Там еще живут тара-boys капитана ван Тоха, исконные тихоокеанские, полудикие саламандры. Короче, это их Восток, понял? Вся эта область называется теперь Лемурией, а та, другая область, цивилизованная, европеизированная и американализированная,

современная и технически зрелая, — это Атлантида. Там теперь диктаторствует Верховный Саламандр — великий завоеватель, техник и солдат, Чингисхан саламандр и разрушитель континентов. Любопытнейшая личность.

(— Слушай, а он *в самом деле* саламандра?)

(— Нет. Верховный Саламандр — человек. Его настоящее имя — Андреас Шульце, во время мировой войны он был где-то фельдфебелем *.)

(— Ах, вот оно что!..)

(— Ну да. То-то и оно.)

— Итак, Атлантида и Лемурия. Такое разделение объясняется причинами географическими, административными, культурными...

— И национальными. Не забывай национальных при чин: лемурские саламандры говорят на «пиджип-инглиш», а атланские — на «бэзик-инглиш».

— Ну, ладно. С течением времени атланты проникнут через бывший Суэцкий канал в Индийский океан...

— Естественно. Классический путь на Восток.

Верно. Наоборот, лемурские саламандры огибают мыс Доброй Надежды и устремляются к западному берегу бывшей Африки. Они утверждают, что в состав Лемурии входит вся Африка.

— Разумеется.

— Лозунг гласит: «Лемурия — лемурам! Долой ино родцев!» — и тому подобное. Между атлантами и лемурами растет пропасть взаимного недоверия и последственной вражды. Смертельной вражды.

— Другими словами, они превращаются в Нации.

— Да. Атланты презирают лемуров и называют их «грязными дикарями»; а лемуры фанатически ненавидят атланских саламандр и видят в них осквернителей древней, чистой, исконной саламандренности. Верховный

Саламандр домогается концессий на лемурских берегах якобы в интересах экспорта и цивилизации. Благородный старец Король Саламандр волей-неволей вынужден согласиться; дело в том, что его вооружение хуже. В заливе Тигра, недалеко от того места, где некогда был Багдад, произойдет вспышка: туземные лемуры нападут на атланскую концессию и убьют офицеров, якобы оскорбивших национальные чувства лемуров. В результате...

— Начнется война. Естественно.

— Да, начнется мировая война саламандр против саламандр.

— Во имя культуры и права.

— И во имя истинной саламандренности. Во имя национальной славы и величия. Лозунг будет — «Мы или они». Лемуры, вооруженные малайскими криссами и кинжалами йогов, беспощадно вырежут атлантов, пролезших в Лемурию; в ответ на это более прогрессивные, получившие европейское образование атланты отравят лемурские моря химическими ядами и культурами смертоносных бактерий, и притом с таким успехом, что будет зачумлен весь мировой океан. Моря будут заражены искусственно культивированной жаберной чумой. А это, брат, конец. Саламандры погибнут.

— Все?

— Все до одной. Это будет вымерший род. От них останется только старый эпингенский отпечаток *Andrias'a Scheuchzeri*.

— А что же люди?

— Люди? Ах да, правда... Люди... Ну, они начнут по-немногу возвращаться с гор на те берега, что останутся от континентов; но океан еще долго будет распространять зловоние разлагающихся трупов саламандр. Постепенно континенты опять начнут расти благодаря речным наносам; море шаг за шагом отступит, и все станет почти как

прежде. Возникнет новый миф о всемирном потопе, который был послан богом за грехи людей. Появятся и легенды о затонувших странах, которые были якобы колыбелью человеческой культуры; будут, например, рассказывать предания о какой-то Англии, или Франции, или Германии...

— А потом?

— Да дальше я не знаю...

Фантастические
рассказы

На площади св. Марка вряд ли кто оглянулся, когда стражники вели старика к дожу. Старик был оборван и грязен, и можно было подумать, что это какой-нибудь портовый воришко.

— Этот человек, — доложил *podestà vicegerente*¹, остановившись перед троном дожа, — заявляет, что зовут его Джованни Фиальго и что он купец из Лиссабона; он утверждает, будто был владельцем судна и его со всем экипажем и грузом захватили в плен алжирские пираты; далее он показывает, что ему удалось бежать с галеры и что он может оказать большую услугу Венецианской республике, а какую именно — он может сообщить лишь самому его милости дожу.

Старый дож пристально разглядывал взлохмаченного старика своими птичьими глазками.

— Итак, — молвил он наконец, — ты говоришь, что работал на галере?

Старик вместо ответа обнажил грязные щиковотки; они опухли от оков.

— А на спине, — добавил он, — сплошные шрамы, ваша милость. Если желаете, я покажу вам...

— Нет, нет, — поспешил отказался дож. — Не надо. Что хотел ты поведать нам?

Оборванный старик поднял голову.

— Дайте мне судно, ваша милость, — ясным голосом проговорил он, — и я приведу его в Офир*, страну золота.

— В Офир... — пробормотал дож. — Ты нашел Офир?

¹ Заместитель старости (*итал.*).

— Нашел, — ответил старик, — и пробыл там девять месяцев, ибо нам нужно было чинить корабль.

Дож переглянулся со своим ученым советником епископом Порденонским.

— Где же находится Офир? — спросил он старого купца.

— В трех месяцах пути отсюда, — ответит тот. — Надо обогнать Африку, а затем плыть на полночь.

Епископ Порденонский настороженно подался вперед.

— Разве Офир на берегу моря?

— Нет. Офир лежит в девяти днях пути от морского побережья и простирается вокруг великого озера, синего, как сапфир.

Епископ Порденонский слегка кивнул.

— Но как же вы попали в глубь страны? — спросил дож. — Ведь, говорят, Офир отделяют от моря непроходимые горы и пустыни.

— Да, — сказал корабельщик Фиальго, — в Офир нет путей. Пустыня кишит львами, а горы — хрустальные и гладкие, как муранское стекло *.

— И все же ты преодолел их? — воскликнул дож.

— Да. Когда мы чинили корабль, сильно потрепанный бурями, на берег пришли люди в белых одеждах, окаймленных пурпурными полосами, и обратились к нам с приветом.

— Чернокожие? — спросил епископ.

— Нет, моиссеньер. Белые, как англичане, а волосы их длинные, посыпанные золотой пудрой. Они очень красивы.

— А что, они были вооружены? — осведомился дож.

— У них были золотые копья. Они велели нам взять все железные предметы и обменять их в Офире на золото. Ибо в Офире нет железа. И они следили, чтобы мы взяли все железо: якоря, цепи, оружие, даже гвозди, которыми был сбит наш корабль.

— И что же дальше? — спросил дож.

— На берегу нас ждало стадо крылатых мулов, числом около шестидесяти. Их крылья похожи на лебединые. Называют их пегасами.

— Пегас... — задумчиво проговорил ученый епископ. — Об этом до нас дошли сведения еще от древних греков. Похоже, что греки действительно знали Офир.

— В Офире и в самом деле говорят по-гречески, — заявил старый купец. — Я знаю немного греческий язык, потому что в каждом порту есть какой-нибудь вор с Крита или из Смирны.

— Это интересные вести, — пробормотал епископ. — А что, жители Офира — христиане?

— Да простит мне бог, — ответил Фиальго, — но они настоящие язычники, монсеньор. Почитают некоего Аполлона, или как там его называют.

Епископ Порденонский покачал головой.

— Что ж, это согласуется. Вероятно, они — потомки греков, которых занесло туда морской бурей после завоевания Трои. И что дальше?

— Дальше? — заговорил Джованни Фиальго. — Дальше погрузили мы наше железо на этих крылатых ослов. Троим из нас — мне, некоему Чико из Кадикса и Маноло Перейра из Коимбре — дали крылатых коней, и вот, предводительствуемые офирскими воинами, мы полетели прямо на восток. Дорога длилась девять дней. Каждую ночь мы спускались на землю, чтобы пегасы могли попастись и напиться. Они питаются только асфоделиями и нарциссами.

— Видно, что греческого происхождения, — проворчал епископ.

— На девятый день мы увидели озеро, синее, как сапфир, — продолжал старый купец. — Мы спешились на его берегу. В озере водятся серебряные рыбы с рубиновыми

глазами. А песок вокруг этого озера, ваша милость, состоит из одних жемчужин, крупных, как галька. Маноло пал наземь и начал загребать жемчуг полными горстями; и тут один из наших провожатых сказал, что это — отличный песок, из него в Офире жгут известью.

Дож широко раскрыл глаза.

— Известь из жемчуга! Поразительно!

— Потом нас повели в королевский дворец. Он весь был из алебастра, только крыша золотая, и она сияла, как солнце. Там нас приняла огирская королева, сидящая на хрустальном троне.

— Разве в Офире царствует женщина? — удивился епископ.

— Да, монсеньор. Женщина ослепительной красоты, подобная некой богине.

— Видимо, одна из амazonок, — задумчиво произнес епископ.

— А как другие женщины? — с любопытством спросил дож. — Попимаешь, я говорю о женщинах вообще — есть там красивые?

Корабельщик всплеснул руками.

— Ах, ваша милость, таких не было даже в Лиссабоне во времена моей юности!

Дож замахал рукой.

— Не болтай чепухи! Говорят, в Лиссабоне женщины черные, как кошки. Вот в Венеции, старик, в Венеции каких-нибудь тридцать лет назад — о, какие здесь были женщины! Прямо с полотен Тициана *! Так что же огирские женщины? Рассказывай...

— Я уже стар, ваша милость, — сказал Фиальго. — Зато Маноло мог бы вам порассказать кое о чем, если бы его не убили мусульмане, захватившие нас у Балеар.

— А он многое мог бы рассказать? — с интересом спросил дож.

— Матерь божия, — воскликнул купец. — Вы бы даже не поверили, ваша милость. Скажу лишь, что за две недели нашего пребывания в Офире Маноло исхудал так, что его можно было вытряхнуть из собственных штанов.

— А что королева?

— На королеве был железный пояс и железные браслеты. «Говорят, у тебя есть железо, — сказала она мне. — Арабские купцы иногда продают нам железо».

— Арабские купцы! — вскричал дож, ударив кулаком по подлокотнику трона. — Вот видите, эти бездельники выхватывают из-под поса все наши рышки! Мы не потерпим этого, дело касается высших интересов Венецианской республики! Железо в Офир должны поставлять только мы, и точка! Я дам три корабля, Джованни, три корабля, наполненные железом.

Епископ поднял руку.

— Что же было дальше, Джованни?

— Королева предложила мне за железо золото того же веса.

— И ты, конечно, принял, разбойник!

— Нет, монсеньор. Я сказал, что продаю железо не на вес, а по объему.

— Правильно, — вставил епископ. — Золото тяжелее.

— Особенно офирское, монсеньор. Оно в три раза тяжелее обычного и цвет имеет красный, как пламя. Тогда королева приказала выковать из золота такой же якорь, такие же гвозди, такие же цепи и такие же мечи, как наши, железные. Поэтому нам и пришлось подождать там неделю-другую.

— Зачем же им железо? — удивился дож.

— Оно у них величайшая редкость, ваша милость, — ответил купец. — Из него делают украшения и деньги.

Железные гвозди они прячут в шкатулках как сокровище.
Они утверждают, будто железо красивее золота.

Дож прикрыл глаза веками, похожими на веки индюка.

— Странно, — проворчал он. — Это чрезвычайно странно, Джованни. Что же было потом?

— Потом все это золото погрузили на крылатых мулов и отправили нас тем же путем на побережье. Там мы снова сколотили наше судно золотыми гвоздями, повесили золотой якорь на золотую цепь. Порванные снасти и паруса мы заменили шелковыми и с попутным ветром отплыли домой.

— А жемчуг? — спросил дож. — Жемчуга вы с собой не взяли?

— Не взяли, — ответил Фиальго. — Прошу прощения — ведь жемчужин там было, как песчинок. Лишь несколько зерен застряло в наших туфлях, да их отобрали алжирские язычники, напавшие на нас у Балеарских островов.

— Этот рассказ, — пробормотал дож, — кажется весьма правдоподобным.

Епископ слегка кивнул.

— А что животный мир, — вдруг спохватился он. — Есть там, в Офире, например, кентавры?

— О них я не слыхал, монсеньор, — учтиво ответил корабельщик. — Зато там есть фламинго.

Епископ фыркнул.

— Ты, наверное, ошибся. Фламинго ведь водятся в Египте — известно, что у них только одна нога.

— Еще у них есть дикие ослы, — продолжал Фиальго, — ослы с черными и белыми полосами, как тигры.

Епископ подозрительно взглянул на старика.

— Послушай, не думаешь ли ты смеяться над нами? Кто когда видел полосатых ослов? Одно мне непонятно,

Джованни. Ты утверждаешь, будто через огирские горы вы летели на крылатых мулах.

— Да, монсеньор.

— Гм, вот как. Но, как гласят арабские источники, в огирских горах живет птица Ног, у которой, как известно, железный клюв, железные когти и бронзовое оперенье. О ней ты ничего не слышал?

— Нет, монсеньор, — с запинкой ответил корабельщик.

Епископ Порденонский презрительно качнул головой.

— Через эти горы, купец, нельзя перелететь, в этом ты нас не убедишь; ведь доказано, что там живет птица Ног. И это технически невозможно — птица Ног склевала бы твоих пегасов, как ласточка мух. Нет, милый мой, нас не проведешь! А скажи мне, мошенник, какие деревья там растут?

— Как какие деревья? — с трудом выговорил несчастный купец. — Известно какие, пальмы, монсеньор.

— Ну, теперь ясно, что ты лжешь! — торжествующе молвил епископ. — Согласно свидетельству Бубона из Бискры, большого авторитета в этих вопросах, в Огире растут гранатовые деревья, у которых вместо зерен — карбункулы. Ты, приятель, выдумал преглупую историю!

Джованни Фиальго пал на колени.

— Вот как бог надо мною, монсеньор, разве мог я, необразованный купец, выдумать Огир?

— Да что ты мне толкуешь, — отчитывал ученый епископ купца, — я-то лучше тебя знаю — на свете есть Огир, страна золота; но что касается тебя, то ты лгун и мошенник. Твой рассказ противоречит надежным источникам и, следовательно, лжив. Ваша милость, этот человек обманщик.

— Еще один, — вздохнул старый дож, озабоченно моргая глазами. — Просто ужас, сколько теперь развелось этих авантюристов. Уведите его!

Podestà vicegerente поднял вопросительный взгляд.

— Как обычно, как обычно, — зевнул дож. — Пусть посидит, пока не почернеет, а там продайте его на галеры. Жаль, что он оказался обманщиком, — пробормотал он еще. — Кое-что из того, что он наговорил, имело некий смысл... Он, верно, слыхал это от арабов...

Без четверти семь Кнотек проснулся на своем холостяцком ложе. «Можно полежать еще четверть часика», — блаженно подумал он. И вдруг ему вспомнился вчерашний день. Ужасно! Он был на грани того, чтобы кинуться во Влтаву. Но прежде он написал бы управляющему банком письмо, и уж этому-то письму управляющий наверняка не обрадовался бы. Да, господин Полицкий до конца своих дней не обрел бы покоя, так обидев человека... Вот здесь, за этим столиком, Кнотек до глубокой ночи сидел над листом бумаги, подавленный вопиющей несправедливостью, жертвой которой он стал в банке.

— Такого идиота, как вы, у нас еще не бывало! — орал на него вчера управляющий. — Уж я позабочусь о том, чтобы вас перевели в другое место! Но что там будут делать с таким подарочком, одному богу известно! Вы, ми-лейший, самый бестолковый сотрудник за последнюю тысячу лет...

И так далее.

И все это при сослуживцах, при барышнях! Кнотек стоял уничтоженный, весь красный, а Полицкий, накричав на него, бросил ему под ноги эту злосчастную балансовую ведомость. Кнотек был так ошеломлен, что даже не защищался. А ведь он мог бы сказать: «К вашему сведению, господин управляющий, эту ведомость составлял не я, а коллега Шембера. Идите кричите на Шембера, а меня оставьте в покое. Я работаю в банке уже семнадцать лет и еще не сделал ни одной серьезной ошибки».

Но, прежде чем Кнотек успел заговорить, управляющий хлопнул дверью, и в бухгалтерии настала зловещая тишина. Коллега Шембера уткнулся в бумаги, пряча свое

лицо, а Кнотек, как автомат, взял шляпу и вышел из бухгалтерии. «Я уже не вернусь сюда, — думал он подавленно. — Конец!»

Весь остаток дня он бродил по улицам, забыл про обед и ужин, а к вечеру крадучись вернулся домой и сел писать последнее письмо. Кончена жизнь, но пусть господина управляющего до конца дней терзает совесть!

Кнотек задумчиво поглядел на столик, за которым он сидел вчера до поздней ночи. Что же он хотел написать? Сейчас ему, хоть убей, не удавалось вспомнить ни одной из тех исполненных достоинства и горечи фраз, которыми он хотел обременить совесть управляющего. Он помнил только, что ему было горько и обидно и он даже заплакал от жалости к самому себе, а потом, совсем ослабев от голода и уныния, завалился в постель и уснул как убитый.

«Надо бы сейчас написать это письмо», — подумал Кнотек, проснувшись поутру, но под одеялом было так тепло и уютно, что он сказал себе: «Полежу еще минутку, потом напишу. Такое дело надо хорошенько обдумать».

Он натянул одеяло до самого подбородка. Так что же, собственно, написать? Ну, прежде всего, что ту ведомость составлял коллега Шембера. Нет, этого писать нельзя, ужаснулся Кнотек. Шембера, правда, страшный растирая, но ведь у него трое детей и больная жена. Его только полтора месяца назад приняли в банк... сейчас бы он, конечно, вылетел с треском. «Ничего не поделаешь, Шембера, — скажет управляющий. — Такие сотрудники нам не нужны». «Написать разве, что эту ведомость составлял не я, вот и все! — размышлял Кнотек. — Но управляющий выяснит, кто ее делал, и Шембуру все равно выгонят. А я не хочу быть причиной этого, — сочувственно подумал Кнотек. — Нет, Шембуру лучше не впутывать. Напишу Полицкому так: вы были несправедливы ко мне, и моя смерть — на вашей совести!»

Кнотек сел на кровати. «Надо бы почаще помогать этому Шембере, — думал он. — Что, если сказать ему: «Послушайте, коллега, вот как надо делать то и это. Я вам всегда охотно помогу». Но ведь меня там уже не будет, вот в чем загвоздка! И эта шляпа, Шембера, в два счета останется без места. Вот нелепое положение! Собственно говоря, мне следовало бы там остаться... — размышлял Кнотек, поджав ноги. — И простить управляющему его грубость? Да, простить, почему бы и нет? Полицкий — вспыльчивый человек, но он не хотел мне зла. Вспылит, а через минуту сам не помнит, из-за чего. Строг, это верно, но порядок завел настоящий, тут уж ничего не скажешь».

Кнотек с удивлением убеждается, что, собственно, в его душе вовсе нет жгучей обиды. Он даже ощущает некое отрадное умиротворение. «Прощу господина Полицкого, — шепчет он, — а Шембере покажу, как надо работать».

Четверть восьмого. Кнотек вскакивает с постели и бросается к умывальнику. Бриться уже нет времени, поскорее одеться и бежать! И он устремляется вниз по лестнице. Настроение у него светлое и бодрое, видимо, потому, что он простил ближним все обиды. Держа шляпу в руке, он спешит в кафе, и ему хочется петь от радости. Сейчас он выпьет утренний кофе, просмотрит газету и как ни в чем не бывало отправится в банк.

Но почему прохожие так глядят на него? Кнотек хватается за голову. «Что-нибудь не в порядке с моей шляпой? Но ведь она у меня в руке...» По улице едет такси. Шофер оглядывается на Кнотека и сворачивает так круто, что едва не въезжает на тротуар. Кнотек качает головой укоризненно и отрицательно, мол, машина ему не нужна. Ему кажется, что люди останавливаются и глядят на него. Он торопливо проводит рукой по пуговицам — все ли они

застегнуты? Не забыл ли он галстука? Нет, слава богу, все в порядке.

И Кнотек в отличном расположении духа входит в кафе.

Мальчик-кельнер таращит на него глаза.

— Кофе и газету, — распоряжается Кнотек и степенно усаживается за свой постоянный столик. Кельнер принесет посетителю кофе и в изумлении смотрит поверх его лысины. Из кухни высовывается несколько голов, и все оторопелоглядят на Кнотека.

Кнотек обеспокоен.

— В чем дело?

Кельнер смущенно кашлянул.

— У вас что-то на голове, сударь.

Кнотек снова ощупал голову. Ничего! Голова сухая и гладкая, как всегда.

— Что у меня на голове? — воскликнул он.

— Похоже на сияние, — неуверенно пробормотал кельнер. — Я все гляжу и гляжу...

Кнотек нахмурился. Видно, высмеивают его плеши.

— Занимайтесь лучше своим делом, — отрезал он и принялся за кофе. Но для верности все же незаметно оглянулся и увидел свое отражение в зеркале: солидная плешица и вокруг нее что-то вроде золотистого ореола... Кнотек поспешно встал и подошел к зеркалу. Ореол двигался вместе с ним. Кнотек ухватился за него обеими руками, но ничего не нашупал — руки проходили сквозь светящийся круг, ореол был совершенно нематериальным и лишь едва ощутимо согревал пальцы.

— Отчего это у вас? — сочувственно поинтересовался кельнер.

— Не знаю, — уныло ответил Кнотек и вдруг перепугался. А как же он пойдет в банк? С этим нельзя! Что скажет управляющий? «Господин Кнотек, скажет он, эту

штуку вы оставьте дома. В банке мы такого допустить не можем».

«Как же быть? — с ужасом думал Кнотек. — Снять ореол нельзя, под шляпу его не спрячешь. Добежать бы хоть до дому...»

— Будьте добры, — торопливо попросил он, — найдется тут у вас зонтик? Я бы прикрыл им это...

Если кто-нибудь в ясное солнечное утро бежит по улице, спрятавшись под зонтиком, то, без сомнения, обращает на себя внимание, но все же меньшее, чем человек, шествующий с нимбом вокруг головы. Кнотек без особых происшествий добрался домой, только на лестнице соседская служанка, столкнувшись с ним, взвигнула и уронила сумку с продуктами: в темном подъезде нимб сиял особенно ярко.

Дома Кнотек заперся и побежал к зеркалу. Да, голову окружал нимб размером чуть побольше оркестровых тарелок, сиявший примерно как сорокасвечовая лампочка. Погасить его было невозможно. Кнотек даже сунул голову под край — тщетно. Впрочем, нимб не мешал и ходьбе, ни движениям.

«Как же мне объяснить все в банке? — в отчаянии думал Кнотек. — В таком виде я не могу туда идти!»

Он побежал к привратнице и позвал ее сквозь чуть приоткрытую дверь.

— Позвоните, пожалуйста, в банк, скажите, что я серьезно болен и сегодня не буду.

К счастью, он никого не встретил на лестнице. Дома он снова заперся и попытался читать, но то и дело вставал и подходил к зеркалу. Золотистый нимб вокруг головы сиял спокойно и ярко.

После полудня Кнотек сильно проголодался. Но не идти же в ресторан в таком виде! Кнотеку уже не читалось, он сидел не шевелясь и твердил про себя: «Конец!

Я уже никогда не смогу бывать на людях. Лучше было вчера утопиться!»

У дверей позвонили.

— Кто там? — крикнул Кнотек.

— Доктор Ваньясек. Меня прислали из банка. Сможете открыть?

Кнотек вздохнул с облегчением. Медицина, наверное, поможет, ведь доктор Ваньясек такой опытный старый врач.

— Ну-с, на что мы жалуемся? — еще в дверях бодро заговорил старый доктор. — Что болит?

— Взгляните-ка, господин доктор, — вздохнул Кнотек. — Видите, что со мной случилось?

— Что?

— Да вот, вокруг головы.

— О-го-го! — удивился доктор и попытался исследовать пимб. — С ума сойти! — бормотал он. — Откуда он у вас, голубчик?

— А что это такое? — робко осведомился Кнотек.

— Похоже на ореол, — сказал старый доктор таким серьезным тоном, словно произносил слово «оспа»¹. — В жизни не видывал ничего подобного. Погодите, друг мой, я еще взгляну на ваши пателлярные рефлексы. Гм... зрачки реагируют нормально. А как насчет ваших родителей, здоровые они были люди? Да? Не случались у них приступы религиозного экстаза или чего-нибудь такого? Нет? Ну, а у вас самого не бывало видений и прочего?.. — Доктор Ваньясек торжественно поправил очки. — Видите ли, это из ряда вон выходящий случай. Поплю-ка я вас в первую клинику, пусть исследуют это явление научно. Нынче много пишут о всякой там электрической эманации

¹ В чешском языке сходные по звучанию слова: gloriola (ореол) и variola (оспа).

мозга, черт знает, может, это она и есть. Чувствуете запах озона? Друг мой, вы станете прославленным научным казусом!

— Пожалуйста, не надо, — испугался Кнотек. — У нас в банке будут очень недовольны, если мое имя попадет в газеты. Пожалуйста, господин доктор, помогите мне избавиться от этого.

Доктор Ваньясек задумался.

— Трудное дело, голубчик. Пропишу вам бром, но... право, не знаю. Видите ли, я, как медик, не верю в сверхъестественные феномены. Наверняка это явление первое... Слушайте, господин Кнотек, а не совершили вы случайно какого-нибудь... м-м... святого поступка?

— Какого святого? — удивился Кнотек.

— Ну, что-нибудь необычное. Какое-нибудь праведное деяние?

— Не помню ничего такого, господин доктор, — растерялся Кнотек. — Разве что я целый день ничего не ел...

— Может быть, после приема пищи это пройдет... — пробурчал доктор. — В банке я скажу, что у вас грипп... Слушайте, на вашем месте я бы попробовал кощунствовать.

— Кощунствовать?

— Да. Или вообще как-нибудь согрешить. Вреда от этого не будет, а попробовать стоит. Может быть, тогда это у вас само пройдет. Ну, я загляну завтра.

Кнотек остался один и, стоя перед зеркалом, попытался кощунствовать. Но для этого ему, видимо, не хватало воображения — ореол вокруг его головы даже не дрогнул. Так и не придумав никакого порядочного кощунства, Кнотек показал себе язык и, удрученный, уселся за стол. Он был голоден и измучен, хоть плачь! «Положение мое совершенно безнадежное, — мрачно размышлял он. — И все оттого, что я простили эту сволочь Полицкого. А с какой

стали? Ведь он просто зверь, а не человек, да еще и карьерист, какого не сыщешь. Ну, конечно, на барышень он не орет... Интересно знать, господин Полицкий, почему вы так часто вызываете к себе для диктовки ту рыжую машинистку? Я ничего особенно не говорю, а все-таки старишке, вроде вас, это не подобает. Шашни с секретаршами влетают в копеечку, господин Полицкий, эти барышни любят деньги. А в результате директор банка или управляющий, как вы, например, начинает играть на бирже и банк несет убытки. Вот как это бывает, господин Полицкий. Вы думаете, мы можем безучастно смотреть на все? Нет, надо предостеречь правление, чтобы оно присматривало за управляющим. И за этой рыжей выдрой тоже. Спросите-ка у нее, откуда она берет деньги на всякие там пудры, помады и шелковые чулочки! Как можно посить такие чулочки на службу в банк! Разве я пошу шелковые чулки? Такая девица только затем и поступила на службу, чтобы подцепить какого-нибудь директора. Поэтому-то она вечно мажется да пудрится, вместо того чтобы работать. Все они на один лад! — возмущенно заключил Кнотек. — Будь я управляющим, я бы задал им жару... Да и Шембера тоже хорош, — продолжал размышлять он. — Попал к нам по протекции и не умеет сосчитать, сколько будет дважды два. Стану я тебе помогать, как бы не так! Этакий заморыш, а завел семью. Я себе этого не могу позволить, разве хватило бы моего жалованья? Таких легкомысленных людей не следовало бы принимать на службу в банк. А почему жена у тебя хворает, господин Шембера, так ведь это всем известно. Ясно, сделала аборт.. А это уголовное дело, коллега. Что, если кто-нибудь донесет? Нет, если ты еще напорешь в работе, я тебя больше покрывать не стану. Пусть каждый сам заботится о себе. Банк не благотворительное учреждение. Еще, чего доброго, мне скажут: «Господин Кнотек, а зна-

ете ли вы свои обязанности? Они состоят в том, чтобы обращать внимание начальства на все упущения, а не покрывать их. Смотрите не повредите своему продвижению по службе, господин Кнотек. Занимайтесь своим делом и не глядите ни вправо, ни влево. Тот, кто хочет чего-то достичь в жизни, не должен поддаваться ложному сочувствию. Разве господин управляющий Полицкий или директор сочувствуют кому-нибудь, а? Вот так-то, господин Кнотек».

От голода и слабости Кнотека одолела зевота. Эх, если бы можно было выйти на улицу! Исполненный жалости к самому себе, Кнотек встал и пошел взглянуть в зеркало. Там он увидел самую заурядную хмурую физиономию... и никакого нимба. Ни следа! Кнотек чуть не уткнулся носом в зеркало, но не узрел ничего, кроме редких волос и морщинок возле глаз. Вместо золотистого ореола вокруг его головы зеркало отражало лишь полутьму одинокой пепельной комнаты...

Кнотек вздохнул с безмерным облегчением. Ну, вот, значит, завтра можно опять идти на службу!

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УМЕЛ ЛЕТАТЬ

Томпик шел по дороге, что близ больницы на Випоградах. Он совершил свой ежедневный мотцион, ибо очень заботился о здоровье и вообще был ярым спортсменом — не пропускал ни одного футбольного матча. Шел он быстро и легко. На землю уже спустились весенние сумерки, навстречу Томпiku попадались лишь случайные прохожие да изредка влюбленные парочки. «Надо бы купить шагомер, — думал он, — и проверять, сколько шагов я делаю в день».

Томпiku вдруг вспомнился сон, который он видел уже три ночи подряд: идет он по улице, а дорогу ему преградила женщина с младенцем в коляске. Томпик слегка отталкивается левой ногой, взмывает над землей метра на три, перелетает через женщину с коляской и плавно опускается на тротуар. Во сне он писколечко не удивился: такой взлет показался ему естественным и очень приятным; странно было лишь то, что до сих пор никто этого не испытал. А ведь как просто: стоит ему только слегка поболтать ногами, словно сидя на велосипеде, и вот он возносится в воздух, парит на высоте второго этажа и плавно опускается на землю. Оттолкнешься ногой — и опять летишь, совсем легко, как на «гигантских шагах». Можно даже не касаться земли, а просто повращать ногами, и полет продолжается. Томпик громко засмеялся во сне: как же это, мол, так, почему никто до сих пор не додумался летать? Это же легче и проще, чем ходить, думал он во сне. Надо будет завтра попробовать.

Три ночи подряд снился ему этот приятный сон. Он испытывал чувство такой легкости... Да, хорошо, если бы можно было летать так просто: слегка оттолкнешься ногой, и...

Томщик оглянулся. Кругом никого. Томщик так, скорее спутки ради, разбежался и оттолкнулся левой ногой, словно прыгая через лужу... и вдруг вознесся на три-четыре метра и описал невысокую дугу над землей. Он даже не удивился: это и в самом деле оказалось совсем просто и лишь приятно волновало, как катание на карусели. Томщик чуть не закричал в мальчишеском восторге. Пролетев метров тридцать, он уже приблизился было к земле, но увидел, что опускается в самую грязь. Тогда Томщик заболтал ногами, как делал во сне, и в самом деле опять взлетел повыше, пролетел еще метров пятнадцать и легко опустился за спиной какого-то прохожего, шагавшего из Страшилице. Тот подозрительно оглянулся: ему явно не понравилось, что рядом с ним появился человек, шагов которого он не слышал. Томщик обогнал его с самым непринужденным видом, хотя в душе немножко побаивался, как бы, сделав слишком энергичный шаг, не оторваться от земли и не взлететь снова.

«Надо это хорошенъко проверить», — сказал он себе и той же пустынной дорогой направился домой. Но, как назло, ему то и дело стали попадаться прохожие — то влюбленные парочки, то железоподорожники. Тогда он свернул на пустырь, где годами была городская свалка. Уже совсем стемнело, но Томщик не хотел откладывать испытание, опасаясь, что до завтра разучится летать. Он оттолкнулся очень робко, взлетел на какой-нибудь метр и довольно тяжело опустился на землю. Во второй раз он помогал себе руками, словно плавая, пролетел добрых метров восемьдесят, даже сделал полукруг и сел на землю легко, как стрекоза. Томщик хотел попытать счастье еще раз, но тут на него упал сноп света и грубый голос спросил:

— Вы что тут делаете?

Это был полицейский патруль.

Томшик страшно смущался и забормотал, что он тут «немного упражняется».

— Пробовали вайт упражняться куда-нибудь подальше! — гаркнул полицейский. — Здесь нельзя!

Томшик, правда, не понял, почему здесь нельзя, а в другом месте можно, но так как он был дисциплинированный гражданин, то пожелал полицейскому спокойной ночи и поспешно удалился, опасаясь только одного — как бы, упаси боже, опять не взлететь: окажешься, чего доброго, на подозрении у полиции. Только возле государственного института здравоохранения он снова подпрыгнул, легко перескочил через ограду и, помахивая руками, пролетел над институтским садом и спланировал на Королевом проспекте, прямехонько перед какой-то служанкой с кувшинчиком пива. Та взвизгнула и пустилась наутек. Томшик прикинулся, сколько он пролетел: метров двести. Неплохо для начала!

В последующие дни он усердно тренировался, разумеется только ночью и в уединенных местах, чаще всего близ Еврейского кладбища в Ольшанах. Он пробовал разные приемы, например взлет с разбега и крутой подъем с места. Без труда, действуя только ногами, он поднимался на высоту до ста метров, но выше не рисковал. Потом он пригляделся осваивать разные виды спуска — плавное приземление и замедленное падение, — все зависело от того, как работаешь руками. Томшик овладевал изменением скорости и направления, пробовал летать против ветра, с грузом, парить на разных высотах и так далее. Дело шло как по маслу, и он еще больше удивлялся, почему же люди не додумались летать. Видно, лишь потому, что до сих пор никто не пробовал...

Однажды Томшик продержался в воздухе целых семь-надцать минут, но под конец налетел на телефонные провода и поспешил спуститься. Как-то ночью, тренируясь на

Русском проспекте, он с высоты четырех метров заметил под собой двух полицейских. Томшик тотчас же свернулся в сторону садов, окружавших особняки. Ночную тишину прорезали пронзительные полицейские свистки. Через несколько минут Томшик уже пешком вернулся к тому месту и увидел, что шестеро полицейских с фонариками обшаривают палисадники, ища вора, который «у них на глазах перелезал через ограду».

Только теперь Томшик сообразил, что умение летать сулит невиданные возможности, но никак не мог придумать, как же их использовать. Однажды ночью он соблазнился открытым окном в четвертом этаже дома на площади св. Иржи. Легко оттолкнувшись от земли, Томшик достиг окна и уселся на подоконнике, не зная, что делать дальше. Из комнаты доносился храп крепко спящего человека. Томшик влез в комнату. Красть он не собирался и потому стоял, объятый сильным смущением, какое мы обычно испытываем, случайно оказавшись в чужом жилье. Потом вздохнул и полез обратно в окно. Но надо же оставить хоть какой-нибудь след, какое-нибудь свидетельство своего спортивного достижения! Томшик извлек из кармана листок бумаги и написал на нем карандашом: «Был здесь! Мститель Икс». Он положил записку на иной столик и тихо спустился по воздуху вниз. Дома выяснилось, что листок бумаги был конвертом с его адресом и фамилией. Но у Томшика уже не хватило смелости вернуться. Несколько дней он продолжал в ожидании сыщиков из полиции, но, как ни странно, никаких осложнений не последовало.

Наконец Томшику стало уже невтерпеж: полеты остаются для него всего лишь тайным развлечением, а ему хотелось сделать их достоянием гласности. Но как? Ведь летать так просто: оттолкнешься ногой, слегка взмахнешь руками — и лети себе, как птичка... Может быть,

это станет новым видом спорта. Или, например, вполне возможно разгрузить уличное движение, если люди начнут передвигаться по воздуху. Можно будет обойтись без лифтов. И вообще возможности громадные. Представление о них было у Томшика, правда, самое смутное, но, в конце концов, все образуется. Каждое великое открытие сперва казалось безделкой.

У Томшика был сосед по дому, этакий упитанный молодой человек по фамилии Войта. Он работал в газете, кажется, был репортером спортивного отдела. И вот однажды Томшик зашел к этому Войте и, немного помявшись, объявил, что может показать соседу кое-что интересное. Вид у него был очень таинственный, так что Войта подумал: «Ну и пу!», но все же дал себя уговорить, и около девяти вечера они вместе отправились к Еврейскому кладбищу.

— Теперь глядите, господин репортер, — сказал Томшик, оттолкнулся ногой от земли и взлетел на высоту примерно пяти метров. Там он начал выделывать всякие выкрутасы: спускался до самой земли, снова поднимался, махая руками, и даже провисел в воздухе неподвижно целых восемь секунд.

Войта стал страшно серьезен и попытался выяснить, как это Томшику удается. Тот терпеливо объяснял: надо только оттолкнуться ногой — и готово. Нет, господин Войта, это совсем не спиритическое явление, и здесь нет никакой сверхъестественной силы, не требуется даже напряжения мышц или воли. Подпрыгнишь и летишь...

— Да вы попробуйте сами, господин репортер, — уговаривал Томшик, но Войта только качал головой.

— Нет, — задумчиво сказал он, — здесь не обходится без какого-то фокуса. Но я до него доберусь. А пока, господин Томшик, не демонстрируйте этого больше никому.

На другой день Томшик летал над Войтой с пятикилограммовыми гирями в руках. Это оказалось потруднее, и он достиг всего лишь трех метров высоты, по Войта был доволен. После третьего раза репортер сказал:

— Слушайте, господин Томшик, не хочу пугать вас, но дело очень серьезное. Подобные полеты без помощи какого-либо аппарата могут иметь важнейшее значение, например оборонное, понимаете? Вами должны заняться специалисты. Надо продемонстрировать ваши ловости экспертам, господин Томшик. Я все устрою.

И вот в один прекрасный день Томшик предстал в трусиках перед четырьмя экспертами во дворе Государственного института физической культуры. Он страшно стеснялся своей наготы, волновался и дрожал от холода, но Войта был неумолим: надо, мол, непременно в трусиках, чтобы было видно, как работают мышцы. Один из экспертов, толстый и лысый, оказался университетским профессором физкультуры. Вид у него был совершенно неприступный, а на лице написано, что, мол, с научной точки зрения все это чушь. Он нетерпеливо поглядывал на часы и что-то ворчал.

— Ну-с, господин Томшик, — не без волнения сказал Войта. — Для начала давайте с разбегу.

Томшик испуганно рванулся вперед.

— Погодите, — остановил его другой эксперт. — У вас совершенно неправильный старт. Центр тяжести тела надо перенести на левую ногу. Понятно? Повторите!

Томшик вернулся и попытался перенести центр тяжести на левую ногу.

— А руки, руки! — поучал эксперт. — Вы же не знаете, куда их деть! Держите их так, чтобы не мешать развороту грудной клетки. И потом, вы при разбеге задержали дыхание, этого нельзя. Дышать надо медленно и глубоко. Ну-ка, еще раз!

Томшик растерялся. Теперь он и в самом деле не знал, куда деть руки и как дышать. Он смущенно топтался на месте, стараясь сообразить, где у него центр тяжести.

— Вперед! — крикнул Войта.

Томшик неуверенно замахал руками и побежал. Едва он оттолкнулся от земли, как тренер сказал:

— Погодите, плохо!

Томшик хотел остановиться, но уже не мог. Он вяло оттолкнулся левой ногой, взлетел на полметра и, повинувшись тренеру, тотчас же опустился на землю и остался стоять.

— Совсем плохо! — воскликнул тренер. — А приседанио где? Падать надо на носки и пружинить, приседая на корточки. А руки выбрасывать вперед, понятно? Чтобы передать им инерцию падения, это вполне естественное движение. Погодите, — продолжал он, — я вам, покажу, как надо прыгать. Смотрите на меня внимательно. — Он скинул пиджак и вышел на старт. — Обратите внимание: вся тяжесть тела — на левую ногу. Нога полусогнута, и тело подалось вперед. Локти отвести назад и тем самым развернуть грудную клетку. Делайте, как я!

Томшик повиновался. В жизни он не принимал такой неудобной позы.

— Надо будет вам поупражняться, — заметил тренер. — А теперь смотрите! Оттолкнуться и бежать! — Он устремился вперед, пробежал шесть шагов, оттолкнулся, прыгнул, красиво взмахнул руками и элегантно упал на корточки, выбросив перед собой руки. — Вот как это делается! — сказал он, подтянув брюки. — Повторите!

Подавленный Томшик вопросительно взглянул на Войту. Обязательно нужно так?

— Ну-ка, еще раз! — сказал тот, и Томшик скрючился в предписанной ему позе. — Вперед!

Томшик все перепутал и побежал не с той ноги. «Может быть, это неважно, если я выброшу руки, как он велел, и сделаю это приседание», — испуганно думал он на бегу и чуть не забыл подпрыгнуть. Но вот он быстро оттолкнулся от земли... «Только бы упасть с приседанием», — мелькнуло в его голове. Томшик подпрыгнул на полметра и упал, пролетев метра полтора. Потом он торопливо присел на корточки и выбросил руки вперед.

— Но ведь вы не летели, господин Томшик! — воскликнул Войта. — Пожалуйста, повторите!

Томшик снова разбежался и прыгнул всего на метр сорок, но зато упал на носки с приседанием и вовремя выбросил руки. Он был весь в поту, и сердце у него бешено колотилось. «Боже, отвязались бы они от меня», — думал он.

Потом он прыгал еще два раза, но от дальнейших попыток пришлось отказаться.

С того дня Томшик больше не умел летать.

ПОБАСЕНКИ БУДУЩЕГО

В ВЕК ПОДЗЕМНЫХ ЖИЛИЩ

Подумать только, были времена, когда люди строили свои жилища на поверхности земли. Ну и дикое было время!

САНИТАРНАЯ КОМИССИЯ

Ваша пещера антисанитарна, в нее проникает воздух!

НАУКА

...тогда считали, что земная атмосфера состоит из кислорода, водорода, азота и редких элементов в газообразном состоянии.

Ужас! Такое невежество!

РЕБЕНОК

Мамочка, что такое «голубая дымка гор»?

МОРАЛЬ

Незакрытое лицо — это неприлично! Порядочную девушку никто не должен видеть без противогаза!

МАТЬ

— Что натворил ваш мальчуган?

— Представьте, чуть было не вылез на поверхность земли, озорник!

ЧИТАТЕЛЬ

— Чему ты так смеешься?

— Да вот читаю в старинной книге какое-то «описание природы».

ДОМОВЛАДЕЛЕЦ

Если вы не внесете в недельный срок квартирной платы, я выброшу вас из этого подвала на солнце.

РОСКОШЬ

Смотри-ка, как они шикуют: заказали для своей пещеры искусственные сталакиты.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Доктор советует мне перенести климат. Ищу пещеру где-нибудь в пермских отложениях.

ЗАВИСТЬ

Ему-то что, он по протекции получил квартиру в Випоградском туннеле.

ПАМЯТНИК

— А для чего вот эта шахта?

— Тут будет торжественно засыпан подземный памятник нашему вождю.

ИДЕАЛЬНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

— А крыс у вас здесь нет?

— Что вы! Тут ни одна крыса не выдержала бы...

РАЗНИЦА

Лучше всего живется в известняке. Гранит немножко холoden и темноват.

МОЛОДАЯ ЖЕНА

Под землей у нас будет верандочка, и я там разведу грибки и плесень в вазочках,

СОСЕДКИ

Это ужасно: воздух споva подорожал!

ВОСПОМИНАНИЕ

Вот уже год, как мы похоронили папу на поверхности земли.

ПЕЩЕРНЫЕ ЛЮДИ

— Посмотрите, я откопал тут какой-то древний очаг.

— Не болтай зря!.. Будто люди уже находились когда-то на таком высоком уровне культуры, чтобы жить в пещерах?

КАНАЛИЗАЦИЯ

Эти глупые люди прежде строили такие узкие коридоры!

ВОЗДУХОЛАЗ

Жена, подай скафандр. Пойду выныривать.

МАЛЬЧИК

- Папа, что такое мир?
- Не знаю. Не спрашивай о таких глупостях.

МИФ

- Будто бы когда-то жили на поверхности земли?
- Сказки. С научной точки зрения это абсурд.

В 2500-м ГОДУ

- ...вернулся и утверждает, что наверху, на поверхности земли, можно совершенно свободно дышать.
- Допустим. Но что же из этого?

ПРИМЕЧАНИЯ

R. U. R.

Пьеса «R.U.R.» была написана Чапеком весной 1920 года, впервые поставлена в январе 1921 года.

Стр. 33. *В тысяча девятьсот тридцать втором году — ровно через четыреста лет после открытия Америки* — В действительности Америка была открыта в 1492 году, то есть не за четыреста, а за четыреста сорок лет до указанной Домином даты.

Стр. 41. *Марий и Сулла были полководцы и воевали друг против друга в... каком же году?* — Марий Гай (156—86 годы до н. э.), Сулла Луций Корнелий (138—78 годы до н. э.) — римские государственные деятели и полководцы, представлявшие интересы враждебных друг другу группировок рабовладельческого общества. Борьба между Марием и Суллой принесла форму гражданской войны в 89—88 годах до н. э.

Стр. 46. *Армия Спасения* — реакционная религиозно-благотворительная организация, основанная в 1865 году в Лондоне священником Бутсом и развернувшая свою деятельность во многих капиталистических странах; члены ее, подражая регулярной армии, носят особую форму и подразделяются на «солдат», «офицеров» и «генералов».

Стр. 125. *Праздник дня шестого!* — День шестой — последний день творения, согласно библейской легенде о сотворении мира.

Средство Макропулоса

Комедия «Средство Макропулоса» была написана в 1922 году и в ноябре того же года впервые поставлена на сцене.

Стр. 129. *Нынешней зимой вышло новое произведение Бернарда Шоу «Назад к Мафусаилу».* «Назад к Мафусаилу» (1921) —

философская драма в пяти частях, раскрывающая взгляд Шоу на историю и смысл существования человечества; для того чтобы люди стали разумными и не повторяли ошибок предыдущих поколений, он считает необходимым продлить срок их жизни по крайней мере до 300 лет, так сказать до «Мафусайлова века». (Мафусайл — библейский патриарх, проживший, по преданию, 969 лет. Имя его стало нарицательным для обозначения долголетия.) Комедия Чапека во многом представляет собой полемику с пьесой Шоу. Вместе с тем можно отметить ряд совпадений в пьесах английского и чешского писателей. Так, монолог Витека и ответ Коленатого в 3-м действии «Средства Макропулоса» перекликаются с рядом мыслей и реплик «Евангелия братьев Барнабас», второй части произведения Шоу, с которой, видимо, и был знаком Чапек.

Стр. 130. *Я имею в виду «Жизнь насекомых»* — Речь идет о философской комедии братьев Чапек «Из жизни насекомых». Впервые она была поставлена в пражском Национальном театре 8 апреля 1922 года (режиссер К. Г. Гилар, художник Иозеф Чапек) и вскоре появилась на сценах Германии, Англии и Америки. Комедия представляла собой острую сатиру на буржуазную любовь, собственничество, милитаризм, которые персонифицированы в ней в виде беззаботных бабочек, домовитых павозных жуков и воинственных муравьев. Защищаясь от обвинений критиков в пессимизме, братья Чапек заявляли в предисловии к первому книжному изданию комедии (Прага, «Авентинум», 1922): «Мы писали не о людях и не о насекомых: мы писали об определенных пороках. И, право, нет в том никакого мрачного пессимизма, если мы найдем, что порок — это нечто отвратительное и пичтожное». Однако в определенной степени критика была права: комедия звучала пессимистически, так как пороки разлагающегося капиталистического общества в ней трактовались как отрицательные качества, присущие человеку вообще.

Стр. 131. *Кассандра* — дочь Приама, царя малоазиатского города Трои. Согласно древнегреческим сказаниям, бог Аполлон наделил Кассандру даром прорицания, но, когда она отвергла его любовь, внушил всем недоверие к ее пророчествам.

Стр. 136. *Марат Жан Поль* (1743—1793) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII века, талантливый оратор и публицист, непримиримый враг контрреволюционной аристократии и буржуазии; за отставание интересов

трудящихся масс был прозван Другом народа; 13 июля 1793 года убит коптреволюционеркой Шарлоттой Корде.

Дантон Жорж Жак (1759—1794) — видный политический деятель периода французской буржуазной революции конца XVIII века; первоначально выступил как один из вождей якобинцев, представителей демократических позиций; проявил большую решительность, энергию и смелость в организации обороны Франции от интервентов; в своих пламенных речах беспощадно клеймил контрреволюционную аристократию, призывая народ расправиться с ней; впоследствии, выражая стремления новой буржуазии, выступил за соглашение с консервативными элементами, был обвинен в измене и по решению революционного трибунала казнен 5 апреля 1794 года.

Стр. 144. *Терезианская академия* — аристократическое военное учебное заведение в Вене, основанное австрийской императрицей Мария Терезией (1717—1780).

Стр. 167. *Страда дель По* Анна Мария; *Корона*; *Агуяри Лукреция*; *Бордопи Фаустина* — известные итальянские певицы XVIII века.

Стр. 496. *Арсен Люпен* — вор-джентльмен, герой ряда детективных романов и рассказов французского писателя Мориса Леблана (1864—1925).

Стр. 204. *Рудольф II Габсбург* (1552—1612) — король Чехии и Венгрии, император так называемой Священной Римской Империи в 1576—1612 годах; покровительствовал наукам и искусствам; при его дворе наряду с настоящими учеными подвизались алхимики, астрологи и хироманты.

Война с саламандрами

Стр. 229. *Батаки* — малайская народность, населяющая центральные районы острова Суматра.

Кубу — группа полуоседлых или недавно перешедших к оседлости туземных племен на острове Суматра.

Стр. 231. «*Батя*» — мировой концерн, созданный чешским обувным королем Томашем Батей.

Стр. 241. «*Тодди*» — пальмовая водка.

Стр. 245. *Пан Голомбек и пан Валента* — Голомбек Бедржих (род. в 1901), Валента Эдуард (род. в 1901) — коллеги Карела Чапека по газете «Лидове новинны», издававшейся в городе Брно; авторы ряда очерковых книг и романов.

Стр. 246. ...вроде этого эскимоса Вельцля... — Вельцль Ян (род. в 1868), по происхождению чех, провел большую часть своей жизни в странствиях. Переменив ряд профессий, он оказывается в качестве золотоискателя, рыбопромышленника и торговца за Полярным кругом, в Сибири и на Аляске и на некоторое время становится главой племени эскимосов. В 1928 году Вельцль возвращается на родину, где его устные рассказы о пережитых приключениях производят сенсацию. Бедржих Голомбек и Эдуард Валента «открыли» Вельцля для литературных кругов Брно. В конце 20-х и начале 30-х годов чешский писатель и журналист Рудольф Тесноглидек, а затем Голомбек и Валента издали ряд книг о путешествиях Вельцля.

Стр. 277. *Фриско* — жаргонное название города Сан-Франциско (США).

YMCA (Young Men's Christian Association) — «Ассоциация молодых христиан», американская реакционная религиозно-просветительская организация.

Стр. 294. ...подобно шиллеровскому рыцарю, который спустился на арену к львам за перчаткой своей дамы... — Имеется в виду сюжет баллады великого немецкого поэта Фридриха Шиллера (1759—1805) «Перчатка» (1797).

Стр. 301. *«Торговый флаг»* — Популярный фильм американского режиссера Уильяма ван Дика (1899—1944), выпущенный в 1931 году.

Стр. 309. *Предливочная фауна* — Правильно: преддиловиальная фауна, то есть допотопная фауна (diluvium — потоп, лат.); устаревший палеонтологический термин, связанный с представлением о том, что вымершие ископаемые погибли во время «всемирного потопа».

Стр. 315. *Иоганн Якоб Шейхцер* (1672—1738) — Швейцарский естествоиспытатель, геолог и палеонтолог; открытие, о котором говорится в тексте, сделано Шейхцером в 1700 году.

Стр. 326. *Мей Уэст* (род. в 1892) — Известная американская опереточная и драматическая актриса, одна из кинозвезд Голливуда; автор пьесы «Sex» («Чувственность», 1926).

«Генрих Восьмой» — «Частная жизнь Генриха VIII» — реакционно-монархический кипибоевик, поставленный в 1933 году английским режиссером Александром Корда (род. в 1893).

Стр. 336. *Лемурия* — По предположению английского зоолога и зоографа Ф. Л. Скелетера (1829—1913), на месте нынешнего Индийского океана находился материк, соединявший современную Африку с Индией и Индонезией; в результате смещения земной коры так называемая Лемурия опустилась и была затоплена.

Стр. 337. *Гыбловский журнал «Гиллос»* — Гыбл Ян (1786—1834) — деятель чешского национального возрождения; писатель, переводчик, редактор; в 1821—1822 годах издавал научный журнал «Гиллос».

«Млекопитающие» Яна Сватоплuka Пресла — Пресл Ян Сватоплук (1791—1849) — выдающийся деятель чешского национального возрождения; энциклопедически образованный ученый, виднейший популяризатор естественных наук. Труд Пресла «Млекопитающие, систематическое руководство для самообучения», написан в 1834 году.

«Основы природоведения, или физики» Войтеха Седлачка — Седлачек Иозеф Войтех (1758—1836) — чешский писатель и учёный; «Основы природоведения или физики и математики, относительной либо смешанной» (1825—1828) — первое крупное научное сочинение в области физики и математики, написанное на чешском языке.

«Крок» — чешский научный журнал, выходивший в 1821—1840 годах, объединял передовых деятелей чешской науки эпохи национального возрождения.

«Ежегодник Чешского музея» — научный журнал, издававшийся с 1827 года национальной просветительной организацией — «Чешской матицей».

...в пресловском переводе «Рассуждений о катаклизмах земной коры» Кювье (1834)... — В 1834 году Ян Сватоплук Пресл издал книгу Ж. Кювье «Рассуждения о катаклизмах земной коры и об изменениях, производимых ими в животном мире» (1812), снабдив ее предисловием и биографией Кювье и дополнив теорию французского ученого изложением взглядов других геологов, а также собственными замечаниями.

Стр. 338. «О человекоедах» — В оригинале эта газетная вырезка дана готическим шрифтом с сохранением особенностей

чешского правописания начала XIX века. Дальнейшие рассуждения профессора Угера набраны латинским шрифтом, но также с сохранением старочешского правописания; подчеркивая, таким образом, духовное родство персонажа с деятелями науки начала XIX века, Чапек иронизирует над устаревшими телевологическими концепциями современных ему чешских ученых.

Стр. 353. *Поль Адан* (1862—1920) — реакционный французский писатель, в творчестве которого преобладали эротические мотивы и проповедь аморализма.

Олдос Хаксли (род. в 1894) — буржуазный английский писатель; в утопии «Новый прекрасный мир» (1932) изобразил людей будущего как последовательных аморалистов.

Стр. 395. *Мадлен Рош* (1885—1930) — известная французская драматическая актриса.

Генри (Кульсон) *Бонд* — президент английской национальной ассоциации сталепромышленников.

Тони Вайсмюллер — Вайсмюллер Джонни (род. в 1904) — американский пловец; с 1932 года снимался в Голливуде; приобрел мировую известность, исполнив роль в фильме о Тарзане.

Стр. 397. *Франсуа Конье* (1842—1908) — официозный французский поэт, новеллист, автор исторических драм, стоявший на реакционных позициях.

Стр. 400. *Pigeon English* — («пиджи-инглиш») — колониальный жаргон, распространенный в странах Тихого океана; представляет собой сочетание английских корней с морфологическими формами китайского языка.

«*Открытые врата речи*» (лат.) — ироническая параллель к знаменитому лингвистическому сочинению великого чешского педагога Яна Амоса Коменского (1592—1670) «*Janua linguarum regerata*» («Раскрытая дверь к языкам», 1631).

Стр. 403. ...«*Не верьте никому на свете, у нас друзей там нет ни однога...*» — Чапек цитирует строки из стихотворения выдающегося чешского поэта Сватоплуга Чеха (1846—1908) «*Не верим никому...*»

Стр. 404. *Яромир Зейдел-Новоместский, Генриэтта Зейдлова-Хрудимская, Богумила Яйдова-Стрешновицкая* — Чапек иронизирует над чешскими писателями конца XIX — начала XX веков,

добавлявшими к своей фамилии псевдоним; как правило, это были авторы псевдопатриотических и псевдонародных произведений.

Стр. 405. ...висят ли еще на Мостовой башне головы казненных чешских панов?.. — В Праге на Староместской башне Карлова моста были вывешены головы двадцати семи руководителей чешского восстания против власти австрийской династии Габсбургов, которые после поражения в битве у Белой Горы (1620) были захвачены в плен императорскими войсками и 21 июня 1621 года казнены.

Белогорским разгромом и трехсотлетним порабощением — После поражения чешского дворянства в битве у Белой Горы (8 ноября 1620 года) Чехия на 300 лет (до 1918 года) лишилась государственной самостоятельности.

Стр. 406. ...«Блажен, кто вырастил для родины своей одну хотя бы розу, один хотя бы черенок»... — Строки из стихотворения чешского поэта-классика Франтишека Ладислава Челаковского (1799—1852), которое входит в его сборник «Роза столицая».

Болеслав Яблонский — псевдоним чешского сентиментально-романтического поэта Карела Эугена Тупого (1813—1881).

Стр. 407. *Липаны* — село под Прагой, близ которого в мае 1434 года произошла кровопролитная битва, приведшая к поражению тaborитов — левого крыла чешского социального и национально-освободительного движения начала XV века.

Приматор доктор Бакса — Бакса Карел (1863—1927) — глава Праги в 1919—1927 годах, член шовинистской национал-социалистической партии.

Стр. 427. *Поль Маллори* — ироническое сочетание имен и фамилий двух французских поэтов-декадентов Стефана Малларме (1842—1898) и Полля Валери (1871—1945), для творчества которых была характерна стилизация античных мотивов.

Стр. 429. ...вы приходите к нам не как Афродита Пенорожденная, но как Паллада Анадиомена... — Древнегреческая богиня войны и мудрости Афина Паллада, согласно мифу, выпала в шлеме и панцире из головы верховного бога Зевса; Анадиомена — одно из имен Афродиты, указывающее на ее рождение из пены морской.

Стр. 431. ...спор между старосаламандрами и младосаламандрами... — Намек на борьбу между старочехами и младочехами — консервативной и либеральной партиями чешской буржуазии конца XIX—начала XX веков. Старочехи в области культурной политики были сторонниками национальной обособленности, боясь проникновения революционных идей с «развращенного» Запада. Младочехи слепо и некритически стремились перенять буржуазную цивилизацию более развитых капиталистических стран.

Стр. 437. Жюль Зауэрштог — Имеется в виду Жюль Зауэрвайи, редактор отдела иностранной политики в ряде крупных парижских буржуазных газет.

Стр. 440. Тлаченка — колбаса из рубцов, чешское национальное блюдо.

Стр. 450. Столкновение в Нормандии — Реальною основой этой главы были крестьянские волнения во Франции в конце 1933 — начале 1934 годов в связи с низкими ценами на сельскохозяйственные продукты.

Стр. 455. ...но тут своевременно вмешался министр земледелия Монти — Намек на действия французского министра общественных работ Пьера Этьена Фланделена (род. в 1889), который в целях ликвидации кризиса сбыта винограда издал декрет об уничтожении пессортовых гибридных виноградников; эта мора была принята в интересах крупных землевладельцев, так как пессортовыми виноградниками владело беднейшее крестьянство.

...в связи с финансовым скандалом вокруг дела ладам Тэплер — Намек на ряд политических и финансовых скандалов, разыгравшихся во Франции в начале 30-х годов, в частности на дело авантюриста А. Стависского, который при поддержке правительственный кругов выпустил фальшивые акции на сумму пятьсот миллионов франков, что привело к разорению тысяч мелких акционеров; дело Стависского вызвало затяжной правительственный кризис.

Стр. 463. ...французский журналист маркиз де Сад... — Намек на Донасена-Альфонса-Франсуа, графа де Сад (литературное имя — маркиз де Сад) (1740—1814) — французского порнографического писателя; в жизни соединял преступную жестокость о развратом (отсюда происходит и слово «садизм»).

Стр. 493. ...*блокаду Британских островов, за исключением Ирландского свободного государства...* — Чапек оказался прав в своем предсказании. Ирландское свободное государство (Эйре), буржуазное правительство которого уже в начале 30-х годов проводило профашистскую политику, в период второй мировой войны под видом «нейтралитета» оказывало прямую поддержку гитлеровской Германии.

Стр. 494. *Вадуэ* — столица княжества Лихтенштейн, находящегося в Альпах между Австрией и Швейцарией.

Стр. 495. «*Нам нужно Сто Тысяч Самолетов...*» — Намек на события 1934 года, когда в ответ на гонку вооружений в Германии английский премьер-министр Стэнли Болдуин (1867—1947) огласил широковещательную программу воздушных вооружений Великобритании.

Стр. 505. ...*провинции Аньхуэй, Хэнань, Цзянсу, Хэбэй и Фуцзяни...* — В сентябре 1935 года японскими импералистами был выдвинут проект «автономии» пяти северных провинций Китая; по существу, Япония планировала их захват. Чапек намекает на эти события.

Стр. 521. ...*Андреас Шульце, во время мировой войны он был где-то фельдфебелем...* — Намек на то, что Адольф Гитлер (Шикльгрубер) во время первой мировой войны был ефрейтором в германской армии.

Фантастические рассказы

ОФИР

Рассказ «Офири» впервые опубликован 13 ноября 1932 года в газете «Лидове новины».

Стр. 527. *Офири* — легендарная сказочная страна. Предание об Офири было широко распространено в итальянской средневековой литературе.

Стр. 528. *Муранское стекло* — стекло, выработанное в итальянском городе Мурано, старинном центре стекольной промышленности; славилось высоким качеством.

Стр. 530. *Тициан, Вечеллио* (род. ок. 1477 года, по другим данным — в 1487—1488, ум. в 1576 году) — знаменитый итальян-

ский художник, крупнейший представитель венецианской школы живописи. Тициан с большим мастерством передает прелесть и очарование женской красоты.

ОРЕОЛ

Рассказ «Ореол» впервые опубликован в газете «Лидове новинны» 24 апреля 1938 года.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УМЕЛ ЛЕТАТЬ

Рассказ «Человек, который умел летать» был впервые опубликован в газете «Лидове новинны» 1 мая 1938 года.

ПОБАСЕНКИ БУДУЩЕГО

«Побасенки будущего» были впервые опубликованы в газете «Лидове новинны» 20 мая 1934 года.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>C. Никольский. Фантастические произведения Карела Чапека</i>	5
<i>R.U.R. Перевод Н. Аросевой</i>	25
<i>Средство Макропулоса. Перевод Т. Аксель</i>	127
<i>Война с саламандрами. Перевод А. Гуровича</i>	227
<i>Фантастические рассказы</i>	525
<i>Офири. Перевод П. Аросевой</i>	527
<i>Ореол. Перевод Ю. Молочковского</i>	535
<i>Человек, который умел летать. Перевод Ю. Молочковского</i>	544
<i>Побасенки будущего. Перевод Д. Горбова и Ю. Молочковского</i>	552
<i>Примечания</i>	556

К. ЧАПЕК

R. U. R.

*Средство Макропулоса
Война с саламандрами
Фантастические рассказы*

Редактор Е. Г. Ванслова

Художник В. Г. Алексеев

Художественный редактор Ю. Л. Максимов

Технический редактор А. Г. Резоухова

Сдано в производство 8/XII 1965 г.

Подписано к печати 6/III 1966 г.

Бумага 70 × 108^{1/32} = 8,88 бум. л., 24,85 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 24,43. Изд. № 12/3586.

Цена 1 р. 42 к. Зак. 2123

(Темплан 1966 г. изд-ва «Мир», пор. № 226)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Измайловский пр., 29.

Суперобложка отпечатана
на 1-й фабрике офсетной печати,
Ленинград, Кронверкская, 9.

141

